

Труды Восточно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Томъ V.

М. Н. Хангаловъ.

Балагакскій Сборникъ.

Сказки, повѣрья и нѣкоторые обряды
у сѣверныхъ бурятъ.

Подъ редакціей Г. Н. Потанина.

ТОМСКЪ.

Паровая типо-литографія П. И. Макушина, Благовѣщ. пер., собств. д.

1903.

Печатано по распоряженію Распорядительнаго Комитета Восточно-Сибирскаго Отдѣла
Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

26186-43
ИМПЕРАТОРСКОЕ
РУССКОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ
ОБЩЕСТВО
САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ

2004127620

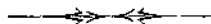
ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе		Ласточка	—
Война Абай-Гесэръ-Богдо-хана съ Лобсоголдой-хара-маатгахаемъ 1		Журавль	211
Война Абай-Гесэръ-Богдо-хана съ Галь-Дблмб-ханомъ 20		Лебедь и гусь	—
Отрывки изъ повѣсти объ Абай- Гэхэръ-Богдо-ханѣ 40		Птица буха-шубунъ	—
Ута-Саганъ-багаръ 42		Змѣи	212
Эрэ-Тохоло-мѳргбъ 79		Лягушка	215
Царь Баянъ-Хара 122		Рыба	—
Богатый царь Бадма 152		Человѣкъ-рыба	—
Ангахай мѳргбъ 167		Черви	216
Охотникъ 174		Пчела	—
Чингисъ-ханъ:		Муравей	—
А. Рожденіе Чингисъ-хана 181		Травы	—
Б. Изобрѣтеніе вина Чингисъ- ханомъ 182		Боярышникъ	217
Обогонъ 185		Шаманъ-дерево	—
Гора Мѳнгбто-уда 186		Дерево съ огнемъ и холодное де- рево 218	
Никола-бурханъ —		Табакъ —	
Небо и земля 187		Летающіе орѣхи и хлѣбныя зерна 219	
Цари земли 189		О домѣ и домашнихъ предметахъ —	
Открытіе дверей неба 190		Хуръ 220	
Небесныя и атмосферныя явленія 191		Унты и рукавицы изъ человѣчес- кой кожи 221	
Первая чета 192		Домашній скотъ 222	
Царство дѣвицъ —		Вино 225	
Собачье царство 193		О человѣкѣ —	
Огонь 196		О дѣтяхъ 228	
Медвѣдь 197		Душа человѣка 230	
Лисица 198		Зааши 231	
Сурокъ 199		Доля 235	
Волкъ —		О покойникахъ 237	
Мышь 200		Смерть 238	
Хунъ-гѳрбхбъ 203		Сновидѣнія —	
Крылатый конь 204		О могилахъ 239	
Перелетъ птицъ —		О духахъ 240	
Му-шубунъ —		Ала 243	
Филинъ 207		Людѣды 244	
Воронъ 208		О кладяхъ —	
Черная галка 209		Зарываніе поствѣда 245	
Сорока —		Судъ старухъ 247	
Коршунъ —		Похороны скупого хозяина 251	
Удодъ —		Дѣтскія игры 252	
Турпанъ 240		Годъ 253	
Птица утаргалжинъ —		Примѣчанія 255	
		Указатель собственныхъ именъ 279	
		Предметный указатель 283	

Предлагаемыя сказки записаны г. Хангаловымъ отъ бурятъ Унгинскаго вѣдомства Балаганскаго уѣзда, Иркутской губерніи. М. Н. Хангаловъ давно уже извѣстенъ, какъ собиратель этнографическихъ матеріаловъ о сѣверныхъ бурятахъ, которые онъ отъ времени до времени публикуетъ преимущественно въ изданіяхъ Восточно-Сибирскаго Отдѣла Имп. Русск. Географич. Общества. Въ Запискахъ Отдѣла (т. I, в. 1) напечатаны его «Бурятскія сказки и повѣрья» (Ирк., 1889) и (т. I, в. 2) «Новые матеріалы о шаманствѣ у бурятъ»; въ Извѣстіяхъ Отдѣла (т. XIX, в. 3) статья «Зэгэтэ-аба, облава на звѣрей у древнихъ бурятъ»; въ «Этногр. Обзор.» (М. 1891), въ кн. X: «Нѣсколько данныхъ для характеристики быта сѣверныхъ бурятъ».

Печатаніе этой книги въ Томскѣ, вдали отъ бурятской территоріи, помѣшаломнѣ войти въ дѣятельныя сношенія съ г. Хангаловымъ, а также и другими лицами, а потому нѣкоторыя темныя слова и выраженія остались безъ необходимаго объясненія.

Г. П.

Война Абай-Гэсэръ-Богдо-хана съ Лобсоголдой-хара-мангатхаемъ.

Прямо на восточной сторонѣ, въ мѣстности далекой, въ странѣ, называемой Хонинь-хотонь *) (страна эта высохшая и выдутая вѣтромъ), въ странѣ мангатхаевъ, въ той странѣ туманной, въ которой люди блуждаютъ,—въ этой самой странѣ родился, превратившись**), Лобсоголдой-хара-мангатхай; онъ имѣеть желѣзный дворець въ длину и ширину шестьдесятъ верстъ; кромѣ того имѣеть множество разнаго скота и подданныхъ. Въ ѣздѣ пріятный конь его Лобъ-хара.

Однажды Лобсоголдой-хара-мангатхай десять волшебствъ своихъ заставиль бѣгать по ладони и двадцать превращеній своихъ заставиль бѣгать по пальцамъ. Послѣ этого онъ поймалъ своего коня Лобъ-хара, положиль на него холщевый лотникъ, осѣдалъ его деревяннымъ сѣдломъ и, взявши въ руки въ сорокъ пудовъ желѣзный молотъ, сѣлъ на коня и поѣхалъ прямо на сѣверную сторону. Ыхалъ, ѣхалъ и ѣдетъ. Все далѣе и далѣе ѣдетъ. И поѣхалъ по направленію къ мѣстности Шажагатынь***), ко второй своей старшей сестрѣ Енхэбэ. Во время этой поѣздки, когда онъ

*) Хонинь — „овца“, хотонь — „желудокъ“; Хонинь — хотонь порусски будетъ страна, называемая „овечій желудокъ“.

**) Т. е. принявши на свой, можетъ быть человѣческой валь.

***) Шажагай „сорока“; шажагатынь „сорочьи“.

поѣхалъ половину пути, онъ началъ, смотря вверхъ, смѣяться и, смотря внизъ, плакать, мало мало рыдая. Когда такъ ѣхалъ Лобсогдой-хара-мангатхай, въ это время младшая старшая сестра *) его Енхэбэ, услышавъ плачь, своимъ большимъ знаніемъ узнала и большимъ разумомъ уразумѣла, что это плачетъ ея братъ, выѣхала къ нему на встрѣчу и говорить себѣ: „Единственного брата моего на землѣ чей сынъ побилъ и чей сынъ истязалъ? или онъ испугался вида дальняго войска или испугался, увидавъ непріятеля близко?“ Встрѣтила его на дорогѣ и спрашиваетъ: „Чей сынъ побилъ тебя и чей сынъ истязалъ тебя? Или ты испугался вида дальняго войска или ты испугался, увидавъ непріятеля близко?“ Тогда Лобсогдой-хара-мангатхай говорить своей младшей старшей сестрѣ Енхэбэ: „Прямо на западной сторонѣ въ пади Хатанъ, едва вмѣщающей живущее и въ пади Найжинъ, едва вмѣщающей живущее, у Абай-Гэсэръ-Богдохана средняя жена Урма-Гохонъ-хатанъ по слухамъ очень красива и хороша. Услыхавъ это, я поѣхалъ отобратъ у него среднюю жену Урма-Гохонъ-хатанъ и изъ-за нея воевалъ съ Абай-Гэсэръ-ханомъ, но онъ пересилилъ меня; я едва, едва живой вырвался отъ него и пріѣхалъ къ тебѣ. Какимъ средствомъ мнѣ взять ее и какимъ образомъ овладѣть ею, укажи мнѣ“. Младшая старшая сестра (младшая эгичъ) Енхэбэ говорить ему: „Ай, собака! Не найдя съ кѣмъ воевать, нашель воевать съ великимъ, какъ гора Абай-Гэсэръ-Богдоханомъ! Найдется на чужбинѣ дѣвица, которую ты высватаешь. И не найдя кого встрѣтить, нашель встрѣтиться съ великимъ, какъ гора Абай-Гэсэръ-Богдо-

*) Чтобы это странное выраженіе „младшая старшая сестра“ (старшая сестра помонгольски *эичъ*) стало понятно, нужно предупредить читателя, что у Лобсогдой-хара-мангатхая повидимому было три эгичъ, т. е. три сестры, которыя всѣ были старше его годами: всѣ три назывались Енхэбэ. Онъ поѣхалъ къ средней эгичъ, а его плачь услышала младшая эгичъ. Ред.

ханомъ! Найдется въ народѣ дѣвица, которую ты высватаетъ.“ Тогда Лобсогдой-хара-мангатхай говоритъ: „Безъ тебя поживу! безъ твоей помощи съѣзжу! И ты безъ меня живи!“ Потомъ Лобсогдой-хара-мангатхай поѣхалъ далѣе. Онъ ѣхалъ, ѣхалъ и поѣхалъ прямо по направленію къ пади Хэрэтынъ *); поѣхалъ скоро; конь его Лобъ-хара бѣжитъ изо всей силы. Въ пади Хэрэтынъ живетъ самая старшая его сестра Енхэбэ; онъ поѣхалъ просить у ней совѣта. Проѣхавъ половину дороги, онъ, смотря вверхъ, смѣется и, смотря внизъ, плачетъ, рыдая; чѣмъ далѣе ѣдетъ, тѣмъ сильнѣе и громче плачетъ, рыдая. Такъ плача и рыдая, ѣхалъ Лобсогдой-хара-мангатхай; въ это время самая старшая сестра (старшая эгичъ) Енхэбэ, услышавъ его плачь и рыданіе, и своимъ большимъ знаніемъ узнавъ, своимъ большимъ разумомъ уразумѣвъ, выѣхала къ нему на встрѣчу и говоритъ себѣ: „Единственного брата моего на землѣ, чей сынъ побилъ и чей сынъ истязалъ? Или испугался вида дальняго войска или испугался, увидавъ непріятеля близко?“ Встрѣтивъ его, самая старшая сестра Енхэбэ спрашиваетъ его: „Чей сынъ побилъ тебя и чей сынъ истязалъ тебя? Или ты испугался виду дальняго войска или испугался, увидавъ непріятеля близко?“ Тогда Лобсогдой-хара-мангатхай говоритъ: „Прямо на западной сторонѣ въ пади Хатанъ, едва вмѣщающей живущее и въ пади Найжинъ, едва, едва вмѣщающей живущее у Абай-Гэсэръ-Богдо-хана средняя жена Урма-Гохонъ-хатанъ по слухамъ очень красива и хороша. Услышавъ это, я поѣхалъ отобрать у Абай-Гэсэръ-Богдо-хана среднюю его жену Урма-Гохонъ-хатанъ и воевалъ съ нимъ, но онъ пересилилъ меня; я едва, едва живой вырвался отъ него и пріѣхалъ сюда просить со-

*) Хара — „ворона“, Хэрэтынъ — „воронья“.

вѣта и помощи. Какимъ средствомъ взять ее и какимъ образомъ побѣдить Абай-Гэсэръ-Богдо-хана, чтобы овладѣть ею, укажи мнѣ"! Самая старшая сестра Енхэбэ говорить ему: „Укажу тебѣ средство и способъ, какъ преодолѣть Абай-Гэсэръ-Богдо-хана и взять его среднюю жену Урма-Гохонъ-хатанъ“. Потомъ она своего единственнаго брата на землѣ Лобсоголдой-хара-мангатхая привела домой и говоритъ ему: „Единственное средство такое. Поднимись на самое верхнее небо къ западнымъ пятидесяти пяти тэнгэринамъ. Самый старшій изъ нихъ Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри имѣетъ училище; превратившись въ мальчика, учишься въ этомъ училищѣ въ продолженіи девяти лѣтъ, чтобы горностаи не пронюхали объ этомъ и хорекъ не услышалъ, и чтобы имѣющіе глаза не узнали и имѣющіе уши не услышали. Если ты выучишь священное писаніе трехъ бурхановъ Шибэгэни, тогда только побѣдишь Абай-Гэсэръ-Богдо-хана и возьмешь себѣ среднюю жену его Урма-Гохонъ-хатанъ“.

Тогда Лобсоголдой-хара-мангатхай, обратившись въ пестраго ястреба, полетѣлъ вверхъ къ западнымъ пятидесяти пяти тэнгэринамъ, чтобы подняться на небо; прилетѣвъ на небо, по Млечному пути (тэнгэрин оѣдол) онъ поднялся на самое верхнее небо, превратившись въ маленькаго мальчика, пришелъ въ училище Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэрина, поступилъ въ него и учится въ продолженіи девяти годовъ. Въ это время имѣющіе глаза не узнали и имѣющіе уши не услышали, что Лобсоголдой-хара-мангатхай, превратившись въ маленькаго мальчика, въ продолженіи девяти лѣтъ учится въ училищѣ и выучился священному писанію трехъ бурхановъ Шибэгэни. Послѣ этого Лобсоголдой-хара-мангатхай спустился внизъ на землю съ материнскою желтою священною книгою; обратившись въ одного изъ бурхановъ Шибэгэни, спустился въ падь Хатанъ и, заходитъ во дворець, въ кото-

ромъ жила Урма-Гохонъ-хатанъ, средняя жена Абай-Гэсэръ-Богдо-хана, садится на правой сторонѣ дворца, на серебряномъ престолѣ и взявши материнское желтое священное писаніе, читаетъ его, сидя; въ это время смотрящими глазами не мигаетъ и сложенными подъ себя ногами не шевелить. Такъ сидя, читаетъ священное писаніе. Средняя жена Абай-Гэсэръ-Богдо-хана Урма-Гохонъ-хатанъ большимъ удивленіемъ удивляется и большимъ дивомъ дивится, стоя во дворцѣ и думая: „Зачѣмъ спустился съ неба на землю наше моленіе Шибегени-бурханъ и пришелъ ко мнѣ во дворецъ“? Въ это время Абай-Гэсэръ-Богдо-хана дома не было, онъ уѣхалъ охотиться на сѣверную сторону Алтая и уѣхалъ охотиться на возвышенныхъ мѣстахъ Хөхөя. Во время охоты онъ убилъ много звѣрей самыхъ хорошихъ и жирныхъ; худыхъ же и сухихъ онъ отпускалъ на племя. Набивъ много звѣрей, онъ привязалъ ихъ въ торока на обѣихъ сторонахъ великаго, какъ гора, тѣла темно-гнѣдоваго коня. Послѣ этого Абай-Гэсэръ-Богдо-ханъ пріѣхалъ домой къ дворцу средней жены Урма-Гохонъ-хатанъ и остановился у серебряной коновязи; ему навстрѣчу выбѣгаетъ средняя жена его Урма-Гохонъ-хатанъ и говоритъ ему: „Наше моленіе бурханъ Шибэгэни, спустившись съ неба, пришелъ къ намъ, сидитъ во дворцѣ на серебряномъ престолѣ и читаетъ материнское священное писаніе, читаетъ не мигая глазами и не шевеля сложенными подъ себя ногами“. Тогда Абай-Гэсэръ-Богдо-ханъ большимъ удивленіемъ удивлялся и большимъ дивомъ дивовался и говоритъ: „Наше моленіе Шибэгэни-бурханъ! зачѣмъ ты спустился съ неба на землю и пришелъ къ намъ“? Послѣ этого Абай-Гэсэръ-Богдо-ханъ убитыхъ звѣрей, привязанныхъ въ правыхъ торокахъ наскоро свалилъ на правую сторону и звѣрей, привязанныхъ въ лѣвыхъ торокахъ свалилъ на лѣвую сторону. Потомъ гово-

рить средней женѣ своей Урма-Гохонъ-хатанъ: „Ты иди во дворець и смотри на него. Я выѣду на сѣверную сторону Алтая и на возвышенныя мѣста Хѳхѳя и крикну оттуда такъ громко, какъ будто крикнули въ одинъ голосъ десять тысячъ лусудуевъ и крикну такъ сильно, какъ будто крикнули въ одинъ голосъ тысяча лусудуевъ. Если дѣйствительно это наше моленіе Шибэгэни-бурханъ, то онъ по прежнему, не замѣчая и не шевелясь, будетъ сидѣть на серебряномъ престолѣ, а если это превращеніе Лобсоголкой-хара-мангатхая, тогда онъ упадетъ съ серебрянаго престола внизъ головой“. Послѣ этого Абай-Гэсэръ-Богдо-ханъ выѣзжаетъ на сѣверную сторону Алтая и на возвышенное мѣсто Хѳхѳя; оттуда онъ крикнулъ такъ громко, какъ будто крикнули въ одинъ голосъ десять тысячъ лусудуевъ и крикнулъ такъ сильно, какъ будто крикнули въ одинъ голосъ тысяча лусудуевъ. Когда Абай-Гэсэръ-ханъ крикнулъ такъ сильно и громко, превращенный Лобсоголкой-хара-мангатхай упалъ съ серебрянаго престола внизъ головою, но снова сѣлъ на престолъ и читаетъ материнское желтое священное писаніе по прежнему. Абай-Гэсэръ-Богдо-ханъ пріѣхалъ обратно домой, остановился у серебряной коновязи, слѣзъ съ темно-гнѣдаго коня величиною съ гору, привязалъ его къ серебряной коновязи шелковымъ поводомъ, самъ идетъ во дворець и поднимается на крыльцо. Въ это время средняя его жена Урма-Гохонъ-хатанъ выбѣгаетъ изъ дворца и встрѣчается съ Абай-Гэсэръ-Богдо-ханомъ у самыхъ дверей. Урма-Гохонъ-хатанъ хотѣла было сказать, что превращенный Лобсоголкой-хара-мангатхай упалъ съ серебрянаго престола внизъ головой, но таинственныя силы и волшебства Лобсоголкой-хара-мангатхая пересилили среднюю жену Абай-Гэсэръ-Богдо-хана Урма-Гохонъ-хатанъ; у ней языкъ повернулся не такъ и она сказала: „Это дѣйствительно наше мо-

леніе Шибэгэни-бурханъ; онъ не упалъ съ престола и сидитъ по прежнему“.

Тогда Абай-Гэсэръ-Богдо-ханъ большимъ удивленіемъ удивляется и большимъ дивованіемъ дивуется; войдя во дворець, онъ остановился у дверей; какъ пуговкой, головой кивая, молится, стоя на ногахъ и сгибающіяся колѣни согнувши, молится на колѣняхъ. Тогда Лобсоголдой-хара-мангатхай, превратившійся въ одного изъ трехъ Шибэгэни-бурхановъ, говоритъ Абай-Гэсэръ-Богдо-хану: „Иди, молись передъ мною! Я благословлю тебя“! Тогда Абай-Гэсэръ-Богдо-ханъ подходитъ къ нему и молится передъ нимъ, стоя на колѣняхъ. Въ это время Лобсоголдой-хара-мангатхай материнскимъ желтымъ священнымъ писаніемъ бьетъ по головѣ Абай-Гэсэръ-Богдо-хана и тотъ обратился въ неутомимаго осла. Тогда Лобсоголдой-хара-мангатхай взявъ обращеннаго въ неутомимаго осла Абай-Гэсэръ-Богдо-хана и, не медля и торопясь, заранее приготовленными и привезенными съ собою желѣзнымъ недоуздомъ обуздаль его и желѣзнымъ треногомъ стреножилъ его ноги. Тогда Лобсоголдой-хара-мангатхай говоритъ: „Безрогій молодецъ! Непобѣдимаго непріятеля я побѣдилъ и неперехитримаго непріятеля я перехитрилъ. Теперь изъ моихъ рукъ не вырвешься“! Послѣ этого Лобсоголдой-хара-мангатхай съ помощью своихъ десяти волшебствъ и съ помощью своихъ двадцати превращеній сдѣлалъ черную желѣзную повозку, запрегъ въ нее трехъ черныхъ иноходцевъ и посадилъ въ нее среднюю жену Абай-Гэсэръ-Богдо-хана Урма-Гохонъ-хатанъ, а самого Абай-Гэсэръ-Богдо-хана, обращеннаго въ неутомимаго осла, привязалъ сзади черной желѣзной повозки. Потомъ поѣхалъ рысью внизъ по пади Хатанъ, а самъ онъ на своемъ конѣ Лобъ-хара поѣхалъ около черной желѣзной повозки. Лобсоголдой-хара-мангатхай поѣхалъ мимо дворца старшей жены Абай-Гэсэръ-Богдо-хана Тѣ-

мѡнь-Жаргаланъ, чтобы попробовать силы и волшебства д-ухъ старшихъ батаровъ Абай-Гэсэръ-Богдо-хана; самый старшій батаръ Абай-Гэсэръ-Богдо-хана, сынъ Бомбохія, Буда-Уланъ-батаръ, прибѣжавъ, поймался за правую ногу Лобсогоддой-хара-мангатхая, но тотъ ногою этого старшаго батара Буда-Улана отбросилъ на вершину западной горы; второй батаръ Абай-Гэсэръ-Богдо-хана Эржинъ-Шумаръ-батаръ, прибѣжавъ, поймался за лѣвую ногу Лобсогоддой-хара-мангатхая, но тотъ своею ногою отбросилъ второго батара Эржимъ-Шумара на вершину восточной горы. Тогда Лобсогоддой-хара-мангатхай думаетъ: „Ладно, батары Абай-Гэсэръ-Богдо-хана со мной не управятся!“ Потомъ онъ поѣхалъ прямо на восточную сторону домой по направленію къ мѣсту своего жительства къ пади Хонинъ-хотонъ. Онъ ѣхалъ, ѣхалъ и пріѣхалъ домой.

Лобсогоддой-хара-мангатхай по пріѣздѣ домой живетъ съ среднею женою Урма-Гохонъ-хатанъ, а на Абай-Гэсэръ-Богдо-ханѣ, обращенномъ въ неутомимаго осла, Лобсогоддой-хара-мангатхай пашетъ землю; днемъ пашетъ семьдесятъ десятинъ земли, а ночью пашетъ сорокъ десятинъ земли, чашкою воды поить его и горстью травы кормить. Такъ на немъ пашетъ землю.

Въ это время на западномъ самомъ верхнемъ небѣ живущая, на сѣверозападномъ днѣ неба обитающая бабушка Манзанъ-Гѡрмѡ большимъ узнаніемъ узнала и большимъ разумомъ уразумѣла, что живущаго на землѣ единственнаго ея племянника Абай-Гэсэръ-Богдо-хана, крикъ и шумъ котораго во время охоты слышно было, а нынѣ не слышать; отчего пересталъ? Тогда бабушка Манзанъ-Гѡрмѡ беретъ материнское желтое священное писаніе и читаетъ въ немъ, что Абай-Гэсэръ-Богдо-хана дома нѣтъ, а находится онъ прямо на восточной сторонѣ въ мѣстности Хонинъ-хотонъ, въ странѣ высохшей и выдутой вѣтромъ, въ странѣ мангатхаевъ, въ той

странѣ туманной, въ которой люди блуждаютъ; на обращенномъ въ неутомимаго осла Абай-Гэсэръ-Богдо-ханѣ пашутъ днемъ семьдесятъ десятинъ земли и ночью пашутъ сорокъ десятинъ земли; обходятся съ нимъ, какъ съ деревомъ. Тогда бабушка Манзанъ-Гөрмё немедленно дала знать Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэ-рину, отцу Абай-Гэсэръ-Богдо-хана, что сынъ его обращенъ Лобсоголдой-хара-мангатхаемъ въ неутомимаго осла, на которомъ пашутъ днемъ семьдесятъ десятинъ земли и ночью сорокъ десятинъ земли. На самомъ верхнемъ западномъ небѣ не оказывается никого, кто бы могъ спуститься на землю и ѣхать за Абай-Гэсэръ-Богдо-ханомъ и выручить его отъ Лобсоголдой-хара-мангатхая. Если кто спустится съ неба и поѣдетъ туда, то сдѣлается нечистымъ и уже никакъ не сможетъ выручить Абай-Гэсэръ-Богдо-хана. Освободить его отъ туда можетъ только одна младшая его жена Алма-моргонъ-хатанъ, а другой никто не можетъ. Западный самый старшій тэнгэри Ханъ-Тюрмасъ посылаетъ на землю трехъ старшихъ сестеръ Абай-Гэсэръ-Богдо-хана Хёхё къ младшей его женѣ Алма-Моргонъ-хатанъ сказать ей: „Кромѣ тебя нѣтъ никого, кто бы могъ ѣхать туда выручить Абай-Гэсэръ-Богдо-хана отъ Лобсоголдой-хара-мангатхая и привести домой. У насъ на западномъ небѣ никого нѣтъ, кто бы могъ спуститься на землю и ѣхать туда; если поѣдутъ, то сдѣлаются нечистыми и тогда ничего не смогутъ сдѣлать. Если выручить, то ты должна одна выручить; кромѣ тебя нѣтъ никого! Если убить, то ты одна убьешь! Во чтобы-то ни стало, ты должна ѣхать“!

Три старшія сестры Хёхё спустились на землю въ вершинѣ пади Хатанъ и приходятъ къ младшей женѣ Абай-Гэсэръ-Богдо-хана къ Алма-Моргонъ-хатанѣ и говорятъ ей: „Поѣзжай за своимъ мужемъ Абай-Гэсэръ-Богдо-ханомъ и приведи его; ты только одна можешь сдѣлать это, кромѣ тебя никто. На самомъ верхнемъ западномъ небѣ никого нѣтъ, кто

бы могъ спуститься на землю и ѣхать туда; если поѣдутъ, то сдѣлаются нечистыми. Тесть отецъ твой Ханъ-Тюрмасъ-тэнгери послалъ насъ къ тебѣ, чтобы ты ѣхала туда". Тогда младшая жена Алма-Моргонъ-хатанъ говоритъ: „Тесть отецъ Ханъ-Тюрмасъ-тэнгери приказываетъ ѣхать за моимъ мужемъ Абай-Гэсэръ-Богдо-ханомъ и поѣду туда"! Три старшія сестры Хохъ поднялись на небо. Послѣ этого младшая жена Абай-Гэсэръ-Богдо-хана Алма-Моргонъ-хатанъ начала большое приготовленіе готовить къ дальнему пути. Она поймала, какъ кровь, рыжаго своего коня, привязала его на галькѣ, чтобы копыта его были тверды и привязала на льду, чтобы копыта были круглы; въ это время она рыжаго, какъ кровь, коня своего кормила горстью травы и поила чашкою воды. Потомъ Алма-Моргонъ-хатанъ положила на своего коня шелковый потникъ, осѣдлала его красною краскою выкрашеннымъ сѣдломъ, десятью подпругами подтянула крѣпко и двадцатью подпругами подтянула крѣпко на крѣпко; послѣ этого шелковымъ поводомъ привязала, какъ кровь, рыжаго коня къ серебряной коновязи и говоритъ: „Приготовленіе коня готово". Алма-Моргонъ-хатанъ входитъ во дворецъ, подвигаетъ золотой столъ, на которомъ ставить вкусныя кушанья и подвигаетъ серебряный столъ, на которомъ ставить дѣйствительно вкусныя кушанья; она поѣла ихъ, какъ птица клевала и какъ волкъ глоталъ. Наѣвшись, она стала одѣваться; одѣвшись, она взяла все нужное оружіе. Выходитъ на улицу, подходитъ къ серебряной коновязи, отвязываетъ отъ нея шелковый поводъ, садится на рыжаго, какъ кровь, коня и уѣзжаетъ прямо на восточную сторону; у основанія серебряной коновязи съ горсть земли запыхлосъ и за дальнимъ хребтомъ мелькнула красная кисть шапки.

Такъ младшая жена Абай-Гэсэръ-Богдо-хана Алма-Моргонъ-хатанъ уѣхала прямо въ восточную сторону по направленію

къ пади Хэрэтуй; десять падей пересѣкая, ѣхала рысью и двадцать падей, зигзагами пересѣкая, ѣхала рысью. Она ѣхала, ѣхала и поѣхала прямо по направленію къ пади Хэрэтуй; доѣхавъ до половины пути къ пади Хэрэтуй, она рыжаго, какъ кровь, коня обратила въ рублевую монету, которую положила въ карманъ, а сама обратилась въ желтую осу и полетѣла далѣе по направленію къ пади Хэрэтуй. Подъ видомъ желтой осы Алма-Мѳргѳнъ-хатанъ прилетѣла къ самой старшей сестрѣ Енхэбэ и сѣла на дворцѣ; сидя на немъ, она слѣдила за старшею сестрою Енхэбэ и изучала ея волшебство, таинственныя силы, характеръ и привычки. Въ это время старшая сестра Енхэбэ превращалась; утромъ она дѣлалась маленькою дѣвочкою и ребенкомъ и лежала, плача, на постели; въ полдень она обращалась въ молодую, въ полномъ возрастѣ дѣвицу, которая правила домомъ и ходила по хозяйству, а къ вечеру она становилась старою старухою, которая, опираясь на трость, едва, едва ходила по хозяйству. Младшая жена Алма-Мѳргѳнъ-хатанъ подъ видомъ желтой осы сидѣла на дворцѣ и изучала старшую сестру Енхэбэ въ продолженіи трехъ лѣтъ. Когда она изучила и выглядѣла все волшебства, таинственныя силы, характеръ и привычки старшей сестры Енхэбэ, она отъ дворца старшей сестры Енхэбэ полетѣла по направленію къ мѣстности Хонинъ-Хотонъ, гдѣ жилъ Лобсогдой-хара-мангатхай. Пролетѣвъ до половины пути, она обратилась изъ желтой осы въ человѣка; она приняла видъ старшей сестры Енхэбэ, сдѣлалась неузнаваемо на нее похожею; потомъ съ помощью тринадцати волшебствъ и съ помощью двадцати трехъ превращеній она сдѣлала черную желѣзную повозку, въ которую запрягла трехъ черныхъ иноходцевъ, и съ десятью караульными спереди и съ двадцатью караульными сзади поѣхала далѣе, какъ будто это ѣдетъ сама старшая сестра

Енхэбэ. Она такъ ѣхала, ѣхала и пріѣхала къ единственному брату на землѣ Лобсоголдой-хара-мангатхаю и остановилась у его дворца. Лобсоголдой-хара-мангатхай выходитъ изъ дворца, бѣгомъ бѣжитъ на встрѣчу къ ней и говоритъ: „Пріѣхала въ гости ко мнѣ самая старшая сестра Енхэбэ“. Онъ встрѣтилъ ее при выходѣ на улицу и повелъ ее во дворецъ. Когда старшая сестра Енхэбэ вошла во дворецъ, ее начали угощать; передъ ней поставили вкусныя кушанья и вино. Когда младшая жена Алма-мѳргѳнъ-хатанъ, обратившаяся въ старшую сестру Енхэбэ, выпила одну чашку вина, то стало замѣтно въ глазахъ; когда она выпила двѣ чашки вина, то замѣтно стало въ устахъ; она разговаривая, сидитъ, неизнаваемо похоже подражая старшей сестрѣ Енхэбэ въ характерѣ и привычкахъ. Въ это время она говоритъ: „Единственный на землѣ младшій братъ мой! съ помощью моихъ волшебствъ и съ помощью моего наставленія ты взялъ теперь жену Урма-Гохонъ-хатанъ, съ которою живешь счастливо и имѣешь неутомимаго осла, на которомъ пахнешь землю, сѣешь хлѣбъ и богатѣешь постепенно; дай мнѣ этого неутомимаго осла; я хочу вспахать немного земли и посѣять хлѣба; потомъ отдамъ тебѣ обратно“. Тогда Лобсоголдой-хара-мангатхай говоритъ: „Ладно, дамъ“. Урма-Гохонъ-хатанъ шопотомъ говоритъ Лобсоголдой-хара-мангатхаю: „Это, кажется, не твоя старшая сестра Енхэбэ, а мнѣ кажется это какъ будто Алма-мѳргѳнъ-хатанъ, на которую она похожа. Не Алма-Мѳргѳнъ-хатанъ ли въ превращенномъ видѣ пріѣхала къ намъ“? Тогда Лобсоголдой-хара-мангатхай раздумалъ дать сестрѣ неутомимаго осла и говоритъ: „Не съумѣешь, взявши, удержать, отпустишь его. Онъ очень сильный и уросливый; ты не справишься. Я самъ едва, едва удерживаю его; ты гдѣ справишься? Мои два старшіе батареи едва, едва запрягаютъ его и удерживаютъ. Не могу дать тебѣ, не съумѣешь удер-

жать и отпустишь“. Самая старшая сестра Енхэбэ сильно разсердилась и говорить: „Съ помощью моихъ волшебствъ и съ помощью моего наставленія ты досталъ себѣ и имѣешь неутомимаго осла, теперь пожалѣль его для меня! Я съумѣю его удержать“. Она сильно разсердилась, машеть руками и лягаетъ ногами. Потомъ она выбѣгаетъ на улицу; порогъ двери лягнула, расколола; лягнула уголь дворца, расколола. Сильно разсердившаяся самая старшая сестра Енхэбэ говорить: „Живи ты безъ меня! а я безъ тебя проживу!“ Лобсогоддой-хара-мангатхай выходить за ней на улицу и говорить ей: „Дамъ тебѣ неутомимаго осла! не сердись на меня!“ Онъ едва, едва упросилъ ее войти во дворець; она вошла; тогда ее снова попрежнему угощаютъ и просятъ не сердиться. Потомъ Лобсогоддой-хара-мангатхай приводитъ неутомимаго осла и отдаетъ своей самой старшей сестрѣ Енхэбэ; она крѣпко на крѣпко привязала неутомимаго осла поводомъ за черною желѣзною повозкою; привязавъ его, сама самая старшая сестра Енхэбэ садится въ свою черную желѣзную повозку и уѣзжаетъ домой, а Лобсогоддой-хара-мангатхай провожаетъ ее. Кога она уѣхала, Лобсогоддой-хара-мангатхай двухъ своихъ старшихъ батаровъ Ирга и Ширга обращаетъ въ двухъ черныхъ вороновъ Хонъ и посылаетъ посмотрѣть, куда уѣдетъ самая старшая сестра Енхэбэ. Если это дѣйствительно она, то она поѣдетъ прямо по направленію къ пади Хэрэтуй къ своему желѣзному дворцу; если это превращеніе младшей жены Абай-Гэсэръ-Богдо-хана Алма-Моргонъ-хатаны, то она поѣдетъ по направленію къ вершинамъ пади Хатанъ. Эти два черные ворона Хонъ полетѣли выше облаковъ плавающихъ и вомного ниже синѣющаго неба; они летятъ за нею и смотрятъ, куда она поѣдетъ. Самая старшая сестра Енхэбэ ѣхала, ѣхала и поѣхала; проѣхавъ трехдневное разстояніе, она приняла свой прежній

настоящій видъ, сдѣлалась прежнею младшей женой Абай-Гэсэръ-Богдо-хана Алма-Мѳргѳнъ-хатаной; съ помощью своихъ тринадцати волшебствъ и съ помощью своихъ двадцати трехъ превращеній она сдѣлала бѣло-серебряную повозку, запрягла въ нее трехъ бѣлыхъ иноходцевъ, спереди повозки сдѣлала десять караульныхъ, сзади повозки двадцать караульныхъ; съ головы неутомимаго осла сняла желѣзный недоуздокъ, съ его ногъ сняла желѣзный треногъ и бросила ихъ; неутомимаго осла обратила рублевой серебряной монетой и положила въ карманъ, сѣла въ бѣлосеребряную повозку и поѣхала рысью прямо по направленію къ вершинѣ пади Хатанъ. Тогда два черные ворона Хонъ съ этого мѣста возвратились дохой; прилетѣвъ домой, снова обратились въ двухъ старшихъ батаровъ Ирга и Ширга. Они хотѣли сказать: „Это была превращенная младшая жена Абай-Гэсэръ-Богдо-хана Алма-Мѳргѳнъ-хатанъ, которая и поѣхала прямо по направленію къ вершинѣ пади Хатанъ“, но волшебство и таинственные силы Алма-Мѳргѳнъ-хатаны преодолѣли ихъ и языки ихъ повернулись не такъ и сказали: „Дѣйствительно это была сама самая старшая сестра наша Енхэбэ; она поѣхала прямо по направленію къ пади Хэрэгуй“. Такъ они неправильно сказали.

Младшая жена Абай-Гэсэръ-Богдо-хана Алма-Мѳргѳнъ-хатанъ ѣхала, ѣхала и пріѣхала къ вершинѣ пади Хатанъ къ своему бѣлосеребряному дворцу. Пріѣхавъ домой, рублевую серебряную монету вынула изъ кармана, снова обратила ее въ неутомимаго осла, взнуздала его серебрянымъ вывѣнченнымъ недоуздомъ и повела его къ доброжелательному съ великими бѣлыми мыслями дядѣ Сарагалъ-ноёну; отдавая неутомимаго осла, она говоритъ дядѣ Сарагалъ-ноёну: „Привести привела и выручить выручила Абай-Гэсэръ-Богдо-хана отъ Лобсоголдой-хара-мангатхая; болѣе у меня нѣтъ ни

силъ, ни волшебства. Возьмите его! Тогда доброжелательный съ великими бѣлыми мыслями дядя Сарагаль-ноёнъ беретъ неутомимаго осла и смотря вверхъ смѣется, смотря внизъ, рылая плачетъ. Ведя неутомимаго осла за поводъ, онъ отправился къ винтообразной серебряной горѣ, по винтамъ ея поднялся на ея вершину, пришелъ къ своему моленію къ тремъ бурханамъ Шибэгэни и молится имъ въ продолженіи трехъ дней и трехъ ночей. Тогда его моленіе три бурхана Шибэгэни материнскимъ желтымъ священнымъ писаніемъ бьютъ, благословляя, по головѣ неутомимаго осла, и неутомимый оселъ обратился опять въ Абай-Гэсэръ-Богдохана, который едва, едва на ногахъ стоитъ; жизнь его, чуть не оторвавшись, едва, едва держится; глаза его едва, едва цѣлы; онъ стоитъ весь въ язвахъ, тѣло его покрыто семьюдесятью коростами. Тогда его моленіе три бурхана Шибэгэни снова материнскимъ желтымъ священнымъ писаніемъ бьютъ, благословляя, по его головѣ. Абай-Гэсэръ-Богдоханъ вошелъ въ прежнее тѣло и силу и сдѣлался еще лучше и сильнѣе прежняго. Онъ съ своимъ доброжелательнымъ, съ большими бѣлыми мыслями дядей Сарагаль-ноёномъ еще три дня и три ночи молились своимъ моленіямъ тремъ бурханамъ Шибэгэни; по прошествіи трехъ дней и трехъ ночей они вышли, и спустились внизъ по винтамъ серебряной горы. Абай-Гэсэръ-Богдоханъ пришелъ къ дворцу младшей жены Алма-Моргонъ-хатанъ и сталъ жить у нея. Онъ живетъ у нея, отдыхаетъ и набираетъ силу.

Нѣсколько времени спустя Абай-Гэсэръ-Богдоханъ собирается въ дальній путь на большую войну. Онъ хочетъ ѣхать воевать съ Лобсогдой-хара-мангатхаемъ, чтобы, побѣдивъ его, привезти свою среднюю жену Урма-Гохонъ-хатанъ. Онъ собирается въ дальній путь вмѣстѣ съ младшею своею женою Алма-Моргонъ-хатанъ. Абай-Гэсэръ-Богдоханъ

выходить на улицу и призывает своего съ гору величиною тѣломъ темно-гнѣдого коня, который пасся на сѣверной сторонѣ Алтая. Младшая жена Алма-Мѳргѳнъ-хатанъ также выходит на улицу, призывает своего коня, рыжаго, какъ кровь, который тоже пасся на сѣверной сторонѣ Алтая. Оба коня услышали голоса своихъ хозяевъ и говорятъ: „Зачѣмъ насъ зовутъ голоса нашихъ хозяевъ? Приѣзжающаго непріятеля будутъ ли встрѣчать или отѣзжающихъ непріятелей провожать?“ Такъ говоря, съ гору величиной темно-гнѣдой конь и, какъ кровь, рыжій конь покопали копытами землю, пыль сдѣлали, фыркнули, туманъ сдѣлали, потомъ прибѣжали домой, остановились около серебряной коновязи и ржутъ звонко. Тогда Абай-Гэсэръ-Богдо-ханъ и младшая жена его Алма-Мѳргѳнъ-хатанъ выходятъ изъ дворца, выносятъ вывѣнченные недоуздки и какъ ребро, серебряныя узды. Они вывѣнченными недоуздками взнуздали коней, какъ ребро, серебряными уздами обнуздали ихъ, потомъ привязали своихъ коней на галькѣ, чтобъ копыта были тверды, и привязали на льду, чтобъ копыта были круглы; въ это время травой съ горсть кормили и чашкой воды поили. Потомъ положили на своихъ коней шелковые потники, Абай-Гэсэръ-Богдо-ханъ осѣдлалъ своего коня серебрянымъ сѣдломъ, а младшая его жена Алма-Мѳргѳнъ-хатанъ своего коня осѣдала красною краскою выкрашеннымъ сѣдломъ; они десятью подпругами крѣпко на крѣпко подтянули, шелковыми поводками привязали своихъ коней къ серебряной коновязи и говорятъ другъ другу: „Окончили приготовленіе коней; осталось приготовленіе тѣла“. Потомъ входятъ во дворецъ. Младшая жена Алма-Мѳргѳнъ-хатанъ подвигаетъ золотой столъ, на который кладетъ вкусныя кушанья, и подвигаетъ серебряный столъ, на который кладетъ дѣйствительно вкусныя кушанья; эти кушанья они оба ѣдятъ, какъ птицы клюютъ и какъ волки

глотаютъ. Когда наѣлись досыта, начали одѣваться; одѣвшись, взяли все нужное оружіе и вышли на улицу, и сѣвши на коней, поѣхали прямо въ восточную сторону. Они ѣхали, ѣхали и все ѣхали далѣе. Десять падей пересѣкая, ѣхали; двадцать падей, зигзагами пересѣкая, ѣхали. Они все ѣхали, ѣхали далѣе и поѣхали по направленію къ пади Хэрэтуй. Когда они проѣхали половину пути, то Абай-Гэсэръ-Богдо-ханъ оставилъ тутъ свою младшую жену Алма-Моргонъ-хатанъ, а самъ поѣхалъ далѣе одинъ. Онъ ѣхалъ рысью. Тогда живущая въ пади самая старшая сестра Енхэбэ большимъ узнаніемъ узнала и большимъ разумомъ уразумѣла, что Абай-Гэсэръ-Богдо-ханъ ѣдетъ воевать съ ней. Она выѣхала къ нему на встрѣчу, говоря: „Пріѣзжающаго непріятели должна встрѣтить и отъѣзжающаго непріятели должна проводить“. Когда она пришла къ вершинѣ одной пади, по которой долженъ былъ пріѣхать Абай-Гэсэръ-Богдо-ханъ, она легла на землю, нижней челюстью упирався въ землю, верхней челюстью подпирая высокое небо. Такъ она, разинувъ ротъ, начала втягивать въ себя и глотать съ трехсуточного разстоянія. Абай-Гэсэръ-Богдо-ханъ ѣхалъ, ѣхалъ и сталъ приближаться. Въ это время онъ попалъ во втягиваніе, не могъ устоять, и сдѣлавшись, какъ перо, легкимъ, полетѣлъ прямо въ ротъ самой старшей сестры Енхэбэ. Когда онъ попалъ въ ея ротъ, онъ воткнулъ поперекъ ея глотки черное колючее копьё, употребляемое въ военное время, чтобы она осталась съ разинутымъ ртомъ. Потомъ Абай-Гэсэръ-Богдо-ханъ рысью поѣхалъ внутрь самой старшей сестры Енхэбэ; когда доѣхалъ до сердца, онъ взялъ висящую на правомъ боку серебряную саблю, имѣющую на лезвіѣ волшебство, на тупой сторонѣ имѣющую печать, и этою саблею однимъ ударомъ вырубилъ сердце и уронилъ внизъ. Потомъ обратно пустилъ своего коня во весь махъ и на пути, не останавливаясь, на бѣгу коня выдернулъ чер-

ное колючее копые и скорѣе, не медля, выѣхалъ изъ рта самой младшей сестры Енхэба. Только онъ выскочилъ изъ рта ея, какъ верхняя ея челюсть упала на нижнюю челюсть и стукнулась, обрѣзавъ кончикъ хвоста величиною съ гору тѣломъ темногнѣдаго коня. Послѣ этого Абай-Гэсэръ-Богдо-ханъ говоритъ своей младшей женѣ Алма-Мѳргѳнъ-хатанъ: „Непобѣдимую непріятельницу побѣдили и неколимаго годоваго жеребенка закололи!“ Потомъ лѣсныя деревья собрали съ вершинами и таежныя деревья собрали съ корнями, тѣло самой старшей сестры Енхэба сожгли, сдѣлавши березовую лопату, оставшіеся пепель и кости разбросали къ сѣверу и сдѣлавши осиновою лопату, оставшіеся пепель и кости разбросали къ югу. Когда все вывѣяли къ сѣверу и къ югу, Абай-Гэсэръ-Богдо-ханъ съ своею младшею женою Алма-Мѳргѳнъ-хатанъ вдвоемъ поѣхали по направленію къ странѣ Хонинъ-хотонъ къ Лобсоголдой-хара-мангатхай. Они ѣхали, ѣхали и пріѣхали къ одной высокой горѣ Сахидакъ-саганъ-ула, на подошвѣ которой съ помощью своихъ тринадцати волшебствъ и своихъ двадцати трехъ превращеній сдѣлали изъ камня верховаго человѣка; коня сдѣлали похожимъ на темно-гнѣдаго коня, а человѣка сдѣлали до неузнаваемости похожимъ на Абай-Гэсэръ-Богдо-хана, стоящаго съ натянутымъ лукомъ и положенною на тетиву стрѣлою и готовящагося выстрѣлить. Самъ же Абай-Гэсэръ-Богдо-ханъ съ младшею своею женою Алма-Мѳргѳнъ-хатанъ поднялись на вершину этой горы Сахидакъ-саганъ-ула, гдѣ слезли съ коней и сидятъ, курятъ трубки. Въ это время Лобсоголдой-хара-мангатхай на своемъ конѣ Лобъ-хара выѣхалъ на встрѣчу, увидѣлъ при подошвѣ горы каменнаго человѣка, готовящагося выстрѣлить, стоящаго съ натянутымъ лукомъ и стрѣлою, и громко говоритъ: „Черный безрогій молодецъ! что здѣсь стоишь?“ Послѣ этого Лобсоголдой-хара-мангатхай, какъ по-

розъ, косясь, приближается, и какъ самецъ-верблюдъ, скрежеща зубами, съ пѣною у рта, приближается; подойдя, онъ говоритъ: „Черный безрогій молодецъ! Человѣка за человѣка не считая и людей за людей не считая, еще собираешься стрѣлять!“ Съ этими словами Лобсоголдой-хара-мангатхай началъ съ этимъ каменнымъ человѣкомъ бороться и барахтаться. Онъ никакъ не можетъ сдвинуть каменнаго человѣка съ натянутымъ лукомъ и стрѣлою, и все таки продолжаетъ воевать и бороться. Лобсоголдой-хара-мангатхай долго воевалъ съ каменнымъ человѣкомъ и наконецъ усталъ. Когда, воюя съ каменнымъ изображеніемъ Абай-Гэсэръ-Богдохана Лобсоголдой-хара-мангатхай выбился изъ силъ, Абай-Гэсэръ-Богдоханъ спустился съ горы, подошелъ къ нему, отдернулъ его отъ каменнаго человѣка и самъ сталъ воевать съ нимъ. Они еще долго воевали другъ съ другомъ. Наконецъ Абай-Гэсэръ-Богдоханъ съ помощью младшей жены Алма-Моргонъ-хатанъ едва, едва свалили Лобсоголдой-хара-мангатхай на землю, и потомъ задавили тремя горами, чтобы Лобсоголдой-хара-мангатхай не всталъ. Около головы и ногъ Лобсоголдой-хара-мангатхай поставили по одному богатырю, каждому изъ нихъ дали въ сорокъ пудовъ желѣзный молотъ; когда онъ хочетъ встать и выйти изъ-подъ трехъ горъ, богатыри бьютъ его по головѣ и ногамъ. Абай-Гэсэръ-Богдоханъ заповѣдалъ этимъ двумъ батарамъ, чтобы они до скончанія вѣка били по головѣ и ногамъ Лобсоголдой-хара-мангатхай, не давая ему встать. Эти два батара утромъ обращаются въ маленькихъ дѣтей и бьютъ Лобсоголдой-хара-мангатхай, одинъ по головѣ, другой по ногамъ; въ полдень эти два батара обращаются въ молодыхъ людей въ полной силѣ и красотѣ и бьютъ его, одинъ по головѣ, другой по ногамъ; къ вечеру они обращаются совершенно въ сѣдыхъ и старыхъ стариковъ и то же бьютъ его, одинъ по головѣ, а другой по ногамъ.

Потомъ Абай-Гэсэръ-Богдо-ханъ съ младшей своей женой Алма-Моргонъ-хатанъ поѣхали къ дворцу Лобсоголкой-харамангатхая; всѣхъ батаровъ и войско его Абай-Гэсэръ-Богдо-ханъ убилъ. Послѣ этого онъ взялъ среднюю свою жену Урма-Гохонъ-хатанъ, весь скотъ и подданныхъ Лобсоголкой-харамангатхая и пріѣхалъ домой, едва помѣщаясь въ палаткахъ, едва хватало ему воды въ ручьяхъ. По пріѣздѣ домой Абай-Гэсэръ-Богдо-ханъ на девять дней большое гулянье сдѣлалъ, на восемь дней сдѣлалъ веселое гулянье и на десятый день едва, едва разошлись. Такъ Абай-Гэсэръ-Богдо-ханъ съ тремя своими прекрасными женами живетъ счастливо и спокойно. Анхуга ашта бурханда туше.

Война Абай-Гэсэръ-Богдо-хана съ Галь-Дѳлмѳ-ханомъ.

Прямо на восточной сторонѣ въ самой серединѣ земли живущій царь Ганга-Бэрэдъ-ханъ былъ богатъ скотомъ, имѣлъ множество подданныхъ и жилъ счастливо.

Прямо на восточной сторонѣ въ мѣстности Хонинъ-хото живущій, на спинѣ имѣющій сто тысячъ глазъ, на передней сторонѣ тѣла имѣющій множество тысячъ глазъ, на самой верхушкѣ головы имѣющій бѣлый, какъ звѣзда, глазъ и во рту имѣющій желтый, какъ маховое перо изъ крыла птицы, клыкъ, царь Галь-Дѳлмѳ началъ у живущаго въ самой серединѣ земли царя Ганга-Бэрэдъ-хана крайніе города цѣлкою проглатывать и вершинные города втягивать себѣ въ ротъ. Тогда царь Ганга-Бэрэдъ большимъ удивленіемъ удивился и не знаетъ, какъ избавиться отъ царя Галь-Долмо. У царя Ганга-Бэрэда въ груди появилась накипѣвшая и надавленная дума и въ умѣ появилась болѣзненная дума. Онъ при-

казалъ бить въ золотой барабанъ, собрать сѣверныхъ подданныхъ и бить въ серебряный барабанъ, собрать южныхъ подданныхъ. Когда начали бить въ золотой барабанъ, собрались сѣверные подданные, и когда начали бить въ серебряный барабанъ, собрались подданные, живущіе на южной сторонѣ. Когда всѣ подданные собрались, царь Ганга-Бэрэдъ стоя, спрашиваетъ у своихъ подданныхъ: „Прямо изъ восточной стороны, изъ мѣстности Хонинъ-хото, на спинѣ имѣющей сто тысячъ глазъ, на передней сторонѣ тѣла имѣющей множество тысячъ глазъ, на самой верхушкѣ головы имѣющей бѣлый, какъ звѣзда, глазъ и во рту имѣющей желтый, какъ маховое перо изъ крыла птицы клыкъ, царь Галь-Дѳлмѳ крайніе наши города цѣликомъ проглатываетъ и вершинные наши города втягиваетъ себѣ въ ротъ. Кто и чей сынъ можетъ побѣдить его и чей потомокъ заставитьъ его прекратить нападѣнія“? Въ это время на краю (толпы) стоявшій одинъ старичокъ входитъ внутрь (толпы), пролѣзаетъ между ногами высокихъ людей и подъ мышками низкихъ людей. Такъ онъ предсталъ передъ царемъ Ганга-Бэрэдомъ и говорить: „Царь батюшко! Я слышалъ, что прямо на западной сторонѣ въ большой пади, называемой Хатанъ живетъ, распространившись, и въ мѣстности, называемой Найжинъ, живетъ необозримо-счастливо, трехъ царей Тѳгѳшевыхъ (своимъ) рожденіемъ осчастливившій, свадебный обрядъ и законъ установившій, на землю спустившійся Абай-Гэсэръ-Богдо-ханъ; онъ одинъ только можетъ побѣдить и прекратить насилія царя Галь-Дѳлмѳ“.

Тогда царь Ганга-Бэрэдъ спрашиваетъ: „Кто и чей сынъ можетъ ѣхать въ эту дальнюю мѣстность, чей конь доѣдетъ туда“? Тотъ же старикъ говоритъ: „Царь батюшка! въ эту мѣстность можетъ ѣхать мой сынъ; туда доѣдетъ конь моего сына. Сына моего зовутъ имѣющей чубараго коня Шодорс-

мѳргѳнѳ-батарѳ“. Тогда царѳ Ганга-Бѳрѳдѳ посылаетѳ одного быстрого посла за сыномѳ старика Шодоро-мѳргѳнѳ-батарѳмѳ, которому приказываетѳ немедленно прѳѳхать къ нему. Этотѳ быстрый посолѳ поѳхаль къ Шодоро-мѳргѳнѳ-батару; остановившись на улицѳ, кричитѳ ему: „Царѳ батюшка приказаль тебѳ немедленно прѳѳхать къ нему“! Такѳ говоря, стояль посланный. Шодоро-мѳргѳнѳ-батарѳ говоритѳ: „Если царѳ-батюшка приказаль прѳѳхать, то мнѳ простому сидѳть нечего“. Сказавѳ эти слова, скоро на скоро пригатовившись и мѳтко скоро собравшись, осѳдлавши коня и сѳвѳ на него, Шодоро-мѳргѳнѳ-батарѳ прѳѳхаль къ царю-батюшкѳ и кивая, кланяется ему. Царѳ Ганга-Бѳрѳдѳ говоритѳ Шодоро-мѳргѳнѳ-батару: „Поѳзжай къ живущему прямо въ западной сторонѳ въ большой пади Хатанѳ и въ мѳстности Найжинѳ Абай-Гѳхѳрѳ-Богдо-хану и проси у него защиты отѳ царя Галь-Дѳлѳѳ“! Съ этими словами царѳ Ганга-Бѳрѳдѳ отпустиль Шодоро-мѳргѳнѳ-батара домой. Прѳѳхавѳ домой, Шодоро-мѳргѳнѳ-батарѳ большое пригатовленѳ пригатовляетѳ и собирается въ дальнюю дорогу. Изѳ двадцати возовѳ сѳна онѳ сдѳлаль два свертка и положиль на дно переметной сумы, раздѳливъ пополамѳ *), изѳ мяса двадцати барановѳ сдѳлаль кусочекѳ и лытку, также положиль на дно переметной сумы, раздѳливъ пополамѳ. Послѳ этого чубараго коня своего осѳдталь чисто серебрянымѳ сѳдломѳ и обнуздаль какѳ ребро, серебряною уздою. Когда кончилось пригатовленѳ коня, тогда самѳ началѳ одѳваться, взялѳ все нужное оружѳ и надѳль на себя, поѳль досыта дѳйствительно вкусной пищи, вышелѳ на улицу, сѳль на чубараго коня и поѳхаль прямо въ западную сторону. Шодоро-мѳргѳнѳ ѳхаль и ѳхаль рысью по царемѳ батюшкой проведенной дорогѳ и ѳхаль скорою

*) Т. е. одну половину положиль въ лѳвое отдѳленѳ сумы, другую въ правое.

рысью по народомъ проведенной дорогѣ. Во время этой поѣздки онъ поднялся на вершину одной высокой горы, откуда началъ осматривать окружающую мѣстность и увидѣлъ большую падь Хатанъ, которая, ширясь, виднѣлась и мѣстность Найжинъ, которая необозримо виднѣлась; въ этихъ мѣстностяхъ жилъ Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ. Винтообразная серебряная гора Абай-Гехеръ-Богдо-хана едва, едва синѣясь, была вдали видна. Въ большой пади Хатанъ три прекрасные дворца трехъ женъ Абай-Гэхэръ-Богдо-хана едва видно блестятъ; дворцы эти вышиною были выше облаковъ высокихъ и едва ниже синѣющаго неба.

Когда Шодоро-мѳргѳнь-батаръ увидѣлъ все это, у него сѳрненное сердце начало биться, коротенькія ребра начали гнуться; сильно онъ испугался. Шодоро-мѳргѳнь-батаръ волчьи думы думаетъ и сердце его дѣлается, какъ камень и онъ говорить: „Въ гору выстрѣленная стрѣла не должна скользнуть, а царемъ посланный посланникъ не долженъ возвращаться обратно!“ Сказавши эти слова, онъ съ этой высокой горы спустился внизъ и поѣхалъ далѣе по направленію къ царству Абай-Гэхэръ-Богдо-хана. Онъ ѣхалъ, ѣхалъ и доѣхалъ до царства Абай-Гэхэръ-Богдо-хана; по этому царству онъ поѣхалъ рысью. За время этой поѣздки его чубарый конь отъ продолжительной ѣзды обратился въ годовалаго жеребенка, а самъ Шодоро-мѳргѳнь-батаръ отъ усталости и дальней ѣзды сдѣлался, какъ маленький ребенокъ; въ этомъ видѣ онъ ѣхалъ все впередъ.

Въ это самое время младшій батаръ Абай-Гэхэръ-Богдо-хана Эрхэ-Анзанъ-батаръ съ горы на гору перескакивалъ и смотрѣлъ, не видно ли чего-нибудь въ дали. Эрхэ-Анзанъ-батаръ увидѣлъ ѣдущаго на чубаромъ конѣ Шодоро-мѳргѳнь-батара; увидѣвъ, выхватываетъ изъ колчана большую черную стрѣлу, беретъ желтый лукъ Манзанъ съ девяносто девятью подстав-

ками и собирается застрѣлить Шодоро-мѳргѳнь-батара. Тогда имѳющій чубараго коня Шодоро-мѳргѳнь-батаръ большимъ знаніемъ узналъ и большимъ разумомъ уразумѣлъ, что третій батаръ Абай-Гѳхѳръ-Богдо-хана Эрхѳ-Анзанъ-батаръ собирается застрѣлить его; онъ быстро соскакиваетъ съ коня и кланяется ему; какъ пуговка, головой кивая, кланяется; кривенькія колѣна сгибая, кланяется; такъ кланяясь, онъ стоитъ на колѣнахъ. Тогда Эрхѳ-Анзанъ-батаръ остано­вился стрѣлять, спускается съ горы, подѳѳзжаетъ къ Шодоро-мѳргѳнь-батару и спрашиваетъ его: „Изъ какой ты земли, изъ какихъ странъ и куда ѳдешь“? Онъ отвѣчаетъ: „Прямо съ восточной стороны, въ серединѣ земли живущаго царя Ганга-Бѳреда подданный; зовутъ меня—имѳющій чубараго коня Шодоро-мѳргѳнь-батаръ; далѣе насъ прямо на восточной сторонѣ въ мѣстности Хонинъ-хото живетъ на спинѣ имѳющій сто тысячъ глазъ, на передней сторонѣ тѣла имѳющій множество тысячъ глазъ, на темени головы имѳущій какъ звѣзда, бѣлый глазъ и во рту имѳущій желтый клыкъ, какъ маховое перо изъ крыла птицы, царь Галь-Дѳлмѳ; онъ крайніе наши города иѣликомъ проглатываетъ и вершинные наши города втягиваетъ себѣ въ ротъ. Я пріѳхалъ просить милости Абай-Гѳхѳръ-Богдо-хана этого не­любѳдимаго врага побѣдить и насилія его прекратить“.

Тогда Эрхѳ-Анзанъ-батаръ говоритъ: „Хорошую вѣсть ты привезъ выводить силу большого пальца отъ множества дней и отъ долготы года“! Такъ онъ радовался, стоя. Послѣ этого Эрхѳ-Анзанъ-батаръ привелъ Шодоро-мѳргѳна и его чубараго коня въ прежнее состояніе и въ прежнее тѣло. Эрхѳ-Анзанъ-батаръ и Шодоро-мѳргѳнь-батаръ поѳхали домой*); когда они пріѳхали на вершину большой пади Хатанъ, Эрхѳ-Ан-

*) Т. е. къ дому Гѳхѳръ-хана.

зань-батаръ впустилъ Шодоро-мѳргѳнь-батара во дворець Алма-мѳргѳнь-хатаны, у которой жилъ Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ, а самъ поскакалъ внизъ по большой пади Хатанъ къ дворцу Урма-Гохонъ-хатаны, у которой жили всѣ остальные тридцать три батара; по прїѳздѣ онъ сообщилъ имъ эту радостную вѣсть. Всѣ тридцать три батара Абай-Гэхэръ-Богдо-хана прїѳхали къ дворцу Алма-мѳргѳнь-хатаны и ждутъ на улицѣ Шодоро-мѳргѳнь-батара, что ему скажетъ Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ.

Шодоро-мѳргѳнь-батаръ, привязавъ своего, коня красно-шелковымъ поводомъ къ золото-серебряной коновязи, входитъ въ бѣлосеребряный дворець, перламутрово-серебряную дверь складно хорошо отворяетъ, боржи-серебряный порогъ, не насоривши, перешагнувъ, входитъ во дворець, и какъ пуговица, головой кивая, кланяется, кривенькія колѣна сгибая, кланяется. Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ спрашиваетъ: „Откуда, изъ какихъ земель и изъ какихъ странъ прїѳхалъ? какъ тебя зовутъ“? Тогда онъ говоритъ: „Прямо изъ восточной стороны. Въ срединѣ земли живущаго царя Ганга-Баредъ подданный. Зовутъ меня имѣющій чубараго коня Шодоро-мѳргѳнь-батаръ. Далѣе насъ прямо на восточной сторонѣ въ мѣстности Хонинъ-хото живетъ царь Галь-Дѳлмѳ, имѣющій на спинѣ сто тысячъ глазъ, имѣющій на передней сторонѣ тѣла множество тысячъ глазъ, имѣющій на самой верхушкѣ головы бѣлый глазъ, какъ звѣзда, и имѣющій во рту желтый клыкъ, какъ маховое перо изъ крыла птицы; онъ крайніе наши города проглатываетъ и вершинные наши города втягиваетъ себѣ въ ротъ. Я прїѳхалъ просить милость вашу этого непобѣдимаго врага побѣдить и насилія его прекратить“. Тогда Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ сказалъ Шодоро-мѳргѳнь-батару: „Я не поѣду. Поѣзжай домой обратно“.

Шодоро-Мѳргѳнь-батаръ выходитъ изъ дворца на улицу, гдѣ его встрѣтили тридцать три батара и спрашиваютъ,

что сказалъ Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ. Тогда онъ говоритъ, что Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ сказалъ, что не поѣдетъ и приказалъ ѣхать обратно домой. Тридцать три батара говорятъ ему: „Опять иди и проси ѣхать“. Тогда онъ опять входитъ во дворецъ и проситъ Абай-Гэхэръ-Богдо-хана оказать имъ милостивую защиту и побѣдить ихъ непобѣдимаго врага царя Галь-Дѳлмѳ. Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ говоритъ ему: „Поѣхать поѣду, но не пришло времени; когда наступитъ время ѣхать, тогда поѣду воевать съ царемъ Галь-Дѳлмѳ. Еще осталось восемь мѣсяцевъ; прежде этого срока я не поѣду. Поѣзжай обратно домой“. Такъ говоря, отпустилъ его. Шодоро-мѳргѳнъ-батаръ выходитъ изъ дворца на улицу, гдѣ его опять спрашиваютъ тридцать три батара, что сказалъ Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ. Онъ говоритъ имъ, что Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ сказалъ, что теперь не поѣдетъ, что поѣдетъ послѣ, а теперь еще время не пришло, осталось еще восемь мѣсяцевъ и до срока онъ не поѣдетъ. Тогда тридцать три батара говорятъ ему: „Ты подожди насъ здѣсь; мы сами попросимъ его“. Такъ говоря, всѣ тридцать три батара входятъ во дворецъ и говорятъ Абай-Гэхэръ-Богдо-хану: „Ты зачѣмъ отказался ѣхать на такой хорошей пиръ и на такое славное гулянье? Если не поѣдешь, то зачѣмъ взялъ насъ съ собой на землю? Для чего мы спустились на землю? Мы спустились, чтобы какъ ножикъ, ядовитыхъ враговъ уничтожить; мы спустились, чтобы черно-сѣрому народу бѣлую свадьбу обставить; мы спустились убивать непобѣдимыхъ и сильныхъ враговъ, спустились всему народу и людямъ бѣлую свадьбу обставить. Непремѣнно поѣдемъ воевать туда! Дней много и годъ долговъ. Нужно позабавиться!“ Тогда Абай-Гэхэръ-Богдо говоритъ тридцати тремъ батарамъ: „Приготовляйтесь въ путь! Приготовьте триста передовыхъ войскъ и всѣ три знамени войска“. Такъ говоря, онъ отпустилъ тридцать трехъ бата-

ровъ. Выйдя изъ дворца они говорятъ Шодоро-Моргонь-батару: „Мы скоро поѣдемъ и будемъ собираться въ дорогу“. Послѣ этихъ словъ Шодоро-Моргонь-батаръ поѣхалъ обратно домой, а тридцать три батара начали собираться; оторванное вставляли, разорванное зашивали; потомъ приготовили триста передовыхъ войскъ и три знамени войска. Когда всѣ приготовились къ дорогѣ, имѣющій бѣлосоловаго коня съ головою съ просѣдью дядя Заса-Шихуръ тоже сталъ собираться, говоря: „Я тоже поѣду съ вами“. Абай-Гэхэръ-Богдоханъ говоритъ дядѣ Заса-Шихуру: „Не ѣзди съ нами! Оставайся дома! Путь далекій, рѣка длинная. Ты съ нами не можешь ѣхать, потому что путь очень длинный и далекій!“ Но онъ никакъ не можетъ уговорить дядю Заса-Шихура остаться дома. Тогда Абай-Гэхэръ-Богдоханъ отворяетъ десять подваловъ, выпускаетъ изъ нихъ вино и говоритъ: „На дорогу надо выпить по одному духаряну!“ Сначала Абай-Гэхэръ-Богдоханъ подаетъ свой духарянь дядѣ Заса-Шихуру, тотъ выпиваетъ; потомъ ему подають вина всѣ тридцать три батара; выпивъ всѣ духаряны, поднесенные ими, съ головою съ просѣдью дядя Заса-Шихуръ сдѣлался пьянь и свалился.

Послѣ этого всѣ, приготовившись, поѣхали къ царю Галь-Долмѣ съ войною. Всѣ они ѣхали, ѣхали и пріѣхали къ одной мѣстности, гдѣ остановились ночевать. На другое утро встали; наѣвшись и напившись, собирались уже ѣхать далѣе, въ это время слышится топотъ бѣгушаго коня, тонкокресная пыль по низменности разстилается и широко-красная пыль высокое небо заслоняетъ; такъ пыля, кто-то ѣдетъ за ними. Тогда Абай-Гэхэръ-Богдоханъ говоритъ своимъ тридцати тремъ батарамъ и войскамъ: „Кто-то къ намъ ѣдетъ. Подождите! пусть пріѣдетъ“. Въ это время на бѣлосоловомъ конѣ скачетъ съ головою съ просѣдью дядя Заса-Шихуръ верхомъ безъ сѣдла, безъ пояса на распахку, безъ шапки

и безъ унтовъ въ однихъ чулкахъ. Приѣхаль къ нимъ и говоритъ: „Зачѣмъ меня оставили, не дождались? Я непременно поѣду съ вами“! Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ уговариваетъ его возвратиться домой. Онъ говоритъ: „Бѣлосолового коня твоего тучные луга поднимуть, съ просѣдью голову твою подниметь подушка! Поѣзжай обратно домой! Кто у насъ будетъ распоряжаться дома и смотрѣть за хозяйствомъ и подданными безъ насъ. Ты нуженъ дома! Смотри за всѣми“! Послѣ этихъ словъ Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ снимаетъ съ себя шелковый жилетъ, вытканый безъ шва бабушкой Манзанъ-Гѣрмѣ, живущею на сѣверозападной сторонѣ, на самомъ верхнемъ западномъ небѣ; этотъ безъ шва вытканый жилетъ отдаетъ онъ дядѣ Заса Шихуру и говоритъ: „Если я буду побѣждать враговъ и благополучно ѣздить, то этотъ жилетъ съ каждымъ днемъ будетъ свѣтлѣе и красивѣе; если же буду побѣжденъ врагами и неблагополучно буду ѣздить, то этотъ жилетъ будетъ темнѣть и дѣлаться старѣе. На, возьми его. И также уведи съ собою триста передовыхъ войскъ и три знамя войска. Они будутъ только мѣшать намъ въ дорогѣ. Въ дальнемъ пути что будемъ съ ними дѣлать? Далѣе поѣдемъ поскорѣе и проворнѣе. Мѣшающихъ возвратимъ домой“! Такъ говоря, Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ отправилъ обратно домой триста передовыхъ войскъ и три знамени войска съ дядею Заса-Шихуромъ.

Послѣ этого Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ съ тридцатью тремя батарами поѣхали далѣе полною рысью. Ыхали, ѣхали и доѣхали до царства царя Галь-Дѣлмѣ; поѣхали далѣе, на пути поднялись на вершину одной высокой горы, остановились тутъ и сдѣлали себѣ стоянку, развели огонь. Потомъ Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ посылаетъ двухъ старшихъ и быстрыхъ батаровъ сына Бомбохія Буда-Уланъ-батара и не дѣлающаго промаха, что бы ни мелькнуло, Эржинъ-Шумаръ-батара, чтобы

они поѣздили по сѣверной сторонѣ и изучили бы характеръ и нравъ, и объѣхали бы по южной сторонѣ и изучили волшебства и знаніе царя Галь-Дѳлмѳ,—горностаи чтобы не узнать по запаху и хорекъ не выслѣдилъ бы объѣзды ихъ; имѣющіе глаза не видали бы и имѣющіе уши не услышали бы ихъ. Такъ наказывая, послалъ ихъ. Два старшіе и быстрые батары Абай-Гэхэръ-Богдо-хана спустились съ этой высокой горы и поѣхали по сѣверной сторонѣ, узнавали характеръ и нравъ; и объѣхали по южной сторонѣ, узнавали волшебства и знаніе царя Галь-Дѳлмѳ; послѣ этого золото-серебряную коновязь Галь-Дѳлмѳ-хана вырвали изъ земли и бросили, пріѣхали обратно на высокую гору къ Абай-Гэхэръ-Богдо-хану и рассказали, что видѣли и узнали.

Галь-Дѳлмѳ-ханъ на другое утро увидѣлъ вырванную и брошенную свою золото-серебряную коновязь, и большимъ удивленіемъ удивился. „На этой землѣ со мною никто не можетъ воевать! Если есть кто, такъ это Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ, который еще не скоро пріѣдетъ; осталось еще восемь мѣсяцевъ“. Потомъ Галь-Дѳлмѳ-ханъ приказалъ поставить золото-серебряную коновязь на прежнее мѣсто.

На другое утро Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ посылаетъ двухъ старшихъ и быстрыхъ батаровъ объѣздить и узнать характеръ и нравъ Галь-Дѳлмѳ-хана. Два старшіе и быстрые батара поѣхали и объѣхали и узнали характеръ и нравъ Галь-Дѳлмѳ-хана и на обратномъ пути свалили у Галь-Дѳлмѳ-хана ворота, пріѣхали обратно на гору къ Абай-Гэхэръ-Богдо-хану и рассказали ему, что видѣли и узнали. На другое утро Галь-Дѳлмѳ-ханъ увидѣлъ, что ворота его свалены; тогда онъ большимъ удивленіемъ удивился, приказалъ поднять ворота и поставить на прежнее мѣсто.

На третье утро Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ опять посылаетъ двухъ старшихъ и быстрыхъ батаровъ объѣздить и узнать

характеръ и нравъ Галь-Дѳлмѳ-хана. Два старшіе быстрые батара поѳхали и узнали характеръ и нравъ Галь-Дѳлмѳ-хана, и на обратномъ пути свалили на землю украшеніе дворца Галь-Долмо-хана и уѳхали. Галь-Дѳлмѳ-ханъ посылаетъ за ними въ погоню двухъ своихъ старшихъ батаровъ, чтобы узнать, чьи они посланные и чье превращеніе. Два старшихъ батара Галь-Дѳлмѳ-хана погнались за двумя батарами Абай-Гэхэръ-Богдо-хана и догнали ихъ. Тогда два старшіе и быстрые батара Абай-Гэхэръ-Богдо-хана встрѣтили и поймали двухъ батаровъ Галь-Дѳлмѳ-хана, свернули имъ шеи, привязали ихъ къ сѣдламъ на правой сторонѣ лошади внизъ головою и сказали имъ: „Пріѳхавъ къ Галь-Дѳлмѳ-хану, скажите, что безъ знамени враги пріѳхали. безъ пробы войска прибыли, и помирите!“ Послѣ этого лошадей двухъ старшихъ батаровъ Даль-Дѳлмѳ-хана угнали обратно. Лошади приближали къ воротамъ Галь-Дѳлмѳ-хана; тогда эти два батара сказали Галь-Дѳлмѳ-хану, что безъ знамени враги пріѳхали и безъ пробы войска прибыли. Послѣ этихъ словъ они померли. Тогда Галь-Дѳлмѳ-ханъ большимъ узнаніемъ узналъ и разумомъ уразумѣлъ, что прямо съ западной стороны Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ, живущій въ мѣстности Хатанъ, обитающій въ мѣстности Найжинъ пріѳхалъ съ войскомъ воевать съ нимъ. Галь-Дѳлмѳ-ханъ большой сборъ собираетъ, собираетъ въ путь всѣхъ своихъ батаровъ и приготовляетъ войско. Когда всѣ приготовились, Галь-Дѳлмѳ-ханъ со своими батарами и войскомъ пріѳхалъ къ Абай-Гэхэръ-Богдо-хану, къ подошвѣ высокой горы, на которой остановился Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ. Съ помощью своихъ волшебствъ Галь-Дѳлмѳ-ханъ сдѣлалъ золотой тронъ и сидитъ на немъ въ ожиданіи.

Тогда Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ съ этой высокой горы спустился внизъ къ подошвѣ горы, гдѣ съ помощью своихъ волшебствъ тоже сдѣлалъ золотой тронъ и сидитъ на немъ.

Галь-Дѳлмѳ-ханъ говоритъ Абай-Гѳхэръ-Богдо-хану: „Ты отъ меня не получилъ никакого оскорбленія или мести, зачѳмъ будемъ воевать другъ съ другомъ. Съ перышко вражды другъ къ другу мы не имѳли, величиною съ клеща чернаго пятнышка между нами не было“. Въ это время два большіе царя запада и востока начали говорить о прекращеніи войны, чтобы не воевать другъ съ другомъ.

Тогда у Абай-Гѳхэръ-Богдо-хана второй прекрасный батаръ Эржинъ-Шумаръ все это время ходилъ спереди и сзади ихъ и подслушивалъ ихъ разговоръ. Потомъ онъ говоритъ имъ: „Два большіе царя запада и востока съѳхались, собираясь сдѳлать такое хорошее веселье. И хотите разойтись безъ всего! Попробовали бы силы своихъ дѳтей! Заставьте побороться по одному сыну! который изъ нихъ поборетъ“? Тогда эти два большіе царя говорятъ между собою: „Сказанное правда и думанное вѳрно! У двухъ батаровъ нужно попробовать силы“. Абай-Гѳхэръ-Богдо-ханъ выбралъ для борьбы второго батара Эржинъ-Шумара; Галь-Дѳлмѳ-ханъ также выбралъ второго батара Боржинъ-Шумара. Эти два красивые батары разѳхались на разстояніе одной мѳты и вырѳшили стрѳлять другъ въ друга изъ лука стрѳлою. Тогда Боржинъ-Шумаръ-батаръ говоритъ Эржинъ-Шумаръ-батару: „Ты стрѳлай впередъ“! Эржинъ-Шумаръ-батаръ говоритъ Боржинъ-Шумаръ-батару: „Ты стрѳлай впередъ! Домашній человекъ сытое брюхо! Если не стрѳлая, будешь убитъ, то душа твоя будетъ не довольна“. Боржинъ-Шумаръ-батаръ согласился стрѳлять впередъ, взявъ большую черную стрѳлу, натянулъ желтый лукъ Бухаръ и говоритъ: „Если мнѳ суждено создателемъ умереть, то пусть стрѳла моя уйдетъ безвозвратно, если же я имѳю старшаго создателя и мнѳ суждено побѳдить врага, то пусть стрѳла моя, попавши, насквозь пробьетъ широкую черную грудь Эржинъ-Шумаръ-ба-

и кладеть на него шелковый потникъ, сѣдлаеть его серебрянымъ сѣдломъ, десятью прекрасными подпругами туго подтягиваеть, двадцатью прекрасными подпругами крѣпко на крѣпко подтягиваеть, такъ что конь нагибается, говорить послѣ этого, что приготовленіе коня окончилось, и прекрасный шелковый поводъ привязываетъ къ серебряной коновязи. Послѣ этого Эрэ-Токоло-мѳргѳнъ бѣглымъ шагомъ входитъ въ свой дворець, ставить золотой столъ, на столъ ставить вкусную пищу, ставить серебряный столъ, на немъ ставить превкусную пищу, и ѣсть, какъ волкъ глотаеть, какъ птица клюеть; наѣвшись досыта, встаетъ, и начинаеть одѣваться, повертываясь во всѣ стороны передъ зеркаломъ величиною съ двери; передъ зеркаломъ величиною съ потникъ стоя и поворачиваясь, одѣвается; ни пылинки на немъ не оказывается. Потомъ надѣваетъ шелковую шубу, которую онъ носить въ лѣтнюю пору, сто восемь пуговиць безошибочно застегиваеть; сверху надѣваетъ шелковую шубу, которую онъ носить въ зимнее время; потомъ онъ беретъ правый бокъ давящую серебряную саблю Бордо, на лезвіѣ имѣющую волшебство, на тупой сторонѣ имѣющую печать; черень ея сдѣланъ изъ хитраго дерева, а рукоятка сдѣлана изъ дерева жимѣги. Послѣ этого беретъ желтый лукъ Бухарь, кладеть его въ футляръ и вмѣстѣ съ серебрянымъ колчаномъ Буда надѣваетъ на себя (т. е. ремнемъ подпоясывается); беретъ острое, колючее черное копье, которое (обыкновенно) онъ держить (въ рукѣ) въ военное время и на голову надѣваетъ лисью шапку. Потомъ онъ говоритъ: „приготовленіе тѣла окончилось!“ и бѣглымъ шагомъ выходитъ на улицу; подходитъ къ серебряной коновязи, отвязываетъ прекрасный шелковый поводъ, ногу безошибочно кладеть въ золотосеребряное стремя и садится на коня. Такъ онъ поѣхалъ прямо въ юго-западную сторону. У серебряной коновязи только и было

видно, что запылилась горсть земли и за тремя долами красная кисть на шапкѣ мелькнула; болѣе ничего не было видно. Онъ поѣхалъ далѣе, пыля и туманя; черезъ десять падей ровно рысиль, черезъ двадцать падей не кривя рысиль. Когда на небѣ стоялъ день, то онъ рысиль до тѣхъ поръ, пока на небѣ не настанетъ ночь; когда на небѣ стояла ночь, то онъ рысиль до тѣхъ поръ, пока на небѣ не настанетъ день. Въ жаркіе дни безъ питья ѣхалъ, въ темную ночь безъ сна ѣхалъ. По крику пестрой сороки замѣчалъ, что настала половина зимы, лисью шапку нахлобучивая глубже, рысиль; по пѣнію соловья соображалъ, что наступаетъ половина лѣта и лисью шапку поднявши вверхъ, рысиль. Отъ его скорой ѣзды дѣлался сильный вихорь, который сносилъ рыжіе камни, и дулъ черный вѣтеръ, который сносилъ черные камни. Тринадцати царямъ вѣсть подавая рысиль, до двадцати трехъ батаровъ шумъ распространяя, рысиль.

Во время этой поѣздки выѣзжаетъ онъ на вершину одной высокой горы; онъ остановился на ней, слѣзъ съ коня, снявъ сѣдло и потникъ, отпустилъ коня, потомъ развелъ сѣрокрасный костеръ огня, одною стрѣлою свалилъ самца изюбря и самку изюбря и приставилъ ихъ на рожнѣ къ огню жариться, а самъ, разостлавъ потникъ и сѣдло положивъ подъ голову, легъ спать, грѣя спину на огнѣ. На другое утро всталъ, привелъ волосы въ порядокъ, умылъ руки и лицо, и ѣсть жареныхъ самца изюбря и самку изюбря, кости черезъ носъ и ротъ выфыркивая. Какъ лытка, большую ганзу *) достаетъ и накладываетъ въ нее красного табаку изъ кошелька, какъ рукавъ. Какъ чашки, большими глазами смотреть по золотой землѣ и золотисто-черными глазами смотреть вокругъ широкой земли. Въ это самое

*) Ганза — курительная трубка

время прямо на юговосточной сторонѣ высококрасная пыль по обширной землѣ разстиляется и тонко-красная пыль по низменной землѣ разстиляется; когда посмотрѣть въ эту пыль, то увидѣть въ ней четыре ноги коня мелькають, красная кисть шапки, касаясь до неба, мелькаетъ. Сѣренькое сердце Эрэ-Тохоло-мѳргѳна бьется, коротенькія его ребра гнутся. „Этой моей головы война миновать не можетъ, вершины высокой горы Улы туманъ миновать не можетъ“! Такъ говоря, онъ стоялъ. Изъ большихъ золотисто-черныхъ глазъ льются слезы, какъ изъ чашки, изъ плоскихъ черныхъ глазъ постепенно льются слезы. Такъ стоя, думаетъ: „Человѣческій сынъ не лучше человѣка; позвонковъ въ шеѣ не болѣе шести“. Волчью думу думаетъ и сердце его дѣлается, какъ камень. Послѣ этого мигомъ сѣдлаетъ коня, скоро на скоро сѣдлаетъ его серебрянымъ сѣдломъ и, приготовившись къ ѣздѣ, въ золотосеребряное стремя кладетъ ногу и садится на сиваго коня. Поскакалъ на встрѣчу высокой красной пыли, говоря: „Прѣхавшую войну присужденъ встрѣчать и отѣхавшую войну (принужденъ) провозжать“. Самъ онъ ѣдетъ такъ быстро, какъ стрѣла скользить отъ горы и какъ ястребъ и соколъ мелькаетъ. Онъ выѣхалъ на царскую дорогу и, побрякивая, рысить по ней; ѣхавши такъ, встрѣтился въ упоръ съ этимъ врагомъ; тотъ, встрѣтившись, спрашиваетъ: „Выпитая вода гдѣ и земля, на которую падалъ, гдѣ?“ Тогда отвѣчаетъ: „Прямо на сѣверной сторонѣ живущій, на берегу синяго моря и у подошвы горы Мѳнгѳтѳ-Ула родившійся благодаря своей добротѣ Эрэ-Тохоло-мѳргѳнъ называюсь“. Тотъ спрашиваетъ: „Куда имѣешь намѣреніе ѣхать?“ Тогда отвѣчаетъ: „Бѣду прямо на югозападную сторону къ живущему на берегу черного моря и на подошвѣ отвѣсной каменной горы Хашалыкъ-ула царю Наринъ-Шаратъ, у котораго хочу высватать дочь его Шара-Сэсэкъ-абаха“. Тотъ

говорить: „Какой ты пролившийся смѣленькій! Чужого желаешь, доставшимся не доволенъ! Я съ пеленокъ запасалъ ее въ невѣсты и съ люльки имѣлъ намѣреніе жениться на ней. Ты развѣ не слыхивалъ, что поговаривали о Мёръ-мёргонѣ, какъ о мѣткомъ стрѣлкѣ и о горбатомъ чаломъ конѣ, какъ о быстромъ бѣгунцѣ? Ужаси поскорѣе, гдѣ назначить мѣсто для борьбы! Какъ будемъ воевать, силою ли большого пальца или силою плеча!“ Такъ говоря, покрикивалъ Мёръ-мёргонъ на Эрэ-Тохоло-мёргона. Они условились сначала воевать силою большого пальца т. е. стрѣлять другъ въ друга стрѣлою. Одинъ изъ нихъ выѣхалъ на южную гору, а другой на сѣверную гору. Мёръ-мёргонъ съ сѣверной горы кричить Эрэ-Тохоло-мёргону: „Стрѣлай впередь ты! Послѣ смерти твоя душа, если ты будешь убить не стрѣлявши, будетъ недовольна“. Эрэ-Тохоло-мёргонъ кричить ему съ южной горы: „Нѣтъ, стрѣлай ты впередь, на своемъ брюхѣ ситѣ *) послѣ смерти твоя душа, если будешь убить не стрѣлявши, будетъ недовольна“. Послѣ этого Мёръ-мёргонъ беретъ свой желтый лукъ Бухаръ изъ футляра, изъ серебрянаго колчана выдергиваетъ черную стрѣлу, прикладываетъ къ тетивѣ желтаго лука Бухаръ и натягиваетъ желтый лукъ Бухаръ; изъ выемки стрѣлы выходитъ дымъ и съ острія наконечника стрѣлы искры сыплются. Такъ натягивая, говоритъ: „Если мнѣ суждено умереть, то безъ вѣсти иди, а если большимъ Творцомъ суждено побѣдить, то попади Эрэ-Тохоло-мёргону въ самую грудь, пробей ее насквозь, какъ дверь, большую рану сдѣлай, чтобъ чрезъ эту рану видно было, какъ днемъ! Сердце съ легкимъ, намотавъ на выемкѣ („оно“), унеси, къ носу пестрой сороки брось!“ Такъ пустилъ стрѣлу. Эта стрѣла, выйдя изъ рукъ, горько летитъ (идетъ); изъ

*) Сытомъ? Ред.

подъ большого пальца выйдя съ силою летитъ. Отъ визга стрѣлы широкая земля трясется, отъ свиста (стрѣлы) высокое небо гудитъ. Эта стрѣла на землѣ дѣлаетъ пыль и туманъ, въ которыхъ козули отъ козулятъ блуждаютъ и птицы отъ своихъ птенцовъ блуждаютъ. Отъ этого визга и свиста стрѣлы Эрз-Тохоло-мѳргѳнъ на ногахъ не можетъ стоять, раскрывши грудь и выставивъ впередъ грудныя пестрыя кости. Эта стрѣла, прилетѣвши, попала въ большую пустую грудь его и насквозь ее пробила, какъ дверь, большую рану сдѣлала и въ эту рану видно было, какъ днемъ свѣтло; сердце съ легкимъ намотавши на выемкѣ, вылетѣла. Въ это время онъ схватилъ стрѣлу, сердце съ легкимъ обратно положилъ въ грудь на старое мѣсто, доставши изъ кармана красный шелковый платокъ, потеръ имъ по ранѣ и вылѣчилъ ее совсѣмъ; (стала грудь) какъ прежде. Говоритъ рѣчисто и, стоя, смѣется закатисто: „Мѳръ мѳргѳнъ! въ меня съ гору величиною Эрз-Тохоло-мѳргѳна не попавши стрѣлою, послѣ этого въ кого же попадешь“? Мѳръ-мѳргѳнъ, сильно стыдась, стоитъ и удивляется, что промахнулся. Потомъ Эрз-Тохоло-мѳргѳнъ говоритъ: „Теперь настала моя очередь стрѣлять“! Эрз-Тохоло-мѳргѳнъ вынимаетъ изъ футляра желтый лукъ Бухаръ и изъ серебрянаго колчана черную стрѣлу (хангай), выемкою прикладываетъ къ тетивѣ желтаго лука Бухаръ и натягиваетъ такъ, что изъ выемки стрѣлы выходитъ дымъ и съ наконечника стрѣлы сыплются искры. Такъ натягивая лукъ, говоритъ: „Если мнѣ суждено умереть, то безъ вѣсти иди, а если большимъ Творцомъ мнѣ суждено побѣдить, то попади Мѳръ-мѳргѳну прямо въ пустую черную грудь, пробей ее насквозь, какъ дверь, большую рану сдѣлай, чтобъ въ эту рану видно было, какъ днемъ свѣтило бы. Сердце съ легкимъ на выемку намотавши, вылети и унося, брось къ зубамъ кабана и къ клюву пестрой сороки“! Послѣ этого пу-

стиль стрѣлу. Эта пущенная стрѣла, изъ рукъ выйдя горько летить, изъ подъ большого пальца выйдя съ силою летить. Отъ визга стрѣлы широкая земля трясется и отъ свиста стрѣлы высокое небо гудить. Эта стрѣла дѣлаетъ на землѣ пыль и туманъ, въ которомъ козули отъ козулятъ блуждаютъ и птицы отъ своихъ птенцовъ блуждаютъ. Отъ этого визга и свиста стрѣлы Мѳръ-мѳргѳнъ, шатаясь, едва стоитъ на ногахъ, оба глаза темнѣютъ, въ обоихъ ушахъ шумить. Онъ стоитъ, раскрывши черную пустую грудь. Эта стрѣла прилетѣла и попала въ черную пустую грудь его и сквозь пролетѣла, какъ дверь, большую рану сдѣлавши; въ эту рану свѣтило, какъ днемъ. Сердце съ легкимъ, намотавши на выемкѣ, стрѣла унесла и бросила къ зубамъ кабана и къ клюву пестрой сороки. Тогда Мѳръ-Мѳргѳнъ упалъ на спину, и, раскинувъ руки и вытянувшись, умеръ. Эрз-Тохоло-мѳргѳнъ съ южной стороны спускается и поднимается на сѣверную гору и, подѣхавъ, говоритъ: „Въ его конѣ не нуждаюсь и обойдусь безъ него“! Горбатаго чалаго коня убилъ надъ Мѳръ-мѳргѳномъ.

Послѣ этого Эрз-Тохоло-мѳргѳнъ поѣхалъ далѣе. Онъ ѣхалъ по царской дорогѣ. Побрякивая рысить, черезъ десять падей ровнехонько рысить, и черезъ двадцать падей прямохонько рысить; въ дальнюю сторону прямой путь держа, рысать, въ жаркіе дни безъ питья рысать, въ темную ночь безъ сна рысать. Тринадцати царямъ вѣсть подавая, рысать; до двадцати трехъ богатырей шумъ распространяя, рысать; тѣ шопотомъ между собою говорятъ: „Если Эрз-Тохоло-мѳргѳнъ, рѣшившись, выѣхалъ изъ дома, то будетъ конецъ міру; свадьба и преданіе (будутъ); и будутъ жестокая война и побоища“. Во время этой ѣзды наступаетъ сѣренькая ночевка; тогда онъ выѣзжаетъ на вершину одной высокой горы, гдѣ съ сиваго коня снимаетъ сѣдло и узду и отпускаетъ его,

тотъ спотыкался впередъ; толкалъ назадъ и тотъ падалъ назадъ.

Въ это время у Абай-Гэхэръ-Богдо-хана изъ тринадцати волшебствъ или превращеній осталось только три волшебства, а у Галь-Долмо-хана изъ тысяча трехъ волшебствъ осталось только триста волшебствъ. Тогда Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ призываетъ, крича: „Западные высокіе тэнгерины, пятьдесятъ пять тэнгериновъ, выручите! Самый старшій тэнгери Ханъ-Тюрмасъ-тэнгери, отецъ мой, выручи! У западныхъ тэнгериновъ на сѣверо-западной сторонѣ живущая бабушка Манзанъ-Гормо выручи! Старшій братъ Ами-Сахидакъ выручи! три старшія сестры бурханы Хохо выручите!“ Такъ призывая, кричалъ. Съ помощью трехъ оставшихся волшебствъ онъ свое призываніе превратилъ такъ, что Галь-Долмо-хану слышалось, будто Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ поетъ пѣсню, будто онъ побѣжденъ имъ. У западныхъ тэнгериновъ на сѣверозападной сторонѣ живущая бабушка Манзанъ-Гормо большимъ знаніемъ узнала и большимъ разумомъ уразумѣла, что Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ воюетъ съ Галь-Долмо-ханомъ. Бабушка Манзанъ-Гормо быстро, торопясь открываетъ материнское желтое большое священное писаніе и читаетъ въ немъ, что Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ воюетъ на землѣ съ Галь-Долмо-ханомъ, что послѣдній побѣждаетъ перваго и что Абай-Гэхэръ-Богдо-хану остается до смерти только три часа времени. Тогда бабушка Манзанъ-Гормо немедля, быстро дала знать отцу Абай-Гэхэръ-Богдо-хана Ханъ-Тюрмасъ-тэнгерины, который, узнавши объ этомъ, быстро и наскоро приготовилъ старшаго сына Ами-Сахидака и послалъ внизъ на землю на помощь Абай-Гэхэръ-Богдо-хану.

Ами-Сахидакъ спускается внизъ на землю, прямо на восточную сторону. Ёдя въ серединѣ между небомъ и землею, на половинномъ разстояніи между ними, онъ читаетъ свое

священное писаніе; изъ него онъ узнаеть, что Абай-Гэхэръ-Богдо-хану жить осталось только полтора часа времени; если продолжать спускаться и ѣхать далѣе, то онъ долженъ опоздать, и Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ умереть до пріѣзда старшаго брата. Тогда Ами-Сахидакъ съ половины разстоянія между небомъ и землей выстрѣлилъ стрѣлой, говоря: „Если старшимъ отцомъ присуждено умереть, то, стрѣла моя, иди безъ вѣсти; если же не суждено умереть, то попади Галь-Дѳлмѳ-хану на спинной сторонѣ изъ ста тысячъ глазъ въ самый средній бѣлый глазъ и вылети сквозь!“ Стрѣла Ами-Сахидака полетѣла прямо на восточную сторону. Галь-Дѳлмѳ-ханъ въ это время большимъ знаніемъ узналъ и разумомъ уразумѣлъ, что летитъ къ нему стрѣла Ами-Сахидака; бросивъ Абай-Гэхэръ-Богдо-хана и сѣвъ на коня, онъ поскакалъ отъ стрѣлы, а она погналась за нимъ. Галь-Дѳлмѳ-ханъ поскакалъ по направленію къ горѣ Зэрэнъ, гдѣ хотѣлъ спрятаться отъ преслѣдующей стрѣлы, но по ошибкѣ, заблудившись, поскакалъ къ горѣ Мѳрѳнъ; пріѣхавши къ горѣ Мѳрѳнъ, поскакалъ далѣе къ горѣ Зэрэнъ. Стрѣла Ами-Сахидака догнала Галь-Дѳлмѳ-хана и изъ находящихся на спинной сторонѣ ста тысячъ глазъ попала въ самый средній бѣлый глазъ и пробила его насквозь. Тогда Галь-Дѳлмѳ-ханъ упалъ впередъ вничь и обѣ руки протянулъ впередъ; мизинцемъ одной руки едва досталъ до горы Зэрэнъ; поэтому онъ не умеръ еще, а лежалъ едва живой. Послѣ этого Ами-Сахидакъ спустился на землю и пріѣхалъ къ Абай-Гэхэръ-Богдо-хану и большимъ пальцемъ исцѣлилъ его, указательнымъ пальцемъ выцѣпилъ. Тогда Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ всталъ, вошедши въ прежнія силу и тѣло.

Потомъ Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ съ старшимъ братомъ Ами-Сахилакомъ и съ тридцатью тремя батарами поѣхали за Галь-Дѳлмѳ-ханомъ, который лежалъ едва живой. Когда они

тара. Пока натягиваю желтый лукъ Бухарь, чтобы съ острія наконечника стрѣлы вылетали искры, а изъ выемки стрѣлы выходилъ дымъ“. Такъ говоря, онъ выпустилъ стрѣлу изъ желтаго лука Бухаря. Эта стрѣла попала въ обширную черную грудь Эржинъ-Шумаръ-батара и пробила ее насквозь. Эржинъ-Шумаръ-батаръ поймалъ стрѣлу, пробитую рану большимъ пальцемъ исцѣлили и указательнымъ пальцемъ вылѣчили. Потомъ говоритъ: „Имѣющія остріе не знаютъ своихъ хозяевъ!“ Послѣ этого тою же стрѣлою выстрѣлилъ обратно, говоря: „Если мнѣ умереть суждено создателемъ, то пусть стрѣла эта уйдетъ безвозвратно, а если я имѣю старшаго создателя и мнѣ суждено побѣдить Боржинъ-Шумаръ-батара, то попади ему прямо въ шею и голову его отдѣли отъ тѣла прочь“. Такъ говоря, онъ выпустилъ стрѣлу. Самъ Эржинъ-Шумаръ поскакалъ за стрѣлою, говоря: „Кто быстрѣе, конь или стрѣла?“ Эта стрѣла летѣла, летѣла и прилетѣла къ Боржинъ-Шумаръ-батару, попала ему прямо въ шею и отдѣлила голову отъ тѣла. Тогда Боржинъ-Шумаръ, распростершись, упалъ и растянувшись, легъ; въ это время по верхушкѣ травы одѣвшись, по верхушкѣ тростника соединившись, хотѣлъ онъ встать. Тогда Эржинъ-Шумаръ-батаръ прискакалъ, колющее острое копье воткнулъ въ голову Боржинъ-Шумаръ-батара и обратно ускакалъ. Приѣхавши обратно, привезенную голову Боржинъ-Шумаръ-батара бросилъ на колѣни Галь-Дѣлмѣ-хана: „Имѣя такого батара, какъ ты, подумалъ назначить бороться съ человѣкомъ!“ Такъ говоря, стоялъ Эржинъ-Шумаръ-батаръ.

Тогда Галь-Дѣлмѣ-ханъ сильно разсердился. Послѣ этого вырѣшили воевать обоимъ царямъ. Такъ тридцать три батара Абай-Гэхэръ-Богдо-хана начали воевать съ войсками Галь-Дѣлмѣ-хана. Тридцать три батара Абай-Гэхэръ-Богдо-хана рубятъ саблями въ одну сторону и убиваютъ тысячу людей,

рубятъ на обѣ стороны, убиваютъ двѣ тысячи людей. Такъ они воевали. Къ вечеру возвратились на стоянку; оказалось только тридцать два батара, одного батара не хватаетъ. Тогда Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ спрашиваетъ у своихъ батаровъ: „Гдѣ одинъ изъ васъ“? Тридцать два батара не знаютъ. Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ сильно разсердился и говоритъ имъ: „Другъ за другомъ посматривайте! Чужое мѣсто сильно, и въ норѣ тарбагана слотыкаются“!

На другое утро тридцать два батара опять уѣхали воевать съ войсками Галь-Дѳлмѳ-хана; когда они пріѣхали, то начали воевать; въ одну сторону рубили и убивали тысячу людей, на обѣ стороны рубили и убивали двѣ тысячи людей; мясные бугры сдѣлали, кровавые ручьи потекли. Къ вечеру опять пріѣхали обратно тридцать два батара, одного все не хватаетъ, какъ вчера. Тогда Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ спрашиваетъ: „Гдѣ у васъ одинъ“? Тридцать два батара не знаютъ, куда потерялся одинъ изъ нихъ. Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ опять сильно разсердился и говоритъ своимъ тридцати двумъ батарамъ: „Другъ за другомъ надо посматривать“. Послѣ этого Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ началъ провѣрять своихъ батаровъ; оказалось, что нѣтъ Эржинъ-Шумаръ-батара. На третье утро Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ говоритъ тридцати двумъ батарамъ: „Когда вечеромъ пріѣдете обратно на стоянку, то найдите Эржинъ-Шумаръ-батара. Живъ онъ или убитъ“? Тридцать два батара совсѣмъ уже собрались ѣхать; въ это время изъ среды войска Галь-Дѳлмѳ-хана выѣхалъ верхомъ одинъ человѣкъ и пріѣхалъ къ нимъ. Когда Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ увидаль этого человѣка, то говоритъ своимъ тридцати двумъ батарамъ: „Подождите этого человѣка“! Тридцать два батара подождали его. Когда этотъ человѣкъ подѣхалъ къ нимъ, то оказался Эржинъ-Шумаръ-батаромъ; пріѣхавъ къ нимъ, онъ сильно разсердился на прочихъ ба-

ровъ и говоритъ: „Развѣ мы прѣѣхали спокойно погулять на вечерку или прѣѣхали, отдыхая, гулять на свадьбу? Такъ воюя, когда кончите войска Галь-Дѣлмѣ-хана?“ Эржинъ-Шумаръ-батыръ такъ говоря, сидя на конѣ, напился и наѣлся и послѣ этого опять поскакалъ воевать. Остальные тридцать два батара поѣхали за нимъ. Теперь всѣ тридцать три батара Абай-Гэхэръ-Богдо-хана начали воевать такъ, что позабыли ѣду и сонъ; тридцать три батара воевали въ продолженіи трехъ дней и ночей; наконецъ шесть сутокъ воевали, не могли кончить и едва, едва на девятыя сутки прикончили всѣ войска Галь-Дѣлмѣ-хана и прѣѣхали обратно всѣ въ крови, и сами и лошади ихъ.

Послѣ этого оба царя Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ и Галь-Дѣлмѣ-ханъ начали воевать между собою. Галь-Дѣлмѣ-ханъ вынимаетъ свою саблю. Онъ ударилъ ею Абай-Гэхэръ-Богдо-хана, разрубилъ и разсѣкъ его насквозь отъ праваго плеча до пятки лѣвой ноги, потомъ разрубилъ и разсѣкъ его съ лѣваго плеча до пятки правой ноги. Въ то время, какъ на четыре части разрубленный Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ падалъ на землю, Галь-Дѣлмѣ-ханъ разрубилъ его поперекъ тѣла и сдѣлалъ восемь частей. Такъ разрубленный Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ падалъ на землю, какъ будто вода потекла, какъ будто ледъ растаялъ. Не дойдя до земли, по вершинамъ травъ всѣ разрубленные части слились вмѣстѣ, по вершинамъ тростника всѣ разрубленные части соединились вмѣстѣ и Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ всталъ; вставши, онъ рѣчиисто говорилъ и закатисто смѣялся, говоря: „Думаешь ли, что у мужчины нѣтъ столько возшебства и таинственной силы?“

Потомъ Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ беретъ свою саблю и рубить Галь-Дѣлмѣ-хана. Онъ ударилъ его саблею съ праваго плеча и разрубилъ до пятки лѣвой ноги; потомъ ударилъ саблею съ лѣваго плеча и разрубилъ до пятки правой ноги.

Когда Галь-Долмо-ханъ, разрубленный на четыре части падалъ на землю, Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ разрубилъ его поперекъ тѣла и сдѣлалъ восемь частей. Такъ разрубленный Галь-Долмо-ханъ падалъ на землю, но не дойдя до земли, какъ вода потекла и какъ ледъ растаялъ, по вершинѣ травы всѣ разрубленные куски слились вмѣстѣ и по вершинѣ тростника соединились; Галь-Долмо-ханъ всталъ и рѣчисто говоритъ и закатисто смѣется, говоря: „Что? думаешь ли, что у мужчины нѣтъ столько волшебства и таинственной силы?“

Послѣ этого оба царя Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ и Галь-Долмо-ханъ говорили другъ другу, что оружіемъ, имѣющимъ остріе, они не могутъ побѣдить другъ друга и рѣшили воевать силою плеча. Они оба прекрасные подола заткнули за поясъ, оба рукава засучили до локтей; такъ начали воевать силою плеча. Они воевали другъ съ другомъ въ продолженіи трехъ сутокъ, не могли побѣдить другъ друга; воевали въ продолженіи девяти сутокъ, тоже не могли побѣдить другъ друга; продолжали воевать три мѣсяца, не могли побѣдить другъ друга, вслѣдствіе чего продолжали воевать девять мѣсяцевъ; въ это время они воевали, къ коню бросить дѣйствительно равномѣрно воевали, и къ верблюду бросить, равнымъ равно воевали; впередъ упираясь, красную гору дѣлали, назадъ пинаясь, высокую гору дѣлали, ровныя мѣста сдѣлали гористыми; на землѣ сдѣлали туманъ и пыль, птицы, имѣющія птенцовъ, заблудились отъ птенцовъ, козули заблудились отъ козлятъ и люди, имѣющіе балаганы, заблудились отъ своихъ балагановъ; сдѣлалось на землѣ свѣтопреставленіе. Въ продолженіи девяти мѣсяцевъ не могли побѣдить другъ друга, а потому продолжали воевать въ теченіи трехъ лѣтъ. Тогда Галь-Долмо-ханъ началъ побѣждать Абай-Гэхэръ-Богдо-хана, который выбился изъ силъ. Галь-Долмо-ханъ тянулъ Абай-Гэхэръ-Богдо-хана впередъ и

приѣхали, Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ взялъ свою стрѣлу и выстрѣлили Галь-Дѳлмѳ-хану въ пятки; стрѣла попала въ пятки и вылетѣла черезъ голову; тогда только Галь-Дѳлмѳ-ханъ умеръ. Потомъ тѣло Галь-Дѳлмѳ-хана сожгли на кострѣ, собравши лѣсныя деревья съ верхушками и таежныя деревья тоже съ верхушками, оставшіеся пепель и золу березовою лопатою разбросали на сѣверную сторону и осиновою лопатою разбросали на южную сторону. Послѣ этого всѣ они поѣхали къ дворцу Галь-Дѳлмѳ-хана; въ этомъ дворцѣ стояла необыкновенно красивая жена его. Когда они увидѣли жену Галь-Дѳлмѳ-хана, то всѣмъ захотѣлось имѣть ее. Старшій братъ Абай-Гэхэръ-Богдо-хана Ами-Сахидакъ говоритъ: „Отдайте ее мнѣ! Я увезу“! Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ говоритъ: „Отдайте ее мнѣ! Я увезу домой“! Тогда сынъ Бомбохія Буда-Уланъ-батыръ говоритъ: „Отдайте ее мнѣ! Я женюсь на ней. Одинъ изъ васъ небесный человекъ и на небѣ имѣетъ жену; зачѣмъ ему земную женщину везти на небо? А другой изъ васъ имѣетъ трехъ женъ, на что ему еще четвертую жену? Я же не имѣю жены, потому я долженъ жениться на ней“.

Тогда у Абай-Гэхэръ-Богдо-хана изъ висѣвшихъ у праваго бока ноженъ выскочила сабля и упала на землю. Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ говоритъ: „Въ прежнее время такъ падала моя сабля передъ труднымъ и продолжительнымъ воеваніемъ и предсказывала сильнаго непріятеля, а теперь это что предзнаменуетъ“? Такъ говоря, Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ этою саблею разсѣкъ съ головы до ногъ жену Галь-Дѳлмѳ-хана. Она упала на землю, разсѣченная на двѣ части; изнутри ея вышелъ трехмѣсячный мальчикъ, который строгалъ костяной наконечникъ стрѣлы и пѣлъ пѣсню. Начали рубить этого мальчика, никакъ не могли зарубить, даже царапины не было. Кололи, никакъ не могли заколоть, даже

ямочки не было. Послѣ этого съ неба спустились семьдесятъ три кузнеца и девяносто три мѣховыхъ; они сдѣлали желѣзный амбаръ и посадили въ него этого мальчика; снаружи желѣзнаго амбара выстроили деревянный амбаръ и деревянный амбаръ засыпали углемъ, потомъ зажгли и начали дуть мѣхами со всѣхъ сторонъ; деревянный амбаръ сгорѣлъ, а желѣзный амбаръ раскалился до красна. Послѣ этого открыли дверь желѣзнаго амбара и посмотрѣли на мальчика; онъ сидѣлъ, продолжая дѣлать костяной наконецникъ стрѣлы и пѣлъ по прежнему пѣсню: „Отецъ скончался. Я, опоздавши, тоже скончаюсь“! Послѣ этого опять заперли дверь желѣзнаго амбара и продолжали калить амбаръ; отъ сильного жара амбаръ началъ таять, тогда и этотъ мальчикъ началъ раскаливаться и таять; наконецъ сдѣлался величиною съ клеща и ушелъ въ землю, говоря: „Пока не потрется ушко желѣзнаго стремена, пока родившійся у тебя не будетъ носить колчанъ, буду преслѣдовать“.

Послѣ этого всѣхъ подданныхъ Галь-Долмб-хана, скоть, золото и серебро собрали и пріѣхали обратно домой; по дорогѣ всѣхъ подданныхъ и скоть Ганга-Бэрэдъ-хана оставили на прежнемъ мѣстѣ, какъ прежде жили, а сами пріѣхали домой. Старшій братъ Абай-Гэхэръ-Богдо-хана поднялся на небо. Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ съ тридцатью тремя батарами сдѣлали большой пиръ, по окончаніи котораго они зажили счастливо.

* * *

Помѣщаю здѣсь пѣсню, которую буряты поютъ въ честь красоты трехъ женъ Абай-Гэхэръ-Богдо-хана.

Тэнгэрин наран зайханью

Томон жаргалан зайханью

Окторгон наран жайханью
 Урма гохон жайханью
 Алтан варан жайханью
 Алма мѳргѳн жайханью

По русски:

Небесное солнце красиво,
 Тѳмѳнъ-Жаргаланъ красивѳе!
 Солнце ночнаго неба красиво,
 Урма-Гохонъ красивѳе!
 Золотое солнце красиво,
 Алма-Мѳргѳнъ красивѳе!

Отрывки изъ повѳсти объ Абай-Гэхэръ- Богдо-ханѳ.

1. По словамъ бильширскихъ бурятъ когда западный Ханъ-Тюрмасъ-тэнгѳри воевалъ съ восточнымъ Ата-Уланъ-тэнгѳриномъ и побѳдилъ послѳдняго, Ата-Уланъ-тэнгѳри убѳжалъ и укрылся у Бурьтакъ-Бала-тэнгѳри. Западный Ханъ-Тюрмасъ-тэнгѳри не могъ далѳе преслѳдовать своего противника, потому что Бурьтакъ-Бала-тэнгѳри не чистый и около него западный Ханъ-Тюрмасъ-тэнгѳри и самъ могъ сдѳлаться нечистымъ. Такимъ образомъ восточный Ата-Уланъ-тэнгѳри избѳгъ преслѳдованія и остался на небѳ.

2. Изъ восточныхъ тэнгѳриновъ девять Жилбэнъ-тэнгѳри спустились на землю и сдѳлались Галь-Дѳлмѳ-ханомъ.

3. У западнаго тэнгѳрина Аракъ-Саганъ-тэнгѳри была дочь, которую звали Алма-Гохонъ-абаха; она заболѳла оттого, что у нея украли душу три сына восточнаго тэнгѳрина Шаранъ-гурбанъ-тэнгѳри; этихъ трехъ сыновей называли Гурбанъ-

Хонгоръ-хобудъ *). Душу дѣвицы Алма-Гохонъ-абаха не могли найти; тогда Аракъ-Саганъ-тэнгэри обратился къ бабушкѣ Манзанъ-Гөрмѣ, а та и сказала, что душу дѣвицы украли Гурбанъ-Хонгоръ-хобудъ, три сына восточнаго тэнгэрина Шаранъ-Гурбанъ-тэнгэрина, и что все это можетъ узнать сынъ западнаго Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэрина, Мөргөнъ-Төгөлтөръ, если онъ поймаетъ птичку „алтаргана“, на спинѣ которой написано, какъ и кѣмъ украдена душа Алма-Гохонъ-абаха. Аракъ-Саганъ-тэнгэри сталъ просить Мөргөнъ-Төгөлтөра, чтобы онъ поймалъ птичку „алтаргана“ и прочиталъ, что тамъ написано; Мөргөнъ-Төгөлтөръ согласился и спустился на землю, подкараулилъ птичку алтаргана и выстрѣлилъ въ нее нечистою стрѣлою; тогда эта птичка сдѣлалась нечистою и упала на землю. Мөргөнъ-Төгөлтөръ прочиталъ на спинѣ птички; тамъ было написано, что душу дѣвицы Алма-Гохонъ-абаха украли сыновья Шаранъ-Гурбанъ-тэнгэрина, три Гурбанъ-Хонгоръ-хобудъ, и держать ее въ золотомъ ящикѣ подъ подушкою; если эту украденную душу возвратить дѣвицѣ Алма-Гохонъ-абаха, то дѣвица выздоровѣетъ. Мөргөнъ-Төгөлтөръ передалъ прочитанное Аракъ-Саганъ-тэнгэрину. Тогда западные тэнгэрины поручили Мөргөнъ-Төгөлтөру освободить душу дѣвицы Алма-Гохонъ-абаха. Мөргөнъ-Төгөлтөръ поѣхалъ къ восточнымъ тэнгэринамъ и началъ воевать съ тремя сыновьями Шаранъ-Гурбанъ-тэнгэрина, съ братьями Гурбанъ-Хонгоръ-хобудами, побѣдилъ ихъ и бросилъ на землю. Гурбанъ-Хонгоръ-хобудъ, очутившись на землѣ, сдѣлался тремя царями Шарабали (Шарабали гурбанъ-хобудъ). Мөргөнъ-Төгөлтөръ, побѣдивъ трехъ братьевъ, освободилъ душу дѣвицы Алма-Гохонъ-абаха и она выздоровѣла.

*) *Хобудъ*, множественное число отъ единственнаго *лобугъ* „сынъ“.

4. Жену Хань-Тюрмасъ-тэнгэрина называли Хань-Гурмэ-хатанъ; она была дочь западнаго тэнгэрина, живущаго въ сѣверовосточной сторонѣ, по имени Хань-Бѳргѳдь-тэнгэри.

5. На землю хотѣлъ спуститься самъ Хань-Тюрмасъ-тэнгэри, чтобы избавить земныхъ людей отъ нападений восточныхъ тэнгэриновъ, но тесть Хань-Бѳргѳдь-тэнгэри отсовѣтовалъ ему. „Ты самъ не можешь спуститься на землю, сказалъ онъ, потому что на землѣ сдѣлающся нечистымъ; а на землю долженъ спуститься сынъ твой Мѳргѳнь-Тѳгѳлтѳръ“.

6. На землѣ присудили изгнать дѣвицу Хадара-Гохонъ-абаха, дочь Наранъ-Гэрэлтѳ-хана *), и изгнали. Отъ нея родился на землѣ Абай-Гэхэрт-богдо-ханъ.

Ута-Саганъ-батаръ.

Въ прежнее счастливое время жилъ Ута-Саганъ-батаръ съ своею женою Урма-Гохонъ-хатанъ. Ута-Саганъ-батаръ имѣлъ прекрасный дворецъ, который снаружи былъ бѣлѣе снѣга, а внутри былъ вызолоченъ и высеребренъ; двери были перламутровыя. Дворецъ былъ вышиною до облаковъ, съ серебрянымъ крыльцомъ; снаружи онъ былъ обведенъ дворомъ изъ рыжаго камня (хурэ шулун хурэ); запирали дворъ чернымъ камнемъ (хара шулун халга). Среди двора были три серебряныя коновязи. Ута-Саганъ-батаръ имѣлъ быстрога бѣлоротаго бѣлаго коня, который пасся на южной сторонѣ Хѳхѳ **) и на сѣверной сторонѣ Алтая. Ута-Саганъ-батаръ жилъ на берегу Чернаго моря, черезъ которое былъ выстроенъ чер-

*) Наранъ—по бурятски „солнце“; гэрэлтѳ—„сіяніе“, „лучъ“; всѣ три члена имени будутъ значить „ханъ съ солнечнымъ сіяніемъ“.

**) Хѳхѳ вѣроятно большой хребетъ Хань-Хухэй въ Монголіи, къ с. отъ монгольскаго Алтая.

ный желѣзный мостъ. Черное море служило водопоемъ для его скота. Ута-Саганъ-батаръ имѣлъ множество подданныхъ, живущихъ на сѣверной сторонѣ моря, и множество разнаго скота, который пасся на южной сторонѣ моря. Кромѣ того Ута-Саганъ-батаръ имѣлъ бѣлосеребряный храмъ, который былъ вышиною выше бѣгущихъ облаковъ и едва ниже синѣющаго неба; въ этомъ храмѣ въ сѣверовосточномъ углу находится глубокая яма хуръ-тама*) глубиною 80 сажень; на днѣ этой хуръ-тама стоитъ озеро живой воды, которая гладко чернѣется; въ этомъ озерѣ живой воды играютъ три большихъ тальмена. Въ югозападномъ углу храма стоитъ бѣло-костяной столъ; на немъ лежитъ бѣло-костяная собака, которая днемъ три раза лаетъ и ночью три раза лаетъ. Въ югозападномъ углу бѣло-серебряный зайчикъ день и ночь играетъ, все узнавая. Ута-Саганъ-батаръ въ этомъ храмѣ имѣлъ моленіе.

Прямо на восточной сторонѣ далеко на дальнемъ мѣстѣ, до котораго имѣющіе копыта кони не могутъ доѣхать, имѣющія плохія крылья галки не могутъ долетѣть, въ такой дальней сторонѣ Ута-Саганъ-батаръ имѣлъ двухъ дядей; одинъ дядя доброжелательный Сарагалъ-ноенъ, а другой завистливый Хара-Сотонъ. Эти два дяди имѣли бѣло-серебряные дворцы, множество подданныхъ, живущихъ на сѣверной сторонѣ, множество скота, пасущагося на южной сторонѣ. Въ одно утро завистливый дядя Хара-Сотонъ входитъ во дворецъ доброжелательнаго дяди Сарагалъ-ноена и говоритъ ему: „Я сегодня во снѣ видѣлъ, будто я прямо съ западной стороны, съ далеко-дальняго мѣста, до котораго имѣющіе копыта кони не могутъ доѣхать, съ плохими крыльями галки не могутъ долетѣть, съ такой дальней стороны пригналъ мно-

*) Тама „адъ“.

самъ разводить съ бугоръ величиною сѣрокрасный костеръ огня. Одной стрѣлой онъ свалилъ двухъ изюбрей, самца и самку, и изжарилъ на рожнѣ. Разостлавъ потникъ, подъ голову положивъ серебряное сѣдло, ложится спать, грѣя спину на огнѣ. На другое утро встаетъ, приводитъ въ порядокъ волосы, моетъ лицо и руки; потомъ съѣлъ изжаренныхъ изюбрей самца и самку, кости выфыркнулъ черезъ носъ и выплюнулъ черезъ ротъ; вынуть изъ пазухи ганзу и кисеть, курить табакъ. Въ это время смотреть въ даль и видить прямо на юго-восточной сторонѣ серебряный дворецъ высокою до высокаго неба, едва бѣлѣя, виднѣется. На дворѣ этого бѣлосеребрянаго дворца у серебряной коновязи привязанный стоитъ, будто сиво-сѣрый конь, сдѣлавшійся кровяно-краснаго цвѣта; на серебряномъ сѣдлѣ этого сѣраго коня повѣшены серебряный колчанъ Буда и желтый лукъ Бухарь въ футлярѣ. Виля это, Эрэ-Тохоло-мѳргѳнъ сильно обрадовался и говорить: „Въ молодости этого тѣла, пока горячо мясо козленка, какая славная война предвидится“? Послѣ этого поймалъ коня и наскоро осѣдавъ его, поѣхалъ по направленію къ виденному серебряному дворцу. Приѣхавъ къ нему остановился у серебряной коновязи и слѣзъ съ сиваго коня. Эрэ-Тохоло-мѳргѳнъ сравниваетъ своего сиваго коня съ привязаннымъ конемъ; его конь оказывается немного ниже и короче. Беретъ желтый лукъ Бухарь изъ футляра съ этого сиво-сѣраго коня и сравниваетъ со своимъ лукомъ; оказывается, его лукъ немного короче. Послѣ этого онъ думаетъ: „Неужели онъ лучше и сильнѣе меня“? Потомъ онъ привязалъ своего сиваго коня къ серебряной коновязи рядомъ съ сиво-сѣрымъ конемъ, а самъ пошелъ ко дворцу. Эти два коня, понюхавши другъ друга, заржали, а потомъ начали другъ друга щипать. Эрэ-Тохоло-мѳргѳнъ, обернувшись, увидалъ это и говорить: „Эти два коня гдѣ другъ друга видывали“? Онъ

входить послѣ этого во дворець, тамъ лежитъ и спитъ, какъ лопата, съ большими зубами и съ рыжекраснымъ лицомъ молодой молодець; голова его лежитъ у одной стѣны, а ноги упираютъ въ другую стѣну. Онъ никакъ не можетъ разбудить этого молодого молодца; тогда начинается рубить и не можетъ вырубить; даже царапины незамѣтно тамъ, гдѣ онъ рубилъ; начинается колоть, и не замѣтно, что колото. Послѣ этого Эрэ-Тохоло-мѳргѳнъ ложится рядомъ на его постель и засыпаетъ крѣпкимъ сномъ. Черезъ нѣкоторое время домохозяинъ пробудился и видитъ, что рядомъ съ нимъ спитъ незнакомый человѣкъ; тогда онъ говоритъ: „Это какая такая земная лягушка? что за жукъ, вошедшій въ чужой домъ спать? вставай!“ Сказавши такъ, пнулъ его ногою. Эрэ-Тохоло-мѳргѳнъ въ просонкахъ векочилъ на ноги. Оба они въ просонкахъ начали воевать во дворець, пробили югозападный уголъ дворца и вышли на улицу, продолжали и тамъ воевать, но никакъ не могутъ побѣдить другъ друга. Тогда они остановились и говорятъ: „Нужно искать другъ у друга души, чтобы побѣдить другъ друга“. Оба они берутъ другъ у друга желтую книгу „Заяни-шара-худоръ“ и читаютъ; въ этихъ желтыхъ книгахъ они вычитываютъ, что ихъ обоихъ на землѣ создалъ одинъ творецъ, что они созданы однимъ создателемъ Бурханомъ; оба они сдѣлались родными братьями. Тогда хозяинъ дворца спрашиваетъ: „Ты откуда и какъ тебя зовутъ?“ Тотъ отвѣчаетъ: „Я прямо на сѣверной сторонѣ живу, на берегу синяго моря и на подошвѣ горы Мѳнгѳтѳ-ула родившійся Эрэ-Тохоло-мѳргѳнъ, имѣющій высокое небо отцомъ и широкую землю матерью“. Эрэ-Тохоло-мѳргѳнъ спрашиваетъ: „Какъ тебя зовутъ?“ Тотъ отвѣчаетъ: „Я сынъ неба Хохо-Монгона, меня зовутъ Хѳхѳѳ-мѳргѳнъ; прямо на южной сторонѣ у царя Шажинъ-Номона есть дочь Шаралду-Гохонъ-абаха; я сватаюсь за нее и воюю, оспаривая ее, съ тремя

братьями мангатхями, которые тоже сватаются за нее; здѣсь, выстроивши дворецъ, отдыхаютъ. Три брата мангатхай очень сильныя враги, подданныхъ и войска у нихъ множество; этихъ подданныхъ и войско его я избиваю до единого, но они по вершинѣ травы сходятся и по вершинѣ тростника соединяются и снова встаютъ и воюютъ со мною. Эрэ-Тохоло-мѳргѳнъ говоритъ: „Въ молодости этого тѣла, пока тепло мясо козленка провозжать долгій годъ и много дней, какія славныя слова услышалъ“. Такъ стоя, онъ сильно обрадовался. Они мѣняются золотыми кольцами, говоря другъ другу: „если одинъ изъ насъ будетъ побѣжденъ врагами, то у того кольцо будетъ тускнѣть и чернѣть; тогда другой долженъ пріѣхать на помощь“. Такъ послѣ этого оба эти добрые молодца сѣли на коней и поѣхали прямо на южную сторону и пріѣхали къ царю Шажинъ-Номону, остановились у серебряной коновязи, привязали къ ней коней красными шелковыми поводьями, входятъ въ бѣлосеребряный дворецъ, перламутрово-серебряную дверь складно-хорошо отворяютъ, черезъ серебряный порогъ, не насоривши шагая, входятъ. Войдя царскимъ здоровьемъ здороваются и, какъ царица, кланяются; сплошно-серебряный полъ отъ тяжелыхъ шаговъ гнется и скрипитъ. Царь Шажинъ-Номонъ съ покойнаго серебрянаго трона сходитъ и на серебряный тронъ садитъ гостей; въ это время сѣвъ, не помнить, что сидитъ, и вставъ, не помнить, что всталъ. Передъ двумя этими прекрасными молодцами поставили золотой столъ, на него поставили вкусную пищу, поставили серебряный столъ, на немъ поставили дѣйствительно вкусную пищу и крѣпкое вино подавали. Въ это время царь Шажинъ-Номонъ спрашиваетъ у Эрэ-Тохоло-мѳргѳна: „Гдѣ питая вода и упавшая*) земля?“ Тогда Эрэ-Тохоло-мѳргѳнъ отвѣчаетъ:

*) Земля паденія? *Ред.*

„Прямо на сѣверной сторонѣ на разстояніи столѣтней вѣды живущій на берегу синяго моря на подошвѣ горы Мѳнгѳтѳулы и имѣющій высокое небо отцомъ и широкую землю матерью, Эрѣ-Тохоло-мѳргѳномъ называть“. Въ это самое время три брата мангатхай, старшій, имѣющій семьдесятъ пять головъ Дабагаръ-шара-мангатхай, средній, имѣющій двадцать пять головъ, Хорто-шара-мангатхай и младшій, имѣющій только двѣ головы Лѣхѳръ-Тайжи-мангатхай приплыли на трехъ корабляхъ черезъ желтое море и пристали къ берегу, гдѣ живетъ царь Шажинъ-Номонъ; въ трехъ корабляхъ было посажено множество войска; войско высадили и оно на берегу желтаго моря кишить, какъ муравьи въ муравейникѣ. Три брата мангатхай, узнавъ, что Эрѣ-Тохоло-мѳргѳнъ и Хѳхѳѳ-мѳргѳнъ пріѣхали къ царю Шажинъ-Номону свататься на его дочери Шаралду-Гохонъ-абахай, приплыли, чтобъ повоевать съ этими двумя молодцами. Три брата мангатхай послали трехъ быстрыхъ пословъ къ царю Шажинъ-Номону узнать, выдастъ ли онъ свою дочь замужъ за ихъ младшаго брата, и если не выдастъ, то чтобъ указалъ мѣсто для войны. Эти два прекрасные молодца указали тремъ посланнымъ посламъ мѣсто войны на сѣверной сторонѣ, на ровной степи Тамшинъ кое-гдѣ съ березками. Послѣ этого эти два прекрасныхъ молодца наскоро собравшись бѣглымъ шагомъ выходятъ на улицу, говоря: „Пріѣхавшую войну мы должны встрѣтить и отѣхавшую войну проводить“. Выйдя на улицу, садятся на коней и ѣдутъ прямо на сѣверную сторону на ровную степь Тамшинъ кое гдѣ съ березками. Пріѣхавши на ровную степь Тамшинъ, они ждутъ своихъ враговъ съ ихъ многочисленными войсками. Три брата мангатхай семидесятипятиголовый Дабагаръ-шара-мангатхай, двадцатипятиголовый Хорто-шара-мангатхай и съ двумя головами Лѣхѳръ-Тайжи-мангатхай тоже поѣхали за ними со всѣми своими

войсками прямо на сѣверную сторону на ровную степь Тамшинъ кое гдѣ съ березками. Когда они прѣехали на эту степь, Эрз-Тохоло-мѳргѳнъ началъ воевать съ многочисленными войсками мангатхаевъ. Эрз-Тохоло-мѳргѳнъ беретъ правый бокъ давящую саблю Бордонта; сабля вытягивается на двадцать саженой и укорачивается на десять саженой. Держа эту саблю въ рукахъ, онъ поскакалъ къ войскамъ мангатхаевъ. Прискакавши, началъ рубить; рубилъ въ одну сторону и убивалъ сразу сто человѣкъ, а рубилъ на обѣ стороны, убивалъ сразу двѣсти человѣкъ. Такъ онъ рубилъ и рубилъ на обѣ стороны, убивалъ и убивалъ множество людей, и едва, едва въ продолженіе одного мѣсяца прикончилъ до одного человѣка: кровавые ручьи потекли и мясные бугры подѣлались. Прикончивъ всѣ непріятельскія войска, прѣехалъ къ Хѳхѳсѳ-мѳргѳну и къ тремъ братьямъ мангатхаемъ. Мангатхай говорятъ: „Сильно не радуйтесь, что побѣдили наши войска. Попробуйте съ нами воевать“. Тогда они вырѣшили, что Эрз-Тохоло-мѳргѳнъ долженъ впередъ воевать съ младшимъ братомъ Лѳхѳръ-Тайжи-мангатхаемъ. Эрз-Тохоло-мѳргѳнъ и Лѳхѳръ-Тайжи-мангатхай начали. Обѣ прекрасныя полы за поясъ заткнули, оба прекрасныя рукава по локоть засучили. Какъ порозы закружились, какъ самцы верблюды заскрежетали зубами, какъ ястребъ и соколъ сцѣпились; ухватили другъ друга руками; куски мяса рвали другъ у друга и бросали; брошенные куски подбирали пестрая сорока и черный воронъ. Такъ они воевали въ продолженіе девяти сутокъ; впередъ упирались, красную гору дѣлали; назадъ пинали, сѣрую гору дѣлали. Продолжали воевать въ теченіе трехъ мѣсяцевъ; къ верблюду бросить, равнымъ равно воевали, къ коню прикинуть, дѣйствительно равно воевали и продолжали воевать въ теченіе трехъ годовъ; въ это время сдѣлались туманъ и пыль, козули блудили отъ козулятъ и

птицы блудили отъ птенцовъ. На исходѣ третьяго года у Лѣхѳръ-Тайжи-мангатхая сѣренькое сердце бьется, коротенькія ребра гнутся, въ обоихъ прекрасныхъ ушахъ шумитъ, въ обоихъ прекрасныхъ глазахъ темнѣетъ. Послѣ этого Эрэ-Тохоло-Мѳргѳнъ свалилъ его на землю; Лѣхѳръ-Тайжи-мангатхай, растянувшись, упалъ на спину и лежитъ, не шевелясь. Эрэ-Тохоло-мѳргѳнъ взялъ свой тоненькій бѣлый ножикъ, острый, какъ буравъ, тыкнулъ въ самую среднюю бѣлую кровяную жилу и убилъ его. Тогда два старшіе мангатхая говорятъ имъ: „Убивъ нашего младшаго брата, много не радуйтесь! Не пройдетъ ночь, прекратимъ ваше существованіе и не пройдетъ день, прекратимъ вашу жизнь!“ Послѣ этого четыре добрые молодца концы обѣихъ прекрасныхъ полъ заткнули за поясъ и оба прекрасныя рукава засучили по локоть, какъ порозы закружились, какъ верблюды самцы заскрежетали зубами и, уцѣпившись другъ за друга, начали воевать; гдѣ только другъ у друга захватятъ (тѣло), до костей рвутъ куски мяса и бросаютъ; пестрая сова и черный воронъ подбираютъ эти куски. Эрэ-Тохоло-мѳргѳнъ воюетъ съ семидесятипятиголовымъ Дабагаръ-шара-мангатхаемъ, а Хѳхѳѳ-мѳргѳнъ съ двадцатипятиголовымъ Хорто-шара-мангатхаемъ. Они воевали въ продолженіе девяти сутокъ, другъ друга не могутъ одолѣть. Впередъ упираются, красную гору дѣлаютъ, назадъ пинаются, сѣрую гору дѣлаютъ; такъ продолжали воевать въ теченіе трехъ мѣсяцевъ. Въ это время воевали, къ верблюду бросить равнымъ равно и къ коню бросить дѣйствительно равно и продолжали воевать въ теченіе трехъ годовъ. Въ это время сдѣлались такіе густые туманъ и пыль, что козули заблудились отъ козулятъ и птицы заблудились отъ птенцовъ. Тринадцать царей и двадцать три батара между собою говорятъ: „Если Эрэ-Тохоло-мѳргѳнъ, рѣшившись, выѣхалъ изъ дому,

то должны быть кровавое побоище и жестокия войны“. На исходѣ третьяго года у двадцатипятиголоваго Хорто-шарамангатхая и у семидесятипятиголоваго Дабагарь-шарамангатхая сѣренькія сердца бьются, коротенькія ребра гнутся; въ обоихъ прекрасныхъ ушахъ шумить и въ обоихъ прекрасныхъ глазахъ темнѣть. Эрэ-Тохоло-мѳргѳнъ и Хѳхѳсѳ-мѳргѳнъ двухъ мангатхаевъ брали на правыя бедра и, кружа по воздуху, бросали на землю, такъ что въ западной тайгѣ сырыя деревья гнулись, а сухія деревья ломались; потомъ они этихъ двухъ мангатхаевъ брали на лѣвыя бедра и, кружа по воздуху, бросали на землю, такъ что въ восточной тайгѣ сырыя деревья гнулись, а сухія деревья ломались. Эти два мангатхая, растянувшись, упали на землю и лежатъ, какъ мертвые. Послѣ этого у этихъ двухъ мангатхаевъ они отрубили (у каждаго) самую среднюю бѣлую голову и тѣ умерли. Тогда они тѣла всѣхъ троихъ стащили въ одну кучу, собрали лѣсныя деревья съ верхушками и таежныя деревья съ вѣтвями и сожгли тѣла трехъ мангатхаевъ; оставшіяся кости и пепель березовою лопатою разбросали къ сѣверу и осиновою лопатою разбросали къ югу. Двухъ старшихъ мангатхаевъ желто-саврасыхъ коней убили надъ ними, у младшаго двуголоваго мангатхая темно-гнѣдоваго коня тоже убили надъ нимъ. Эти два добрыхъ молодца говорятъ другъ другу: „Непобѣдимыхъ враговъ побѣдили и годовалаго жеребенка закололи“!

Потомъ они сѣли на коней, поѣхали по направленію къ царю Шажинъ-Номону и пріѣхали къ нему. Царь Шажинъ-Номонъ вставши, не помнитъ, что онъ всталъ, сѣвши, не помнитъ, что онъ сидитъ. Онъ сильно обрадовался и говоритъ: „Вы ядовитыхъ враговъ моихъ уничтожили и непобѣдимыхъ враговъ моихъ побѣдили“. Поставили золотой столъ, на немъ поставили вкусныя яства; поставили серебряный

столь, на немъ поставили дѣйствительно вкусныя яства и крѣпкое вино подносили. Эти два молодца какъ волки глотали и какъ птицы клевали и наѣлись досыта. Потомъ Эрэ-Тохоло-мѳргѳнъ съ царемъ Шажинъ-Номонъ помѣнялся поясами и сдѣлался сватомъ, какъ старшій братъ, а Хѳхѳсѳ-мѳргѳнъ сдѣлался зятемъ. Послѣ этого Шажинъ-Номонъ приказалъ бить въ золотой барабанъ, чтобы собрать сѣверныхъ подданныхъ и бить въ серебряный барабанъ, чтобы собрать южныхъ подданныхъ. Онъ сдѣлалъ большой свадебный пиръ; какъ большое озеро, вина отпустилъ, какъ большой бугоръ, мяса отпустилъ; весь собравшійся народъ ѣсть и пѣть въ продолженіе девяти сутокъ. Девятидневный большой пиръ устроили, десятидневный старшій пиръ устроили; едва, едва остановились. „Шедшій дождь перестаетъ, пріѣхавшіе гости разъѣзжаются,“! такъ говоря, Хѳхѳсѳ-мѳргѳнъ готовится къ отъѣзду домой. Дочь царя Шажинъ-Номона тоже готовится ѣхать съ мужемъ; для нея запрягли въ бѣлосеребряную коляску восемь карихъ иноходцевъ; тогда царь Шажинъ-Номонъ даетъ своей дочери въ приданое (онжи) половину своего разнаго скота, золота, серебра и подданныхъ. Хѳхѳсѳ-мѳргѳнъ уѣзжаетъ домой со своею женою; передъ бѣлосеребряной коляской идутъ десять тѣлохранителей (ханур) и сзади двадцать тѣлохранителей. Такъ они уѣхали.

Эрэ-Тохоло-мѳргѳнъ остался у царя Шажинъ-Номона и продолжаетъ у него пировать по прежнему. Въ это время завистливый дядя царя Шажинъ-Номона Хара-Сотонъ началъ въ темную ночь думать черныя думы; въ сѣрыя ночи онъ думалъ сѣрыя думы и выдумалъ непременно отравить Эрэ-Тохоло-мѳргѳна. Послѣ этого завистливый дядя Хара-Сотонъ выкапываетъ семьдесятъ разныхъ ядовитыхъ корней и выгоняетъ изъ нихъ три бочки крѣпкаго ядовитаго тарасуна; потомъ приходитъ къ царю Шажинъ-Номону и приглашаетъ

къ себѣ домой Эрэ-Тохоло-мѳргѳна, чтобы онѣ побѣлился (сагалха). Эрэ-Тохоло-мѳргѳнѣ прѣѣхалѣ къ нему. Завистливый дядя Хара-Сотонѣ поитѣ его одною бочкою тарасуна*); онѣ выпилѣ, сидитѣ и разговариваетѣ рѣчисто наравнѣ съ десятию челѳвѣками; завистливый дядя Хара-Сотонѣ поитѣ его второю бочкою тарасуна; онѣ и эту выпилѣ, сидитѣ, разговариваетѣ и шутитѣ наравнѣ съ двадцатию чѣловѣками. Завистливый дядя Хара-Сотонѣ поитѣ его третьею бочкою тарасуна; выпивѣ ее, Эрэ-Тохо-Мѳргѳнѣ сидитѣ и въ это время у рта его появилась бѣлая пѣна; онѣ сидитѣ и головой мѳтаетѣ. Въ это время сивый конѣ большимъ вѣдѣнѣемъ узнаетѣ, что его хозяина травятѣ ядомѣ; большимъ разумомѣ онѣ уразумѣлѣ, что его хозяина отравили. Сивый конѣ прибѣжалѣ, ржетѣ и говоритѣ: „Хозяинѣ отецѣ! поскорѣе выходи сюда на улицу“! Тогда Эрэ-Тохоло-мѳргѳнѣ бѣгомѣ выходитѣ на улицу, сѣвѣ на коня, скачетѣ прямо на сѣверную сторону. Во время этой ѣзды у него не хватаетѣ силѣ ѣхать далѣе. Тогда онѣ свои тринадцать превращенѣй заставляетѣ бѣгать на ладони и двадцать три свои волшебства заставляетѣ бѣгать на пальцахѣ; своего сиваго коня превращаетѣ въ золотую бабку, которую кладетѣ въ карманѣ, а самѣ падаетѣ и, растянувшись, лежитѣ, какѣ мертвый. Завистливый дядя Хара-Сотонѣ, сѣвѣ на своего бѣлаго коня, съ широкимъ топоромѣ въ рукѣ гонитѣся за нимѣ, говоря: „Ядовитый врагѣ мой! Наконецѣ я убилѣ тебя“. Прѣѣхавши къ Эрэ-Тохоло-мѳргѳну, онѣ начинаетѣ собирать и складывать на него лѣсные деревья съ вершинами и таежныя деревья съ вѣтвями; потомѣ, подложивѣ огонь, начинаетѣ дугѣ, такѣ какѣ огонь не горѣлѣ. Въ это самое время Эрэ-Тохоло-мѳргѳнѣ опомнился. Вытрезвившись, онѣ уходитѣ подѣ тремя слоями земли

*) Тарасунѣ — вино изѣ молока.

и выходить на землю на разстояніи однодневной ѣзды. Онъ вошелъ въ прежнее свое тѣло и принялъ дѣйствительную свою наружность. Потомъ, сѣвъ на сиваго коня, приѣзжаетъ сзади къ этому старику, который все еще дуетъ въ огонь, и спрашиваетъ у него: „Старикъ, старикъ! что дѣлаешь?“ Тогда завистливый дядя Хара-Сотонъ отъ сильнаго испуга вскакиваетъ на ноги; какъ пуговицей, головой кивая, кланяется, и на кривое колѣно вставая, кланяется и говоритъ: „Отпусти (мою) красную жизнь, какъ тоненькій шелкъ“ (т. е. хоть едва живого, но отпусти). Тогда Эрэ-Тохоло-мѳргѳнъ сильно разсердился; во рту его зубы заблестали и на головѣ волосы дыбомъ встали. Онъ говоритъ: „Развѣ, презирая тебя, отпущу живымъ?“ Послѣ этого беретъ съ него обѣщаніе впередъ не травить людей и не завидовать имъ.

Послѣ этого Эрэ-Тохоло-мѳргѳнъ приѣхалъ къ своему младшему брату Хѳхѳѳ-мѳргѳну. Приѣхавши, остановился у серебряной коновязи, привязалъ къ ней свой прекрасный шелковый поводъ, а самъ входитъ въ бѣлосеребряный дворецъ, перламутрово-серебряную дверь складно-хорошо отворяетъ, черезъ серебряный порогъ, не насоривши, перешагнулъ. Войдя во дворецъ, царскимъ здоровьемъ здороваётся и, какъ царица, кланяется младшему брату и невѣсткѣ. Тѣ сильно обрадовались приѣзду старшаго брата. Садятъ его на серебряный тронъ и угощаютъ его; ставятъ передъ нимъ золотой столъ съ вкусными кушаньями, ставятъ серебряный столъ съ дѣйствительно вкусными кушаньями; Эрэ-Тохоло-мѳргѳнъ какъ волкъ глотаетъ, и какъ птица клюетъ. Въ это время они разговариваютъ, припоминая, что съ ними случилось и краснорѣчиво говорятъ о томъ, что должно случиться. Эрэ-Тохоло-мѳргѳнъ отпустилъ своего сиваго коня, а самъ живетъ у младшаго брата и отдыхаетъ. Живя у младшаго брата Хѳхѳѳ-мѳргѳна, онъ, ночуя, не помнитъ, что онъ но-

чеваль, и проводивши день, не помнить, что онъ день про-
велъ. Такъ онъ продолжалъ жить.

Послѣ этого къ царю Шажинъ-Номону приходитъ завист-
ливый дядя Хара-Сотонъ и говоритъ ему: „Не найдя хоро-
шаго зятя, нашель кого и выдалъ свою дочь за очень пло-
хого Хѳхѳсѳ-мѳргѳна, который ничего не имѣеть. Не найдя,
нашель свата пропади-худого и ничего не имѣющаго Эрѳ-
Тохоло-мѳргѳна“. Царь Шажинъ-Номонъ говоритъ завистли-
вому дядѣ Хара-Сотону: „Положимъ, такъ то такъ, но какъ
мы съ ними справимся? они очень сильные непріатели“. Тогда завистливый дядя Хара-Сотонъ говоритъ: „О чемъ
тутъ печалиться? Приготовимъ три бочки отравленнаго тара-
суна (арза-хорзо); изъ южнаго вѣтра ты сдѣлай красно-ча-
лага коня и красно-шелковую шубу; изъ сѣвернаго вѣтра
сдѣлай темно-чалага коня и темно-шелковую шубу; тогда по-
ѣдешъ къ нимъ и скажешъ: свату и зятю привезъ надѣть
шелковыя шубы и привелъ ѣздить коней. Когда они вы-
пьютъ три бочки отравленнаго тарасуна (арза-хорзо), то
опьянѣютъ. Когда они будутъ пьяны, то одинъ изъ нихъ,
надѣвшій красную шелковую шубу и сѣвшій на красно-ча-
лага коня, исчезнетъ съ южнымъ вѣтромъ, а другой, надѣв-
шій темную шелковую шубу и сѣвшій на темно-чалага коня,
исчезнетъ съ сѣвернымъ вѣтромъ. Послѣ этого Эрѳ-Тохоло-
мѳргѳнъ съ твоимъ зятемъ Хѳхѳсѳ-мѳргѳномъ умрутъ“. Царь
Шажинъ-Номонъ согласился и послѣ этого съ завистливымъ
дядей Хара-Сотонемъ вдвоемъ начали готовить три бочки
отравленнаго тарасуна; когда приготовили три бочки, царь
Шажинъ-Номонъ изъ южнаго вѣтра сдѣлалъ красно-шелко-
вую шубу и красно-чалага коня, изъ сѣвернаго вѣтра сдѣ-
лалъ темно-шелковую шубу и темно-чалага коня. пригото-
вивъ все, царь Шажинъ-Номонъ приказалъ запрячь въ бѣло-
серебряную коляску восемь карихъ иноходцевъ. Когда въ

бѣлосеребряную коляску запрягли восемь карихъ иноходцевъ, то въ коляску вкатили три бочки отравленнаго тарасуна, а также положили красно-шелковую и темно-шелковую шубы; сзади коляски привязали красно-чалаго и темно-чалаго коней. Послѣ этого царь Шажинъ-Номонъ сѣлъ въ коляску и поѣхалъ прямо на сѣверную сторону къ своему зятю Хѣхѣсѣ-мѣргѣну; пріѣхавъ къ нему, остановился у серебряной коновязи. Въ это время Эрѣ-Тохоло-мѣргѣнъ большимъ узаніемъ узнаетъ и большимъ разумомъ уразумѣваетъ, что царь Шажинъ-Номонъ пріѣхалъ отравить ихъ. Онъ выбѣжалъ къ нему на встрѣчу на улицу и говоритъ ему: „Ты черный безрогій злодѣй! не найдя кого обмануть, хочешь обмануть меня, не найдя кого перехитрить, хочешь перехитрить своего зятя“. Потомъ съ южнымъ вѣтромъ отвязалъ поводъ у красно-чалаго коня и красно-шелковую шубу; они исчезли съ южнымъ вѣтромъ; съ сѣвернымъ вѣтромъ отвязалъ темно-чалаго коня и бросилъ темно-шелковую шубу; они исчезли съ сѣвернымъ вѣтромъ. Три бочки отравленнаго тарасуна за три раза, сильно разсердившись, все выпили. Потомъ царя Шажинъ-Номона прогналъ обратно домой. Послѣ этого Эрѣ-Тохоло-мѣргѣнъ, не входя во дворецъ младшаго брата Хѣхѣсѣ-мѣргѣна, остался на улицѣ, и отъ выпитаго отравленнаго тарасуна разорвался на двѣ совершенно отдѣльныя части и, превратившись въ два красно-рыжихъ камня, упалъ на землю. Младшій братъ Хѣхѣсѣ-мѣргѣнъ не могъ воскресить старшаго брата Эрѣ-Тохоло-мѣргѣна и, завернувъ его въ бѣлошелковую матерію, положилъ его во дворцѣ за вещами.

Послѣ этого жена Хѣхѣсѣ-мѣргѣна Шаралду-Гохонъ-абахай родила двухъ мальчиковъ близнецовъ, у которыхъ грудь была золотая, а нижняя часть тѣла серебряная. Такіе прекрасные мальчики, родившись, лежали. Въ это самое время пришла одна баба Хакша-ламаганъ, у которой щеки были

изъ кожи, а губы мѣдныя; остановившись у воротъ, она крикнула: „А бурханъ! а бурханъ! какой страшный!“ Сказавъ это, она хотѣла повернуться и итти, но Хѳхѳсѳ-мѳргѳнъ остановилъ ее словами: „А бурханъ! бабушка, заходи во дворець. Жена моя родила“. Баба Хакша-тамаганъ говоритъ: „Зайди-то зайду, только страшно мнѣ; сильно боюсь того, что у васъ во дворцѣ за вещами лежитъ“. Тогда Хѳхѳсѳ-мѳргѳнъ спрашиваетъ: „Что знаете и что видѣли, говорите! Чѣмъ можно воскресить за вещами лежащаго?“ Баба Хакша-тамаганъ говоритъ: „Сказать-то, скажу теперь. Невыразимое ваше приходится выразить, несказываемое ваше приходится высказать. Не рѣшаюсь выговорить“. Тогда Хѳхѳсѳ-мѳргѳнъ настаиваетъ: „Бабушка, во что бы то ни стало, скажи, что нужно дѣлать, чтобы воскресить за вещами лежащаго?“ Баба Хакша-тамаганъ говоритъ: „Этихъ двухъ младенцевъ близнецовъ своихъ разсѣки пополамъ съ головы до ногъ, потомъ возьми желчь и капай ею на него; тогда онъ встанетъ“. Послѣ этого она ушла. Хѳхѳсѳ-мѳргѳнъ входитъ во дворець, беретъ серебряный кортъ (?), разсѣкаетъ имъ съ головы до ногъ двухъ своихъ младенцевъ близнецовъ, и беретъ ихъ желчь. Этихъ двухъ разсѣченныхъ младенцевъ близнецовъ, завернувъ въ бѣлую матерію, спрятали въ ящикъ. Потомъ онъ капаетъ желчь на Эрэ-Тохоло-мѳргѳна; тотъ встаетъ и говоритъ: „Какъ я долго спалъ!“ Вставая, онъ привелъ свои волосы въ порядокъ. Потомъ Эрэ-Тохоло-мѳргѳнъ узнаетъ, что у младшаго брата-Хѳхѳсѳ-мѳргѳна родились два сына близнецы. Онъ спрашиваетъ младшаго брата и невьѣтку, гдѣ родившіеся у нихъ два мальчика близнецы, и никакъ не можетъ допроситься. Младшій братъ и невьѣтка, боясь его, не говорятъ, что у нихъ родились два мальчика близнецы, а говорятъ, что у нихъ такіе мальчики вовсе не рождались. Тогда Эрэ-Тохоло-мѳргѳнъ бѣгомъ выбѣгаетъ на

улицу, беретъ съ сѣдла верховый кнутъ, кладетъ его въ рукавъ, опять входитъ во дворецъ, войдя, беретъ за волосы младшаго брата и невѣстку и бьетъ ихъ кнутомъ, и говоритъ: „Двухъ родившихся мальчиковъ близнецовъ куда дѣли? Укажите, во что бы то ни стало!“ Они говорятъ: „Ай, собака, старшій братъ! отпусти насъ! Мы покажемъ тебѣ тѣло двухъ родившихся нашихъ мальчиковъ, которыхъ мы разсѣкли пополамъ, чтобы взять желчь ихъ и ею воскресить тебя, старшаго брата“. Тогда Эрэ-Тохоло-мѳргѳнъ отпустилъ ихъ. Хѳхѳѳ-мѳргѳнъ съ женою своею Шаралду-Гохонъ-абахай достаютъ изъ ящика тѣла двухъ мальчиковъ, завернутыя въ бѣлую матерію и отдаютъ старшему брату Эрэ-Тохоло-мѳргѳну. Эрэ-Тохоло-мѳргѳнъ, взявши тѣла двухъ мальчиковъ близнецовъ, начинаетъ заставлятъ двадцать большихъ своихъ превращеній бѣгать по пальцамъ и десять большихъ своихъ волшебствъ бѣгать по ладони; съ помощью своихъ большихъ волшебствъ и превращеній онъ приводитъ этихъ двухъ мальчиковъ близнецовъ въ прежнее ихъ состояніе и оживляетъ. Когда два мальчика близнецы ожили, онъ посадилъ ихъ на свои колѣни и ласкаетъ ихъ. Такъ Эрэ-Тохоло-мѳргѳнъ сидитъ, нянчась съ этими двумя мальчиками, не замѣчая, какъ проходятъ дни и ночи. Когда онъ сидѣлъ такимъ образомъ, у него начали тупиться во рту бѣлые зубы и черные волосы на головѣ начали сѣдѣть. Тогда онъ въ умѣ своемъ думаетъ печальныя думы, въ груди своей думаетъ затвердѣлыя думы и говоритъ: „Куда намѣренъ ѣхать, туда и поѣду“. Такъ сказавъ, началъ собираться въ путь. Выйдя на улицу, кличетъ своего сиво-сѣраго коня, который не медля прибѣжалъ на зовъ своего хозяина.

Эрэ-Тохоло-мѳргѳнъ взнуздаль своего сиваго коня серебряною уздою, осѣдлалъ серебрянымъ сѣдломъ и привязалъ къ серебряной коновязи красношелковымъ поводомъ, а самъ

вошелъ во дворець. Невѣстка его Шаралду-Гохонъ-абахай поставила золотой столъ, на который положила вкусную пищу и поставила серебряный столъ, на который положила подлинно вкусную пищу. Эрэ-Тохоло-мѳргѳнъ какъ волкъ глоталъ и какъ птица клевалъ; наѣвшись встаетъ и беретъ всѣ нужные для войны доспѣхи. Простившись съ младшимъ братомъ Хѳхѳсѳ-мѳргѳномъ и невѣсткою, вышелъ на улицу, сѣлъ на коня и поѣхалъ прямо къ юго-западу. У серебряной коновязи только видно было, что запылилась горсть земли и за тремя холмами красная кисть на шапкѣ мелькнула. Тогда вслѣдъ за нимъ смотрѣвшіе Хѳхѳсѳ-мѳргѳнъ и Шаралду-Гохонъ-абахай говорятъ между собою: „Если у человѣка родится сынъ, то хорошо родиться такому молодцу и если у кобылы родится жеребенокъ, то хорошо родиться такому коню. Они другъ друга стоятъ“.

Эрэ-Тохоло-мѳргѳнъ ѣхалъ и ѣхалъ и пріѣхалъ къ одному большому препятствію (нэгэ эхэ богол); на дорогѣ его стоитъ непроходимый лѣсъ и болото; тоненькая змѣя не можетъ проползти въ этомъ лѣсу. Онъ рысиль поверхъ лѣса, и не могъ найти прохода, повернувъ, рысиль внизъ, тоже не могъ найти прохода. Послѣ этого онъ повернулъ назадъ, проѣхалъ разстояніе въ три версты и слѣзъ съ коня. Беретъ желтый лукъ Бухарь, изъ серебрянаго колчана черную стрѣлу Ханга, прикладываетъ ее выемкой къ тетивѣ лука и натягиваетъ желтый лукъ Бухарь; изъ большой выемки стрѣлы выходитъ дымъ, изъ острія наконечника стрѣлы искры сыплются. Такъ натягивая, онъ говоритъ: „Если мнѣ суждено большимъ творцомъ умереть, то иди безъ вѣсти, а если суждено старшимъ творцомъ жить, то черезъ это болото и лѣсъ сдѣлай торную дорогу, по которой можно было бы ѣздить на телѣгахъ и на верблюдахъ“. Такъ наказывая стрѣлѣ, пустилъ ее. Эта стрѣла, изъ рукъ выходя, горько летитъ, изъ

подъ большого пальца выходя, съ силою летитъ: отъ визга ея широкая земля трясется, отъ свиста ея высокое небо гудитъ. Дѣлая на землѣ пыль и туманъ, полетѣла стрѣла. Эрз-Тохоло-мѳргѳнъ поѣхалъ за стрѣлою рысью, побрякивая. Стрѣла его черезъ это болото и лѣсъ сдѣлала торную дорогу, по которой можно было проѣхать на телѣгахъ и верблюдахъ. Стрѣла пролетѣла черезъ болото и лѣсъ на другую сторону, гдѣ упала на землю; падая, она вырвала землю величиною съ утугъ*) богатаго человѣка. Эрз-Тохоло-мѳргѳнъ проѣхалъ по этой дорогѣ на другую сторону болота и лѣса, гдѣ и взялъ свою стрѣлу, положилъ въ серебряный колчанъ и поѣхалъ далѣе. Ъхалъ и ѣхалъ, пріѣхалъ къ одному большому желтому морю и остановился; по берегу желтаго моря впередъ и назадъ рысиль и не могъ найти брода. Онъ возвратился назадъ на трехдневное разстояніе, правый поводъ, держа покороче, дернулъ, въ правое заднее бедро коня ударилъ верховымъ кнутомъ; тогда сиво-сѣрый конь побѣжалъ во весь махъ; повыше плавающихъ облаковъ и пониже синѣющаго неба скачетъ. Прибѣжавши къ желтому морю, перескочилъ черезъ на другую сторону; только правую заднюю ногу немного замочилъ въ водѣ желтаго моря. Эрз-Тохоло-мѳргѳнъ говоритъ своему коню: „Черный злодѣй безрогіи! еслибъ немного было шире желтое море, то ты, не выскочивъ на другой берегъ, попалъ бы въ желтое море и утонулъ бы“. Сильно разсердившись, правый поводъ покороче держа, дернулъ, въ правое заднее бедро коня ударилъ кнутомъ. Тогда сивосѣрый конь говоритъ: „Ай собака, хозяинъ батюшка! если черезъ такое большое препятствіе (приходится) выскочить на другую сторону, то нельзя выскочить безъ одной примѣты“. Эрз-Тохоло-мѳргѳнъ находитъ эти слова

*) Утугъ — огороженный хояинномъ сѣнокошный лугъ.

правдивыми и говорить: „Сказанное правда и вздуманное вѣрно“. Потомъ онъ, повернувшись, посмотрѣлъ на желтое море, а оно говоритъ: „Какое же я препятствіе, если черезъ меня перескочилъ конь, имѣющій четыре черныхъ копыта!“ Желтое море сдѣлалось желтымъ ручьемъ и потекло. Послѣ этого Эрэ-Тохоло-мѳргѳнъ поѣхалъ прямо въ югозападную сторону; пріѣхалъ къ одной высокой и крутой горѣ, на подошвѣ которой лежатъ сломанныя кости добрыхъ молодцовъ и кости хорошихъ коней разбросанныя лежатъ. Онъ остановился на подошвѣ этой высокой и крутой горы и слѣзъ съ коня. Беретъ сломанныя кости добрыхъ молодцовъ и сравниваетъ съ своими костями; кости этихъ умершихъ молодцовъ оказываются подлиннѣе и потолще его костей; онъ беретъ разбросанныя кости коней и сравниваетъ съ костями своего сѳросиваго коня; кости пропавшихъ коней, оказывается, подлиннѣе и потолще костей его сивосѳраго коня. У Эрэ-Тохоло-мѳргѳна сѳренькое сердце бьется и коротенькія ребра гнутся. Онъ говоритъ: „Были лучше и сильнѣе меня добрые молодцы, но здѣсь они померли, не могли подняться на эту высокую и крутую гору!“ Онъ говоритъ своему сивосѳрому коню: „Однако поѣду обратно домой, чтобъ не оставить здѣсь своихъ костей“. Тогда сивосѳрый конь говоритъ: „Ты, мужчина-человѣкъ, какой коротенькій умъ имѣешь! Если мужчина-человѣкъ задуманное оставляетъ, то онъ не будетъ попадать стрѣлою въ стрѣлянное, а волки и собаки, если укушенное выпускаютъ изъ зубовъ, то дѣлаются тощими“. Эрэ-Тохоло-мѳргѳнъ спрашиваетъ своего коня: „На эту высокую и крутую гору можешь ли выскочить на самую вершину“? Сиво-сѳрый конь отвѣчаетъ: „На самую вершину этой высокой и крутой горы могу выскочить, но ты, хозяинъ-батюшка, удержишься ли на мнѣ“? Онъ говоритъ: „Если можешь, то скачи, а про меня не думай“. Послѣ этого Эрэ-Тохоло-мѳр-

гѣнь возвратился назадъ на трехдневное разстояніе, откуда сивосѣрый конь побѣжалъ со всего маха; повыше облаковъ плавающихъ, а пониже синѣющаго неба поскакалъ; выскочилъ на самую вершину высокой и крутой горы и ушелъ въ землю до сѣдла. Эрэ-Тохоло-мѣргѣнь вытащилъ коня изъ земли и поѣхалъ далѣе; по песку, какъ по водѣ бороздилъ, такъ какъ на вершинѣ этой горы былъ песокъ. Онъ едва, едва спустился на другую сторону къ подошвѣ этой горы и поѣхалъ далѣе. Эта высокая и крутая гора говорить: „Какое же я препятствіе, если черезъ меня перескочилъ конь, имѣющій четыре черныхъ копыта“! Сказавъ это, гора развалилась и обратилась въ небольшіе песчаные бугры. Эрэ-Тохоло-мѣргѣнь ѣдетъ далѣе и видитъ издали бѣлѣющійся дворецъ царя Наринъ-Шарата. Онъ пріѣхалъ къ бѣлосеребряному дворцу царя Наринъ-Шарата и остановился у серебряной коновязи, коня красношелковымъ поводомъ привязалъ къ коновязи, серебряный колчанъ со стрѣлами и желтый лукъ Бухарь съ футляромъ положилъ на сѣдло, а самъ входитъ во дворецъ, перламутрово-серебряную дверь складно, хорошо отворяетъ и серебряный порогъ, не насоривши, перешагиваетъ; входитъ во дворецъ, сплошь серебряный полъ скрипитъ подъ его ногами. Царь Наринъ-Шаратъ приводитъ свою дочь Шара-Сэсэкъ-абахай и показываетъ ее Эрэ-Тохоло-мѣргѣну, который осматриваетъ ее съ ногъ до головы и съ головы до ногъ. Сквозь одежду на тѣло смотреть, сквозь тѣла на кости смотреть, сквозь кости на мозгъ смотреть. Въ умѣ находить ее очень красивою и пріятною. Эрэ-Тохоло-мѣргѣнь женился на дочери царя Наринъ-Шарата Шара-Сэсэкъ-абахай и живетъ у своего тестя. Черезъ нѣкоторое время Эрэ-Тохоло-мѣргѣнь говорить: „Выпитая своя вода вспоминается и своя земля, на которую падалъ, вспоминается; чужой человѣкъ на чужбинѣ не уживается, сохатина лытка

въ котлѣ не помѣщается. Нужно ѣхать домой! Выѣхавши изъ дома, много времени провелъ на чужбинѣ! Большое приготовленіе приготовляетъ и большіе сборы ѣхать домой собираетъ. Царь Наринъ-Шарать своей дочери Шара-Сэсэкъ-абахай даетъ въ приданое половину своего золота и серебра, половину подданныхъ и разнаго скота. Послѣ этого велѣлъ запрячь въ бѣлосеребряную коляску восемь карихъ иноходцевъ. Когда всѣ приготовленія окончились, Эрэ-Тохоло-мѳргѳнъ со своею женою Шара-Сэсэкъ-абахай поѣхалъ прямо къ сѣверовостоку домой.

Шара-Сэсэкъ-абахай ѣдетъ въ бѣлосеребряной коляскѣ, запряженной восемью карими иноходцами. Впереди ѣдутъ десять тѣлохранителей, а сзади ѣдутъ двадцать тѣлохранителей; подданные ѣдутъ сзади, а разнаго скота гонятъ впереди. Такъ ѣхалъ домой Эрэ-Тохоло-мѳргѳнъ, едва помѣщаясь со скотомъ въ большихъ падыхъ, и едва утоляя его жажду водою ручьевъ. Такъ ѣхалъ Эрэ-Тохоло-мѳргѳнъ и приѣхалъ къ своему младшему брату Хѳхѳсѳ-мѳргѳну; подданныхъ своихъ онъ оставилъ въ одномъ мѣстѣ, а разный скотъ свой въ другомъ мѣстѣ, самъ съ женою заѣхалъ къ младшему брату Хѳхѳсѳ-мѳргѳну. Невѣстка Шаралду-Гохонъ-абахай поставила передъ Эрэ-Тохоло-мѳргѳномъ золотой столъ съ вкусными кушаньями, поставила серебряный столъ съ подлинно вкусными кушаньями и крѣпкое вино подала. Эрэ-Тохоло-мѳргѳнъ какъ волкъ глотаетъ и какъ птица клюетъ; досыта и наѣлся и напился. Послѣ этого Хѳхѳсѳ-мѳргѳнъ съ своею женою тоже собираются ѣхать къ Эрэ-Тохоло-мѳргѳну, чтобы жить съ нимъ вмѣстѣ. Они говорятъ: „Нынѣшній вѣкъ пере мѣнился; войны стали частыя. Около головы коней поворачиваются, по хвостамъ коней катаются. Лучше жить съ своимъ старшимъ братомъ“. Такъ говорилъ Хѳхѳсѳ-мѳргѳнъ и собрался въ путь. Когда всѣ собрались, то поѣхали прямо

къ сѣверовостоку. Проѣхавъ половину пути Эрэ-Тохоло-мѳргѳнъ и Хѳхѳсѳ-мѳргѳнъ говорятъ: „По черточкѣ поѣзжайте, а гдѣ будетъ сдѣланъ кружокъ, тамъ ночуйте, а мы поѣдемъ впередъ, тамъ приведемъ дома въ порядокъ“. Эрэ-Тохоло-мѳргѳнъ и Хѳхѳсѳ-мѳргѳнъ поѣхали впередъ и пріѣхали домой. По пріѣздѣ нашли всѣхъ подданныхъ своихъ благополучно живущими; стада разнаго скота по прежнему, размножаясь, паслись. Только три табуна лошадей оказались похищенными непріятелями. Эрэ-Тохоло-мѳргѳнъ привелъ свой бѣлосеребряный дворець въ порядокъ и съ помощью своихъ десяти волшебствъ и двадцати трехъ превращеній недалеко отъ своего дворца выстроилъ прекраснѣйшій бѣлосеребряный дворець для Хѳхѳсѳ-мѳргѳна. На другой день за ними пріѣхали ихъ жены и подданные, а также пригнали множество разнаго скота. Эрэ-Тохоло-мѳргѳнъ сталъ жить въ своемъ дворцѣ съ своею женою Шара-Сэсэкъ-абахай, а Хѳхѳсѳ-мѳргѳнъ со своею женою Шаралду-Гохонъ-абахай сталъ жить во вновь выстроенномъ бѣлосеребряномъ дворцѣ. Пріѣхавшихъ разныхъ подданныхъ поселили на мѣстахъ съ прежними подданными, а разный скотъ угнали на пастбище на сѣверную сторону Алтая и на южную сторону Хѳхѳя. Лошадей своихъ они отпустили пастись съ табунами. Такъ они жили счастливо и отдыхали отъ долгаго пути.

Черезъ нѣсколько времени Эрэ-Тохоло-мѳргѳнъ говоритъ: „Кто угналъ мои три табуна лошадей? Нужно узнать и ѣхать въ погоню“. Послѣ этого онъ съ утренняго краснаго солнца начинаетъ разстилать материнское большое священное писаніе до дверей; старое желтое священное писаніе разостлать отъ двери до противоположной стѣны, и такъ разостлавъ, читаетъ. Въ это время вычитывается ему, что его три табуна лошадей угнали живущіе прямо на восточной сторонѣ Элтэсэ и Хултаса, очень сильные враги и очень ядовитые

враги; воевать съ ними очень трудно. Такъ вычитывается Эрэ-Тохоло-мѳргѳну, который послѣ этого сложилъ священное писаніе и положилъ на старое мѣсто. Эрэ-Тохоло-мѳргѳнъ, сильно разсердившись, сидитъ и говоритъ: „Черные злодѣи безрогіе! чей сынъ, родившись, долженъ бабою сидѣть дома, а чей сынъ родившись мужчиною угоняетъ чужіе табуны? человѣческой сынъ не лучше человѣка и шейные позвонки не болѣе, какъ въ числѣ шести“! Послѣ этого Эрэ-Тохоло-мѳргѳнъ съ своимъ младшимъ братомъ Хѳхѳсѳ-мѳргѳномъ начали собираться ѣхать прямо въ восточную сторону къ Элтэсѣ и Хултаса (тутъ описывается въ стереотипномъ порядкѣ, какъ въ предыдущихъ эпизодахъ сборъ, приготовленіе коня, одѣваніе богатырей, ѣда и выѣздъ).

Эрэ-Тохоло-мѳргѳнъ вмѣстѣ съ младшимъ братомъ Хѳхѳсѳ-мѳргѳномъ поѣхали прямо на восточную сторону въ сторону мангатхаевъ. Они ѣхали, ѣхали и проѣхали свою прекрасную сторону и въѣхали въ чужую, холодную сторону мангатхаевъ. Эти два добрые молодца ѣхали рысью, звеня, какъ стрѣлы, пущенныя въ гору. Два мангатхая Элтэсѣ и Хултаса большимъ узнаніемъ узнали и большимъ разумомъ уразумѣли, что къ нимъ ѣдутъ воевать Эрэ-Тохоло-мѳргѳнъ и Хѳхѳсѳ-мѳргѳнъ и выѣхали имъ на встрѣчу. Два мангатхая Элтэсѣ и Хултаса выѣхали не какъ мужчины, а какъ волшебники, и не какъ человѣки, а какъ „худэрэхѳдъ“. На ровной мѣстности Тамшинъ-Шара, на обширной желтой степи кое-гдѣ съ деревцами они встрѣтились въ упоръ. Встрѣтившись, они какъ цари, здоровались и какъ простые люди поклонились другъ другу, стоя на коняхъ. Эрэ-Тохоло-мѳргѳнъ говоритъ имъ: „Черные злодѣи безрогіе, чужое захватывающіе и надѣленнымъ недовольствующіеся! Имущество отца вашего или приданое вашей матери я не угонялъ. Силою плеча будемъ воевать или силою большого пальца

будемъ воевать“? Такъ говоря, спрашиваетъ. Тогда два мангатхая Элтэсэ и Хултаса говорятъ: „Вы убили трехъ нашихъ двоюродныхъ братьевъ. Хорошо это? За вражду вражда и за мечь мщение“. Четыре эти добрые молодца соскочили съ коней, шелковые поводья бросили на сѣдла, концы двухъ прекрасныхъ полъ заткнули за поясъ на бедрахъ, прекрасные рукава засучили по локоть. Послѣ этого они начали воевать другъ съ другомъ силою плеча. Они другъ у друга рвутъ куски мяса и бросаютъ; брошенное мясо ѣдятъ черныя вороны и пестрыя сороки; наѣвшись, они имъ желаютъ, чтобы они вѣчно воевали и ихъ кормили досыта. Такъ говоря, они улетають. Эти четыре добрыхъ молодца, воюя, упираются впередъ и дѣлають красную гору, пинаются назадъ и дѣлають сѣрыя горы. Они воевали въ продолженіе девяти сутокъ, не могли другъ друга побѣдить; воюють въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ, тоже не могутъ побѣдить другъ друга. Въ это время на землѣ сдѣлалась такая густая пыль, что козули блудили отъ своихъ козулятъ, а птицы потеряли своихъ птенцовъ. Воюють въ продолженіе девяти мѣсяцевъ, по прошествіи которыхъ у Эрэ-Тохоло-мѳргѳна и Хѳхѳѳ-мѳргѳна оба черные глаза начинаютъ темнѣть, въ обоихъ прекрасныхъ ушахъ начинаетъ шумѣть; у нихъ сѣренькое сердце бьется и коротенькія ребра гнутся; впередъ ихъ дергаютъ, они спотыкаясь падаютъ; назадъ ихъ толкають, они, пятясь падаютъ. Наконецъ они, растянувшись, упали на землю и померли. Тогда два мангатхая Элтэсэ и Хултаса ихъ коней убили надъ ними, а потомъ говорятъ другъ другу: „Непобѣдимыхъ враговъ побѣдили и годовалаго жеребенка закололи“. Послѣ этого два мангатхая Элтэсэ и Хултаса поѣхали домой.

Два прекрасные мальчика у Хѳхѳѳ-мѳргѳна, имѣющіе золотыя груди и серебряныя зады, въ отсутствіе отца и дяди

выросли большими и спрашивают у своей матери и у своей тетки: „Гдѣ наши отецъ и дядя? куда они уѣхали, что до сихъ поръ не приѣзжаютъ“? Эти мальчики никакъ не могутъ допроситься у своей матери и у своей тетки, которыя имъ говорятъ: „Отца и дяди у васъ не было. Какого отца и какого дядю вы спрашиваете“? Однажды Шара-Сэсэкъ-абахай и Шаралду-Гохонъ-абахай варили въ домѣ молоко. Въ это время эти два прекрасные мальчика выходятъ на улицу, отпускаютъ къ коровамъ телятъ и кричатъ матери и теткѣ: „Выходите поскорѣе! телята сосутъ“! Тогда Шара-Сэсэкъ-абахай и Шаралду-Гохонъ-абахай выбѣгаютъ на улицу разнимать телятъ отъ коровъ. Тѣмъ временемъ эти два прекрасные мальчика входятъ во дворецъ, прячутъ всѣ поваренки и кричатъ: „Молоко кипятить и бѣжить черезъ край котла“! Тогда женщины прибѣжали во дворецъ и не могутъ найти поваренку помѣшать кипящее молоко. Эти два прекрасныхъ мальчика ловятъ женщинъ по одной и ихъ правыми руками мѣшаютъ кипящее молоко и въ это время спрашиваютъ: „Отецъ и дядя наши куда уѣхали, скажите? и отчего они до сихъ поръ не ѣдутъ“? Послѣ этого Шара-Сэсэкъ-абахай и Шаралду-Гохонъ-абахай, не вынося сильной боли, говорятъ имъ: „Отецъ и дядя ваши уѣхали прямо на восточную сторону воевать съ двумя мангатхаями Элтэсэ и Хултаса, но мангатхай побѣдили ихъ“. Эти два прекрасные мальчика сильно запечалились и не знаютъ, что дѣлать; у нихъ нѣтъ коней, на которыхъ можно было бы ѣхать на войну въ такую дальнюю сторону. Они посылаютъ своего табунщика Аксагалда-Хара-Китаза посмотрѣть въ табунахъ, не родились ли кони для нихъ. Табунщикъ Аксагалда-Хара-Китадъ *) побѣхалъ посмотрѣть табуны лошадей. Въ одномъ табунѣ, имѣющемъ ка-

*) Въ одномъ случаѣ въ рукописи стоитъ Китаза, въ другомъ Китадъ. *Ред.*

ряго жеребца, у двухъ карихъ кобылъ родились каріе жеребчики, которые, высосавъ мать, бѣгають вокругъ нея иноходью и обѣгають ее тринадцать разъ; онъ этотъ табунъ пригналъ домой и заперъ во дворъ. Эти два прекрасные мальчика выходятъ изъ дворца, смотрять этихъ двухъ прекрасныхъ карихъ жеребятъ и говорятъ другъ другу: „Человѣку дѣйствительно можно ѣздить на этихъ коняхъ. Они для насъ родились“. Они ловятъ коней, надѣваютъ на нихъ вывѣченные серебряные недоуздки (далье описывается въ прежнемъ порядкѣ выдерживаніе коней, обуздываніе и сѣдланіе). Послѣ этого эти два мальчика входятъ, одѣваются и берутъ всѣ нужные доспѣхи (описывается, какъ они ѣдутъ передъ отправленіемъ въ путь). Потомъ выходятъ на улицу, садятся на своихъ коней и ѣдутъ прямо на восточную сторону въ страну мангатхаевъ. Эти два прекрасные мальчика поѣхали полною рысью; какъ пущенныя изъ лука стрѣлы, неслись со свистомъ; они выѣхали изъ своей прекрасной стороны и вѣхали въ холодную страну мангатхаевъ. Они ѣхали и ѣхали въ жаркіе дни безъ питья и въ темныя ночи безъ сна.

Въ это самое время два мангатхая Элтэсэ и Хултаса большимъ узнаніемъ узнали и большимъ разумомъ уразумѣли, что два сына Хөхөсө-мөргөна ѣдутъ къ нимъ воевать. Они наскоро поймали своихъ чубарыхъ коней и пріѣхали на нихъ навстрѣчу двумъ прекраснымъ мальчикамъ. Встрѣтившись, два мангатхая Элтэсэ и Хултаса кричатъ имъ: „Пока вы маленькіе, мы раздавимъ васъ! пока вы ребенками, мы васъ раздавимъ совѣмъ, пока ваше мясо мягко и пока ваши кости хрящи!“ Тогда эти прекрасные мальчики говорятъ имъ: „Не радуйтесь много, что побѣдили нашихъ отца и дядю! Не выдавши ручей, не снимайте унты“ *). Послѣ этого четыре

*) Унты сибирскія обувь изъ звѣриныхъ шкуръ, спитая шерстью наружу.

добрыхъ молодца соскакиваютъ съ коней, прекрасные шелковыя поводья бросаютъ на сѣдла; концы двухъ прекрасныхъ полъ затыкаютъ за поясъ на бедра, два прекрасные рукава засучиваютъ до локтей. Потомъ, какъ порозы, косясь кружатся и какъ самцы верблюды скрежещутъ зубами. Схватившись другъ за друга, начали воевать. Гдѣ схватятъ, тамъ вырвутъ мясо съ чашку величиной и бросятъ; гдѣ поймаютъ, тамъ рвутъ мясо съ большую чашку величиною и бросаютъ; черныя вороны и пестрыя сороки ѣдятъ брошенное мясо. Эти четыре добрыхъ молодца воевали въ продолженіе девяти дней; не могли другъ друга побѣдить и воевали въ продолженіе девяти мѣсяцевъ. Воевали—къ коню бросить дѣйствительно равно, къ верблюду бросить равнымъ равно воевали. Въ это время на землѣ сдѣлалась очень густая пыль до высокаго неба, такъ что козули заблудились отъ своихъ козулятъ и птицы, летающія по воздуху, заблудились отъ своихъ птенцовъ. На землѣ сдѣлалось свѣтопреставленіе. Эти четыре добрыхъ молодца въ продолженіе девяти мѣсяцевъ не могли побѣдить другъ друга. Они продолжали воевать въ продолженіе трехъ годовъ и на исходѣ третьяго года у двухъ мангатхаевъ Элтэсэ и Хултаса два черныхъ глаза потемнѣли, въ двухъ прекрасныхъ ухахъ зашумѣло, ихъ сѣренькія сердца бьются и коротенькія ребра гнутся; какъ сырое дерево гнутся и какъ сухое дерево ломаются; впередъ дергаютъ ихъ, они, спотыкаясь, падаютъ, ихъ назадъ толкаютъ, они, пытаясь, падаютъ. Въ это время два мангатхая, какъ козуленокъ и козель крича, рыдаютъ и плачутъ, а два прекрасные мальчика только, только что разгорячились и начали потѣть. Два эти мангатхая Элтэсэ и Хултаса, растянувшись, упали на землю. Тогда эти два прекрасные мальчика распоролы у нихъ брюха и взяли ихъ желчь; убивши ихъ, собрали таежныя деревья съ верхушками и лѣсныя деревья съ вершинами и

сожгли этихъ двухъ мангатхаевъ; оставшійся пепель и кости березовою лопатою разбросали къ сѣверу и осиновою лопатою разбросали къ югу. Двухъ чубарыхъ ихъ коней убили надъ ними. Послѣ этого эти два прекрасные мальчика разыскали кости своихъ отца и дяди и кости ихъ коней; собранныя кости положили въ порядкѣ, потомъ покапали на нихъ желчь двухъ убитыхъ мангатхаевъ Элтэсэ и Хултаса; тогда Эрэ-Тохоло-мѳргѳнъ и Хѳхѳсѳ-мѳргѳнъ и ихъ кони ожили и встали. Эрэ-Тохоло-мѳргѳнъ и Хѳхѳсѳ-мѳргѳнъ вставши, приводятъ свои волосы въ порядокъ и говорятъ: „Какъ долго мы спали!“ Потомъ Хѳхѳсѳ-мѳргѳнъ узналъ своихъ дѣтей, а Эрэ-Тохоло-мѳргѳнъ узналъ своихъ племянниковъ. Они очень обрадовались и поцѣловали другъ друга. Послѣ этого четыре добрыхъ молодца поѣхали далѣе воевать съ прочими мангатхаями; они поѣхали рысью, побрякивая. Въ это время мать убитыхъ Элтэсэ и Хултаса мангатхайка Эмэ-хара большимъ узнаніемъ узнала и большимъ разумомъ уразумѣла, что ея сыновья мангатхай Элтэсэ и Хултаса побѣждены и побѣдители ѣдутъ къ ней. Она свою верхнюю челюсть приставила къ высокому небу, нижнюю челюсть приставила къ широкой землѣ, и съ трехдневнаго разстоянія стала втягивать ихъ въ себя. Эти четыре молодца ѣхали, не зная этого. Когда она стала втягивать ихъ въ себя, они понеслись и со своими конями, какъ въ вихрѣ, и попали въ нутро мангатхайки Эмэ-Хара; проглотивъ четырехъ молодцовъ, она стала по прежнему жить.

Послѣ этого у жены Эрэ-Тохоло-мѳргѳна у Шара-Сэсэкъ абахай родился сынъ; его звали „послѣ родившійся Оро-Хэнзэ“. Когда мальчикъ Оро-Хэнзэ выросъ, онъ спрашиваетъ у своей матери и у своей тетки: „Гдѣ мой отецъ, мой дядя и мои братья? куда они поѣхали? почему до сихъ поръ не возвращаются?“ Тогда его мать и его тетка говорятъ: „Ка-

нихъ ты отца, дядю и братьевъ спрашиваешь? вовсе ихъ у тебя не было“. Мальчикъ Оро-Хэнзэ никакъ не могъ допроситься, куда уѣхали его отецъ, дядя и двоюродныя братья. Однажды онъ просить у матери и тетки горячаго молока. Мать и тетка стали варить молоко. Въ это время мальчикъ Оро-Хэнзэ выходитъ на улицу, всѣхъ телятъ отпускаетъ къ матерямъ и кричитъ матери и теткѣ: „Телята сосутъ матерей!“ Тогда мать и тетка его выбѣгаютъ на улицу, разбираютъ телятъ и коровъ. Мальчикъ Оро-Хэнзэ входитъ во дворецъ, прячетъ всѣ поваренки и кричитъ: „Молоко бѣжить!“ Мать и тетка бѣгаютъ во дворецъ, суетятся, но не находятъ поваренку, чтобы помѣшать кипящее молоко, а мальчикъ Оро-Хэнзэ ловитъ свою мать и свою тетку, ихъ руками мѣшаетъ кипящее молоко и допрашиваетъ: „Куда уѣхали отецъ, дядя и двоюродныя братья? скажите, во что бы то ни стало“. Тогда мать его Шара-Сэсэкъ-абахай и тетка Шаралду-Гохонъ-абахай, не вынося боли, признаются: „Отецъ и дядя твои поѣхали прямо на восточную сторону воевать съ двумя мангатхаями Элтэсэ и Хултаса, но были ими побѣждены; послѣ двоюродныя твои братья тоже поѣхали къ нимъ воевать, побѣдили мангатхаевъ Элтэсэ и Хултаса, воскресили твоего отца и твоего дядю и всѣ вмѣстѣ поѣхали далѣе, но мать мангатхаевъ Элтэсэ и Хултаса мангатхайка Эмэ-Хара проглотила ихъ всѣхъ со всѣми ихъ конями“. Тогда мальчикъ Оро-Хэнзэ отпустилъ руки своей матери и своей тетки; обожженные ихъ руки онъ вылѣчилъ съ помощью своихъ тринадцати волшебствъ и двадцати трехъ превращеній. Послѣ этого мальчикъ Оро-Хэнзэ говоритъ: „Надо ѣхать за отцомъ, за дядей и за двоюродными братьями!“ У него не оказывается ни коня, на которомъ ѣхать, ни одежды, ни доспѣховъ. Тогда мальчикъ Оро-Хэнзэ говоритъ: „Если боги сотворили человѣка на землѣ, то дадутъ коня, одежду и до-

спѣхи“. Потомъ онъ идетъ къ табунамъ и ловить въ нихъ одну большую бѣлую кобылу; пойманную кобылу беретъ подъ мышку и поднимается на гору Мѳнгѳтѳ-ула. Поднявшись на вершину горы Мѳнгѳтѳ-улы, онъ дѣлаетъ большою бѣлою кобылою талганъ небеснымъ бурханамъ *) и просить у нихъ коня, одежду и доспѣхи. Мальчикъ Оро-Хэнзэ такими словами призываетъ небесныхъ бурхановъ:

Барулама тэнгэри
 Табин табан тэнгэри
 Эсэгэ тэнгэри
 Эсэгэ малан тэнгэри
 Эхэ тэнгэри
 Эхэ юран тэнгэри
 Окторгон олон саган бурхашул
 Тэнгэрин томон саган бурхашул
 Табиган табулгахуд мини
 Заяжан заябарихуд мини
 Унаха тата мори мини
 Ёмотхо тата хубсаха мини
 Барьха тата тонот мини огыэ!

Переводъ:

Западные тэнгеринь—
 Пятьдесять пять тэнгэриновъ,
 Отець тэнгэри—
 Эсэгэ-маланъ тэнгэри,
 Мать тэнгэри—
 Эхэ-юранъ тэнгэри,
 Ночного неба множество бѣлыхъ бурхановъ,
 Дневного неба десять тысячъ бѣлыхъ бурхановъ,

* Т. е. заколотъ кобылу въ жертву бурханамъ. *Ред.*

Творившіе творцы мои,
 Создавшіе создатели мои,
 Ёхать пріятнаго коня моего,
 Одѣться пріятныя платья мои,
 Держать пріятныя доспѣхи мои дайте!

Такъ взывая, дѣлалъ талганъ мальчикъ Оро-Хэнзэ. Западныя тэнгэрины и отецъ тэнгэри Эсэгэ-Маланъ услышали призываніе мальчика Оро-Хэнзэ. Западные тэнгэрины, отецъ-тэнгэри Эсэгэ-Маланъ, ночного неба многочисленныя бѣлыя бурханы и дневнаго неба десять тысячъ бѣлыхъ бурхановъ на лунѣ сдѣлали хорошій сугланъ *) и на Плеядахъ (Мешить) сдѣлали мѣткій сугланъ, и въ это время говорятъ: „Созданный нами на нижней землѣ сынъ Оро-Хэнзэ, выросши, просить коня, одежду и доспѣхи“. Они сотворили коня; одежду отдали шить небеснымъ „ўлинши“, доспѣхи приказали сдѣлать небеснымъ кузнецамъ. Когда конь былъ сотворенъ, одежда была сшита, доспѣхи были сдѣланы, они ввнудзали п осѣдлали коня, одежду и доспѣхи привязали въ потороки и поручили бурхану Хлѣбному (Таряши бурхан) передать коня мальчику Оро-Хэнзэ. Бурханъ Хлѣбный, взявъ коня, спустился съ неба на гору Мѳнгѳтѳ-ула. Въ это время мальчикъ Оро-Хэнзэ, превратившись въ сухой конскій аргаль *), лежалъ въ травѣ. Хлѣбный бурханъ, спустившись на гору Мѳнгѳтѳ-ула, крикнулъ: „Возьми!“ и отпустилъ коня, который, волоча по землѣ прекрасный поводъ, побѣжалъ; лежавшій на землѣ Оро-Хэнзэ, вскочивши, схватился за прекрасный шелковый поводъ и остановилъ своего коня. Послѣ этого Оро-Хэнзэ отвязываетъ изъ поторокъ одежду и надѣваетъ на себя; одежда оказывается немного велика. Тогда онъ

*) Сугланъ „собраніе“, „сеймъ“.

**) Аргаль—кизьякъ, скотскій пометъ.

говорить: „Мужчина-человѣкъ растеть, а войлокъ вытягивается. Со временемъ будетъ въ пору“. Потомъ беретъ желтый лукъ Бухаръ и натягиваетъ его; желтый лукъ Бухаръ оказывается немного слабоватымъ. Послѣ этого, навѣсивъ на себя всѣ доспѣхи, садится на коня. Конь начинаетъ сбрасывать его съ себя, съ земли скачетъ, но Оро-Хэнзэ, благодаря своему проворству, держится; конь до неба скачетъ и бьется, Оро-Хэнзэ, ровно сидя, держится на конѣ. Когда конь пересталъ скакать и биться, Оро-Хэнзэ спрашиваетъ коня: „Отчего ты такъ сильно скачешь и бьешься?“ Конь говоритъ: „Пока не поспѣетъ мясо трехгодичнаго барана, я могу оббѣжать три раза вокругъ земли; не поспѣетъ мясо четырехгодичнаго барана, я могу оббѣжать четыре раза вокругъ земли“. Конь спрашиваетъ у него: „Ты какъ удержался на мнѣ?“ Тогда Оро-Хэнзэ говоритъ: „На этой землѣ имѣющіе плеча не выбираютъ меня; и имѣющимъ большіе пальцы не уступлю въ стрѣльбѣ стрѣлою изъ лука“. Они другъ другу сказали: „Мы сошлись равные“. Послѣ этого Оро-Хэнзэ прѣхалъ домой (слѣдуетъ стереотипное описаніе ѣды и приготовленіе къ поѣздкѣ).

Оро-Хэнзэ, собравшись, уѣхалъ прямо на восточную сторону въ страну мангатхаевъ; онъ проѣхалъ свою прекрасную сторону и вѣхалъ въ холодную страну мангатхаевъ. Вѣхалъ, какъ пущенная изъ лука стрѣла, со свистомъ. Отъ скорой ѣзды сдѣлался сильный вихоръ, который сносилъ рыжіе камни, и дулъ черный вѣтеръ, который сносилъ черные камни. Жаркіе дни ѣхалъ безъ питья, и темныя ночи ѣхалъ безъ сна. Онъ ѣхалъ и ѣхалъ и наконецъ сталъ доѣзжать до мангатхайки Эмэ-Хара, которая съ трехдневнаго разстоянія большимъ узнаніемъ узнала и большимъ разумомъ уразумѣла, что къ ней ѣдетъ съ войною Оро-Хэнзэ, сынъ Эрэ-Тохоло-мѳргѳна. Она разинула ротъ; верхнюю челюсть

приставила къ высокому небу, нижнюю челюсть приставила къ обширной землѣ и стала втягивать его въ себя. Тогда Оро-Хэнзэ, не смотря на всѣ свои старанія, вмѣстѣ съ конемъ полетѣлъ и попалъ въ ротъ мангатхайкѣ Эмэ-Хара. Попавъ въ ротъ, онъ беретъ серебряное кошье; это острое серебряное кошье онъ воткнулъ въ нижнюю челюсть и верхнимъ концомъ подперъ верхнюю челюсть, чтобы мангатхайка Эмэ-Хара осталась съ разинутымъ ртомъ. Къ кошью привязалъ коня, самъ входитъ въ нее и ищетъ тамъ своего отца Эрэ-Тохоло-мѳргѳна и дядю Хѳхѳсѳ-мѳргѳна съ его двумя сыновьями; едва нашелъ ихъ внутри ея и вывелъ ихъ съ конями едва живыхъ. Въ обратный путь, выходя изъ нутра мангатхайки Эмэ-Хара, Оро-Хэнзэ перерубилъ у нея артерію аорту (голто зурхэн) и она умерла. Послѣ этого Оро-Хэнзэ выходитъ изъ рта мангатхайки Эмэ-Хара и выводитъ тѣхъ; потомъ, собравъ таежныя деревья съ верхушками и лѣсныя деревья съ верхушками, сжигаетъ тѣло мангатхайки Эмэ-Хара; оставшіеся пепель и кость березовою лопатою разбросалъ къ сѣверу и осиновою лопатою разбросалъ къ югу. Послѣ этого своихъ отца, дядю и двоюродныхъ братьевъ приводитъ въ прежнее состояніе. Они говорятъ другъ другу: „Непобѣдимаго врага побѣдили и годовалаго жеребенка закололи“.

Послѣ этого Эрэ-Тохоло-мѳргѳнъ съ сыномъ Оро-Хэнзэ и Хѳхѳсѳ-мѳргѳнъ съ двумя сыновьями всѣ пятеро поѣхали къ отцу мангатхаевъ Элтэсэ и Хултаса, къ мангатхаю Оборто-Шара, который имѣетъ рога. Этотъ имѣющій рога Оборто-Шара-мангатхай имѣетъ на спинной сторонѣ множество тысячъ глазъ и на передней сторонѣ сто тысячъ глазъ. Онъ большимъ узнаніемъ узнаетъ и большимъ разумомъ уразумѣваетъ, что къ нему ѣдутъ воевать Эрэ-Тохоло-мѳргѳнъ съ своимъ сыномъ Оро-Хэнзэ и Хѳхѳсѳ-мѳргѳнъ съ двумя сво-

ими сыновьями. Онъ поѣхалъ имъ навстрѣчу, и встрѣтившись съ ними, говоритъ имъ: „Не радуйтесь, что убили двухъ моихъ сыновей Элгэсэ и Хултаса и жену мою Эмъ-Хара“. Послѣ этого съ имѣющимъ рога Оборто-Шара-мангатхаемъ началъ воевать Эрэ-Тохоло-мѳргѳнъ; мангатхай, имѣющій рога, Оборто-Шара началъ его мять. Тогда началъ воевать Хѳхѳсѳ-мѳргѳнъ, но мангатхай и его началъ мять. Тогда начали воевать два сына Хѳхѳсѳ-мѳргѳна; мангатхай началъ ихъ мять сильно; тогда началъ воевать съ нимъ Оро-Хэнзэ.

Оро-Хэнзэ и имѣющій рога Оборто-Шара-мангатхай прекрасныя полы затыкаютъ за поясъ, прекрасныя рукава засучиваютъ по локоть; потомъ, какъ порозы, кружатся, какъ самцы верблюды, скрежещутъ зубами. Схватившись другъ за друга, рвутъ куски мяса съ чашку величиною и бросаютъ; черныя вороны и пестрыя сороки ѣдятъ брошеное мясо. Воевали они въ продолженіе девяти дней и не могли побѣдить другъ друга; продолжали воевать въ продолженіе девяти мѣсяцевъ. Въ это время на землѣ сдѣлалась такая густая пыль, что козули заблудились отъ своихъ козулятъ, птицы блудили отъ своихъ птенцовъ. Въ теченіе девяти мѣсяцевъ не могли побѣдить другъ друга и продолжали воевать въ теченіе трехъ годовъ. На исходѣ третьяго года у имѣющаго рога Оборто-Шара-мангатхая черныя глаза потемнѣли, въ ушахъ зашумѣло; его сѳренькое сердце бьется, его коротенькія ребра гнутся; впередъ его дергаютъ, спотыкаясь падаетъ, назадъ толкаютъ, пятясь падаетъ. Наконецъ рогатый Оборто-Шара-мангатхай, растянувшись, падаетъ на землю и лежитъ. Когда Оро-Хэнзэ свалилъ на землю имѣющаго рога мангатхая Оборто-Шара, онъ взялъ свою серебряную саблю и прокололъ насквозь самый средній бѣлый глазъ; тогда этотъ мангатхай умеръ. Тогда они собрали таежныя

деревья съ верхушками и лѣсныя деревья съ верхушками и сожгли тѣло имѣющаго рога Оборто-Шара-мангатхая; оставшійся пепель березовою лопатою разбросали къ сѣверу и осиновою лопатою разбросали къ югу. Они говорятъ другъ другу: „Непобѣдимаго врага побѣдили, годовалаго жеребенка закололи“.

Послѣ этого они всѣ впятеромъ поѣхали далѣе къ двоюродному брату убитаго имѣющаго рога мангатхая Оборто-Шара, въ мѣстность Такшаланги, гдѣ живетъ мангатхай Такшилль-Лохоръ. Этотъ мангатхай Такшилль-Лохоръ большимъ знаніемъ узнаетъ и большимъ разумомъ уразумѣваетъ, что къ нему ѣдутъ войною Эрэ-Тохоло-мѳргѳнъ съ сыномъ своимъ Оро-Хэнзэ и Хѳхѳсѳ-мѳргѳнъ съ двумя своими сыновьями. Мангатхай Такшилль-Лохоръ имѣетъ на спинной сторонѣ множество тысячъ желѣзныхъ кольевъ и на передней сторонѣ сто тысячъ желѣзныхъ кольевъ, которыми онъ во время войны людей рветъ и колетъ. Этотъ мангатхай Такшилль-Лохоръ имѣетъ своего чубараго коня. Онъ садится на него, ѣдетъ на встрѣчу и, встрѣтившись съ Эрэ-Тохоло-мѳргѳномъ, съ сыномъ его Оро-Хэнзэ, съ Хѳхѳсѳ-мѳргѳномъ и съ его двумя сыновьями, говоритъ имъ: „Вы не радуйтесь, что убили Элтэсэ и Хултаса и двоюроднаго брата моего Оборто-Шара съ женою. Я съ вами одинъ справлюсь“. Послѣ этого съ Такшилль-Лохоръ-мангатхаемъ сперва воюетъ Эрэ-Тохоло-мѳргѳнъ; мангатхай Такшилль-Лохоръ съ желѣзными кольями начинаетъ рвать и колоть его, тотъ никакъ не можетъ воевать съ нимъ и падаетъ. Тогда съ мангатхаемъ Такшилль-Лохоромъ воюетъ Хѳхѳсѳ-мѳргѳнъ; мангатхай и этого рветъ и колетъ своими желѣзными кольями; Хѳхѳсѳ-мѳргѳнъ тоже падаетъ на землю. Послѣ этого съ мангатхаемъ воюютъ два сына Хѳхѳсѳ-мѳргѳна; они тоже не могутъ воевать, тоже падаютъ на землю. Тогда Оро-Хэнзэ съ по-

мощью своихъ тринадцати волшебствъ дѣлаетъ желѣзный молотъ вѣсомъ въ двадцать пять пудовъ и этимъ молотомъ бьетъ желѣзные колья на спинѣ мангатхая, ломаетъ ихъ и гнетъ; съ помощью двадцати трехъ превращеній дѣлаетъ желѣзный молотъ вѣсомъ въ сорокъ пять пудовъ и этимъ молотомъ бьетъ желѣзные колья на передней сторонѣ мангатхая, ломаетъ и гнетъ ихъ. Такъ Оро-Хэнзэ воевалъ съ мангатхаемъ въ продолженіе трехъ годовъ, на исходѣ третьяго года у мангатхая Такшилъ-Лохора два черные глаза стали темнѣть, въ обоихъ ушахъ стало шумѣть. Тогда мангатхай Такшилъ-Лохоръ кричитъ, призывая на помощь:

Зулэмэ тэнгэри
 Дошин дорбон тэнгэри
 Табилган табилга мини
 Заяган заябари мини абыги!

Такъ крича и зовя, мангатхай Такшилъ-Лохоръ надаётъ на землю, а Оро-Хэнзэ его убиваетъ. Потому всё они собираютъ таежныя деревья съ верхушками и лѣсныя деревья съ верхушками и сжигаютъ тѣло мангатхая Такшилъ-Лохора; оставшіяся пепель и кости березовою лопатою разбрасываютъ къ сѣверу и осиновою лопатою разбрасываютъ къ югу. Въ это время „восточные тэнгэрины сорокъ четыре тэнгэри, создавшіе создатели, творившіе творцы“ *) мангатхая Такшилъ-Лохора услышали его просьбу и начали слухаться съ неба на землю къ нему на помощь. Восточное небо отворилось; черезъ его дверь спустилась на землю желѣзная лѣстница, нижній конецъ которой упирался въ землю, а верхній конецъ упирался въ небо. По этой лѣстницѣ съ восточнаго неба стали спускаться мангатхай на землю. Эти

*) Поставленное въ кавычкахъ есть переводъ бурятскаго текста, помѣщеннаго вѣсколько строкъ выше (Зулэмэ тэнгэри и пр.).

мангатхай были такіе, что потники срослись со спинами ихъ коней, сѣдла срослись съ потниками, а сами мангатхай приросли къ сѣдамъ, а луки приросли къ ихъ рукамъ. Такіе мангатхай спускались съ восточнаго неба. Эти мангатхай были непобѣдимы и не убиваемы; они безъ жизни. Оро-Хэнзэ, смотря на нихъ, говоритъ: „Ихъ никакъ нельзя побѣдить и убить, потому что они безъ жизни. Они насъ побѣдятъ; мы будемъ побѣждены ими“. Послѣ этого онъ заставляетъ свои тринадцать волшебствъ бѣгать по ладони и двадцать три превращенія заставляетъ бѣгать по пальцамъ; съ помощью своихъ тридцати волшебствъ и двадцати трехъ превращеній всѣхъ этихъ спускавшихся съ восточнаго неба мангатхаевъ крѣпкими желѣзными цѣпями онъ приковалъ къ желѣзной лѣстницѣ, къ каждой ея поперечинѣ, такъ что не далъ имъ спуститься на землю. Такъ всѣ эти мангатхай и остались прикованными желѣзными цѣпями къ желѣзной лѣстницѣ. Послѣ этого Эрэ-Тохоло-мѳргѳнъ съ сыномъ своимъ Оро-Хэнзэ и Хѳхѳсе-мѳргѳнъ съ двумя сыновьями поѣхали къ домамъ мангатхаевъ; дома ихъ сожгли, а все добро, золото, серебро и разный скотъ едва привезли и пригнали домой. По пріѣздѣ домой сдѣлали большой пиръ; пировали въ продолженіе девяти сутокъ, на десятый день едва разошлись. Такъ они живутъ счастливо. Ан жуга, ашта бурханда туше.

Сказка рассказана бурятомъ Монко Мулановымъ; она еще не окончена, рассказчикъ не знаетъ ея продолженія.

Царь Баянъ-Хара.

Въ прежнее время жилъ прямо на западной сторонѣ въ мѣстности Шана на подошвѣ трехъ горъ Мѳнгѳтѳ-ула, сдѣлавшій три моря Манзанъ водоемъ, жилъ при подошвѣ четырехъ горъ Мѳнгѳтѳ-ула, сдѣлавшій четыре моря водоемъ. Его высокій бѣлый четырехугольный дворецъ, какъ

снѣгъ, бѣлѣтъ (пропускаю описаніе дворца, серебряной конюязи и двора, которые во всѣхъ сказкахъ описываются одинаково).

На сѣверной сторонѣ паслось сто тысячъ разнаго скота, на южной сторонѣ паслось многое множество разнаго скота. Онъ имѣтъ на сѣверной сторонѣ живущихъ подданныхъ и народовъ и на южной сторонѣ живущихъ такое множество подданныхъ, какъ муравьи въ муравейникѣ, какъ травы въ ложбинахъ. На ѣздѣ пріятный конь его, имѣющій бѣгъ подъ синѣющимъ небомъ, желѣзно-вороной конь, который пасется, горстями хватая въ черномъ пырей, на сѣверной сторонѣ Алтая и пасется на верху возвышеннаго мѣста Хохоя, гдѣ растеть черный пырей. Всѣми этими подданными и разнымъ скотомъ распоряжаться родился царь Баянъ-Хара, который жилъ спокойно и счастливо.

Однажды утромъ царь Баянъ-Хара говоритъ: „Когда ходитъ одинокій человѣкъ, человѣкомъ онъ не дѣлается; изъ одной головни огонь не дѣлается. Нужно искать суженую невѣсту“. Послѣ этого онъ достаетъ желтое материнское священное писаніе (ном), читаетъ его, слѣдя большимъ пальцемъ, и читаетъ, перебирая рукою, имѣющею пальцы. Въ священномъ писаніи вычитывается, что его суженая невѣста находится прямо на южной сторонѣ на разстояніи столѣтней ѣзды. Это дочь богатаго царя Агу; зовутъ ее тринадцатилѣтняя царевна Урма-Гохонъ. Послѣ этого онъ закрылъ материнское желтое священное писаніе и положилъ на старое мѣсто, гдѣ оно лежало прежде.

Потомъ царь Баянъ-Хара выходитъ на улицу и, крича, зоветъ желѣзно-вороного коня, который въ это время пасся на сѣверной сторонѣ Алтая. Желѣзно-вороной конь услыхалъ своимъ правымъ ухомъ, узналъ голосъ своего хозяина и говоритъ: „Зачѣмъ зоветъ хозяинъ-абай? съ близка ли

пріѣхаль непріятель или съ далека пріѣхали непріятельскія войска“? Такъ говоря, конь побѣжалъ домой. Большую гриву въ обхватъ на спину бросаая, бѣжитъ и большой и густой хвостъ на крестецъ бросаая, бѣжитъ; прибѣжавши, остановился у серебряной коновязи и звонко ржетъ. Тогда царь Баянъ-Хара выходитъ изъ дворца, сплошно-серебрянымъ недоуздкою обнуздаль, какъ ребро серебряною уздою обнуздаль, и привязаль желѣзно-вороного коня на галькѣ, чтобы копыта были тверды и привязаль его на ледъ, чтобы копыта были круглы, старый волосъ весь соскребъ, горстью травы кормилъ и чашкою воды поилъ. Послѣ этого на желѣзно-вороного коня положили шелковый потникъ, обѣдаль его серебрянымъ сѣдломъ, десятью подпругами крѣпко на крѣпко подтянулъ и двадцатью подпругами сильно-крѣпко подтянулъ. Послѣ этого желѣзно-вороного коня шелковымъ поводомъ привязаль къ серебряной коновязи и говорить: „Кончилъ приготовленіе коня“.

Потомъ царь Баянъ-Хара вошелъ во дворець, подвинулъ золотой столъ, поставилъ на него превкусную ѣду, подвинулъ серебряный столъ, поставилъ на него дѣйствительно вкусную ѣду. Онъ ѣлъ, какъ птица клюеть и какъ волкъ глотаеть. Наѣвшись досыта, онъ всталъ изъ за стола. Послѣ этого онъ начинаетъ одѣваться; на красное тѣло онъ надѣваетъ шелковую рубаху, поверхъ ея надѣваетъ шелковую шубу, которую носятъ лѣтомъ; еще сверху надѣваетъ шелковую шубу, которую носятъ зимой; наконецъ надѣваетъ еще какъ уголь черный доспѣхъ *), не промокающій въ семидесятисуточное ненастье, не пробиваемый стрѣлой съ семидесятью наконечниками. Надѣваетъ на себя всѣ нужные доспѣхи. Потомъ царь Баянъ-Хара говорить: „Кончилъ приготовленіе тѣла“.

*) Манчуръ? Ред.

Послѣ этого выходитъ на улицу, подходитъ къ серебряной коновязи, отвязываетъ отъ нея шелковый поводъ, садится на коня и отправляется въ путь. Онъ ѣдетъ рысью черезъ десять падей, и, переѣзжая ихъ поперекъ, рысить; ѣдетъ черезъ двадцать падей и, пересѣкая ихъ, рысить. Разстояніе столѣтней ѣзды предполагаетъ проѣхать въ три мѣсяца. Когда поетъ птица соловей (алтан гургалдай), тогда онъ думаетъ, что настало лѣто, лисью легкую шапку къ затылку подвигая, рысить и когда щекочетъ пестрая сорока, тогда думаетъ, что настала зима, лисью легкую шапку ко лбу подвигая, рысить. Такъ онъ рыся, ѣхалъ. На пути его стоитъ одна высокая гора; поднявшись на ея вершину, слѣзъ съ коня и, сидя, курить трубку. Въ это время онъ смотритъ въ даль туда и сюда; такъ смотря, онъ видитъ въ дали блестящій дворецъ царя Агу, подданные котораго около дворца чернѣютъ, какъ трава въ ложбинѣ и какъ деревья въ лѣсу; разный скотъ царя Агу подходитъ къ водопою, къ черному морю; передовые табуны пьютъ чистую воду, а послѣдніе лижутъ только мокрый песокъ и тину. Все это видя, царь Баянъ-Хара начинаетъ трусить; бьется сѣрое сердце его и тоненькіе ребра гнутся. Онъ думаетъ думу; приѣхавши въ такую дальнюю сторону и проѣхавши такую длинную дорогу, непременно нужно доѣхать и узнать. Въ это время волчью думу думаетъ и сердце его дѣбается, какъ камень, крѣпкое: „Мужчины желаніе свое не оставляютъ, волкъ и собака закушеное не оставляютъ. Куда думалъ, туда нужно доѣхать“. Послѣ этого онъ досталъ изъ колчана насквозь дверь прострѣливающую большую стрѣлу, выдернулъ изъ налучна (хормого) желтый лукъ Бухарь, имѣющій девяносто девять подставокъ; потомъ наложилъ стрѣлу ушкомъ на тетиву лука, натягиваетъ лукъ и въ это время говоритъ: „Если суждено мнѣ долею умирать, то иди безъ вѣсти, а если имѣю старшую долю, то иди и втыкайся въ

югозападный уголъ дворца царя Агу"! Такъ говоря, выстрѣлилъ. Выпущенная стрѣла его прямо полетѣла къ дворцу царя Агу и воткнулась въ югозападный уголъ дворца, который отъ этого пошатнулся къ югозападу. Тогда царь Агу выходитъ изъ дворца и приказываетъ своимъ подданнымъ выдернуть эту стрѣлу; подданные никакъ не могутъ выдернуть ее.

Потомъ царь Баянъ-Хара сѣлъ на своего вороного коня, спустился подъ гору и ѣдетъ къ дворцу царя Агу. Когда онъ пріѣхалъ, то говоритъ подданнымъ царя Агу: „Столь много народа, не можете выдернуть стрѣлу простого человѣка"! Послѣ этого подошелъ, выдернулъ свою стрѣлу и воткнулъ въ серебряный колчанъ, желѣзновороного коня шелковымъ поводомъ привязалъ къ серебряной коновязи, а самъ входитъ во дворецъ и здоровается съ царемъ Агу, какъ царь; поцарски здоровается, и какъ царица кланяясь, здоровается. Тогда царь Агу царя Баянъ-Хара сажаетъ на правую сторону дворца на серебряный тронъ, а потомъ угощаетъ его; онъ подвинулъ передъ нимъ золотой столъ, поставилъ на него вкусныя блюда, и подвинулъ серебряный столъ, поставилъ на него дѣйствительно вкусныя блюда. Царь-Баянъ-Хара ѣсть, какъ птица клюетъ и какъ волкъ глотаетъ. Въ это время царь Агу спрашиваетъ: „Изъ какой страны? родившая земля гдѣ? питая вода гдѣ? куда ѣдете и какъ васъ зовутъ“? Тогда царь Баянъ-Хара говоритъ: „Живу прямо на сѣверной сторонѣ на подошвѣ трехъ горъ Мѳнгѳѳ-ула, на берегу трехъ морей Манзанъ. Меня зовутъ царемъ Баянъ-Хара, а ѣхалъ я сюда. Тѣло мое ѣдетъ по слѣду зятя, а ротъ мой сватомъ“. Царь Агу говоритъ: „Думано правдиво и говорено вѣрно. Какъ о васъ думать и что сказать о васъ дурного? я согласенъ сдѣлать васъ зятемъ“. Послѣ этого царь Баянъ-Хара сдѣлался зятемъ царя Агу, высваталъ его тринадцатилѣтнюю дочь Урма-Гохонъ. Тогда царь Агу приказалъ бить въ золо-

той барабанъ, собрать всѣхъ подданныхъ, живущихъ на сѣверной сторонѣ и приказалъ бить въ серебряный барабанъ, собрать всѣхъ подданныхъ, живущихъ на южной сторонѣ. Побили въ золотой барабанъ, собрались всѣ подданные, живущіе на сѣверной сторонѣ, и побили въ серебряный барабанъ, собрались всѣ подданные, живущіе на южной сторонѣ. Тогда богатый царь Агу выпустилъ, какъ озеро, большое вино и какъ бугоръ, большое мясо. Въ продолженіе девяти сутокъ сдѣлали большой пиръ и на десятый день едва разошлись по домамъ. Послѣ, нѣсколько времени спустя, царь Баянъ-Хара говоритъ своему тестю царю Агу: „Чужой человѣкъ въ чужбинѣ не уживается, а лытка изюбря въ котлѣ не помѣщается. Человѣкъ, имѣющій родину, долженъ ѣхать на свою родину и человѣкъ, имѣющій воду, долженъ ѣхать къ своей водѣ“. Такъ говоря, онъ началъ собираться домой.

Тогда царь Агу говоритъ своему зятю: „Думано правда и сказано вѣрно“. Царь Агу далъ своей дочери въ приданое половину своихъ подданныхъ, половину разнаго скота и половину золота и серебра; потомъ въ серебряную коляску запрегъ трехъ бѣлыхъ иноходцевъ. Тринадцатилѣтняя царевна Урма-Гохонъ сѣла въ серебряную коляску, а царь Баянъ-Хара поѣхалъ верхомъ на желѣзно-ворономъ конѣ. Царь Баянъ-Хара впереди гонитъ разнаго скота, а подданные ѣдутъ за нимъ сзади. Такъ ѣдутъ они, едва помѣщаясь въ пади и поя скоть въ ручьяхъ. Когда царь Баянъ-Хара проѣхалъ половину дороги, онъ говоритъ женѣ своей тринадцатилѣтней Урма-Гохонъ: „Я поѣду впередъ привести въ порядокъ дома, а ты поѣзжай по сдѣланной черточкѣ, а гдѣ будетъ сдѣланъ кружокъ, тамъ ночуйте“. Послѣ этого царь Баянъ-Хара поѣхалъ впередъ. Ѣдетъ по дорогѣ и видитъ, что высокая красная пыль поднимается до высокаго неба и тонкокрасная пыль разстилается по широкой землѣ; такъ

ѣдетъ ему на встрѣчу (всадникъ) на желтомъ конѣ, спина котораго, вся въ язвахъ, покрыта холщевымъ потникомъ и деревяннымъ сѣдломъ; ѣдетъ и бѣгетъ своего желтаго коня спереди и сзади сорокапудовымъ молотомъ; такъ ѣдетъ на встрѣчу царю Баянъ-Хара семидесятипятиголовый Дарда-шара-мангатхай. Встрѣтившись, они остановились на дорогѣ. Семидесятипятиголовый Дарда-шара-мангатхай говоритъ: „Чужого желающій, своимъ недовольствующійся, зачѣмъ взялъ чужую невѣсту? Я съ пеленокъ сберегалъ ее для себя и съ люльки присватывалъ себѣ въ невѣсты. Силою большого пальца будешь воевать со мною или силою плеча будешь воевать со мною? скорѣе и поспѣшно говори!“ Этакъ говоря, спрашивалъ онъ царя Баянъ-Хара. Тогда царь Баянъ-Хара говоритъ ему: „Впередъ будемъ воевать силою большого пальца“. Послѣ этого они разъѣхались на двѣ стороны, поднялись на вершины двухъ горъ и кричатъ другъ другу: „Ты впередъ стрѣлай!“ Семидесятипятиголовый Дарда-шара-мангатхай согласился стрѣлять впередъ; онъ беретъ свою чугунно-серебряную стрѣлу, прикладываетъ ушкомъ къ тетивѣ лука и натягиваетъ, говоря: „Если мнѣ суждено помирать, то иди безъ вѣсти, а если мнѣ суждено побѣдить, то пробей насквозь большую и широкую грудь царя Баянъ-Хара, чтобы сквозь рану свѣтились лучи солнца“. Такъ натягивая лукъ, выстрѣлилъ. Стрѣла его летитъ со свистомъ и гуломъ. Царь Баянъ-Хара, растегнувши пуговицы, выставилъ голую грудь и, стоя, ждетъ. Въ это время со свистомъ прилетѣла стрѣла семидесятипятиголоваго Дарда-шара-мангатхая и пробила насквозь большую широкую грудь царя Баянъ-Хара; сквозь рану свѣтятся лучи солнца. Царь Баянъ-Хара упалъ было, но до земли поднялся; переднюю рану заткнулъ камнемъ величиною съ жеребенка, а заднюю рану заткнулъ камнемъ величиною съ барана; рану свою погладилъ большимъ пальцемъ и вылѣчилъ;

указательнымъ пальцемъ погладилъ и совсѣмъ оздоровѣлъ. Потомъ говоритъ семидесятипятиголовому Дарда-шара-мангатхаю: „Не думай, чтобы у мужчины не было столько волшебствъ и таинственныхъ силъ, чтобы вылѣчиться! Теперь моя очередь стрѣлять“. Царь Баянъ-Хара достаетъ стрѣлу изъ серебрянаго колчана и желтый лукъ Бухарь изъ налучна, прикладываетъ стрѣлу ушкомъ къ тетивѣ лука и натягиваетъ. „Если мнѣ суждено долею умереть, то иди безъ вѣсти, а если старшею долею суждено побѣдить, то отсѣки самую среднюю голову!“ Такъ говоря, выстрѣлилъ. Стрѣла его полетѣла со свистомъ и гуломъ. Семидесятипятиголовый Дарда-шара-мангатхай стоитъ на горѣ и ждетъ стрѣлу; стрѣла прилетѣла и отсѣкла ему самую среднюю голову, а потомъ возвратилась къ своему хозяину. Семидесятипятиголовый Дарда-шара-мангатхай упалъ было на землю, но до земли поднялся, схватилъ отсѣченную стрѣлой среднюю свою голову, вставилъ на старое мѣсто, погладилъ большимъ пальцемъ и вылѣчился; погладилъ указательнымъ перстомъ и совсѣмъ оздоровѣлъ; потомъ, смѣясь, говоритъ: „Не думай, чтобы у мужчины не было столько волшебствъ и таинственныхъ силъ!“ Потомъ они говорятъ другъ другу: „Мы не въ состояннн побѣдить другъ друга силою большого пальца; будемъ воевать силою плеча“. Оба они спустились (съ горъ), прнѣхали къ ровному мѣсту, слѣзли съ своихъ коней и отпустили ихъ, а сами начали бороться. Они боролись въ теченн трехъ сутокъ; не могли побѣдить другъ друга. Боролись въ теченн девяти сутокъ, потомъ въ теченн трехъ мѣсяцевъ, борясь, воевали, не могли побѣдить другъ друга и борясь, воевали въ теченн девяти мѣсяцевъ. И тогда только едва начали потѣть и кровь и мясо ихъ стали грѣться въ тѣлѣ. Такъ воевали они въ теченн трехъ лѣтъ; въ это время впередъ они упирались, красныхъ горъ надѣлали, назадъ лягались, сѣрыхъ горъ надѣлали. На землѣ

сдѣлались туманъ и пыль, въ которыхъ птицы блудили отъ своихъ гнѣздъ и птенцовъ, звѣри блудили отъ своихъ дѣтенышей и люди блудили отъ своихъ балагановъ. По истеченіи трехъ годовъ у семидесятипятиголоватаго Дарда-шара-мангатхая сѣрое сердце бьется, тонкія ребра гнутся и въ обоихъ глазахъ темнѣетъ, и царь Баянъ-Хара начинаетъ побѣждать семидесятипятиголоватаго Дарда-шара-мангатхая. Онъ складываетъ его, какъ войлокъ, подбираетъ его, какъ хубсуръ. Беря на правую сторону, бросаетъ объ землю; тогда въ западной тайгѣ сухое дерево ломается и сырое дерево гнется; беря на лѣвую сторону, бросаетъ объ землю, тогда въ восточной тайгѣ сухое дерево ломается и сырое дерево гнется. Тогда семидесятипятиголовый Дарда-шара-мангатхай, какъ козель крича, плачетъ и какъ козуленокъ пища, плачетъ. Царь Баянъ-Хара свалилъ на землю семидесятипятиголоватаго Дарда-шара-мангатхая, отрубилъ ему среднюю голову и убилъ. Потомъ таежныя деревья съ вершинами собралъ и лѣсныя деревья съ корнями собралъ и тѣло семидесятипятиголоватаго Дарда-шара-мангатхая сжегъ; сдѣлавши березовую лопату, оставшіеся пепель и кости разбросалъ къ сѣверу и, сдѣлавши осиновую лопату, оставшіеся пепель и кости разбросалъ къ югу. Послѣ этого поймалъ желтаго съ язвами на спинѣ коня и тоже убилъ. Потомъ царь Баянъ-Хара говоритъ: „Непобѣдимаго врага побѣдилъ и неколимага годовалаго жеребенка закололъ“!

Послѣ этого Баянъ-Хара ѣдетъ далѣе и думаетъ думу, что пошевелилъ гнѣздо осы, постоянную войну затѣвалъ, пошевелилъ гнѣздо комаровъ, всѣхъ непріятелей задѣлъ. „Съ этого времени съ вершины высокой горы не сойдетъ туманъ, головы моей не минуетъ война“! На пути своемъ царь Баянъ-Хара поднимается на одну высокую гору; поднявшись на ея вершину, онъ слѣзаетъ съ коня и, сидя, курить трубку; въ

это время онъ смотритъ въ даль туда и сюда и вдали видить три мѣдные дворца, которые блестятъ. Покуривши, онъ сѣлъ на желѣзно-вороного коня и спустился подъ гору. Потомъ поѣхалъ по направленію къ тремъ мѣднымъ дворцамъ. Приѣхавъ къ первому мѣдному дворцу, слѣзъ съ коня и входитъ во дворецъ; тамъ сидитъ одна большая черная баба Эмэ-хара-мангатхай и мнетъ изюбревую кожу; у этой бабы верхніе вѣки глазъ падали на носъ, а нижніе вѣки глазъ падали на щеки; верхняя губа падала на нижнюю челюсть, а нижняя губа падала на груди, груди падали на брюхо, а брюхо падало на колѣни. Такая страшная баба Эмэ-хара-мангатхай сидѣла. Она подняла верхніе вѣки глазъ и посмотрѣла на царя Баянъ-Хара; послѣ этого верхніе вѣки глазъ подперла деревомъ толщиною въ столбъ и говоритъ: „Ты не радуйся, что побѣдилъ моего сына. Не пройдетъ ночь, я порву твою жизнь и не пройдетъ день, оторву твои суставы“. Говоря такъ, она встала и бѣжитъ къ нему, держа въ рукѣ хэдэргэ*). Тогда царь Баянъ-Хара побѣжалъ къ двери; когда онъ одной ногой шагнулъ черезъ порогъ на улицу, а другая нога была еще во дворцѣ, догнала его баба Эмэ-хара-мангатхай, ударила его хэдэргэ'емъ и съ головы до ногъ разрѣкла на двѣ части; изъ одной половины сдѣлала птицу ястреба, изъ другой половины сдѣлала птицу сокола. Птицъ ястреба и сокола заставила летать, кружась надъ воротами, и онѣ стали кружиться надъ воротами двора бабы Эмэ-хара-мангатхай. Потомъ баба Эмэ-хара-мангатхай вышла на улицу, подошла къ желѣзно-вороному коню, ударила его хэдэргэ'емъ и тоже пересѣкла на двѣ половины, какъ и его хозяина и изъ каждой половины сдѣлала по собацѣ; этихъ сдѣланныхъ двухъ собакъ привязала къ воротамъ. Послѣ этого она гово-

*) Хэдэргэ — зубчатая линейка, которою мнутъ выдѣлывающую

ритъ: „Безрогій молодецъ! Непобѣдимаго непріятеля побѣдила и неколимаго годового жеребенка заколола“. Эмэ-харамангатай вошла во дворець и по прежнему начала выдѣлывать изюбревую кожу.

Жена царя Баянъ-Хара тринадцатилѣтняя Урма-Гохонъ со своими подданными и разнымъ скотомъ по черточкѣ ѣхала и гдѣ сдѣланы кружки, тамъ ночевала; такъ ѣдя, пріѣхала къ дворцу своего мужа; тамъ никого не было. Она большимъ удивленіемъ удивилась, что мужа ея царя Баянъ-Хара нѣту дома. Она всѣхъ своихъ подданныхъ поселила на мѣстахъ, разный скотъ пустила пастись на пастьбу на сѣверную сторону Алтая и на возвышенныя мѣста Хѳхѳя. Она поправила свой дворець, въ которомъ и живетъ. Черезъ нѣсколько времени она родила сына, у котораго верхняя часть тѣла золотая, а нижняя часть тѣла серебряная. Когда родился сынъ, тогда царица Урма-Гохонъ приказала бить въ золотой барабанъ, собрать сѣверныхъ подданныхъ и бить въ серебряный барабанъ, собрать южныхъ подданныхъ. Тогда побили въ золотой барабанъ, собрались сѣверные подданные и побили въ серебряный барабанъ, собрались южные подданные. Царица Урма-Гохонъ выпустила, какъ озеро, много вина и какъ бугоръ, мяса. Тогда всѣ подданные въ теченіе восьми дней сдѣлали веселый пиръ и въ теченіе девяти дней сдѣлали большой пиръ. Въ это время царица Урма-Гохонъ на отдѣльный столъ поставила самыя лучшія и вкусныя блюда и говорить: „Кто новорожденному сыну моему дастъ имя, тотъ будетъ ѣсть это кушанье“. Никого не находится, кто бы далъ новорожденному имя. Въ это время входитъ одинъ старикъ, который имѣетъ бороду до земли, тоненькую, претоненькую; онъ имѣетъ шляпу, у которой верхушка въ дырахъ, и чарки безъ подошвъ. Этотъ старикъ, входя во дворець, стоящимъ и сидящимъ людямъ

говорить: „Кто бы ни былъ, кто дастъ имя новорожденному сыну, можетъ поѣсть эту пищу“? Тогда этому старику говорить: всякій. Этотъ старикъ прямо подходитъ къ столу, садится за столъ и ѣсть поставленную пищу. Когда кончилъ ѣсть, встаетъ изъ-за стола и говоритъ: „Сына царя Баянъ-Хара будутъ звать Алтанъ-Жоло-мѳргѳнъ“. Потомъ этотъ старикъ выходитъ изъ дворца на улицу и уходитъ. Всѣ собравшіеся подданные на десятый день едва, едва разошлись по домамъ.

Этотъ новорожденный сынъ Алтанъ-Жоло-мѳргѳнъ, переночевавъ одну ночь, не можетъ помѣститься въ кожѣ годовалаго барана *) и не наѣдается молокомъ одной коровы, а переночевавъ двѣ ночи, не можетъ помѣститься въ кожѣ двухгодовалаго барана и не наѣдается молокомъ двухъ коровъ. Съ каждымъ днемъ растетъ все больше и больше и, ночь пройдетъ, дѣлается все выше и выше. Черезъ нѣсколько времени уже выходитъ на улицу, шагаетъ въ попадѣ, не въ попадѣ, шатаясь направо и налево. Такъ этотъ мальчикъ Алтанъ-Жоло-мѳргѳнъ растетъ все выше и выше и начинаетъ играть со своими ровесниками. Однажды другіе мальчики, ровесники Алтанъ-Жоло-мѳргѳна поколотили его, говоря: „У тебя нѣтъ отца“! Тогда Алтанъ-Жоло-мѳргѳнъ заплакавъ, со слезами пришелъ домой и жалуется матери, что его поколотили другіе мальчики ровесники, говоря, что у него нѣтъ отца. „Гдѣ мой отецъ, скажи“? Тогда царица Урма-Гохонъ говоритъ своему сыну: „У тебя нѣтъ отца. Какого отца спрашиваешь“? На другой день Алтанъ-Жоло-мѳргѳнъ опять ушелъ играть съ другими мальчиками ровесниками; къ концу игры его опять поколотили мальчики ровесники, говоря: „У тебя

*) Буряты и монголы для грудныхъ дѣтей вмѣсто пеленокъ употребляютъ овчянки.

нѣтъ отца“! Алтанъ-Жоло-мѳргѳнъ плача, со слезами приходитъ домой и жалуется матери, что его опять другіе мальчики ровесники поколотили говоря, у тебя нѣтъ отца. „Гдѣ мой отецъ? скажи“! Тогда царица Урма-Гохонъ говорить своему сыну: „У тебя нѣтъ отца. Какого отца ты спрашиваешь?“ Алтанъ-Жоло-мѳргѳнъ не отстаётъ отъ матери, все спрашиваетъ: „Скажи, гдѣ мой отецъ?“ Тогда Урма-Гохонъ говорить своему сыну: „Отецъ твой побѣжденъ (бабой) Эма-хара-мангатхай; она обратила твоего отца въ птицъ ястреба и сокола, которые, кружась, летаютъ надъ воротами ея двора, а желѣзно-вороного коня его обратила въ двухъ собакъ, которыя стоятъ, привязанныя къ ея воротамъ. Ты еще очень молодой; не можешь еще воевать съ (бабой) Эма-хара-мангатхай, которая очень сильная неприятельница; у тебя еще мясо мягко и кости еще хрящи“.

Тогда Алтанъ-Жоло-мѳргѳнъ говорить своей матери: „Пойду просить у своего создавшего создателя и у творившаго творца къ вѣдѣ пріятнаго коня, въ войнѣ держать пріятные доспѣхи и къ надѣванію пріятное платье“. Послѣ этого онъ пѣшкомъ отправился къ тремъ горамъ Мѳнгѳтѳ-ула, и, поднявшись на самую ихъ верхушку, началъ кричать, призывая:

Табижан табилга мини

Заяхан заябари мини

Барулама тѳнгѳри

Табин табан тѳнгѳри

Ахалаха ехэ тѳнгѳри

Хан Тюрмас тѳнгѳри

Минган саган бурха

Ахалха Манзан Гѳрмѳ ѳтѳдѳ

Газар дѳрѳ ху заяхан хойно

Унаха тата морин мини

Барьха тата тонок мини
 Омѳтхѳ тата хубсазан мини
 Огыги!

Переводъ:

Творившій творецъ мой,
 Создавшій создатель мой,
 Западныя тэнгерины—
 Пятьдесятъ пять тэнгериновъ,
 Старшій и большой тэнгери—
 Ханъ-Тюрмасъ тэнгери,
 Тысяча бѣлыхъ бурхановъ,
 Постарше бабушка Манзанъ Гѳрмѳ—
 Послѣ созданія человѣка на землѣ
 Къ ѳздѣ пріятнаго коня моего,
 Къ держанію пріятное оружіе мое,
 Къ надѣванію пріятное платье мое
 Дайте!

Такъ крича, призывалъ Алтанъ-Жоло-мѳргѳнъ; отъ крика верхнее обитаемое небо гудѣло и нижняя обитаемая земля тряслась. Тогда пятьдесятъ пять тэнгериновъ услышали призываніе и собрались на лунѣ, сдѣлали на ней хорошій сугланъ*) и собрались на Плеядахъ, сдѣлали на нихъ кѣткій сугланъ; во время суглана открыли материнское желтое священное писаніе и читаютъ въ немъ, что внизу на землѣ созданный ими Алтанъ-Жоло-мѳргѳнъ просить у нихъ, создателей своихъ, коня, оружіе и одежду; когда прочли, то скоро и быстро приготовили къ надѣванію пріятное платье, къ держанію пріятное оружіе и къ ѳздѣ пріятнаго коня, тѣло

*) Сугланъ—народное собраніе, сходка.

котораго было восемьдесятъ сажень длиною, а масть золотисто-соловая; осѣдлали коня серебрянымъ сѣдломъ, обуздали сплошь-серебрянымъ недоуздомъ и какъ ребро, серебряной уздой; въ торока привязали всю одежду и оружіе и отправили его на землю волочащимъ поводья по землѣ. Тогда западные пятьдесятъ пять тэнгэриновъ говорили: „Если ты хорошій мужчина, то поймашь этого коня и будешь на немъ ѣздить, а если ты худой мужчина, то ходи пѣшкомъ“! Въ это время Алтанъ-Жоло-мѳргѳнъ, превратившись въ трехгодовалое сухое конское кало, лежитъ въ травѣ. Золотисто-соловой конь спустился съ неба на гору Гурбанъ-Мѳнгѳтѳ-ула и ходитъ взадъ и впередъ. Когда золотисто-соловой конь проходилъ мимо лежащаго Алтанъ-Жоло-мѳргѳна близко, Алтанъ-Жоло схватилъ волочившійся поводъ и вскочилъ на ноги; такъ онъ поймалъ своего золотисто-солового коня, и вывязалъ изъ торокъ всю одежду и надѣлъ на себя; оказывается, эта одежда въ пору ему въ зимнее время, а лѣтомъ немного тяжеловата. Алтанъ-Жоло-мѳргѳнъ говоритъ: „Ладно, мужчина развивается, а войлокъ вытягивается“. Послѣ этого онъ беретъ разное оружіе и надѣваетъ на себя и все въ пору, какъ разъ. Потомъ беретъ желтый лукъ Бухарь и натягиваетъ его; въ лѣтнее время въ самый разъ, а въ зимнее время немного туговать. Тогда Алтанъ-Жоло говоритъ: „Мужчина развивается, а войлокъ вытягивается“. Послѣ этого Алтанъ-Жоло-мѳргѳнъ положилъ ногу въ серебряное стремя и сѣлъ верхомъ на золотисто-солового коня, который, отскакивая отъ земли дыбомъ, бѣтается; Алтанъ-Жоло-мѳргѳнъ съ проворной ловкостью удержался на немъ; потомъ конь, до неба отскакивая, бѣтается; Алтанъ-Жоло-мѳргѳнъ съ ровной ловкостью удержался на немъ; тогда золотисто-соловой конь пересталъ сбрасывать съ себя. Алтанъ-Жоло-мѳргѳнъ спрашиваетъ своего коня: „Отчего ты такъ сильно сбрасы-

ваешь меня съ себя“? Золотисто-соловой конь отвѣчаетъ: „Когда три раза обѣгаю трехгодовую землю, тогда не успѣть свариться мясо трехгодовалого кладенаго барана, и когда обѣгаю четырехгодовую землю, тогда не успѣть свариться мясо четырехгодовалого кладенаго барана“. Потомъ золотисто-соловой конь спрашиваетъ своего хозяина: „Почему ты удержался на мнѣ? какую имѣешь силу“? Тогда Алтанъ-Жоло-мѳргѳнъ говоритъ: „Человѣкъ, имѣющій большой палець не одолѣетъ меня и (люди), имѣющіе плечи, не выберять меня на этой землѣ“. Они между собою говорятъ: „Мы сошлись равные“. Послѣ этого Алтанъ-Жоло-мѳргѳнъ на золотисто-соловомъ конѣ пріѣзжаетъ домой къ своей матери; по пріѣздѣ отпустилъ своего коня пастись на сѣверную сторону Алтая и пастись на возвышенныхъ мѣстахъ Хѳхѳя, а самъ живетъ и отдыхая, поправляется для дальней дороги, чтобы воевать съ сильною и непобѣдимую непріятельницею Эмэ-хара-мангатхай.

Нѣкоторое время спустя Алтанъ-Жоло-мѳргѳнъ собирается въ дорогу; оборванное вставляетъ и разорванное починяетъ, потомъ выходитъ на улицу, крича, призываетъ своего золотисто-солового коня, который въ это время пасся на сѣверной сторонѣ Алтая. Золотисто-соловой конь правымъ ухомъ услышалъ призывъ своего хозяина и говоритъ: „Это голосъ моего хозяина. Зачѣмъ онъ зоветъ меня? ближніе непріатели пріѣхали или дальнія войска пріѣхали воевать“? Какъ большіе рукава, уши взадъ и впередъ шевеля, слушаетъ. Такъ стоя, фыркнулъ; туманъ сдѣлался. Ногою порылъ землю, сдѣлалъ пыль. Въ обхватъ большую гриву на спину забросивъ, и толстый длинный хвостъ на крестецъ забросивъ, прибѣжалъ домой, остановился у серебряной коновязи и звонко ржетъ. Тогда Алтанъ-Жоло-мѳргѳнъ выходитъ изъ двора, сплошно-серебрянымъ недоуздомъ недоуздываетъ и какъ

ребро, серебряной уздой взнуздывает золотисто-солового коня и привязывает его на ледъ, копыто дѣлаеть круглымъ, привязываетъ на гальки, копыто дѣлаеть твердымъ. Въ это время горстью травы кормить и чашкою воды поить. Потомъ на золотисто-солового коня положилъ шелковый потникъ, осѣдлалъ его серебрянымъ сѣдломъ, десятью подпругами натуго подтянулъ и двадцатью подпругами крѣпко на крѣпко подтянулъ. Послѣ этого шелковый поводъ привязалъ къ серебряной коновязи и сказавъ: „Приготовление коня кончилось!“ бѣгомъ входитъ во дворець. Тогда мать его Урма-Гохонъ подвинула золотой столъ, на который поставила вкусную пищу и подвинула серебряный столъ, на который поставила дѣйствительно вкусную пищу. Алтанъ-Жоло-мѳргѳнъ какъ птица поклевалъ, какъ волкъ поглоталъ эту пищу. Наѣвшисъ, вышелъ изъ-за стола и началъ одѣваться, на красное тѣло надѣлъ шелковую рубаху, сверхъ ея надѣлъ шелковую шубу, которую надѣваютъ въ лѣтнее время, а сверхъ этой надѣлъ шелковую шубу, которую надѣваютъ въ зимнее время; еще сверху надѣлъ непромокающій въ семидесятисуточное ненастье и непробиваемый семьюдесятью наконечниками стрѣлъ, какъ уголь черный доспѣхъ*); послѣ этого взялъ нужное на войнѣ оружiе и навѣсилъ на себя. Потомъ говорить: „Приготовление тѣла окончилось!“ Послѣ этого выходитъ на улицу, подходитъ къ серебряной коновязи, отвязываетъ шелковый поводъ, кладетъ ногу въ серебряное стремя, садится на золотисто-солового коня и уѣзжаетъ прямо на южную сторону. Мать его царица Урма-Гохонъ вышла за нимъ на крыльцо и смотритъ, какъ онъ поѣхалъ; у основанiя серебряной коновязи съ горсть земли запылилось, вдали за хребтомъ красная кисть его шапки мелькнула, такъ онъ

*) Ланыръ? Ред.

исчезъ изъ виду. Тогда она думаетъ: „Хорошо родиться отъ человѣка такому молодцу и хорошо родиться отъ кобылы такому жеребенку!“ Такъ она, думая, стояла.

Алтанъ-Жоло-мѳргѳнъ ѣдетъ прямо на южную сторону по направленію къ Эмэ-хара-мангатхай. На пути, когда поетъ птица соловей, онъ думаетъ, что настало лѣтнее время, лисью легкую шапку къ затылку подвигая, рысить, и когда щекочетъ пестрая сорока, думаетъ, что настала зима, лисью легкую шапку ко лбу придвигая, рысить. Такъ рыся, ѣхаль. Когда онъ доѣхаль до половины пути, онъ слѣзъ съ золотисто-солового коня, обратилъ его въ рублевую серебряную монету и положилъ въ карманъ, а самъ обратился въ желтую осу и полетѣлъ къ тремъ мѣднымъ дворцамъ (бабы) Эмэ-Хара-мангатхай. Прилетѣлъ къ тремъ мѣднымъ дворцамъ и сѣлъ на самомъ лѣвомъ дворцѣ, смотритъ и изучаетъ характеръ и волшебство (бабы) Эмэ-хара-мангатхай. Онъ сидитъ тутъ въ продолженіи трехъ годовъ; все это время каждый день онъ слѣдилъ и изучалъ. Въ одинъ день въ этотъ дворецъ входитъ одна красивая и молодая дѣвица съ восьмидесятью восемью косами; она, кружась, поетъ пѣсни. Тогда Алтанъ-Жоло-мѳргѳнъ спустился во дворецъ, обратился въ человѣка и спрашиваетъ у этой дѣвицы: „Откуда ты и какъ тебя зовутъ?“ Эта дѣвица говоритъ: „Я дочь трехъ ламъ Соржи, живущихъ на вершинѣ горы Мѳнгѳтѳ-ула. Меня зовутъ Наринъ-Зала-абахай. Меня хотѣла проглотить Эмэ-хара-мангатхай, но я вмѣсто ея рта попала въ этотъ дворецъ; если-бъ я попала ей въ ротъ, она проглотила бы меня. Ты откуда и какъ тебя зовутъ?“ Тогда Алтанъ-Жоло-мѳргѳнъ говоритъ: „Я сынъ царя Баянъ-Хара, я Алтанъ-Жоло-мѳргѳнъ, приѣхаль сюда, чтобы, побѣдивши Эмэ-хара-мангатхай, освободить своего отца“. Тогда Наринъ-Зала-абахай говоритъ ему: „Ты мой суженый женихъ; отцы мои три ламы

Соржи говорили мнѣ, что я должна выйти замужъ за сына царя Баянъ-Хара за Алтанъ-Жоло-мѳргѳна. Эмэ-хара-мангатхай непобѣдимая непріятельница, какъ ты ее побѣдишь“?

Послѣ этого Алтанъ-Жоло-мѳргѳнъ выходитъ изъ этого мѣднаго дворца и бѣгомъ входитъ въ самый правый дворецъ, въ которомъ сидитъ сама Эмэ-хара-мангатхай и выдѣлываетъ шкуру изюбря; у Эмэ-хара-мангатхай верхніе вѣки глазъ падали на носъ, нижніе вѣки глазъ падали на щеки, верхняя губа падала на нижнюю челюсть, нижняя губа падала на груди, груди падали на брюхо и брюхо падало на колѣни. Такая страшная баба была Эмэ-хара-мангатхай, которая сидѣла въ правомъ мѣдномъ дворцѣ. Она верхніе вѣки глазъ подняла, видитъ Алтанъ-Жоло-мѳргѳна и говоритъ ему: „Имѣющій отца человѣкъ за отцомъ пріѣхаль. Не пройдетъ день, суставы твои оторву, не пройдетъ ночь, жизнь твою оторву“. Такъ говоря, она вѣки глазъ подперла деревомъ толщиною въ столбъ; встала съ мѣста, и держа въ рукѣ чугунно-серебряный хэдэргэ, бѣжитъ къ нему. Тогда Алтанъ-Жоло-мѳргѳнъ подбѣжалъ къ ней на встрѣчу, схватилъ ее за обѣ косы и началъ воевать. Они воевали во дворцѣ; проломивъ во время борьбы сѣверозападный уголъ дворца, вышли на улицу; гдѣ и воевали въ продолженіе трехъ сутокъ, далѣе воевали въ продолженіе девяти сутокъ, не могутъ другъ друга побѣдить; въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ воюютъ, не могутъ побѣдить другъ друга; ровнымъ ровно воюютъ и въ продолженіе трехъ годовъ. Въ это время они впередъ упирались и красныхъ горъ понадѣлали, назадъ лягались, сѣрыхъ горъ понадѣлали; такъ они воевали. Въ это время на землѣ сдѣлались такіе сильныя туманъ и пыль, что птицы блудили отъ своихъ гнѣздъ и птенцовъ, звѣри блудили отъ своихъ дѣтенышей и люди блудили отъ своихъ балагановъ; такъ воюя, они боролись. Въ это время Эмэ-хара-мангатхай гово-

рить дѣвицѣ Наринь-Зала-абахай: „Ты была суженая моего сына. Кому думаешь добро, тому бросай бѣлое просо, а кому думаешь зло, тому бросай черное просо“! Тогда Наринь-Зала-абахай Алтань-Жоло-мѳргѳну бросаетъ бѣлое просо. Алтань-Жоло-мѳргѳнъ отъ бѣлаго проса дѣлается сытымъ и еще сильнѣе прежняго. Наринь-Зала-абахай къ бабѣ Эмэ-хара-мангатхай бросаетъ черное просо, отъ котораго силы той убываютъ и она скользитъ. На исходѣ третьяго года Алтань-Жоло-мѳргѳнъ едва, едва бабу Эмэ-хара-мангатхай свалилъ на землю и распоролъ ей брюхо; черезъ распоротое брюхо изъ нутра ея вышли во множествѣ звѣри, птицы и люди, ѣдущіе въ телѣгахъ, верхомъ на коняхъ и пѣшіе. Звѣри убѣжали въ лѣсъ, птицы улетѣли, и люди разѣвжаются въ разныя стороны и говорятъ между собою: „Я такого-то царя подданный“! „Я въ такой-то мѣстности живу!“ и всѣ они благодарятъ Алтань-Жоло-мѳргѳна, которому желаютъ добра, чтобы онъ до скончанія вѣка всегда побѣждалъ своихъ непріятелей. Послѣ этого Алтань-Жоло-мѳргѳнъ съ девяти таѣгъ взялъ бересту и съ источниковъ девяти ключей взялъ воду, потомъ поймалъ ястреба и сокола, которые, кружась, летали надъ воротами, посвятилъ ихъ берестой и вымылъ водою изъ девяти ключей; тогда соколъ и ястребъ, соединившись, опять сдѣлались царемъ Баянь-Хара; послѣ этого привязанныхъ къ воротамъ двухъ собакъ также посвятилъ берестой и вымылъ ключевой водою, тогда изъ двухъ собакъ сдѣлался желѣзновороной конь. Потомъ царь Баянь-Хара узналъ сына, сильно обрадовался и говоритъ ему: „Ты непобѣдимаго врага побѣдилъ и неколимаго жеребенка заколешь“. Послѣ этого тѣло убитой бабы Эмэ-хара-мангатхай сожгли, таѣжныя деревья привезли съ вершинами и лѣсныя деревья привезли съ корнями; оставшіяся кости и пепель, сдѣлавши березовую лопату, повѣяли къ сѣверу, и

жество разнаго скота и подданныхъ племянника Ута-Саганъ-батара, котораго я будто бы побѣдилъ“. Тогда доброжелательный дядя Сарагалъ-ноень сильно разсердился и говорить: „Не найдя съ кѣмъ воевать, будемъ воевать съ единственнымъ племянникомъ на землѣ Ута-Саганъ-батаромъ; не найдя чего пожелать, пожелаемъ похитить скотъ и подданныхъ единственнаго племянника на землѣ Ута-Саганъ-батара“! Говоря такія слова, доброжелательный Сарагалъ-ноень прогналъ завистливаго Хара-Сотона и тотъ ушелъ домой. На другое утро завистливый дядя Хара-Сотонъ опять приходитъ къ доброжелательному Сарагалъ-ноену и говорить ему тѣ же слова, что и въ первое утро. Доброжелательный дядя Сарагалъ-ноень опять сильно разсердился и прогналъ завистливаго дядю Хара-Сотона, который опять ушелъ домой. На третье утро завистливый дядя Хара-Сотонъ опять приходитъ къ доброжелательному дядѣ Сарагалъ-ноену и опять говорить тѣ же самыя слова, что и въ первые два утра. Тогда доброжелательный дядя Сарагалъ-ноень говорить завистливому дядѣ Хара-Сотону: „У насъ нѣтъ коня, который бы могъ доѣхать до Ута-Саганъ-батара и также нѣтъ человѣка, который бы могъ доѣхать до такой дальней стороны“. Съ этими словами онъ опять прогналъ завистливаго дядю Хара-Сотона.

Завистливый дядя Хара-Сотонъ пришелъ домой и думаетъ большую думу, какъ найти коня, который бы могъ доѣхать до Ута-Саганъ-батара, кого найти, чтобы онъ могъ доѣхать до Ута-Саганъ-батара и пригласить его въ гости. На четвертое утро завистливый дядя Хара-Сотонъ опять приходитъ къ доброжелательному дядѣ Сарагалъ-ноену и говорить: „Въ твоёмъ табунѣ съ желтогнѣдымъ жеребцомъ ходитъ желтогнѣдой жеребчикъ, который можетъ дойти до Ута-Саганъ-батара, а изъ людей я могу доѣхать до него. Къ пріѣзду племянника приготовь отраву: выкури три бочки тарасуна и по-

ложи въ него отраву; потомъ эти три бочки кури, чтобъ сдѣлалось двѣ бочки; а эти двѣ бочки кури, чтобъ сдѣлалась одна бочка, и эту одну бочку кури, чтобъ получилась одна чашка. Когда прїѣдетъ племянникъ Ута-Саганъ-батаръ, то подай эту отраву вмѣсто питья; когда онъ выпьетъ, то его разорветъ на четыре части“. Такъ сказавъ, ушелъ завистливый дядя Хара-Сотонъ отъ доброжелательнаго дяди Сарагаль-ноена, который, наконецъ, согласился поѣхать за племянникомъ Ута-Саганъ-батаромъ.

Послѣ этого завистливый дядя Хара-Сотонъ поймалъ желтогнѣдаго жеребчика изъ табуна доброжелательнаго дяди Сарагаль-ноена и началъ учить и выдерживать его; когда выучилъ, взнуздаль его серебряною уздою, обседлалъ серебрянымъ сѣдломъ, и красивымъ красношелковымъ поводомъ привязалъ къ серебряной коновязи. Потомъ завистливый дядя Хара-Сотонъ вошелъ во дворецъ, надѣлъ на себя шелковую одежду и всѣ нужные доспѣхи; покушавъ вкусной пици, вышелъ изъ дворца, сѣлъ на коня и поѣхалъ прямо въ западную сторону къ Ута-Саганъ-батару. Завистливый дядя Хара-Сотонъ ѣхалъ рысью прямо въ западную сторону; онъ ѣхалъ и ѣхалъ и едва доѣхалъ до половиннаго разстоянія; когда проѣхалъ половину пути, сдѣлался отъ усталости маленькимъ, какъ ребенокъ, а желтогнѣдой жеребчикъ сдѣлался маленькимъ, какъ жеребенокъ, отъ дальней ѣзды утомился и исхудалъ. На половинѣ пути завистливый дядя Хара-Сотонъ остановился отдохнуть и поправиться. Когда онъ поправился, а также когда поправился и желтогнѣдой жеребчикъ, завистливый дядя Хара-Сотонъ поѣхалъ далѣе; ѣхалъ и ѣхалъ, едва доѣхалъ до царства Ута-Саганъ-батара. Прїѣхавъ къ Ута-Саганъ-батару, завистливый дядя Хара-Сотонъ красивымъ красношелковымъ поводомъ того желтогнѣдаго жеребчика привязалъ къ серебряной коновязи, а самъ вошелъ въ бѣ-

сдѣлавши осиновою лопату, повѣяли къ югу. Потомъ Алтанъ-Жоло-моргонъ женился на дѣвицѣ Наринъ-Зала-абахай. Послѣ это они взяли весь скоть и имущество убитой бабы Эмэ-хара-мангатхай, не оставляя обрывка ремня и обломка ножа. Все забравъ, пріѣхали домой.

Когда пріѣхали домой, видятъ, что у нихъ все взято въ плѣнь и угнано; только черный воронъ кричитъ и желтая лисица лаетъ; около дворца выросъ черный пырей до сѣдла лошади. Такъ стоятъ царь Баянъ-Хара съ сыномъ Алтанъ-Жоло-моргонъ, большимъ удивленіемъ удивляются, большимъ дивомъ дивятся. Входя во дворецъ, отецъ съ сыномъ говорятъ: „Чей сынъ и чей потомокъ заполонилъ и угналъ все?“ Царь Баянъ-Хара, вошедши во дворецъ, говоритъ: „Прежде моя жена Урма-Гохонъ-хатанъ была умница. Она, должно полагать, оставила какой нибудь знакъ“. Съ этими словами царь Баянъ-Хара выдернулъ въ очагѣ сѣверозападный подставной камень (дѣли) и смотритъ, тамъ лежитъ бумага величиною съ подоль; взявши эту бумагу, читаетъ. Тамъ написано: „Все заполонилъ и угналъ съ дальней далекой страны прибывшій, въ сѣверовосточной сторонѣ живущій „Съ-рогами-Желтый-мангатхай“ *), который непобѣдимый воинъ и неодолимый непріятель. За мной не пріѣзжайте! Если будете живы, то найдется добро“. Царь Баянъ-Хара, прочитавши эту бумагу, сильно разсердился и говоритъ: „Чей сынъ, родившись бабою, долженъ сидѣть дома, лишившись жены, всѣхъ подданныхъ и разнаго скота? чей сынъ, родившись мужчиною, долженъ безнаказанно заполонить чужую жену, чужихъ подданныхъ и угнать чужой скоть?“ Послѣ этого все обставили по прежнему и пригнанный скоть пустили пастись на сѣверную сторону Алтая и на возвышенныя мѣста Хөхөя. Потомъ царь

*) По бурятски: Обёр о-шара-мангатхай? Ред.

Баянъ-Хара съ своимъ сыномъ Алтанъ-Жоло-мѳргѳномъ вдвоемъ поѳхали прямо въ сѳверовосточную сторону въ страну Съ-рогами-Желтаго-мангатхая. Когда они проѳхали половину пути, тогда Съ-рогами-Желтый-мангатхай большимъ узнанiемъ узналъ и большимъ разумомъ уразумѳлъ, что царь Баянъ-Хара съ сыномъ своимъ Алтанъ-Жоло-мѳргѳномъ ѳдутъ къ нему съ войною. Съ-рогами-Желтый-мангатхай говоритъ: „Человѳкъ имѳющий жену, къ женѳ ѳдетъ и человѳкъ имѳющий имущество, къ имуществу своему ѳдетъ, а сынъ его, имѳющей мать, къ матери своей ѳдетъ. Входящее войско я долженъ встрѳтить и уходящее войско я долженъ проводить“! Послѳ этого Съ-рогами-Желтый-мангатхай садится на своего красного пороза, идущаго безъ повода, темнобураго жеребца безъ узды ведетъ за собою. Такъ поѳхалъ на встрѳчу. Приѳхавши на вершину одной пади Съ-рогами-Желтый-мангатхай слѳзъ съ красного пороза и ложится на землю; нижней челюстью подпираетъ широкую землю, а верхней челюстью подпираетъ высокое небо; такъ лежа, втягиваетъ въ себя все и глотаетъ. Царь Баянъ-Хара съ сыномъ своимъ Алтанъ-Жоло-мѳргѳномъ, ничего не зная и не разумѳя, ѳдутъ впередъ. Когда приѳхали близко, то вдругъ отдѳлились отъ земли, какъ перышко полетѳли по воздуху и попали въ ротъ Съ-рогами-Желтаго-мангатхая, который царя Баянъ-Хара между правыми коренными зубами немного пожевалъ; когда тотъ выбился изъ силъ, Съ-рогами-Желтый-мангатхай вынулъ его изъ рта, выдернулъ свой правый рогъ, положилъ въ него царя Баянъ-Хара и рогъ вставилъ на прежнее мѳсто; послѳ этого Алтанъ-Жоло-мѳргѳна пожевалъ между лѳвыми коренными зубами; когда тотъ выбился изъ силъ, Съ-рогами-Желтый-мангатхай вынулъ его изъ рта, выдернулъ лѳвый рогъ, положилъ въ него Алтанъ-Жоло-мѳргѳна и рогъ вставилъ на прежнее мѳсто. Послѳ этого Съ-рогами-Желтый-мангатхай

говорить: „Непобѣдимыхъ враговъ побѣдилъ и неколимаго годового жеребенка закололъ“! Потомъ онъ сѣлъ на краснаго пороза и пріѣхалъ домой.

Когда царь Баянъ-Хара съ сыномъ своимъ Алтанъ-Жоломѣргономъ уѣхали воевать въ страну Съ-рогами-Желтаго-мангатхая, въ то время Наринъ-Зала-хатанъ сдѣлалась беременною; нѣсколько времени спустя у нея родились два мальчика близнецы; запеленавъ ихъ, Наринъ-Зала-хатанъ положила ихъ, а сама легла; лежитъ и не въ состояніи встать; никто изъ людей не входитъ во дворець. Въ это время Съ-рогами-Желтый-мангатхай узнаеть, что у жены Алтанъ-Жоломѣргона родились два мальчика близнецы, которые, если выростутъ большими, то будутъ непобѣдимыми врагами и неодолимыми непріятелями. Онъ говоритъ: „Надо раздавить ихъ, пока они маленькіе; нужно ихъ уничтожить, пока они младенцы“. Послѣ этого онъ сѣлъ на своего краснаго пороза безъ повода и повелъ за собою безъ узды темно-бураго жеребца. Такъ онъ ѣхалъ. Когда Съ-рогами-Желтый-мангатхай проѣхалъ половину пути, только что родившіеся два мальчика близнецы большимъ узнаніемъ узнали и большимъ разумомъ уразумѣли, что ѣдетъ къ нимъ Съ-рогами-Желтый-мангатхай, чтобы ихъ еще маленькихъ убить. Они плачутъ и говорятъ: „Если бы мы пососали немного материнскаго желтаго молока, то были бы въ состояніи избавиться отъ Желтаго-съ-рогами-мангатхая“. Мать ихъ Наринъ-Зала-хатанъ никакъ не можетъ встать, чтобы покормить грудью новорожденныхъ своихъ двухъ мальчиковъ близнецовъ; она лежитъ безъ силъ. Въ это время Съ-рогами-Желтый-мангатхай пріѣзжаетъ ко дворцу и, соскочивъ съ краснаго пороза, бѣгомъ входитъ во дворець, подходитъ къ лежащимъ двумъ мальчикамъ близнецамъ и хочетъ ихъ взять. Онъ говоритъ: „Безрогіе молодцы! Пока вы маленькіе, раздавлю васъ! пока

вы младенцы, нужно уничтожить васъ"! Въ это время Наринъ-Зала-хатанъ говоритъ: „Старикъ, старикъ! подожди! какой ты до старости лѣтъ безъ ума и какой же ты въ кипяченіи безъ щей? Мы въ твоихъ рукахъ, никуда не уйдемъ. Они только что родились, материнскаго желтаго молока еще не сосали. Если ты ихъ убьешь, не давъ сосать материнскаго желтаго молока, то ты долго будешь чувствовать грѣхъ и въ жизни ты не будешь счастливъ“. Тогда Съ-рогами-Желтый-мангатхай говоритъ: „Говорено вѣрно и дума правдива“. Послѣ этого онъ женщину Наринъ-Зала-хатанъ легко бьетъ соболюмъ рукавомъ и шлепая, бьетъ выдровымъ рукавомъ; отъ этого она выздоравлила. Она встаетъ съ постели здорово; тихо, плавно наступаетъ, тонкая трава растетъ, нагибаясь, тихо шагаетъ, овцы и козлы кричатъ; говоритъ до того, что на плоскихъ плитахъ камня трава вырастаетъ; говоритъ до того, что на черной водѣ образовались пѣнки. Такъ говоря и разговаривая, подвигаетъ золотой столъ, на который кладетъ вкусную пищу и подвигаетъ серебряный столъ, на который кладетъ дѣйствительно вкусную пищу. Съ-рогами-Желтый-мангатхай какъ птица клюетъ и какъ волкъ глотаетъ. Въ это время Наринъ-Зала-хатанъ садится около двухъ своихъ мальчиковъ близнецовъ, одного беретъ на правое колѣно, а другого на лѣвое; такъ сидя, кормить ихъ грудью. Эти родившіеся два мальчика близнецы, сидя на колѣнахъ матери, сосутъ материнское желтое молоко. Въ это время Съ-рогами-Желтый-мангатхай большимъ знаніемъ узнаетъ и большимъ разумомъ уразумѣваетъ и говоритъ: „Обманщица обманула, хитрая перехитрила“. Вскриваетъ съ мѣста и бѣжитъ къ Наринъ-Зала-хатанъ, чтобы отнять у ней родившихся двухъ мальчиковъ близнецовъ, которыхъ она кормитъ. Когда Съ-рогами-Желтый-мангатхай приближалъ къ Наринъ-Зала-хатанъ и хотѣлъ было схватить дѣ-

тей, одинъ мальчикъ, обратившись въ соловья, полетѣлъ вверхъ, а другой мальчикъ, обратившись въ расплавленное бѣлое серебро, ушелъ въ очагъ огня. Тогда Съ-рогами-Желтый-мангатхай, обратившись въ семь ястребовъ, погнался за соловьемъ, трехгодовую землю три раза облетѣлъ, четырехгодовую землю четыре раза облетѣлъ и высокое небо восемь разъ облетѣлъ. Въ это время семь ястребовъ стали догонять соловья; соловей упалъ на землю и обратился въ три низкорослыя черныя березы въ пади. Съ-рогами-Желтый-мангатхай обратился въ семь бабъ лакша, которыя начали рубить низкорослыя черныя березы на вѣники. Черезъ долгое время семь бабъ лакша всѣ березки вырубилы постепенно, только осталась одна березка; хотѣли и ее срубить, но она обратилась опять въ соловья, который полетѣлъ вверхъ. Съ-рогами-Желтый-мангатхай обратился въ семь ястребовъ, которые погнались за соловьемъ; только ястреба хотѣли поймать соловья, какъ онъ обратился въ семьдесятъ маленькихъ рыбъ, которыя и ушли въ море. Тогда Съ-рогами-Желтый-мангатхай обратился въ семь тальменей, которые ушли въ море, чтобы догнать семьдесятъ маленькихъ рыбъ и съѣсть ихъ. Тальмени догнали рыбокъ, шестьдесятъ девять изъ нихъ проглотили, и погнались за послѣднею; догнавши, только хотѣли было проглотить ее, какъ эта оставшаяся маленькая рыба обратилась снова въ соловья и полетѣла вверхъ. Съ-рогами-Желтый-мангатхай обратился въ семь ястребовъ, которые погнались за соловьемъ; соловей полетѣлъ на гору Мѳнгѳтѳ-ула, черезъ окно влетѣлъ во дворецъ трехъ ламъ Соржи и спрятался подъ подоломъ одного изъ нихъ. Тогда Съ-рогами-Желтый-мангатхай спустился подъ гору Мѳнгѳтѳ-ула, на подошвѣ которой сѣлъ верхомъ на своего краснаго пороза и поѣхалъ прямо домой.

Три ламы Соржи воспитывали этого внука и вырастили его большимъ; дали ему имя Алтанъ-Шагай-мѳргѳнъ, а брата его назвали Мѳнгѳнъ-Шагай-мѳргѳнъ *). Когда Алтанъ-Шагай-мѳргѳнъ выросъ большимъ, тогда три ламы Соржи дали ему золотое перо, на которомъ сидя онъ куда хотѣлъ, туда и летѣлъ. Алтана-Шагай-мѳргѳнъ, взявши отъ трехъ ламъ Соржи золотое перо, сѣлъ на него и прилетѣлъ домой къ матери. Прилетѣвъ къ дворцу, на улицѣ слѣзъ съ пера, положилъ его въ карманъ, самъ входитъ во дворецъ, въ которомъ сидитъ его мать Наринъ-Зала-хатанъ, пылью запылившаяся и въ пеплѣ выпепелившаяся. Алтынъ-Шагай-мѳргѳнъ вошелъ во дворецъ, сѣлъ около очага и курить табакъ. Его мать Наринъ-Зала-хатунъ спрашиваетъ его: „Откуда ты и куда ѣдешь?“ Тогда Алтанъ-Шагай-мѳргѳнъ говоритъ: „Я табунщикъ царя Тѳмѳ-Улана; три года тому назадъ потерялъ трехгодовалого верблюда и разыскиваю его, на каждую гору смотрю и спрашиваю въ каждомъ царствѣ, не могу найти до сихъ поръ. Вы не слыхали ли о такомъ верблюдѣ?“ Его мать Наринъ-Зала-хатунъ говоритъ: „Не слыхала. Такъ ѣзда, ты не слыхалъ ли отъ людей, что сдѣлалось съ моими двумя сыновьями, изъ которыхъ одинъ обратился въ соловья и полетѣлъ вверхъ, а другой обратился въ расплавленное бѣлое серебро, которое ушло въ очагъ? За ними погнался Съ-рогами-Желтый-мангатхай“. Тогда Алтанъ-Шагай-мѳргѳнъ говоритъ: „Не знаю. Будто слышалъ, что того сына, который обратился въ соловья, Съ-рогами-Желтый-мангатхай догналъ и проглотилъ его, а о другомъ не слыхалъ“. Наринъ-Зала-хатанъ начинаетъ плакать и говоритъ: „Я думала, если они останутся живыми, то послѣ когда-нибудь придутъ ко мнѣ“. Тогда Алтанъ-Шагай-мѳргѳнъ пожалѣлъ свою мать, не сталъ

*) Алтынъ „золотой“, мѳнгѳнъ „серебряный“; шагай—кость бабка.

долго шутить надъ нею и открылся ей, что онъ ея сынъ и выросъ у трехъ дѣдовъ (нагаса) ламъ Соржи и теперь приѣхалъ къ ней, чтобы жить съ ней вмѣстѣ. Мать его Наринъ-Зала-хатанъ, обвивъ руками его тонкую шею, поцѣловала его и обвивъ его толстую шею, поцѣловала его. Она такъ сильно обрадовалась, что вставши, не знала, что встала и сѣвши не знала, что сѣла. Послѣ этого Алтанъ-Шагай-мѳргѳнъ внѣ дворца и во дворцѣ все поправилъ и сдѣлалъ по старому, какъ прежде было. Потомъ, когда поправилась его мать Наринъ-Зала-хатанъ и сдѣлалась по прежнему, Алтанъ-Шагай-мѳргѳнъ говорить ей: „Теперь пойду искать младшаго брата, гдѣ онъ находится“. Собравшись, пошелъ искать своего брата; идя, находить старый слѣдъ червяка, по которому идетъ въ продолженіи двадцати лѣтъ; слѣдъ червяка сдѣлался слѣдомъ мизгиря*); по слѣду мизгиря идетъ десять лѣтъ; слѣдъ мизгиря сдѣлался слѣдомъ горностая; онъ идетъ по слѣдамъ горностая; слѣдъ горностая сдѣлался слѣдомъ хорька; онъ идетъ по слѣду хорька, пока онъ не сдѣлался слѣдомъ зайца; онъ идетъ по слѣду зайца, который потомъ сдѣлался слѣдомъ лисицы; онъ идетъ по слѣду лисицы, который сдѣлался потомъ слѣдомъ медвѣдя; онъ идетъ по слѣду медвѣдя; слѣдъ медвѣдя сдѣлался слѣдомъ змѣя, Алтанъ-Шагай-мѳргѳнъ идетъ по слѣду змѣя; слѣдъ этотъ ушелъ въ яму; по слѣду змѣя и Алтанъ-Шагай-мѳргѳнъ уходитъ въ яму и въ ней слѣдитъ слѣдъ змѣя. Спустившись внизъ по этой ямѣ, онъ вышелъ въ нижнюю обитаемую землю. На нижней обитаемой землѣ, стоя на одной высокой горѣ, онъ смотритъ въ даль туда и сюда и видитъ въ дали на берегу синяго моря стоитъ одинъ дворецъ, во дворѣ котораго стоитъ большое корыто съ водой. Изъ этого дворца выходитъ молодой человѣкъ, подходитъ къ

*) Мизгаръ русско-сибирск. „паукъ“.

корыту, ложится въ него и, покатавшись въ корытѣ, дѣлается большой змѣей Абарга-мого. Этотъ большой змѣй Абарга-мого вползаетъ въ синее море, которое послѣ этого начинаетъ сильно волноваться, выходитъ изъ береговъ и пѣнится бѣлою пѣною. Алтанъ-Шагай-мѳргѳнъ спустился съ этой высокой горы, дошелъ до этого дворца и вошелъ въ него; тамъ на столѣ стоитъ приготовленная пища; онъ поѣлъ все, потомъ ушелъ въ подполье и, спрятавшись тамъ, лежитъ. Черезъ нѣсколько времени большая змѣя Абарга-мого выходитъ изъ синяго моря, подходитъ къ корыту и, покатавшись въ немъ, дѣлается по прежнему молодымъ человѣкомъ. Этотъ человѣкъ входитъ во дворецъ; на столѣ ничего не оказывается, все съѣдено. Тогда этотъ молодой человѣкъ начинаетъ искать и въ подпольѣ находитъ Алтанъ-Шагай-мѳргѳна. Оба они выходятъ изъ подполья и начинаютъ воевать другъ съ другомъ; во время борьбы они проломили югозападный уголъ дворца, вышли на улицу и, борясь на просторѣ, воюютъ другъ съ другомъ равнымъ равно. Въ это время въ середину между ними падаетъ сверху письмо; они читаютъ его; въ этомъ письмѣ написано, что они оба родные братья, что они дѣти Алтанъ-Жоло-мѳргѳна, старшій изъ нихъ Алтанъ-Шагай-мѳргѳнъ, а младшій Мѳнгѳнъ-Шагай-мѳргѳнъ. Тогда они узнали, что они родные братья и перестали воевать. Послѣ этого Алтанъ-Шагай-мѳргѳнъ говоритъ своему младшему брату Мѳнгѳнъ-Шагай-мѳргѳну: „Почему ты здѣсь живешь, не ѣдешь домой“? Мѳнгѳнъ-Шагай-мѳргѳнъ говоритъ старшему брату: „Какъ только я сюда пришелъ, сталъ воевать съ одною большою змѣею Абарга-мого и никакъ не могу побѣдить ее до сихъ поръ“. Потомъ они сѣли на золотое перо, поднялись на верхнюю обитаемую землю и пришли домой.

Когда они пришли домой, Алтанъ-Шагай-мѳргѳнъ началъ собираться въ дорогу, въ страну Съ-рогами-Желтаго-мангатхая,

чтобы выручить своего дѣда, бабушку и отца; Мѳнгѳнъ-Шагай-мѳргѳнъ долженъ былъ остаться съ матерью и беречь ее отъ непріятельскаго нападенія. Приготовившись къ дорогѣ, Алтанъ-Шагай-мѳргѳнъ сѣлъ на золотое перо и полетѣлъ прямо къ сѣверовостоку и пролетѣлъ половину дороги; тогда Съ-рогами-Желтый-мангатхай узналъ, что Алтанъ-Шагай-мѳргѳнъ летитъ къ нему съ войною. Тогда Съ-рогами-Желтый-мангатхай говоритъ: „Имѣющій отца человѣкъ къ отцу летитъ, имѣющій дѣда и бабушку человѣкъ къ дѣду и бабушкѣ летитъ и имѣющій подданныхъ и скота человѣкъ къ подданнымъ и къ скоту летитъ! Ъдущаго непріятеля я долженъ встрѣтить и отѣзжающаго непріятеля долженъ проводить!“ Такъ говоря, Съ-рогами-Желтый-мангатхай сѣлъ на своего красного пороза безъ повода и поѣхалъ на встрѣчу; на вершинѣ одной пади онъ слѣзъ съ красного пороза и легъ на землю; нижней челюстью упираясь въ обширную землю, верхней челюстью подпирая высокое небо, онъ началъ втягивать въ себя все и глотать. Тогда таежныя деревья съ вершинами влетаютъ ему въ ротъ и лѣсныя деревья съ корнями влетаютъ ему въ ротъ, звѣри и птицы тоже влетаютъ ему въ ротъ и онъ всѣхъ проглатываетъ. Алтанъ Шагай-мѳргѳнъ все летѣлъ на золотомъ перѣ, не зная ничего. Когда прилетѣлъ близко, то полетѣлъ прямо въ ротъ Съ-рогами-Желтаго-мангатхая. Попавъ въ его разинутый ротъ, онъ не медля схватилъ черное колючее копье, воткнулъ его поперекъ гортани и кричитъ изъ горла: „Старикъ, старикъ! жуй!“ Съ-рогами-Желтый-мангатхай остался съ разинутымъ ртомъ. Тогда Алтанъ-Шагай-мѳргѳнъ взялъ свой булатный ножикъ и началъ пилить затылокъ Съ-рогами-Желтаго-мангатхая, перепилилъ затылокъ насквозь и вышелъ вверхъ. Тогда взялъ Съ-рогами-Желтаго-мангатхая за сѣдые волосы одною рукою, а другою выдернулъ съ корнями одну большую

красную лиственницу и началъ ею бить его, а Съ-рогами-Желтый-мангатхай началъ, какъ козель крича, плакать и какъ козуля пища, плакать. Тогда Алтанъ-Шагай-мѳргѳнъ спрашиваетъ Съ-рогами-Желтаго-мангатхая: „Куда ты дѳваль моихъ отца, дѳда и бабушку? Укажи ихъ!“ Тогда Съ-рогами-Желтый-мангатхай, не вынося сильной боли, принужденъ былъ уступить; онъ изъ праваго своего рога вынулъ его дѳда царя Баянъ-Хара и изъ лѳваго рога вынулъ его отца Алтанъ-Жоло-мѳргѳна и еле живыхъ отдалъ ему. Тогда Алтанъ-Шагай-мѳргѳнъ до смерти добилъ Съ-рогами-Желтаго-мангатхая, таежныя деревья собралъ съ вершинами и лѳсныя деревья собралъ съ корнями и тѳло Съ-рогами-Желтаго-мангатхая сжегъ на огнѳ, оставшіяся кости и пепель, сдѳлавши березовую лопату, разбросалъ въ сѳверную сторону и сдѳлавши осиновую лопату, разбросалъ въ южную сторону. Послѳ этого Алтанъ-Шагай-мѳргѳнъ съ девяти таегъ взялъ бересту и изъ источниковъ девяти ключей взялъ воду, берестой посвятилъ своихъ отца и дѳда и ключевою водою вымылъ ихъ; тогда они стали по прежнему. Послѳ этого они втроемъ поѳхали къ дому Съ-рогами-Желтаго-мангатхая, который жилъ въ черномъ желѳзномъ дворцѳ, на всѳ стороны по шестидесяти верстѳ. Когда они пріѳхали, то едва, едва нашли Урма-Гохонъ-хатанъ; она была заперта въ желѳзный амбаръ безъ двери; въ этотъ амбаръ были заперты три зимнихъ холода, соединенныхъ въ одинъ холодъ; кормили ее, впуская пищу въ амбаръ по жолобу. Желѳзный амбаръ сломали и выпустили Урма-Гохонъ-хатанъ, которая (отъ сидѳнья въ амбарѳ) сдѳлалась маленькая, какъ ребенокъ. Царь Баянъ-Хара съѳздилъ за берестой къ девяти тайгамъ и изъ источниковъ девяти ключей взялъ воду; по пріѳздѳ привезенной берестой изъ девяти таегъ посвятилъ Урма-Гохонъ-хатанъ, а потомъ вымылъ ее водою изъ девяти ключей; тогда она сдѳлалась по прежнему красива и умна.

Послѣ этого они втроемъ подожили черный желѣзный дворець Съ-рогами-Желтаго-мангатхая; всѣхъ подданныхъ, разный скотъ, золото и серебро все взяли, не оставивъ ни обрывка ремня, ни обломка ножа; едва помѣщаясь со скотомъ въ падахъ ѣхали, едва досыта напаявая скотъ въ ручьяхъ, ѣхали; такъ ѣдя, пріѣхали домой. Всѣхъ подданныхъ поселили на прежнихъ мѣстахъ, весь скотъ пустили пастись на прежнихъ мѣстахъ на сѣверной сторонѣ Алтая и на возвышенныхъ мѣстахъ Хөхбя. А сами живутъ счастливо и богато. Ан зуга ашта бурханда туше!

Богатый царь Бадма

Въ прежнее счастливое и богатое время жилъ богатый царь Бадма, имѣвшій въ ѣздѣ пріятнаго сиваго коня, который пасся на сѣверной сторонѣ Алтая. Царь Бадма имѣлъ сто тысячъ разнаго скота, который пасся на сѣверной сторонѣ и множество подданныхъ, которые жили на сѣверной сторонѣ. Онъ имѣлъ также множество разнаго скота, который пасся на южной сторонѣ и многочисленныхъ подданныхъ, которые жили на южной сторонѣ. Богатый царь Бадма имѣлъ упирающійся въ дневное небо четырехугольный бѣлый дворець, который былъ бѣлѣе снѣга; упирающійся въ ночное небо высокій бѣлый дворець, который былъ бѣлѣе бумаги. Внутри этотъ дворець былъ высеребренъ бѣлымъ серебромъ, по угламъ стояли изображенія бурхановъ, по стѣнамъ изображенія царей, на правой сторонѣ дворца стоялъ золото-серебряный престоль; вокругъ дворца было три ограды, а внѣ трехъ оградъ была серебряная коновязь. Богатый царь Бадма имѣлъ трехъ женъ; двѣ старшія царицы жили въ одномъ дворцѣ, а младшая царица Намту-харакшинъ жила отдѣльно. Въ одно утро богатый царь Бадма говоритъ своимъ

тремъ женамъ: „Я поѣду на охоту; къ моему прїѣзду съ охоты приготовьте мнѣ подарокъ“. Двѣ старшія царицы говорятъ: „Мы приготовимъ тебѣ новыя шубы, которыя будешь надѣвать въ лѣтнее время“. А младшая царица Намту-харакшинъ говоритъ: „Я къ прїѣзду твоему рожу мальчика съ золотой грудью и серебряной задницей“. Послѣ этого богатый царь Бадма вышелъ на крыльцо и крикнулъ своего въѣздѣ прїятнаго сиваго коня, который въ это время пасся на сѣверной сторонѣ Алтая. Сивый конь услышалъ голосъ своего хозяина, прибѣжалъ домой и остановился у серебряной конюязи. Тогда богатый царь Бадма беретъ сплошно-серебряный недоуздокъ и какъ ребро, серебряную узду и выходитъ на улицу; сплошносеребрянымъ недоуздкою зануздываетъ и какъ ребро, серебряной уздой обнуждываетъ сиваго коня; кладетъ на него шелковый потникъ, сѣдлаетъ серебрянымъ сѣдломъ, накрѣпко подтягиваетъ десятью подпругами, крѣпко на крѣпко подтягиваетъ двадцатью подпругами и привязываетъ сиваго коня шелковымъ поводомъ къ серебряной конюязи. Послѣ этого говоритъ: „Приготовление коня окончилось“. Потомъ входитъ во дворецъ. Двѣ старшія царицы подвигаютъ золотой столъ, поставивъ на него вкусныя кушанья; подвигаютъ серебряный столъ, поставивъ на него дѣйствительно вкусныя кушанья; богатый царь Бадма ѣстъ, какъ волкъ плотаетъ и какъ птица клюетъ. Наѣвши, онъ всталъ изъ-за стола и началъ одѣваться. Онъ взялъ всѣ нужныя для охоты орудія, вышелъ на улицу и, сѣвши на сиваго коня, поѣхалъ по наравленію къ Алтаю и Хохю. На пути осмотрѣлъ свой разный скотъ, который размножился пуще прежняго. Осмотрѣвши его, поѣхалъ охотиться. По отѣздѣ богатаго царя Бадма двѣ старшія царицы, каждая изъ нихъ сшила лѣтнюю шелковую шубу; окончивъ шитье, сшитыя шубы повѣсили, а младшая царица Намту-харакшинъ

родила сына съ золотою грудью и серебряною задницею; родившагося сына, спеленавши, положила около себя, а сама лежитъ. Двѣ старшія царицы узнавъ, что младшая царица Намту-харакшинъ родила сына съ золотою грудью и серебряною задницею, взяли только что родившагося чернаго щенка и пошли къ младшей царицѣ. Пришедши, незамѣтно подмѣнили, на мѣсто родившагося мальчика положили чернаго щенка, а сына съ золотой грудью и серебряною задницею взяли съ собою и вышли изъ дворца на улицу; взятаго ребенка отнесли къ черному морю и бросили его, а сами пришли домой и ждутъ пріѣзда мужа, богатаго царя Бадма.

Богатый царь Бадма охотился на сѣверной сторонѣ Алтая и на южной сторонѣ Хѣхѣя, во время охоты убивалъ жирныхъ звѣрей, а сухихъ отпускалъ; убивши многихъ звѣрей, пріѣхалъ домой, остановился у серебряной коновязи, слѣзъ съ коня, отвязалъ торока, убитыхъ звѣрей свалилъ по обѣ стороны коня и отпустилъ коня пастись на сѣверной сторонѣ Алтая. Тогда двѣ старшія царицы вышли на встрѣчу, изъ убитыхъ звѣрей отдѣлили, что подлежитъ пищѣ и тѣхъ бросили къ пищѣ; что подлежитъ выдѣлкѣ, тѣхъ бросили къ выдѣлкѣ и послѣ этого вошли во дворецъ; войдя во дворецъ, подвинули золотой столъ, поставивъ на немъ вкусныя кушанья, подвинули серебряный столъ, поставивъ на него дѣйствительно вкусныя кушанья. Богатый царь Бадма ѣлъ, какъ птица клевалъ и какъ волкъ глоталъ. Наѣвшись, вышелъ изъ-за стола. Послѣ этого двѣ старшія царицы показываютъ ему шубы и говорятъ: „Мы сшили тебѣ лѣтнія шелковыя шубы; ты будешь носить ихъ въ лѣтнее время“. Богатый царь Бадма надѣлъ на себя сшитыя шелковыя шубы; онѣ какъ разъ впору ему. Онъ обрадовался, что сшили ему лѣтнія шелковыя шубы. Потомъ старшія царицы говорятъ: „Младшая твоя царица Намту-харакшинъ родила тебѣ,

бездѣтному, въ дѣти чернаго щенка, и спеленавши его, лежитъ въ ожиданіи тебя“. Тогда богатый царь Бадма сильно разсердился, взявши верховый кнутъ, пошелъ къ младшей царицѣ Намту-харакшинъ и побилъ ее кнутомъ, говоря: „Бездѣтному мнѣ родила въ дѣти чернаго щенка“!

Богатый царь Бадма жилъ такъ нѣкоторое время, а потомъ опять собирается на охоту; передъ выѣздомъ онъ спрашиваетъ у своихъ трехъ женъ, что онѣ приготовить къ его приѣзду. Двѣ старшія царицы говорятъ: „Мы приготовимъ шелковыя шубы, которыя ты будешь носить въ зимнее время“. А младшая царица говоритъ: „Я къ твоему приѣзду рожу сына съ золотою грудью и серебряною задницей“. Послѣ этого богатый царь Бадма уѣхалъ на охоту на сѣверную сторону Алтая и на южную сторону Хѳхѳя. Послѣ отъѣзда богатаго царя Бадма двѣ старшія царицы сшили двѣ шелковыя шубы, какія носятъ въ зимнее время и приготовленныя шубы повѣсили. Младшая царица Намту-харакшинъ родила сына съ золотою грудью и серебряною задницей, спеленала родившагося сына, положила его около себя, а сама лежитъ. Двѣ старшія царицы, узнавши, что младшая царица Намту-харакшинъ родила сына съ золотою грудью и серебряною задницей, взяли съ собою чернаго щенка и понесли къ ней; родившагося у нея сына съ золотою грудью и серебряною задницею незамѣтно взяли, на его мѣсто положили принесеннаго чернаго щенка, потомъ пошли къ черному морю и бросили въ него мальчика съ золотою грудью и серебряною задницей, а сами пришли во дворецъ и ждутъ приѣзда мужа, богатаго царя Бадма. Охотившійся на сѣверной сторонѣ Алтая и на южной сторонѣ Хѳхѳя богатый царь Бадма убилъ множество звѣрей; жирныхъ онъ убивалъ, а сухихъ отпускалъ. Набивъ звѣрей, онъ приѣхалъ домой, остановился у серебряной коновязи, слѣзъ съ коня,

развязавши торока, свалилъ убитыхъ звѣрей и сиваго коня отпустилъ на сѣверную сторону Алтая. Двѣ старшія царицы вышли на встрѣчу, изъ убитыхъ звѣрей подлежащихъ пищѣ бросили къ пищѣ, подлежащихъ выдѣлкѣ бросили къ выдѣлкѣ. Потомъ вошли во дворецъ, подвинули золотой столъ, поставивъ на немъ вкусныя кушанья и подвинули серебряный столъ, поставивъ на немъ дѣйствительно вкусныя кушанья. Богатый царь Бадма ѣлъ, какъ птица клевалъ и какъ волкъ, глоталъ. Наѣвшись, всталъ изъ-за стола. Тогда двѣ старшія царицы взяли приготовленныя шелковыя шубы и подали своему мужу; онъ надѣлъ шелковыя шубы, — какъ разъ впору. Тогда онъ обрадовался. Двѣ старшія царицы говорятъ: „Твоя младшая царица Намту-харакшинъ тебѣ бездѣтному въ дѣти родила чернаго щенка и, спеленавъ его, лежитъ“. Богатый царь Бадма сильно разсердился, взялъ верховый кнутъ, пошелъ къ младшей царицѣ и побилъ ее кнутомъ, говоря: „Бездѣтному мнѣ въ дѣти родила чернаго щенка!“ Побивши ее и бросивши, ушелъ къ двумъ старшимъ царицамъ.

Такъ жилъ богатый царь Бадма. Нѣсколько времени спустя онъ опять собрался на охоту; тогда двѣ старшія царицы подвинули золотой столъ, поставивъ на немъ вкусныя кушанья, подвинули серебряный столъ, поставивъ на немъ дѣйствительно вкусныя кушанья; богатый царь Бадма ѣлъ, какъ птица клевалъ и какъ волкъ глоталъ и наѣвшись, вышелъ изъ-за стола. Потомъ говорить своимъ тремъ царицамъ: „Что приготовите къ моему пріѣзду?“ Тогда двѣ старшія царицы говорятъ: „Мы приготовимъ лисьи легкія шапки“, а младшая царица Намту-харакшинъ говорить: „Я къ твоему пріѣзду рожу тебѣ сына съ золотою грудью и серебряною задницей“. Послѣ этого богатый царь Бадма выходитъ изъ дворца; сѣвши на сиваго коня, онъ уѣхалъ на сѣверную сторону Алтая и на южную сторону Хохоя.

Послѣ того, какъ богатый царь Бадма уѣхалъ на охоту, двѣ старшія царицы сшили двѣ лисьи легкія шапки и повѣсили. Младшая царица родила сына съ золотою грудью и серебряною задницей; она взяла сына и спрятала въ рукавъ, а чернаго щенка запеленала въ пеленки и положила около себя и сама лежить. Двѣ старшія царицы взяли чернаго щенка и пошли къ младшей царицѣ, нашли возлѣ нея чернаго щенка въ пеленкахъ взяли его незамѣтно, на его мѣсто положили щенка, котораго принесли съ собой, а сами пошли къ черному морю и бросили въ него взятаго чернаго щенка. Потомъ онѣ пришли во дворецъ и сидятъ въ ожиданіи мужа, богатаго царя Бадма, который охотился на сѣверной сторонѣ Алтая и на южной сторонѣ Хѣхѣя. Онѣ убили много звѣрей; жирныхъ звѣрей онѣ убивалъ, а сухихъ отпускалъ. Убивши много звѣрей, онѣ пріѣхалъ домой, остановился у серебряной коновязи, слѣзъ съ коня, развязалъ торока, убитыхъ звѣрей свалилъ по обѣ стороны коня и коня отпустилъ пастись на сѣверную сторону Алтая. Двѣ старшія царицы вышли на встрѣчу, убитыхъ звѣрей, подлежащихъ пищѣ, бросили къ пищѣ и подлежащихъ выдѣлкѣ, бросили къ выдѣлкѣ. Послѣ этого вошли во дворецъ, тамъ подвинули золотой столъ и поставили на немъ вкусныя кушанья, подвинули серебряный столъ, поставили на немъ дѣйствительно вкусныя кушанья; богатый царь Бадма ѣлъ, какъ птица клевалъ и какъ волкъ глоталъ; наѣвшись, вышелъ изъ-за стола. Тогда двѣ старшія царицы принесли ему приготовленныя легкія лисьи шапки; онѣ надѣлъ ихъ на голову—какъ разъ въ пору. Тогда богатый царь Бадма сильно обрадовался. Въ это время двѣ старшія царицы говорятъ: „Твоя младшая царица Намту-харакшинъ тебѣ бездѣтному въ дѣти опять родила чернаго щенка“. Тогда богатый царь Бадма сильно разсердился, схватить вер-

ховый кнутъ, прибѣжалъ къ младшей царицѣ, избилъ ее кнутомъ, потомъ зашилъ ее въ бычью кожу, потомъ положилъ въ желѣзную бочку и вкатилъ въ черное море. Послѣ этого богатый царь Бадма жилъ съ двумя старшими царицами.

Младшая царица Намту-харакшинъ, зашита въ бычью кожу и положенная въ желѣзную бочку, катится по дну чернаго моря. Спрятанный ею въ рукавѣ сынъ съ золотою грудью и серебряною задницей съ каждымъ днемъ и съ каждою ночью растеть въ бочкѣ болѣе и болѣе. Однажды онъ говоритъ матери: „Почему мы все и днемъ и ночью живемъ въ темнотѣ, безъ травы и солнца и отчего всегда катимся“? Тогда его мать царица Намту-харакшинъ говоритъ ему: „По глудости твоего отца, и по зависти двухъ старшихъ царицъ мы катимся въ желѣзной бочкѣ по дну чернаго моря“. Тогда этотъ мальчикъ начинаетъ кричать, призывая небесныхъ боговъ, чтобы они освободили его и его мать изъ желѣзной бочки. Небесные боги услышали крикъ и призываніе; на лунѣ сдѣлали хорошей сугланъ и на Плеядахъ сдѣлали мѣткій сугланъ; на сугланѣ они открыли материнское желтое священное писаніе и читаютъ его. Въ немъ вычитывается, что младшая царица Намту-харакшинъ съ младшимъ сыномъ, зашита въ бычьей кожѣ, катится по дну чернаго моря. Тогда небесные бурханы (боги) сдѣлали такъ, что желѣзная бочка со дна моря выкатилась на островъ. Когда бочка выкатилась, младшій сынъ царицы Намту-харакшинъ узналъ, что желѣзная бочка выкатилась на сухое мѣсто; онъ ночью разбилъ бочку и разорвалъ бычью кожу, въ которой они были зашты. Когда они вышли на островъ, то съ помощью волшебной и таинственной силы онъ устроилъ большой и прекрасный дворецъ, въ которомъ царица Намту-харакшинъ стала жить съ своимъ младшимъ сыномъ. Въ одно утро

младшій сынъ говоритъ своей матери царицѣ Намту-харакшинъ: „Сегодня придутъ три табунщика царя Тѣмѣ-Улана; они будутъ просить показать дорогу къ богатому царю Бадма; тогда ты скажи имъ: дорогу не знаю, спросите на улицѣ у лежащаго подъ крыльцомъ желтаго щенка“. Послѣ этого младшій сынъ выходитъ на улицу, обращается въ желтаго щенка и лежитъ подъ крыльцомъ. Нѣсколько времени спустя во дворецъ входятъ три табунщика царя Тѣмѣ-Улана и спрашиваютъ о дорогѣ къ богатому царю Бадма. Тогда царица Намту-харакшинъ говоритъ: „Я не знаю дороги; выходите на улицу, тамъ подъ крыльцомъ лежитъ желтый щенокъ, у него спросите, онъ знаетъ дорогу и укажетъ вамъ“. Три табунщика царя Тѣмѣ-Улана вышли изъ дворца на улицу и спрашиваютъ у лежащаго подъ крыльцомъ желтаго щенка: „Укажи намъ дорогу къ богатому царю Бадма“. Тогда желтый щенокъ, лежащій подъ крыльцомъ, вытягивается изъ подъ крыльца, выходитъ и ведетъ трехъ табунщиковъ по направленію къ богатому царю Бадма. Когда дошли до половины дороги, то желтый щенокъ указалъ дворецъ богатаго царя Бадма, а самъ пошелъ домой; на пути обратился въ черную муху и улетѣлъ за табунщиками, догнавъ ихъ и сѣлъ на спинѣ одного изъ нихъ. Эти три табунщика приѣхали ко дворцу богатаго царя Бадма; царь разсердился на нихъ, что долго ѣхали. Тогда три табунщика говорятъ: „Мы заблудились и попали на островъ чернаго моря, гдѣ стоитъ прекраснѣйшій дворецъ; смотря на этотъ дворецъ, мы незаметно провели три дня“. Тогда двѣ старшія царицы говорятъ: „Это ничего. Прямо на южной сторонѣ, на берегу большого моря стоитъ вѣчнозеленѣющая береза, которая зимой и лѣтомъ въ зеленыхъ листьяхъ; на этой березѣ гнѣздится семьдесятъ разныхъ птицъ, которыя поютъ и играютъ круглый годъ. Если бъ вы эту березу увидали, то что было

бы съ вами“? Тогда черная муха, сидѣвшая на спинѣ одного табунщика, услышавъ этотъ рассказъ, улетѣла домой и обратилась въ человѣка. Входя во дворецъ, онъ говоритъ своей матери Намту-харакшинъ; „Я слышалъ, что прямо на южной сторонѣ, на берегу большого моря стоитъ вѣчнозеленая береза, на которой гнѣздится семьдесятъ разныхъ птицъ, которыя поютъ и играютъ круглый годъ. Я пойду и принесу эту березу“. Тогда его мать говоритъ: „Ты еще маленькій, путь дальній, тебѣ нельзя еще итти“. На другое утро младшій сынъ царицы Намту-харакшинъ собрался въ дорогу, взявъ въ руки трость и, опираясь на нее, отправился прямо въ южную сторону. Нѣсколько времени спустя онъ приходитъ къ берегу большого моря; дѣйствительно, на берегу большого моря стоитъ одна большая и вѣчнозеленѣющая береза, на которой гнѣздится семьдесятъ разныхъ птицъ поющихъ и играющихъ. Этотъ младшій сынъ обратился въ тринадцать черныхъ мышей; эти мыши и подрыли землю подъ корнями этой березы; ни одного корня не испортили и не оторвали, когда рыли землю подъ березою. Послѣ этого, обратившись снова въ человѣка, онъ поднялъ эту березу съ корнями, положилъ на голову и принесъ домой со всѣми семидесятью разными птицами. Онъ посадилъ ее около дворца; принесенная береза на новомъ мѣстѣ растетъ еще лучше прежняго и по прежнему на этой березѣ гнѣздятся семьдесятъ разныхъ птицъ, которыя поютъ и играютъ круглый годъ.

Въ одно утро младшій сынъ говоритъ своей матери Намту-харакшинъ: „Сегодня придутъ три табунщика царя Тѣмѣ-Улана, они будутъ спрашивать о дорогѣ къ богатому царю Бадма; ты скажи, что не знаешь дороги, пусть спросятъ лежащаго подъ крыльцомъ желтаго щенка“. Послѣ этого онъ выходитъ на улицу и, обратившись въ желтаго щенка, ло-

жится подъ крыльцомъ. Нѣсколько времени спустя приходятъ три табунщика, входятъ во дворець, просятъ указать дорогу къ богатому царю Бадма. Тогда царица Намту-харакшинъ говоритъ имъ: „Я не знаю дороги къ богатому царю Бадма, спросите на улицѣ у лежащаго подъ крыльцомъ желтаго щенка; онъ покажетъ вамъ дорогу“. Три табунщика выходятъ на улицу и спрашиваютъ о дорогѣ у желтаго щенка, лежащаго подъ крыльцомъ; щенокъ, вытягиваясь, выходитъ изъ-подъ крыльца и ведетъ ихъ по направленію къ богатому царю Бадма. Пройдя половину разстоянія, онъ показалъ имъ дворець богатаго царя Бадма, а самъ пошелъ обратно домой; по дорогѣ обратился въ черную муху; муха полетѣла за табунщиками, догнала ихъ и сѣла одному изъ нихъ на спину. Эти три табунщика приѣхали къ дворцу богатаго царя Бадма и вошли во дворець. Тогда богатый царь Бадма на нихъ разсердился, что они долго ѣздили. Три табунщика говорятъ: „Мы по дорогѣ заблудились и попали на островъ чернаго моря; на этомъ острову стоитъ красивый дворець и около дворца растетъ вѣчнозеленѣющая береза, на березѣ гнѣздится семьдесятъ разныхъ птицъ, которыя поютъ и играютъ круглый годъ. Смотри на нихъ, мы незамѣтно простояли три дня, почему долго промедлили“. Тогда двѣ старшія царицы говорятъ: „Прямо на сѣверной сторонѣ есть большая свинья Хадарганъ, которая носомъ пашетъ землю, сѣветъ хлѣбъ и хвостомъ боронитъ круглый годъ; подданные этотъ хлѣбъ жнутъ, молотятъ, мелютъ на муку, изъ которой выгоняютъ вино; гуляя, вино пьютъ. Что было бы съ вами, если бы вы посмотрѣли на эту свинью“? Тогда черная муха, сидѣвшая на спинѣ одного табунщика, полетѣла домой и снова обратилась въ человѣка; входя во дворець, этотъ человѣкъ говоритъ своей матери царицѣ Намту-харакшинъ: „Я слышалъ, прямо на сѣверной сторонѣ есть одна большая

свинья Хадарганъ, которая носомъ пашетъ землю, сѣетъ хлѣбъ и хвостомъ боронитъ круглый годъ, а подданные этотъ хлѣбъ жнутъ, молотятъ, мелютъ на муку, изъ которой гонятъ вино и вино, гуляя, пьютъ. Я пойду къ этой свиньѣ и приведу ее домой“. Тогда мать царица Намту-харакшинъ говоритъ: „Эта свинья очень сильная и сердитая, ты съ нею не справишься. Не ходи! ты еще молодъ“. На другое утро младшій сынъ, взявши трость и опираясь на нее, отправился прямо въ сѣверную сторону. Нѣсколько времени спустя онъ приходитъ въ мѣстность, гдѣ дѣйствительно видить одну большую свинью Хадарганъ, которая носомъ пашетъ землю, сѣетъ хлѣбъ и боронитъ хвостомъ; подданные этотъ хлѣбъ жнутъ, молотятъ, мелютъ на муку, изъ которой выгоняютъ вино и, гуляя, вино пьютъ. Эта свинья Хадарганъ есть одно дерево, которымъ только и питается. Этотъ младшій сынъ царицы Намту-харакшинъ набралъ этихъ деревьевъ съ корнями и, маня и кормя эту свинью Хадарганъ этими деревьями, привелъ ее домой со всѣми подданными. Тогда эта большая свинья со своими подданными поселилась около дворца младшаго сына царицы Намту-харакшинъ и по прежнему носомъ пашетъ землю, сѣетъ хлѣбъ и хвостомъ боронитъ круглый годъ, а подданные жнутъ, молотятъ, мелютъ на муку, изъ которой выгоняютъ вино и, гуляя, вино пьютъ.

Въ одно утро младшій сынъ говоритъ своей матери царицѣ Намту-харакшинъ: „Сегодня придутъ три табунщика царя Тѣмѣ-Улана, будутъ спрашивать о дорогѣ къ богатому царю Бадма; ты скажи, что не знаешь дорогу; спросите на улицѣ у лежащаго подъ крыльцомъ желтаго щенка“. Послѣ этого онъ вышелъ на улицу, обратился въ желтаго щенка и лежитъ подъ крыльцомъ. Нѣсколько времени спустя приходятъ три табунщика, входятъ во дворецъ и спрашиваютъ о дорогѣ къ богатому царю Бадма. Тогда царица Намту-ха-

ракшинъ говорить: „Я не знаю дорогу, выходите на улицу и тамъ спросите у желтаго щенка, лежащаго подъ крыльцомъ. Онъ знаетъ дорогу“. Тогда три табунщика вышли изъ дворца и спрашиваютъ о дорогѣ у желтаго щенка, лежащаго подъ крыльцомъ. Щенокъ вытягивается, выходитъ изъ-подъ крыльца и ведетъ ихъ по направленію къ богатому царю Бадма. Доведя ихъ до половины дороги, онъ показалъ имъ дворецъ богатаго царя Бадма, а самъ пошелъ обратно домой, по дорогѣ обратился въ черную муху. Муха полетѣла за тремя табунщиками, догнала ихъ и сѣла на спинѣ одного изъ табунщиковъ. Табунщики приѣхали ко дворцу богатаго царя Бадма, слѣзли съ коней и вошли во дворецъ. Богатый царь Бадма разсердился на нихъ, что долго ѣхали. Три табунщика царя Тѣмѣ-Улана говорятъ: „Мы по дорогѣ заблудились и попали на островъ чернаго моря, гдѣ увидѣли красивый дворецъ, возлѣ дворца растетъ вѣчнозеленѣющая береза, на которой семьдесятъ разныхъ птицъ гнѣздятся, выводятъ птенцовъ и круглый годъ поютъ и играютъ; кромѣ того около дворца одна большая свинья Хадарганъ носомъ пашетъ землю, сѣетъ хлѣбъ и хвостомъ боронитъ; этотъ хлѣбъ всѣ подданные жнутъ, молотятъ, мелютъ на муку, изъ муки выгоняютъ вино, которое, гуляя, пьютъ. На это смотря, провели три дня“. Тогда двѣ старшія царицы говорятъ: „Это ничего въ сравненіи съ тѣмъ, что есть на концѣ чернаго моря. Тамъ есть желѣзный дворецъ въ длину и ширину шестьдесятъ верстъ; въ этомъ дворцѣ живутъ два нагіе мальчика; они выходятъ изъ дворца и каждый изъ нихъ поднимается на отдѣльную гору; поднявшись, они играютъ, бросая другъ въ друга горами. Около нихъ стоитъ одна черная собака на цѣпи; эта черная собака кругомъ бѣгаетъ на разстояніи версты, ловитъ разныхъ звѣрей и ѣстъ ихъ. Что было бы съ вами, если бы вы это посмотрѣли“? Послѣ этого черная муха,

сидѣвшая на спинѣ одного табушника, вылетѣла изъ дворца и прилетѣла домой, и здѣсь обратилась въ человѣка, какъ прежде. Послѣ этого онъ входитъ во дворецъ и говоритъ своей матери царицѣ Намту-харакшинъ: „На концѣ чернаго моря стоитъ желѣзный дворецъ въ длину и ширину шестьдесятъ верстъ, въ этомъ дворцѣ живутъ два нагіе мальчика, которые, выйдя изъ желѣзнаго дворца, поднимаются на двѣ разныя горы и играютъ, бросая другъ въ друга горами. Около нихъ стоитъ черная собака на цѣпи; она бѣгаетъ кругомъ на разстояніи версты, ловить разныхъ звѣрей и ѣсть. Я пойду къ нимъ и приведу ихъ домой!“ Тогда его мать царица Намту-харакшинъ говоритъ: „Ты еще маленькій, не можешь съ ними управиться. Подожди немного!“ Младшій сынъ говоритъ: „Пойду непременно и приведу ихъ!“ Тогда его мать царица Намту-харакшинъ надоила своего молока, испекла на немъ два калача и отдала младшему сыну. На другое утро младшій сынъ царицы Намту-харакшинъ, взявши трость, опираясь на нее, отправился пѣшкомъ по берегу чернаго моря; черезъ нѣсколько времени онъ дошелъ до конца чернаго моря; дѣйствительно стоитъ желѣзный дворецъ длиною и шириною шестьдесятъ верстъ. Изъ этого дворца вышли два нагіе мальчика, поднялись на отдѣльныя горы и начали играть, бросая другъ въ друга горами, какъ мячиками. Около нихъ на цѣпи бѣгаетъ одна большая черная собака на разстояніи версты, ловить разныхъ звѣрей и ѣсть сама. Этотъ младшій сынъ царицы Намту-харакшинъ незамѣтно входитъ въ желѣзный дворецъ, въ которомъ на столѣ стоятъ разныя кушанья; онъ съѣлъ ихъ, положилъ на столѣ принесенные калачи, а самъ влѣзъ въ подполье и тамъ спрятался. Нѣсколько времени спустя эти два нагіе мальчика входятъ во дворецъ, смотрятъ, на столѣ ничего не оказывается, лежатъ только два калача; они взяли каждый по калачу. Старшій два раза

укусилъ и съѣлъ, а младшій одинъ разъ укусилъ и съѣлъ, потомъ смотря другъ на друга и спрашиваютъ другъ друга: „Что ты узналъ?“ „А ты что узналъ?“ Старшій нагой мальчикъ говоритъ: „Я два раза сосалъ материнское молоко, вкусъ котораго находится въ этомъ калачѣ“. А младшій нагой мальчикъ говоритъ: „Я одинъ разъ сосалъ молоко моей матери, вкусъ котораго въ этомъ калачѣ“. Послѣ этого каждый изъ нихъ съѣлъ свой калачъ, а потомъ они говорятъ другъ другу: „Должно быть пришла наша мать?“

Эти два нагіе мальчика начали искать въ желѣзномъ дворцѣ и полѣзли въ подполье, гдѣ и нашли младшаго сына царицы Намту-харакшинъ. Тогда они узнали, что они родные братья, что они дѣти богатаго царя Бадма и что мать ихъ младшая царица Намту-харакшинъ. Тогда они собрались итти къ матери, взяли большую черную собаку и повели ее за собою по берегу чернаго моря и такъ пришли домой къ своей матери. Когда они пришли, то мать ихъ царица Намту-харакшинъ сильно обрадовалась; съ этого времени она стала жить съ тремя своими сыновьями на своемъ островѣ. Потомъ эти три мальчика собрались ѣхать къ своему отцу богатому царю Бадма; они въ одинъ день поѣхали, на дорогѣ, немного не доѣзжая, остановились ночевать, развели большой огонь, около котораго и ночевали. На другое утро богатый царь Бадма увидѣлъ этотъ огонь и послалъ человѣка, которому приказалъ пригласить ночевавшихъ, чтобы они заѣхали къ нему въ гости. Посланный человѣкъ пріѣхалъ и просить этихъ трехъ мальчиковъ заѣхать къ богатому царю Бадма. Эти три мальчика согласились. „Если насъ приглашаетъ самъ царь, сказали они, то намъ, простымъ людямъ, сидѣть нечего“. Послѣ этого встали, съѣли на своихъ коней и поѣхали къ богатому царю Бадма. Пріѣхавъ, остановились у серебряной коновязи, привязали къ ней шелковыми пово-

дами своихъ коней, а сами вошли во дворець и здороваются. Тогда богатый царь Бадма посадилъ ихъ на правой сторонѣ дворца на серебряномъ престолѣ и спрашиваетъ: „Откуда вы ѣдете, куда путь держите и какъ васъ зовутъ“? Эти три мальчика говорятъ: „Мы живемъ на островѣ чернаго моря, мать нашу зовутъ царицей Намту-харакшинъ, а отца не знаемъ. По слухамъ, по людскимъ словамъ, отецъ нашъ богатый царь Бадма, котораго мы поѣхали искать“.

Тогда богатый царь Бадма сильно обрадовался, вставши съ мѣста, не знаетъ, что встать и сѣвши, не знаетъ, что сѣлъ. Въ это время онъ говоритъ: „Я думалъ, что я не имѣю сыновей, а оказывается имѣю трехъ прекрасныхъ сыновей, которыхъ не зналъ“. Потомъ богатый царь Бадма отъ трехъ своихъ сыновей распросилъ все и узналъ всѣ хитрыя злодѣйства двухъ старшихъ царицъ; онъ сильно на нихъ разсердился и спрашиваетъ ихъ: „Любы ли вамъ хвосты семидесяти соловыхъ кобылъ и вершины семидесяти красныхъ лиственницъ“? Двѣ старшія царицы говорятъ: „Если мы будемъ доить семьдесятъ соловыхъ кобылъ, то молокомъ ихъ будемъ сыты, а если будемъ топить (дворецъ) дровами отъ семидесяти лиственницъ, то будемъ сидѣть въ теплѣ“. Богатый царь Бадма одну старшую жену привязалъ къ хвостамъ семидесяти соловыхъ кобылъ; привязавъ, кобылъ отпустили и крикнули; семьдесятъ соловыхъ кобылъ разорвали ее на семьдесятъ частей и убѣжали въ разныя стороны. Другую старшую царицу привязали къ вершинамъ семидесяти красныхъ лиственницъ и вершины отпустили; вершины семидесяти лиственницъ выпрямились и разорвали ее на семьдесятъ частей. Всѣ разорванныя части поклевали сороки и вороны. Послѣ этого три сына богатаго царя Бадма переѣхали къ отцу своему; дворець, березу, свинью Хадарганъ и черную собаку привели съ собой. Богатый царь Бадма сталъ жить съ млад-

шею царицей Намту-харакшинъ и съ тремя своими сыновьями. Онъ живетъ очень счастливо и богато. Ан зуга ашта бур-ханда туше.

Ангахай-мѳргѳнъ

Въ прежнее время жилъ одинъ парень, который былъ сирота и былъ очень сильный; онъ родился такимъ сильнымъ. Его звали Ангахай-мѳргѳномъ. Онъ не могъ удержать свою силу, пошелъ странствовать по разнымъ землямъ и разыскивать другихъ сильныхъ людей. Разъ онъ ходилъ по одной неизвѣстной мѣстности и видитъ, что одинъ сильный человѣкъ выдергиваетъ растущія лиственницы; хватая ихъ за верхушки и выдернувъ съ корнями, онъ бросаетъ ихъ на сторону. Поздоровавшись съ нимъ, Ангахай-мѳргѳнъ спрашиваетъ: „Какъ тебя зовутъ“? Тогда этотъ неизвѣстный и сильный человѣкъ отвѣчаетъ: „Меня зовутъ Шѳнхѳши-бѳхѳ*). Ангахай-мѳргѳнъ говоритъ: „Ты родился этакимъ сильнымъ человѣкомъ“? Шѳнхѳши-бѳхѳ говоритъ: „Если бы ты видѣлъ самого Ангахай-мѳргѳна, что-бы ты тогда сказалъ“! Ангахай-мѳргѳнъ говоритъ: „Побратимся, будемъ жить, ходить и помогать другъ другу“. Послѣ этого они сдѣлались братьями и далѣе пошли вмѣстѣ. Они ходили по разнымъ мѣстамъ и однажды подходятъ къ одному человѣку, который выдергиваетъ большія сосны; хватаетъ сосны за верхушки и, выдернувъ съ корнями, бросаетъ въ разныя стороны. Они поздоровались съ нимъ. Ангахай-мѳргѳнъ говоритъ: „Какой ты сильный человѣкъ? выдергиваешь сосны съ корнями и бросаешь въ разныя стороны“! Тогда этотъ неизвѣстный человѣкъ говоритъ: „Если бъ вы увидѣли самого Ангахай-мѳр-

*) Бѳхѳ „силачъ“.

гѣна, то что сказали бы"? Ангахай-мѳргѳнъ спрашиваетъ его: „Какъ тебя зовутъ"? Тогда этотъ человѣкъ говоритъ: „Меня зовутъ Наршаши-бѳхѳ". Тогда Ангахай-мѳргѳнъ говоритъ: „Побратимся! Будешь ли ходить съ нами вмѣстѣ"? Наршаши-бѳхѳ согласился. Всѣ трое побратились, Ангахай-мѳргѳнъ сдѣлался старшимъ братомъ; Шѳнхѳши-бѳхѳ среднимъ братомъ и Наршаши-бѳхѳ младшимъ братомъ. Всѣ они втроемъ пошли въ тайгу и выстроили въ ней домъ; въ этомъ домѣ они жили и охотились за звѣрями, мясомъ которыхъ они питались. Они охотились поочередно; одинъ остается домовничать, а двое охотятся на звѣрей. Однажды два старшіе брата Ангахай-мѳргѳнъ и Шѳнхѳши бѳхѳ пошли охотиться на звѣрей, а домовничать остался младшій братъ Наршаши-бѳхѳ, который вечеромъ къ приходу старшихъ братьевъ долженъ былъ приготовить ужинъ. Наршаши-бѳхѳ вечеромъ варить ужинъ, а самъ сидитъ, заложивши дверь на крюкъ, дожидаясь возвращенія своихъ старшихъ братьевъ. Мясо сварилось совсѣмъ. Въ это время одинъ неизвѣстный человѣкъ подходитъ къ двери и кричитъ: „Отвори дверь"! Наршаши-бѳхѳ кричитъ: „Не отворю! убирайся далѣе"! Тогда неизвѣстный человѣкъ говоритъ: „Если не отворишь, то сломаю дверь и войду въ домъ". Наршаши-бѳхѳ говоритъ: „Не отворю". Тогда неизвѣстный человѣкъ опять кричитъ ему: „Отворяй дверь, а то сломаю"! Послѣ этого онъ дернулъ дверь такъ сильно, что крючокъ сломался; входитъ неизвѣстный человѣкъ, старикъ вышиною съ четверть, борода его длинѣе четверти, а глаза его величиною съ чашки; такой маленькій старикъ вошелъ въ домъ и говоритъ: „Парень, дай мнѣ поѣсть мяса". Наршаши-бѳхѳ говоритъ: „Не дамъ тебѣ мяса. Едва самъ приготовилъ и сварилъ его къ приходу двухъ старшихъ братьевъ". Тогда этотъ неизвѣстный старикъ говоритъ: „Если не дашь мяса, то силою от-

беру и съѣмъ". Наржаши говоритъ: „Не дамъ тебѣ мяса! убирайся вонъ отсюда"! Тогда этотъ неизвѣстный старикъ достаетъ безъ позволенія мясо изъ котла и говоритъ: „Буду ѣсть мясо". Тогда Наржаши-бѣхѣ съ неизвѣстнымъ старикомъ началъ бороться и воевать; черезъ нѣсколько времени неизвѣстный старикъ побѣдилъ Наржаши-бѣхѣ. Этотъ неизвѣстный старикъ, поднявши уголь дома, сунуль туда побѣжденнаго Наржаши-бѣхѣ и прижалъ его между угломъ и землей, а самъ съѣлъ все мясо и ушелъ. Послѣ его ухода Наржаши-бѣхѣ едва, едва вырвался и освободился изъ-подъ угла дома, подъ которымъ былъ прижатъ. Освободившись изъ подъ угла, онъ началъ снова варить мясо. Въ это время пришли съ охоты два старшіе брата Ангахай-мѣргѣиъ и Шѣхѣши-бѣхѣ и говорятъ: „Какъ ты поздно началъ варить мясо? еще не сварилось до сихъ поръ"! Наржаши-бѣхѣ говоритъ: „Съ утра у меня заболѣла голова. Оттого я поздно сварилъ мясо". Когда сварилось мясо, они съѣли его и легли спать.

На другое утро домовничать остался средній братъ Шѣхѣши-бѣхѣ, а Ангахай-мѣргѣиъ и Наржаши-бѣхѣ пошли на охоту. Шѣхѣши-бѣхѣ къ вечеру сварилъ мясо, дверь заперъ на крюкъ, а самъ сидитъ, дожидаясь возвращенія двухъ братьевъ. Въ это время одинъ неизвѣстный человѣкъ подходитъ къ двери и кричитъ: „Отвори дверь"! Шѣхѣши-бѣхѣ въ отвѣтъ кричитъ ему: „Не отворю! убирайся дѣлѣ"! Тогда неизвѣстный человѣкъ говоритъ: „Если не отворишь, то сломаю дверь и войду въ домъ". Шѣхѣши-бѣхѣ говоритъ: „Не отворю". Тогда неизвѣстный человѣкъ опять кричитъ ему: „Отворяй дверь, а то сломаю"! Потомъ онъ дернулъ дверь такъ сильно, что крючекъ сломался; входитъ неизвѣстный человѣкъ, старикъ вышиною съ четверть, борода его длиною болѣе четверти, и глаза его

величиною съ чашки; такой маленькій старикъ вошелъ въ домъ и говоритъ: „Парень, дай мнѣ поѣсть мяса“! Шѳнхѳши-бѳхѳ говоритъ: „Не дамъ тебѣ мяса; едва самъ пригото- вилъ и сварилъ мясо къ приходу двухъ старшихъ братьевъ“. Этотъ неизвѣстный человѣкъ говоритъ: „Если не дашь мяса, силою отберу и съѣмъ“. Шѳнхѳши-бѳхѳ говоритъ: „Не дамъ тебѣ мяса! убирайся вонъ отсюда“! Этотъ неизвѣстный ста- рикъ безъ позволенія достаетъ изъ котла мясо и говоритъ: „Буду ѣсть мясо“! Тогда Шѳнхѳши-бѳхѳ съ неизвѣстнымъ ма- ленькимъ старикомъ началъ бороться и воевать; черезъ нѣ- сколько времени неизвѣстный маленькій старикъ едва, едва побѣдилъ Шѳнхѳши-бѳхѳ, поднявши уголь дома, едва засу- нулъ его туда и прижалъ въ углу, потомъ съѣлъ все мясо и ушелъ. Послѣ ухода старика Шѳнхѳши-бѳхѳ едва, едва вырвался и освободился изъ-подъ угла дома, подъ которымъ былъ прижать. Освободившись изъ-подъ угла, онъ снова на- чалъ варить мясо. Въ это время пришли съ охоты два брата Ангахай-мѳргѳнъ и Нарзаши-бѳхѳ и говорятъ: „Какъ ты поздно началъ варить мясо? оно еще не поспѣло“. Шѳнхѳши- бѳхѳ говоритъ: „Съ самаго утра у меня болитъ голова. Оттого я поздно сварилъ мясо“. Когда сварилось мясо, они съѣли его и легли спать.

На другое утро домовничать остался старшій братъ Анга- хай-мѳргѳнъ, а двое младшихъ братьевъ Шѳнхѳши-бѳхѳ и Нарзаши-бѳхѳ пошли на охоту. Ангахай-мѳргѳнъ къ вечеру сварилъ мясо, дверь заперъ на крюкъ, а самъ сидитъ, ожи- дая возвращенія двухъ младшихъ братьевъ. Въ это время одинъ неизвѣстный человѣкъ подходитъ къ двери и кричитъ: „Отвори дверь“! Ангахай-мѳргѳнъ въ отвѣтъ кричитъ: „Не отворю! убирайся далѣе“! Тогда неизвѣстный человѣкъ го- воритъ: „Если не отворишь, то сломаю дверь и войду въ домъ“. Ангахай-мѳргѳнъ говоритъ: „Не отворю“! Тогда неиз-

вѣстный человѣкъ опять кричить ему: „Отвори дверь, а то сломаю“! Потомъ онъ дернулъ дверь такъ сильно, что крючекъ сломался и входитъ неизвѣстный человѣкъ, старикъ вышиною съ четверть, борода длиною болѣе четверти, а глаза величиною съ чашки. Такой маленькій старикъ вошелъ въ домъ и говоритъ: „Парень, дай мнѣ поѣсть мяса“! Ангахай-мѳргѳнъ говоритъ: „Убирайся вонъ! не дамъ тебѣ мяса! Я тебѣ не работникъ варить мясо“! Тогда этотъ неизвѣстный старикъ говоритъ: „Если ты не дашь мяса, силою отберу и съѣмъ“! Онъ безъ позволенія достаетъ изъ котла мясо и начинаетъ ѣсть. Тогда Ангахай мѳргѳнъ сильно рассердился на неизвѣстнаго старика, и началъ съ нимъ бороться и воевать; черезъ нѣсколько времени Ангахай-мѳргѳнъ едва, едва побѣдилъ старика, вытащилъ его на улицу и повѣсилъ на дерево за бороду. Самъ вошелъ обратно въ домъ, хорошенько сварилъ мясо и ждетъ двухъ младшихъ братьевъ съ охоты. Когда два младшіе брата пришли, они втроемъ начали ѣсть свареное мясо. Въ это время Ангахай-мѳргѳнъ говоритъ своимъ братьямъ: „Я одного неизвѣстнаго старика повѣсилъ за бороду на дерево, идите и посмотрите на него“! Окончивъ ѣсть мясо, братья вышли посмотреть на этого неизвѣстнаго старика, но онъ, оторвавъ бороду, ушелъ и на деревѣ осталась только его борода. На другое утро втроемъ Ангахай-мѳргѳнъ, Шѳнхѳши-бѳхѳ и Наржаши-бѳхѳ пошли по слѣдамъ неизвѣстнаго старика, которые прошли прямо къ одному большому, четырехугольному, величиною съ быка камню; этотъ камень онъ своротилъ на сторону и самъ ушелъ въ яму подъ землю. Всѣ трое достали много веревокъ, связали ихъ одна къ другой и Ангахай-мѳргѳнъ одинъ конецъ веревки привязалъ вокругъ своего тѣла и спустился въ эту яму подъ землю, а два младшіе брата Шѳнхѳши-бѳхѳ и Наржаши-бѳхѳ остались на верху ямы, держа другой конецъ ве-

ревки; они постепенно опускали Ангахай-моргёна внизъ въ яму. Ангахай-моргёнъ спустился въ нижнюю землю (додо зомби), гдѣ точно такая же земля, какъ и наша. Когда онъ спустился на нижнюю землю, то отвязалъ конецъ веревки и пошелъ по нижней землѣ. Черезъ нѣсколько времени онъ обратился въ комнатную муху и полетѣлъ прямо къ дому мангатхай, влетѣлъ въ его домъ и подслушиваетъ, что будетъ говорить мангатхай, который лежалъ съ оторваною бородой и охалъ. Этотъ мангатхай имѣлъ трехъ женъ, которыя тутъ же сидѣли. Мангатхай спрашиваетъ у старшей жены: „Ты какое имѣешь превращеніе и что знаешь“? Тогда старшая жена говоритъ: „Къ намъ идетъ воевать Ангахай-моргёнъ, который скоро придетъ и будетъ воевать съ тобою. Я сдѣлаю такой сильный жаръ, что лошадиный навозъ будетъ кипѣть отъ него; тогда я буду сидѣть около дороги, по которой къ намъ придетъ Ангахай-моргёнъ; около меня будетъ протекать ручей. Ангахай-моргёнъ, проходя мимо меня, отъ сильнаго жара захочетъ пить воды; я предложу ему воду изъ ручья; когда онъ выпьетъ эту воду, тогда я ему сдѣлаю одно“. Потомъ мангатхай спрашиваетъ у средней жены: „Ты какое имѣешь превращеніе и что знаешь“? Тогда средняя жена говоритъ: „Я сдѣлаю сильный холодъ, отъ котораго будутъ трескаться рога быка. Въ это время я буду сидѣть около дороги, по которой придетъ къ намъ Ангахай-моргёнъ, около себя разведу огонь; когда Ангахай-моргёнъ, проходя мимо меня, отъ холода замерзнетъ, тогда будетъ грѣться около моего огня; въ это время я сдѣлаю одно“. Потомъ мангатхай спрашиваетъ у младшей жены: „Ты какое имѣешь превращеніе и что знаешь“? Младшая жена говоритъ: „Я сдѣлаюсь густымъ кустарникомъ, такимъ, что тоненькая змѣя не можетъ проползти въ немъ. Ангахай-моргёнъ, подходя къ густому кустарнику, вздумаетъ вырубить себѣ черень для бича.

Въ это время я сдѣлаю одно“. Такъ разговаривая, сидѣли три жены съ мужемъ мангатхаемъ.

Обратившійся въ комнатную муху Ангахай-мѳргѳнь, выслушавъ разговоръ мангатхая съ тремя женами, вылетаетъ изъ дома мангатхая, прилетаетъ обратно и опять дѣлается человѣкомъ по прежнему. Сдѣлавшись человѣкомъ, онъ пошелъ по направленію къ дому мангатхая. Въ это время вдругъ сдѣлался такой сильный жаръ, что лошадиный навозъ закипѣлъ; на его дорогѣ сидитъ одна женщина, около которой течетъ ручей. Ангахай-мѳргѳнь проходитъ мимо этой женщины; она кричитъ ему: „Парень, парень! подойди сюда. Я утоляю жажду жаждущихъ. Выпей воду и утоли жажду“! Тогда Ангахай-мѳргѳнь говоритъ ей: „Я не хочу пить“! Онъ пошелъ далѣе. Въ это время сдѣлался такой сильный холодъ, что растрескались рога быка; на дорогѣ сидитъ одна женщина, около которой разведенъ огонь. Ангахай-мѳргѳнь проходитъ мимо этой женщины, а она ему кричитъ: „Парень, парень! подходи къ огню и грѣйся. Я замерзшихъ отъ холода грѣю“. Тогда Ангахай-мѳргѳнь говоритъ: „Я не замерзъ“. Онъ пошелъ далѣе. На дорогѣ стоитъ такая густая чаща кустарника, что черезъ нее не проползетъ тоненькая змѣя. Ангахай мѳргѳнь остановился было срубить одинъ кустъ на черень бича, но въ это время вспомнилъ слова младшей жены мангатхая и потому пошелъ далѣе. Потомъ онъ приходитъ къ дому мангатхая, входитъ въ домъ; мангатхай лежитъ въ немъ больной. Ангахай-мѳргѳнь убилъ мангатхая, тѣло его сжегъ, оставшіеся пепель и кости березовою лопатою разбросалъ къ сѣверу и осиновою лопатою разбросалъ къ югу. Послѣ этого онъ собралъ все имущество мангатхая, взялъ трехъ женъ и пошелъ обратно. Когда пришелъ къ веревкѣ, впередъ привязалъ все имущество, взятое у мангатхая и подернулъ веревку. Тогда вверху стоявшіе два младшіе брата

Шонхѡши-бѡхѡ и Нарлаши-бѡхѡ потянули веревку вверхъ, вытянули ее, отвязали съ нея вещи, а веревку снова спустили внизъ. Ангахай-мѡргѡнъ привязалъ къ веревкѣ старшую жену мангатхая и дернулъ веревку, а на верху стоявшіе два младшіе брата вытянули веревку, вытащили старшую жену мангатхая и отвязали ее, а веревку снова спустили внизъ. Ангахай-мѡргѡнъ къ спущенной веревкѣ привязалъ среднюю жену мангатхая и дернулъ веревку, которую братья тоже потащили наверхъ; вытащивъ среднюю жену, отвязали ее, а веревку снова спустили внизъ. Ангахай-мѡргѡнъ привязалъ къ ней младшую жену мангатхая и дернулъ веревку. Наверху стоявшіе два младшіе брата вытащили наверхъ младшую жену мангатхая и отвязали ее, а веревку снова спустили внизъ. На этотъ разъ Ангахай-мѡргѡнъ привязалъ къ веревкѣ самого себя и дернулъ веревку; его потащили наверхъ. Когда его вытащили, онъ все имущество мангатхая раздѣлилъ на три части; двѣ части отдалъ двумъ младшимъ братьямъ, одну часть взялъ себѣ; двумъ младшимъ братьямъ отдалъ по одной женѣ, а себѣ оставилъ одну жену покрасивѣе. Такъ они трое женились и живутъ счастливо.

Со словъ бурята Билмиурскаго инородческаго вѣдомства Холмскаго рода Василія Иванова.

ОХОТНИКЪ.

Въ прежнее время жилъ одинъ охотникъ. Однажды онъ охотился и упалъ въ змѣиную яму. Со всѣхъ сторонъ приползли къ нему змѣи, чтобы ужалить его. Въ серединѣ ямы около бѣлаго камня лежалъ большой змѣй; это былъ змѣиный царь, Могонъ-ханъ. Змѣиный царь зашипѣлъ на змѣй, онѣ всѣ убѣжали и спрятались между камнями. Охотникъ ле-

жить въ змѣиной норѣ и видить, что змѣи поодиночкѣ подползаютъ къ бѣлому камню и лижутъ его языкомъ, а потомъ обратно ползутъ; змѣиный царь тоже лижетъ этотъ камень. Охотникъ сильно проголодался, а змѣиный царь головой показываетъ ему на камень. Охотникъ подошелъ къ камню, полизалъ его и сдѣлался сытымъ, какъ будто поѣлъ какой пищи. Такъ этотъ охотникъ пролежалъ въ змѣиной норѣ цѣлую зиму до весны. Когда настала весна, то всѣ змѣи выползли изъ норы; охотникъ остался въ норѣ съ змѣинымъ царемъ; змѣиный царь превратился въ человѣка и говоритъ охотнику: „Я давно воюю съ лягушечьимъ царемъ Баханъ-ханомъ, но не могу его побѣдить. Можешь ли ты убить его“? Послѣ этого змѣиный царь опять обратился въ большую змѣю, посадилъ охотника на себя, вылетѣлъ изъ ямы и прилетѣлъ къ желтому морю Шара-дала *); тутъ онъ остановился около дерева и говоритъ: „Вотъ скоро желтое море будетъ кипѣть и выйдетъ изъ него лягушечій царь; на его спинѣ есть золотой крестъ; если попадешь въ этотъ золотой крестъ, то убьешь его. Но только нужно стрѣлять прежде, чѣмъ лягушечій царь сдѣлаетъ синій ядовитый туманъ, отъ котораго все живое умираетъ. Я подъ деревомъ вырою яму, а ты залѣзь на дерево и сядь противъ ямы; когда ты выстрѣлишь, сдѣлается синій ядовитый туманъ, отъ котораго ты упадешь въ яму, а я тебя накрою“. Сказавъ это, змѣиный царь вырылъ подъ деревомъ яму. Охотникъ залѣзь на дерево, сидитъ противъ ямы и ждетъ царя лягушекъ. Немного погодя желтое море начинаетъ кипѣть и пѣниться желтою пѣной; изъ желтаго моря выходитъ большая лягушка, на спинѣ которой блеститъ золотой крестъ. Охотникъ прицѣдился въ крестъ, выстрѣлилъ и попалъ въ него, убилъ лягушечьяго

*) Шара — желтый, далай — море

царя. Сдѣлался синій ядовитый туманъ; сидѣвшій на деревѣ охотникъ потерялъ сознание и упалъ въ яму. Змѣиный царь накрылъ его. Когда ядовитый туманъ разсѣлся; то змѣиный царь оживилъ охотника и говоритъ: „Теперь опять желтое море будетъ кипѣть, изъ воды выйдетъ сама царица лягушекъ; на груди у нея будетъ серебряный крестъ; если попадешь въ этотъ крестъ, то убьешь царицу лягушекъ; тогда сдѣлается желтый туманъ; ты опять упадешь въ яму, а тебя оживлю. Только нужно стрѣлять прежде, чѣмъ лягушечья царица сдѣлаетъ желтый и ядовитый туманъ“. Охотникъ опять залѣзъ на дерево и сидитъ противъ ямы. Немного погодя желтое море начинаетъ кипѣть и пѣнится желтою пѣною; изъ моря выходитъ большая лягушка, на груди которой блеститъ серебряный крестъ. Охотникъ прицѣлился и выстрѣлилъ въ серебряный крестъ, убилъ царицу лягушекъ; тогда сдѣлался желтый ядовитый туманъ, отъ котораго охотникъ потерялъ сознание и упалъ въ яму; а змѣиный царь накрылъ его. Когда желтый ядовитый туманъ разсѣлся, змѣиный царь оживилъ охотника и говоритъ: „Я нѣсколько лѣтъ воевалъ съ царемъ лягушекъ, никакъ не могъ побѣдить его; онъ убилъ множество моихъ подданныхъ; а ты непобѣдимыхъ моихъ враговъ побѣдилъ. Возьмешь ли золото и серебро или узнаешь семьдесятъ языковъ“? Тогда охотникъ говоритъ змѣиному царю: „Мнѣ не нужно ни золота, ни серебра. Какъ ихъ понесу домой? Откуда, скажу, взять? Лучше научи меня понимать семьдесятъ языковъ“. Тогда змѣиный царь научилъ этого охотника понимать семьдесятъ разныхъ языковъ, а потомъ и говоритъ ему: „Если ты объ этомъ кому-нибудь скажешь, то умрешь“! Послѣ этого змѣиный царь улетѣлъ, а охотникъ пошелъ домой.

По дорогѣ онъ проходитъ мимо одного дерева, на которомъ сидятъ сорока и воронъ. Они между собою говорятъ:

„На берегу моря стоит соловой жеребенокъ; кто первый изъ насъ перешагнетъ черезъ него, тотъ будетъ счастливъ и богатъ“. Охотникъ, услышавъ разговоръ сороки и ворона, побѣжалъ на берегъ моря, гдѣ стоялъ соловой жеребенокъ, и перешагнулъ черезъ него прежде сороки и ворона. Какъ только онъ перешагнулъ, жеребенокъ сталъ невидимъ. Послѣ этого охотникъ, понимающій семьдесятъ языковъ, пришелъ домой и живетъ. Однажды ночью онъ слышитъ, что двѣ мыши вышли изъ норы, подошли къ крынкамъ съ молокомъ и говорятъ между собою. Одна мышь говоритъ другой: „Ты держи меня за хвостъ, а я буду есть молоко; когда я наѣмся, ты будешь ѣсть, а я буду держать тебя за хвостъ“. Послѣ этого одна мышь стала ѣсть молоко, а другая держала ее за хвостъ своими зубами. Когда первая мышь наѣлась, вторая начала ѣсть молоко, а первая стала держать ее за хвостъ. Передъ тѣмъ вторая мышь говорила первой: „Смотри, держи хорошенько; не урони меня въ молочное море“. Когда вторая мышь ѣла молоко, у первой, державшей зубами хвостъ второй, сдѣлалась отрывка и она отпустила хвостъ; ѣвшая молоко мышь упала въ молоко, начала тонуть и упрекать свою товарку: „Я говорила тебѣ, держи хорошенько!“ Слышавшій весь этотъ разговоръ бурятъ-охотникъ засмѣялся, всталъ и выбросилъ мышь изъ молока. Жена охотника начинаетъ допрашивать его, отчего онъ засмѣялся и какъ узналъ, что мышь попала въ молоко. Онъ никакъ не можетъ отговориться; жена настаиваетъ, чтобъ онъ сказалъ. Наконецъ онъ говоритъ своей женѣ: „Приготовь хорошаго коня, осѣдай лучшимъ сѣдломъ, надѣнь на него лучшую узду, приготовь также мою хорошую одежду; тогда я скажу; потому что, когда я тебѣ скажу, я долженъ умереть“. Его жена поймала хорошаго коня, взнуздала его хорошею уздою, осѣдала наилучшимъ сѣдломъ и приготовила ему всю одежду. Онъ одѣлся

и рассказалъ ей, какъ онъ попалъ въ нору змѣй, гдѣ онъ пробылъ цѣлую зиму, какъ онъ съ змѣинымъ царемъ прилетѣлъ къ желтому морю, побѣдилъ царя и царицу лягушекъ и какъ выучился понимать семьдесятъ языковъ. Сказавъ это, охотникъ умеръ; его похоронили.

Змѣиный царь, узнавъ, что охотникъ, который помогъ ему побѣдить царя и царицу лягушекъ, умеръ, сказавши о своемъ знаніи семидесяти языковъ, прилетѣлъ и вырылъ тѣло охотника изъ земли, три раза перешагнувъ черезъ него и каждый разъ на него помочился; тогда умершій охотникъ ожилъ. Змѣиный царь говоритъ ему: „Зачѣмъ ты рассказалъ, что знаешь семьдесятъ языковъ? Я тебѣ говорилъ, что нельзя рассказывать“. Тогда охотникъ говоритъ ему: „Тарасунъ страшный! это онъ меня заставилъ говорить“. Змѣиный царь спрашиваетъ, что такое тарасунъ. „Приходи черезъ семь дней“, отвѣчаетъ охотникъ змѣиному царю, „тогда узнаешь, что такое тарасунъ“. Змѣиный царь согласился притти черезъ семь дней и улетѣлъ. Ожившій охотникъ пришелъ домой и началъ выгонять троеный тарасунъ*). На седьмой день змѣиный царь, превратившись въ человѣка, приходитъ въ домъ охотника; тотъ угощаетъ его троенымъ тарасуномъ. Змѣиный царь пьетъ троеный тарасунъ и хвалить: „Какое славное питье“. Напился до пьяна и повалился, превратившись снова въ змѣю. Тогда охотникъ взялъ змѣинаго царя, началъ бить его объ стѣну и волочить по землѣ; потомъ приготовилъ мягкую постель и положилъ на нее змѣинаго царя. На другой день змѣиный царь проснулся, встаетъ и спрашиваетъ у охотника, отчего у него все тѣло болитъ. Охотникъ говоритъ ему: „Когда ты напился пьянымъ, то, превратившись въ змѣю, бился и катался по землѣ,—оттого, надо

*; Троеный тарасунъ—три раза перегнанное вино изъ молока.

полагать, болить все твое тѣло“. Змѣиный царь повѣрилъ, что тарасунъ страшенъ, разрѣшилъ охотнику говорить, что онъ знаетъ семьдесятъ языковъ и улетѣлъ домой. Послѣ этого охотникъ началъ жить по прежнему.

Однажды этотъ охотникъ проѣхалъ мимо одного улуса; въ это время на него полаяли собака богача и собака бѣдняка. Собака бѣдняка лаяла ему: „Заѣзжай къ моему хозяину; онъ бѣдный, имѣетъ одну корову и одну овцу; если заѣдешь къ моему хозяину, то его жена подастъ тебѣ побѣдиться (сагалха*) молокомъ ея единственной коровы и заколетъ единственную овцу, а если заѣдешь къ богатому, то жена богача на тебя и не посмотритъ и не подастъ даже побѣдиться, не то, что накормитъ“. Такъ лаяла собака бѣдняка. А собака богача лаяла: „Заѣзжай къ моему хозяину; онъ очень богатъ, но скупой. Немного покормить тебя“. Охотникъ заѣхалъ къ богатому, вошелъ въ юрту, поздоровался и сѣлъ у двери. Жена богача на него даже не взглянула и не подала побѣдиться. Охотникъ вышелъ изъ юрты, сѣлъ на коня, подѣхалъ къ юртѣ бѣдняка, входитъ. Жена бѣдняка пригласила его сѣсть палъво отъ двери**) и подала молоко побѣдиться. Бѣдный домохозяинъ пригласилъ его ночевать, вечеромъ закололъ свою единственную овцу; когда сварилось мясо, онъ большое количество кусковъ его бросилъ въ огонь, потомъ сталъ угощать гостя. Въ это время входитъ въ юрту собака, ласкается къ охотнику, визжитъ и говоритъ: „Хорошій гость, урони лопатку съ мясомъ, я схвачу ее и выбѣгу на улицу; хозяинъ не будетъ сердиться“. Охотникъ понялъ слова собаки и, какъ будто нечаянно, уронилъ лопатку съ мясомъ. Стоявшая собака схватила лопатку и выбѣжала изъ юрты;

*) Побѣдиться — поѣсть молока.

**) Палъво отъ дверей мѣсто, гдѣ салятъ почетныхъ гостей.

хозяинъ не погнался за собакой, чтобы отнять лопатку съ мясомъ. Охотникъ наѣлся досыта и легъ спать. Ночью въ юрту бѣдняка входитъ хозяинъ огня *) богача и начинаетъ разговаривать съ хозяиномъ огня бѣдняка. Хозяинъ огня бѣдняка спрашиваетъ у хозяина огня богача, отчего у него выколоты глаза. Тотъ говоритъ ему: „Глаза мнѣ выколотъ мой хозяинъ. Онъ очень скупой, когда жарить мясо, то достаетъ ножомъ; такимъ образомъ и выколотъ мнѣ глаза. Когда пріѣдетъ съ талгана **), то бросаетъ въ огонь маленькій кусокъ жира, а мяса не бросаетъ; ему жалко куска мяса. Когда бросаетъ кусокъ жира, то бросаетъ мнѣ прямо въ глаза. Когда варить саламатъ, то мнѣ въ глаза льетъ одно масло, а саламату не даетъ; когда разводитъ огонь, то мнѣ на голову бросаетъ дрова“. Такъ рассказываетъ хозяинъ огня богача. А хозяинъ огня бѣдняка говоритъ: „Мой хозяинъ бѣдный, но очень хорошій! когда пріѣзжаетъ съ талгана, то около меня кладетъ много мяса и жира, такъ что я досыта наѣдаюсь. У насъ хотя одна корова, но все таки онъ варить саламатъ и даетъ мнѣ его достаточно, а также даетъ и масла и я наѣдаюсь досыта. Дровъ мнѣ на голову никогда не бросаетъ. Ты лучше приходи ко мнѣ; будемъ жить вмѣстѣ“. Хозяинъ огня богача говоритъ: „Приду жить къ тебѣ, но только впередъ сожгу своего хозяина“. Тогда хозяинъ огня бѣдняка сказалъ ему: „У твоего хозяина въ юртѣ стоитъ наша ступка ***); выброси ее на улицу, а то сгоритъ!“ Хозяинъ огня богача ушелъ. Въ эту ночь всѣ юрты богача сгорѣли въ пожарѣ, а ступка бѣдняка была выброшена на улицу и осталась цѣла. Богачъ сталъ подозрѣвать бѣдняка, что онъ изъ зависти поджегъ его

*) Т. е. духъ огня.

**) Талганъ — общественное жертвоприношеніе. Ред.

***) Деревянная ступка, въ которой томятъ кирпичный чай.

юрты, такъ какъ его ступка оказалась выброшеною на улицу. Тогда охотникъ разсказалъ богачу, какъ хозяйины огней разговаривали между собой, и что поджогъ сдѣлалъ хозяинъ огня, а бѣдный сосѣдь не виноватъ. Онъ разсказалъ про себя, что знаетъ семьдесятъ языковъ, понимаетъ разговоръ всѣхъ животныхъ и видитъ духовъ, и убѣдилъ ихъ. Богачъ оставилъ свое подозрѣнiе. Послѣ этого охотникъ уѣхалъ домой; бѣднякъ поправился и сталъ жить счастливо, а богачъ раззорился.

Чингисъ-ханъ.

А. Рожденiе Чингисъ-хана.

1. Царь Ухэръ-Боксо имѣлъ дочь, которую постоянно держалъ взаперти и за занавѣскою. Однажды она увидѣла солнечные лучи и оттого забеременѣла; впоследствии она родила сына; она положила его въ кожаную корзину и пустила по рѣкѣ. Этого ребенка нашли; онъ выросъ; его назвали Чингисъ-ханомъ.

2. Дочь царя Ухэръ-Боксо должна была выйти замужъ за Эсхэ-Уланъ-батара, но на ней силою женился Ырѣрши-мѣргѣнъ. Нѣкоторое время спустя Эсхэ-Уланъ-батаръ, пріѣхалъ къ дому Ырѣрши-мѣргѣна; его не было дома; Эсхэ-Уланъ-батаръ говоритъ женѣ Ырѣрши-мѣргѣна: „Ты моя суженая! Какъ я увезу тебя въ свой домъ“? Она говоритъ Эсхэ-Уланъ-батару: „Тебѣ съ моимъ мужемъ Ырѣрши-мѣргѣномъ не справиться; онъ убьетъ тебя. Лучше ты спрячься въ юртѣ; мой мужъ пріѣдетъ, ляжетъ спать; утромъ я встану доить коровъ; вставая, откину немного одѣяло; тогда мой мужъ отвернется лицомъ къ стѣнѣ и будетъ спать; въ это время на спинѣ его между лопатками ты увидишь его жизнь; ты

выстрѣли въ это мѣсто; если попадешь, то онъ умретъ“. Послѣ ея словъ Эсхэ-Уланъ-батаръ спрятался въ юртѣ. Къ вечеру пріѣхалъ Ырррши-моргонъ и легъ спать съ женою; утромъ, вставая доить коровъ, жена его откинула темного одѣяло, Ырррши-моргонъ отвернулся лицомъ къ стѣнѣ и заснулъ. Эсхэ-Уланъ-батаръ дѣйствительно увидѣлъ на спинѣ его между лопатками его жизнь; онъ вышелъ изъ засады, выстрѣлилъ и стрѣла его попала какъ разъ куда слѣдуетъ. Тогда Ырррши-моргонъ сѣлъ на постели и говорить: „Это устроила моя жена! чѣмъ вѣрить женѣ, лучше повѣрить дверной колодѣ!“ Потомъ Ырррши-моргонъ умеръ.

Убивъ Ырррши-моргона, Эсхэ-Уланъ-батаръ привезъ его жену, свою суженую, къ себѣ въ домъ и женился на ней. У него отъ нея родился сынъ; никто не могъ этому ребенку дать имя; въ это время съ неба спустилась маленькая птичка и стала кричать: чингъ! чингъ! Поэтому новорожденному мальчику дали имя Чингисъ. Впослѣдствіи мальчикъ выросъ и сдѣлался Чингисъ-ханомъ.

В. Изобрѣтеніе вина Чингисъ-ханомъ.

Чингисъ-ханъ придумалъ сдѣлать вино; для этого онъ употребилъ двѣнадцать эрдэни*); желая испробовать силу полученнаго вина, онъ пролилъ его на плоскій камень; камень раскололся на нѣсколько частей; тогда Чингисъ-ханъ убавилъ въ винѣ три эрдэни; вновь вылилъ вино на плоскій камень и камень на этотъ разъ не раскололся. Чингисъ-ханъ подумалъ: „Теперь хорошо! Нужно попить напоить людей, что они будутъ дѣлать, когда опьянѣютъ“. Онъ собралъ калѣкъ, безглазаго слѣпого, безрукаго и безногаго, и напоилъ ихъ. Безглазый слѣпой, опьянѣвъ, говорить: „Какъ красиво,

*) Эрдэни — драгоценность.

чернѣя, блестить вино“? Безрукій ему отвѣчаетъ: „Ты вѣдь слѣпой, какъ же ты увидѣлъ, что вино, чернѣя, красиво блестить? Я тебя ударю и ты полетишь кубаремъ“! Безногій, услышавъ эту рѣчь, сказалъ: „Одинъ изъ васъ слѣпой, не видитъ ничего; другой безрукій, хочетъ ударить. Я обоихъ васъ топну ногой и раздавлю“! Такимъ образомъ они разругались. Чингисъ-ханъ подумалъ: „Это хорошо! Безглазый сдѣлался съ глазами, безрукій и безногій калѣки сдѣлались съ руками и ногами“. Подумавъ такъ, онъ оставилъ вино на девяти эрдэни, не уменьшая болѣе его крѣпости.

Вино состоитъ изъ слѣдующихъ эрдэни: 1) изъ слюны бѣшеной собаки, 2) изъ верхушекъ растущихъ травъ, 3) изъ пламени краснаго огня, 4) изъ острія ножа вора, 5) изъ пара текущей воды, 6) изъ конца копытъ быстрого бѣгунца, 7) изъ узла треножника, 8) изъ объема большого котла, 9) изъ „дадынъ жирэлгэнъ“, 10) изъ мозга глупаго барана, 11) изъ острія ножницъ хорошей бабы и 12) изъ краснаго румянца со щеки красивой женщины.

Кто выпьетъ вина, тотъ большею частью пьянѣетъ отъ какого-нибудь одного изъ этихъ эрдэни. Опьянѣвшій отъ эрдэни слюны бѣшеной собаки сдѣлается, какъ бѣшенная собака, будетъ на всѣхъ бросаться и драться; опьянѣвшій отъ эрдэни, взятыхъ изъ верхушекъ травъ, сдѣлается, какъ растущая трава и какъ цвѣтущій цвѣтокъ; опьянѣвшій отъ эрдэни, взятаго изъ краснаго пламени огня, будетъ, какъ огонь, горѣть и можетъ сгорѣть отъ вина и умереть; опьянѣвшій отъ эрдэни, взятаго отъ острія ножа вора, сдѣлается острымъ, какъ ножъ, и пойдетъ воровать и грабить; кто опьянѣетъ отъ эрдэни, взятаго отъ паровъ текущей воды, будетъ какъ паръ воды; опьянѣвшій отъ эрдэни, взятыхъ отъ конца копытъ быстрого бѣгунца, сдѣлается въ ходѣ бѣстрымъ и неутомимымъ; опьянѣвшій отъ эрдэни, взятыхъ

отъ узла треножника *), не можетъ ходить и падаетъ, какъ будто ноги его стреножены; опьянѣвшій отъ эрдэни, взятыхъ изъ объема большого котла, выпиваетъ много вина и все таки не можетъ насытиться; опьянѣвшій отъ эрдэни, взятыхъ отъ „дадынъ жирэлгэнъ“, дѣлается, какъ вѣтеръ, легкомысленъ и непостояненъ; опьянѣвшій отъ эрдэни, взятаго отъ глупаго барана, дѣлается глупъ, какъ баранъ; опьянѣвшій отъ эрдэни, взятыхъ отъ острія ножницъ хорошей бабы, будетъ рѣзать, какъ острія ножницы; наконецъ кто опьянѣетъ отъ эрдэни, взятой отъ румянца со щеки красивой женщины, дѣлается румянымъ и въ немъ возбуждается любовь къ женщинамъ.

Однажды Чингисъ-ханъ поѣхалъ на охоту и встрѣтился съ царемъ звѣрей Аргаланъ-зонъ **), который воевалъ съ царемъ змѣй Абарга-мого и никакъ не могъ его побѣдить. Царь звѣрей Аргаланъ-зонъ обратился съ просьбою къ Чингисъ-хану, чтобы онъ помогъ ему въ борьбѣ съ змѣинымъ царемъ Абарга-мого и Чингисъ-ханъ согласился; въ то время, когда царь звѣрей Аргаланъ-зонъ сражался съ царемъ змѣевъ Абарга-мого, Чингисъ-ханъ подкараулилъ моментъ, выстрѣлить и стрѣлою убилъ Абарга-мого. Царь звѣрей Аргаланъ-зонъ сильно обрадовался, поблагодарилъ Чингисъ-хана, посадилъ его на себя и повезъ его къ его дому; немного не доходя до дома Чингисъ-хана, онъ остановился и говоритъ ему: „Теперь слѣзай и далѣе иди самъ; ни кому не говори, что ты ѣздилъ на мнѣ; если скажешь, то я узнаю, приду и убью тебя“. Царь звѣрей Аргаланъ-зонъ ушелъ обратно, а Чингисъ-ханъ пришелъ домой. Во время одной пирушки Чингисъ-ханъ сильно опьянѣлъ и проговорился, что онъ убилъ змѣинаго царя Абарга-мого и ѣздилъ на звѣриномъ

*) Вѣроятно отъ узла ременнаго тренога, которымъ треносятъ лошадей. *Ред.*

***) Аргаланъ, „левъ“.

царѣ Аргаланъ-зонѣ. Царь звѣрей Аргаланъ-зонъ узналъ, что Чингисъ-ханъ разскалъ людямъ, какъ онъ ѣздилъ на немъ верхомъ, обратился въ человѣка, пришелъ къ нему и сказалъ: „Я тебѣ приказалъ ни кому не говорить, что ты на мнѣ ѣздилъ“. Чингисъ-ханъ оправдывался, что онъ былъ пьянъ, ничего не помнитъ, — вино его побѣдило. „Что это такое—вино“? спрашиваетъ царь звѣрей Аргаланъ-зонъ. „Я хочу попробовать“. Чингисъ-ханъ выкатилъ одну бочку вина; звѣриный царь Аргаланъ-зонъ выпилъ всю бочку, немного опьянѣлъ и говоритъ: „Вино пить хорошо! можно еще выпить! еще давай!“ Чингисъ-ханъ выкатилъ другую бочку; и эту всю выпилъ звѣриный царь, опьянѣлъ и свалился; пьяный онъ изъ человѣка обратился вновь въ звѣря. Тогда Чингисъ-ханъ связалъ ноги звѣринаго царя, отколотилъ его хорошенько и оставилъ вытрезвляться; на другое утро Аргаланъ-зонъ вытрезвился и спрашиваетъ, отчего онъ связанъ и отчего болитъ все его тѣло? Чингисъ-ханъ говоритъ ему: „Вы вчера опьянѣли, начали кататься по землѣ и сильно биться; мы боялись, чтобъ вы не ушиблись и связали васъ“. Аргаланъ-зонъ сказалъ: „Вино сильно и всѣхъ побѣждаетъ; теперь ты можешь говорить, что ты на мнѣ ѣздилъ; я не буду сердиться!“ И Аргаланъ-зонъ, звѣриный царь, ушелъ.

Со словъ бурята Зунгаро-Быкотскаго вѣдомства Мадаса Макарова.

Обогонъ.

Обогонъ имѣлъ трехъ сыновей: Онгой, Онхотой и Хогой. Обогонъ родился отъ дочери Тоглока. Тоглокъ имѣлъ семь сыновей и одну дочь, которая пасла скотъ. Однажды она увидѣла на могилѣ растущій цвѣтокъ; она вырвала его и играла имъ, а потомъ съѣла его, сдѣлалась беременною и родила

сына, котораго звали Обогонъ. Цвѣтокъ этотъ былъ „ургуй“ (*Pulsatilla patens*); поэтому буряты говорятъ объ Обогонѣ: ургун узурха оллохон Обогон, „подъ корнемъ подснежника найденный Обогонъ“.

Гора Мѳнгѳтѳ-ула.

Унгинскіе буряты рассказываютъ, когда въ первый разъ проводили границу между русскимъ и китайскимъ государствами, со стороны Россіи былъ такъ называемый бурятами Гунъ-Сава*), а со стороны китайцевъ Сэсэнъ-уганъ**). Когда провели границу, гора Мѳнгѳтѳ-ула (по русски „серебряная гора“) осталась за русскимъ государствомъ. Сэсэнъ-уганъ, желая взять гору Мѳнгѳтѳ-ула себѣ, придумалъ обмануть Гунъ-Саву. Онъ попросилъ Гунъ-Саву отдать ему участокъ земли величиною съ кожу быка; Гунъ-Сава, не подозрѣвая хитрости, согласился. Тогда Сэсэнъ-уганъ выбралъ самую большую кожу быка, разрѣзалъ ее на тонкіе ремни и обтянулъ ими всю гору Мѳнгѳтѳ-ула; вслѣдствіе этого гора Мѳнгѳтѳ-ула отошла въ китайскую землю. Гора эта должна бы стоять къ русской землѣ, такъ какъ по преданію на ней явилась печать русскаго государства; китайцы вытесываютъ гору, чтобы снять печать, но печать снова является.

Никола-бурханъ.

Въ прежнее время человѣкъ посѣялъ хлѣбъ, который и уродился. Человѣкъ пріѣхалъ убирать его; онъ привезъ съ собою запасъ коротенькихъ волосяныхъ веревокъ, началъ вырывать хлѣбъ съ корнемъ и перевязывать снопы привезен-

*) Графъ Сава Рагузскій.

**) Вѣроятно монгольскій Цэзэнъ-ханъ.

ными волосяными веревками. Въ то время, какъ тотъ человекъ уходилъ обѣдать, пришелъ Никола-Бурханъ (св. Николай) съ золотымъ серпомъ (алтан хадур) и пожалъ хлѣбъ, связалъ снопы соломой, сложилъ крестъ и воткнулъ въ него серпъ, а самъ ушелъ. Все это онъ сдѣлалъ, чтобы научить того человека жать хлѣбъ, хлѣбомъ вязать снопы и класть снопы крестомъ. Приходить человекъ и видитъ, хлѣбъ сжатъ, снопы перевязаны хлѣбомъ и складены въ кресты; онъ сильно испугался, потому что принялъ золотой серпъ за зубатаго червяка и подумалъ, что червякъ съѣлъ его хлѣбъ; онъ взялъ золотой серпъ и выбросилъ.

Никола-Бурханъ видитъ, что этотъ человекъ не понимаетъ его. Онъ обратился въ сѣдого старика, приходитъ къ этому человеку и спрашиваетъ: „Что дѣлаешь“? Тотъ говоритъ: „Хлѣбъ вырываю“. Никола-Бурханъ указалъ на сжатый хлѣбъ и спросилъ: „А этотъ хлѣбъ кто сжалъ“? Тотъ говоритъ: „Это съѣлъ зубатый червякъ“.

Тогда Никола-Бурханъ сказалъ ему: „Это не червякъ, а серпъ, которымъ жнутъ хлѣбъ“. Никола-Бурханъ нашелъ заброшенный серпъ и научилъ этого человека какъ жать хлѣбъ, вязать снопы и класть въ кресты. Съ этого времени люди научились жать хлѣбъ.

Небо и земля

Высокое небо (бндѳр тэнгэри) и Широкая земля (улгэн дэлхэ) породнились; Высокое небо за своего сына высватало дочь Широкой земли; земля за свою дочь потребовала въ калымъ отъ Высокаго неба солнце и луну. Небо отдало эти свѣтила; тогда на небѣ и землѣ сдѣлалось темно, потому что Широкая земля заперла солнце и луну въ ящикъ.

Высокое небо не можетъ придумать средство, какъ получить солнце и луну обратно отъ Широкой земли. У Высокаго неба было девять сыновей и девять дочерей. Оно послало за Заря-Азарга *), отъ котораго надѣялось получить совѣтъ, какъ поступить, и строго приказало своимъ сыновьямъ и дочерямъ не смѣяться, когда войдетъ Заря-Азарга, который не имѣлъ ногъ, и не ходилъ, а катился по землѣ. Когда Заря-Азарга вошелъ въ юрту, девять сыновей и девять дочерей Высокаго неба, увидѣвъ его, не могли удержаться отъ смѣха. Заря-Азарга сильно осердился и укатилъ назадъ. Тогда Высокое небо послало пять звѣрей, чтобъ они пошли по слѣдамъ Зари-Азарги и подслушали, что онъ будетъ говорить. Посланные пять звѣрей были: заяцъ (шандаганъ), маленькій козуленокъ (инзаганъ), горностаѣ (ѹгинъ), бѣлка (хэрмэнъ) и хорекъ (хѳлбнгѳ).

Заяцъ первый подслушалъ слова обиженнаго Зари-Азарги и передалъ ихъ Высокому небу. Заря-Азарга, катясь обратно, ругался и говорилъ: „Высокое небо не можетъ держать въ подчиненіи своихъ девять сыновей и девять дочерей! Они смѣются надо мной. Пусть же девять сыновей спустятся на землю и сдѣлаются девятью западными хатами, а девять дочерей пусть спустятся на землю и сдѣлаются девятью онгонами. Высокое небо породнилось съ Широкою землею, въ калымъ отдало солнце и луну и не можетъ придумать, какъ ихъ обратно взять отъ Широкой земли; а для этого нужно только поѣхать къ Широкой землѣ въ гости и попросить у ней эха лѣса и мерцаніе воды; Широкая земля не будетъ въ состояніи поймать ни эха лѣса, ни мерцанія воды, и принуждено будетъ отдать назадъ солнце и луну“. Эти-то слова подслушалъ заяцъ и передалъ Высокому небу. Вотъ почему

*) Заря побурятски „ажъ“.

въ шаманскихъ обрядахъ шкура зайца стоитъ первой въ правой сторонѣ.

Высокое небо поѣхало къ Широкой землѣ въ гости и попросило подарить ему эхо лѣса и мерцаніе воды. Широкая земля поручила своимъ тремъ сыновьямъ поймать эхо лѣса и мерцаніе воды, но три сына не могли поймать. Тогда Широкая земля отдала Высокому небу обратно солнце и луну. Приѣхавъ домой, Высокое небо привезенныя свѣтила вновь пустило по небу, тогда на небѣ и землѣ попрежнему стали чередоваться день и ночь. Слова Зари-Азарги исполнились, девять сыновей Высокаго неба спустились на землю и стали девятью западными хатами, а девять дочерей его, тоже спустившись на землю, стали онгонами.

Цари земли.

На югозападной сторонѣ есть царство Маса-Богдо-хана, гдѣ находится царь всей земли гора Сэмбэръ-ула, на которой растеть царь всѣхъ деревьевъ Аха-занданъ-модонъ, а царь всѣхъ травъ Угитэ-саганъ-ѳббхонъ растеть, обвившись вокругъ царя всѣхъ деревьевъ Аха-занданъ-модонъ до самой вершины, откуда царь травъ спускается опять внизъ до половины дерева Аха-занданъ-модона; на этой горѣ находится царь всѣхъ звѣрей Аргаланъ-зонъ, царь всѣхъ домашнихъ животныхъ Пѣгій лончакъ (алак даган) и царь всѣхъ змѣй Абарга-мого.

Со словъ бурята Боханскаго вѣдомства Харитона Антонова.

На горѣ Сэмбэръ-улѣ находятся четыре царя земли; на ней растеть царь деревьевъ Заханъ-занданъ-модонъ; обвившись вокругъ него растеть царь травъ Угитэ-саганъ-ѳббхонъ, поднимается до вершины дерева и потомъ спускается внизъ

до его половины; царь птицъ Ханъ-Хэрэгдэ-шубунъ имѣеть гнѣздо на царѣ деревьевъ Заханъ-занданъ-модонѣ, а змѣиный царь лежитъ, три раза обвившись вокругъ царя деревьевъ.

Со словъ бурята Зумаро-Быкотскаго въдомства Мадаса Макарова.

Открытіе дверей неба.

Изрѣдка тэнгерины открываютъ дверь неба; если человѣкъ увидитъ, что дверь у неба открылась и въ это время что-нибудь попроситъ, то просьба его исполнится.

Если дверь неба откроется на южной или западной сторонѣ, это хорошій признакъ; если же на сѣверовосточной, то это худо, и увидѣвшій это человѣкъ будетъ несчастливъ; чтобъ избѣжать несчастья, нужно сказать:

Ши убра хада	Если ты выворачиваешься,
Би урба хаб	И я выворачиваюсь!
Шини хѳрбѳ хада	Если ты измѣняешься,
Би хорбѳхѳб	И я измѣняюсь!

Съ этими словами нужно снять съ себя шубу, выворотить вверхъ шерстью и ѣхать или идти далѣе.

Если дверь неба открываютъ восточные и худые тэнгерины, это худо для людей и для того, кто это увидѣлъ, потому что эти тэнгерины смотрятъ на землю и посылаютъ людямъ несчастье. Если дверь неба открываютъ западные тэнгерины, это хорошо для людей, а также и для того, кто это увидитъ, потому что западные тэнгерины смотрятъ на землю и посылаютъ людямъ счастье и богатство. Если дверь неба откроется на восточной или сѣверовосточной сторонѣ, то свѣтъ бываетъ красный, если на западной или южной, то свѣтъ бываетъ бѣлый.

Небесныя и атмосферныя явленія.

1) Когда бываетъ сѣверное сіяніе (побурятски тэнгэри улага), буряты говорятъ, что будетъ тяжелый годъ для людей, люди будутъ часто болѣть и умирать. Иногда говорятъ, что будетъ большая война.

2) Кто ѣстъ заплеснѣвшій хлѣбъ, тотъ не боится грома.

3) Я случайно услышалъ, что вѣтеръ зовутъ хұхэлэхэн анда (порусски „пріятель Хұхэлэхэнъ“; анда „пріятель“, Хұхэлэхэнъ—собственное имя). Не считали ли прежніе буряты какого-то Хұхэлэхэна покровителемъ вѣтровъ? Нынѣ, когда дуетъ вѣтеръ, рѣдкіе старики говорятъ: „Хұхэлэхэн анда ерѣ хайса иделхэ“ (порусски: пришелъ пріятель Хұхэлэхэнъ поѣсть хорошенько). Не дѣлали ли въ прежнее время, когда дуть вѣтеръ, какихъ-нибудь соединенныхъ съ жертвоприношеніемъ обрядовъ, которые теперь забыты?

4) Если осенью листья съ деревьевъ падаютъ рано и скоро или вдругъ, то унгинскіе буряты говорятъ, что весна будетъ теплая и снѣгъ растаетъ скоро или вдругъ. Если листья падаютъ медленно, то говорятъ, что весна будетъ холодная и снѣгъ растаетъ медленно.

5) Молькинскіе буряты говорятъ, если осенью листья съ деревъ падаютъ недружно или не всѣ спадаютъ, а нѣкоторые остаются на деревьяхъ, то въ этотъ годъ людямъ будетъ плохо, годъ будетъ тяжелый.

6) Если зимою по утрамъ разсвѣтаетъ скоро, то говорятъ, что весна будетъ теплая и скоро растаетъ снѣгъ. Если медленно разсвѣтаетъ, весна будетъ холодная и снѣгъ не растаетъ скоро.

7) Если въ новолуніе рога луны немного загнуты внутрь и луна стоитъ круто, тотъ мѣсяцъ будетъ бурный и холод-

ный. Если рога луны не загнуты внутрь и луна стоит полого, мѣсяцъ будетъ теплый и безъ вѣтровъ.

8) Во время тумана по землѣ ходять злые духи, которые вредять людямъ и насылають на нихъ болѣзни.

Первая чета.

Сперва земли не было, а только были вода и огонь; послѣдній плавалъ по водѣ отдѣльными полосками, какъ дорога. По водѣ плавали въ двухъ отдѣльныхъ серебряныхъ лодкахъ (мѳнгѳн онгосо), въ одной мужской половой органъ (эсэгэн мѳнгѳнъ бахана, буквально порусски „отцовскій серебряный столбъ“), въ другой женскій (эхэн алтан тоно, „материнскій золотой органъ“, вариантъ: эхэн алтан ума, „материнское золотое влагалище“). Лодки сдѣлали два круга по солнцу и не могли сойтись; тогда они сдѣлали еще кругъ противъ солнца (нара буру) и тогда соединились и произвели оплодотвореніе. Въ память объ этомъ во время свадьбы женихъ и невѣста, идя подъ шалью, дѣлають кругъ противъ солнца.

Со словъ бурята Укинскаго въдомства Шетинскаго улуса Башима Трубачеева, грамотнаго кузнеца, знающаго русскій языкъ.

Царство дѣвиць.

Съ трудомъ очень небольшое мнѣ пришлось узнать о царствѣ дѣвиць (Ќхин хани урам). На всѣ вопросы буряты большею частью говорятъ только, что гдѣ-то прежде было такое царство, въ которомъ царицей была дѣвица и все войско (сэрэк) состояло изъ дѣвиць. Прежде наши старики, говорятъ буряты, рассказывали объ этомъ царствѣ, а нынѣ забыли. Другіе во время разспросовъ о дѣвичьемъ царствѣ вспомнятъ, что между восточными тэнгеринами есть Ќхинъ-

тэнгэри; эта Охинь-тэнгэри была покровительницею царства дѣвиць. Нѣкоторые буряты указываютъ, что у бурятъ есть сказки объ Охинь-ханѣ и Охинь-батырѣ*), у которыхъ все войско состояло изъ дѣвиць. Царь дѣвица со своимъ войскомъ изъ дѣвиць выходила на войну и воевала. Нужно замѣтить, что буряты считаютъ сказки за дѣйствительность; по ихъ мнѣнію сказочные герои и богатыри когда-то дѣйствительно жили на землѣ.

По одному разсказу, записанному у унгинскихъ бурятъ, дѣвичье царство находится на сѣверовосточной сторонѣ; въ немъ живутъ только женщины; царемъ у нихъ дѣвица (ханин басаган); всѣ чиновники въ царствѣ, все войско, всѣ подданные—дѣвицы; мужчинъ въ ихъ царствѣ нѣтъ. Есть у нихъ разный скотъ, но въ табунахъ однѣ кобылы, рогатый скотъ состоитъ только изъ коровъ, овецъ и козъ; жеребцовъ, коней, порозовъ, быковъ, барановъ и козловъ вовсе нѣтъ. Дѣвицы дѣвичьяго царства знаютъ много волшебства. Въ царствѣ дѣвиць былъ Обогд-ханъ (такъ буряты зовутъ Петра Великаго) и едва, едва убѣжалъ отъ нихъ.

Собачье царство.

(Ного хани урам).

По повѣрью унгинскихъ бурятъ въ сѣверо-восточной сторонѣ находится царство собакъ. Въ странѣ, гдѣ царствуютъ собаки, всѣ мужчины рождаются собаками, какъ наши собаки, а женщины рождаются людьми, какъ наши обыкновенныя женщины; эти женщины собачьяго царства говорятъ человѣчески; въ то же время онѣ знаютъ собачій языкъ и понимаютъ языкъ своихъ мужей. Буряты соблюдаютъ правило, мужчины избѣгаютъ мочиться по ночамъ, обратившись ли-

*) Ханъ „царь“, батыръ „богатырь“.

домъ на сѣверовостокъ, потому что въ это время всѣ женщины въ собачьемъ царствѣ исполняютъ обрядъ „хурулха“, обратившись лицомъ на югозападъ, т. е. въ нашу сторону, надѣясь, что отъ совершенія этого обряда, у нихъ мальчики будутъ родиться не собаками, какъ обыкновенно, а людьми. Если кто помочится ночью, обратившись лицомъ на сѣверовостокъ, то съ нимъ можетъ случиться несчастье—его сыновья родятся въ собачьемъ царствѣ и онъ останется бездѣтнымъ.

По преданію унгинскихъ бурятъ, одинъ бурятъ заблудился во время охоты; онъ долго блудилъ, вся одежда его износилась и онъ уже ходилъ нагишомъ. Однажды онъ остановился у озера и пилъ воду; въ это время къ нему подъѣхала дѣвица верхомъ на конѣ; сѣдло ея было серебряное. Конь ея имѣлъ восемь ногъ, а не четыре, какъ у нашихъ коней. Дѣвица остановилась около бурята и завела съ нимъ разговоръ; бурятъ спросилъ ее, гдѣ онъ находится и какъ зовутъ эту мѣстность. Она сказала ему, что онъ пришелъ въ собачье царство. Затѣмъ эта дѣвица отвела бурята къ себѣ домой, одѣла его въ свою одежду и накормила. Это была дочь собачьяго царя, котораго въ это время не было дома; со своими подданными собаками онъ ушелъ на охоту. Черезъ нѣсколько дней собачій царь со своими собаками возвратился съ охоты. Дочь собачьяго царя и ея мать спрятали бурята. Собачій царь, войдя въ домъ, по запаху узналъ, что безъ него въ домѣ былъ чужой, началъ нюхать и пособачьи говорить женѣ и дочери: „Кого вы спрятали? приведите его!“ Жена и дочь собачьяго царя вывели спрятаннаго бурята. Собачій царь, обнюхавъ его, поворчалъ немного, легъ на положенныя перины и подушки и говоритъ своимъ подданнымъ пособачьи, что черезъ трое сутокъ этого бурята нужно съѣсть. На другой день собачій царь съ собаками

опять ушелъ на охоту. Тогда дочь собачьяго царя говорить буряту: „Мой отецъ говорилъ своимъ подданнымъ, что черезъ три дня, когда собаки возвратятся съ дороги, тебя съѣдятъ. Нужно отъ нихъ убѣжать!“ Они все приготовили и убѣжали. Когда собачій царь возвратился съ охоты и узналъ, что его дочь убѣжала съ этимъ бурятомъ, онъ собралъ всѣхъ своихъ подданныхъ собакъ и побѣжалъ за ними въ погоню, нюхая по слѣдамъ. Онъ началъ догонять ихъ; тогда буряты съ дочерью собачьяго царя залѣзли на дерево. Собачій царь и его собаки прибѣжали къ дереву; собаки положили на землю перину и подушки, которыя они принесли съ собой въ зубахъ; царь легъ на перину и подушки и приказалъ собакамъ грызть дерево поочередно. Собаки начали грызть. Дочь собачьяго царя говорить буряту: „Онѣ скоро перегрызутъ дерево и съѣдятъ насъ. Ты стрѣлай въ моего отца! Когда убьешь ихъ царя, онѣ убѣгутъ обратно“. Буряты выстрѣлили и убили собачьяго царя. Собаки перестали грызть дерево, отбѣжали отъ него и говорятъ: „Ты нашла человѣка, убила своего отца и живи съ этимъ человѣкомъ счастливо!“ Потомъ однѣ собаки взяли въ зубы перину и подушки, другія тѣло убитаго собачьяго царя и убѣжали обратно.

Когда собаки скрылись изъ виду, буряты и дочь собачьяго царя слѣзли съ дерева и пошли впередъ; кое-какъ они пришли въ домъ бурята; здѣсь онъ женился на дочери собачьяго царя; она была очень красива; въ собачьемъ царствѣ всѣ женщины красивы. Черезъ нѣсколько времени эта дѣвица начала худѣть и скучать по родинѣ. Близкій родственникъ мужа этой женщины тоже пожелалъ достать себѣ жену изъ собачьяго царства; онъ обратился къ ней за совѣтомъ, чтобъ она указала дорогу, какъ ѣхать. Приѣхавъ въ собачье царство, онъ зашелъ въ домъ собачьяго царя, въ

которомъ жила только одна его жена. Она сказала ему, что ему не достать здѣсь жену, что собаки его загрызутъ, какъ только его увидятъ, и что ему лучше всего поскорѣе уѣхать домой, пока собаки не возвратились съ охоты. Она дала этому буряту что-то въ мѣшечкѣ и просила передать ея дочери. Буряты, убѣдившись, что достать жену изъ собачьяго царства не возможно, уѣхалъ домой и, пріѣхавъ, привезенный мѣшечекъ передалъ дочери собачьяго царя. Она развязала мѣшечекъ и видитъ тамъ сушеное и толченое мясо восьминогаго коня. Когда она начала ѣсть это сушеное и толченое мясо, она начала понемногу поправляться и совсѣмъ поправилась. У этой женщины были дѣти, а потомки этихъ живутъ среди бурятовъ и нынѣ.

Огонь.

1) Поздно вечеромъ постороннему человѣку давать огонь на выносъ изъ юрты или дома большой грѣхъ.

4) Если въ очагѣ послѣ огня сядетъ продолговатый уголь, буряты говорятъ, пріѣдетъ гость. На этотъ уголь ссыпаютъ пепель; это будто бы пріѣхавшаго гостя угощаютъ, а потомъ укладываютъ спать; сверху еще посыплютъ пепломъ, это будто одѣли одѣяломъ. Если уголь сѣлъ на „хойморъ тала“*), за очагомъ, это значить будетъ гостя, уважаемая женщина или дѣвица, которую нужно угостить. Если уголь сѣлъ на „барунъ тала“**), значить гость будетъ уважаемый и почетный мужчина. Если уголь сѣлъ на „уданъ-тала“***), то гость будетъ бѣдный, который будетъ сидѣть около двери.

*) Хойморъ—мѣсто въ юртѣ между очагомъ и задней стѣной юрты.

**) Барунъ „правая“, тала—„сторона“.

***) Удэнъ „дверь“.

3) Одна женщина сидѣла и чесала волосы около очага; въ это время въ очагѣ на „хойморъ тала“ сѣлъ уголь (по бурятски сок хуга); она разсердилась на то, что прїѣдетъ гостя женщина, взяла сѣвшій уголь и бросила въ хибуръ съ водой. На другой день она узнала, что къ ней ѣхала гостить ея дочь, выданная замужъ, и на дорогѣ утонула въ рѣкѣ.

4) Унгинскіе буряты говорятъ, пепель выбрасывать изъ очага куда попало не слѣдуетъ; это грѣхъ; выброшенный пепель можетъ потоптать человѣкъ или скоть. Обыкновенно же буряты ссыпаютъ пепель кучкою на особомъ мѣстѣ, гдѣ люди не ходятъ. Другіе же ссыпаютъ пепель изъ очага во кругъ дома, чтобы злой духъ не входилъ въ домъ.

5. Также и уголь выбрасывать куда попало, топтать его и раздавливать грѣшно.

6) Иногда буряты совершаютъ обрядъ „тарим-даха“. Если въ домѣ плачетъ ребенокъ какъ-то подозрительно, тогда дѣлаютъ такъ: возьмутъ изъ очага или изъ печи раскаленный пепель, бросаютъ его въ домѣ кругомъ и кончаютъ бросать около двери; это значитъ выгоняютъ нечистаго духа, который вошелъ въ домъ. Когда бросаютъ раскаленный пепель, онъ падаетъ дождемъ изъ огненныхъ искръ, а злой духъ боится искры. Этотъ обрядъ можетъ исполнять всякій человѣкъ и даже женщина.

Медвѣдь.

1) Жилъ бѣдный посудникъ; пошелъ онъ на островъ моря вырубить обручъ для посуды; увидѣлъ на островѣ красную березу (по бурятски улан бургаханъ*), и хочетъ рубить ее. Въ это время красная береза говоритъ ему: „Не руби меня!

*) Бургасувъ, помонгольски „талъ“, „ива“. Ред.

я тебѣ дамъ все, что спросишь“! Тогда посудникъ говорить ей: „Не буду рубить. Сдѣлай меня купцомъ“. Послѣ этого посудникъ вдругъ разбогатѣлъ и сдѣлался купцомъ.

Спустя нѣкоторое время посудникъ опять приходитъ къ красной березѣ на морскомъ острову и просить сдѣлать его царемъ; она сдѣлала его царемъ.

Сдѣлавшись царемъ, посудникъ прїѣзжаетъ на островъ моря въ повозкѣ и съ войскомъ, чтобы срубить красную березу. Царь и царица сидятъ въ повозкѣ, а войско подходитъ къ березѣ и по приказанію царя хочетъ ее рубить. Красная береза говорить имъ: „Посмотрите на своего царя и на царицу“! Войско огланулось и видитъ, что царь и царица обратились въ медвѣдей и убѣжали въ лѣсъ. Войско, испугавшись, разбѣжалось. Вотъ почему буряты говорятъ, что медвѣдь прежде былъ царемъ.

Встрѣтившись съ медвѣдемъ, слѣдуетъ сказать: хан хун харгуйа ѳго, „царь-человѣкъ, дорогу свою дай“! Тогда медвѣдь своротить съ дороги.

3) Если кто убьетъ девяносто девять медвѣдей, того непременно сотый медвѣдь задавить. За сто убитыхъ медвѣдей долженъ умереть одинъ человѣкъ.

Лисица.

Буряты Молькинскаго вѣдомства черную лисицу или огневку (побурятски галта хара ѳнэгэн, въ буквальномъ переводѣ: „огненно-черная лисица“) называютъ „собакою Эрлэнъ-хана“ *). Если кто убьетъ эту лисицу, долженъ зарыть ее въ очагъ огня и держать ее спрятанной такимъ образомъ въ продолженіи трехъ лѣтъ; Эрлэнъ-ханъ будетъ три года искать

*) Эрлэнъ-ханъ, царь подземнаго царства, царь мертвыхъ.

убитую лисицу, но, спрятанную въ очагѣ, не найдетъ и прекратить поиски. Если же человѣкъ спрячетъ лисицу не въ очагѣ, а въ какое-либо другое мѣсто. Эрлэнъ-хань найдетъ свою „собаку“ лисицу и убившаго ее человѣка жестоко накажетъ.

Сурокъ.

По словамъ унгинскихъ бурятъ, если сурокъ (побурятски зумара) въ домѣ или подъ домомъ человѣка выроетъ себѣ нору, это худо; нужно скорѣе убить сурка*).

Волкъ.

1) Если во время облавы гонимый волкъ забѣжитъ кому-нибудь во дворъ или въ сарай и если тутъ убьютъ волка, это дурная примѣта; въ томъ домѣ случится несчастье или кто-нибудь въ немъ заболѣетъ; поэтому хозяева дома въ такихъ случаяхъ обыкновенно не даютъ убить волка въ своемъ дворѣ и стараются выгнать волка изъ двора, чтобы онъ былъ убитъ въ открытомъ мѣстѣ.

2) Если волки нападаютъ на людей или гонятся за людьми и хотятъ ихъ съѣсть, это значитъ будетъ война.

3) Если во время облавы убьютъ волка, то пролитую имъ кровь забрасываютъ снѣгомъ. Если же кровь останется не покрытою, то будетъ холодный вѣтеръ со снѣгомъ, такъ называемая „зада“.

4) Во время облавы на волковъ унгинскіе буряты соблюдаютъ старинный обычай: когда убьютъ волка, то шкуру съ него снимаютъ вмѣстѣ съ головой, съ дыхательнымъ горломъ,

*) Подъ суркомъ авторъ разумѣетъ, кажется, звѣрка, котораго въ другихъ мѣстахъ Россіи называютъ сусликомъ. *Ред.*

съ сердцемъ и съ легкими; такимъ образомъ вырѣзанная часть называется по бурятски хўрай, а обрядъ называется „хўралха“. Снятую въ такомъ видѣ шкуру волка съ такими придатками, сушатъ и хранятъ до окончанія облавы. Облавы на волковъ у унгинскихъ бурятъ бывають обыкновенно, когда дѣлается тепло, а прекращаються, когда растаетъ снѣгъ. Когда облавы прекратятся, голову и хўрай отрѣзываютъ отъ шкуры и бросаютъ на амбаръ или на сарай. Если голову и хўрай отдѣлятъ отъ шкуры до окончанія облавы или снимутъ шкуру безъ головы и хўрая, то убивать волковъ не удастся; волки будутъ убѣгать отъ облавщиковъ; когда облава не удачна, буряты говорятъ: ула унтара, „фартъ погасъ“.

Мышь.

1. Если мышь въ чью-нибудь одежду или въ унты, въ сапоги и т. п. натаскаетъ круглаго или печенаго хлѣба, или что-нибудь другое, это считается хорошею примѣтою; тому человѣку будетъ счастье и прибыль.

2. По повѣрью бурятъ Бильширскаго вѣдомства, если мышь въ чьей нибудь одеждѣ принесетъ дѣтенышей, это считается хорошею примѣтою.

3. Унгинскіе буряты считаютъ худою примѣтою, если мышь изгрызетъ чью нибудь одежду или часть ея.

4. Если въ концѣ лѣта или осени мыши рано приносятъ дѣтенышей и рано ихъ выводятъ, это означаетъ, что рано упадетъ снѣгъ. Если мыши поздно выводятъ дѣтей, то значитъ, снѣгъ упадетъ поздно и осень будетъ теплая и долгая.

5. Если мыши на пашняхъ и въ соломѣ гнѣзда для своихъ дѣтей устраиваютъ высоко, это означаетъ, что будетъ глубокой и большой снѣгъ; если гнѣзда устраиваютъ низко, снѣгъ будетъ малый.

6. По повѣрью бурятъ мыши кладутъ въ свое гнѣздо волшебный камень; кто его найдетъ и возьметъ, тотъ будетъ счастливъ.

7. По повѣрью молькинскихъ бурятъ есть мышь, называемая „ада-хулгана“; эта мышь черезъ извѣстное время линяетъ и дѣлается „ада“. Кто увидитъ эту мышь, долженъ убить ее.

8. По повѣрью бурятъ Боханскаго вѣдомства есть мышь, называемая хэрэсэ-хулгана, которая черезъ извѣстное время линяетъ и дѣлается „ада“.

9. По повѣрью унгинскихъ бурятъ если человѣкъ увидитъ бѣлую мышь (по бурятски саган-хулгана), онъ долженъ убить ее, снять ея шкуру, хорошенько высушить и постоянно носить при себѣ, потому что бѣлая мышь приноситъ счастье, особливо въ торговлѣ. Мясо бѣлой мыши высушиваютъ и хранятъ, потому что оно имѣетъ цѣлебное свойство отъ разныхъ болѣзней; больной человѣкъ скоро выздоравливаетъ, если поѣстъ мясо бѣлой мыши. Бѣлыхъ мышей видятъ очень счастливые люди.

10. По повѣрью бурятъ Унгинскаго вѣдомства мышь такъ называемая „атаха хулгана“ или „ѳргэнши хулгана“ выпросила у Бога разрѣшеніе кормить половину его людей; вслѣдствіе этого мышь „ѳргэнши хулгана“ все лѣто собираетъ саранку (по бурятски харана) и другіе корни и кладетъ ихъ въ особо вырытую яму, чтобы люди взяли ихъ изъ ямы и ѣли. Когда люди находятъ этотъ мышинный запасъ и берутъ, мышь радуется; а если не находятъ, то печалится и даже удавливается. Въ первомъ случаѣ мышь говоритъ, что ея черный трудъ не пропалъ, а во второмъ, плача, говоритъ: „трудъ даромъ пропалъ“. Убить мышь „атаха хулгана“ буряты считаютъ за грѣхъ.

лосеребряный дворець Ута-Саганъ-батара, который сидѣлъ на золотомъ тронѣ. Войдя во дворець, завистливый дядя Хара-Сотонъ царскимъ здоровьемъ здороваается и какъ царица кланяется своему племяннику Ута-Саганъ-батару; Ута-Саганъ-батаръ приглашаетъ его сѣсть на правой сторонѣ и спрашиваетъ: „Съ которой стороны, съ какой земли, куда ѣдешь и какъ тебя зовутъ“? Тогда завистливый дядя Хара-Сотонъ говоритъ: „Я прѣхалъ къ тебѣ прямо съ восточной стороны; я твой дядя Хара-Сотонъ: меня послалъ другой твой дядя доброжелательный Сарагаль-ноенъ, который приглашаетъ тебя въ гости къ себѣ“. Ута-Саганъ-батаръ сильно обрадовался и говоритъ: „Невиденнаго дядю увидѣлъ и незнакомаго дядю узналъ; если дяди приглашаютъ прѣхать, то мнѣ, племяннику, нечего сидѣть дома. Поѣду“! Такъ онъ говорилъ. И началъ угощать завистливаго дядю Хара-Сотона. Урма-Гохонъ-хатанъ поставила золотой столъ, положила на него вкусную пищу и поить гостя крѣпкимъ виномъ. Такъ племянникъ съ дядею гуляли. Послѣ гулянья Ута-Саганъ-батаръ крикнулъ своего бѣлоротаго быстрого бѣлаго коня; услыхавъ голосъ своего хозяина, конь прѣбѣжалъ съ южной стороны Хѳхѳа и съ сѣверной стороны Алтая. Бѣлоротый быстрый бѣлый конь прѣбѣжалъ и остановился у серебряной коновязи и заржалъ звонкимъ голосомъ, говоря: „Хозяинъ абай, выходи“! Тогда Ута-Саганъ-батаръ выходитъ на улицу, серебряною уздою взнуздываетъ коня, серебрянымъ сѣдломъ сѣдлаетъ его и красивымъ красношелковымъ поводомъ привязываетъ къ серебряной коновязи; самъ входитъ во дворець, одѣвается въ шелковую одежду, сверху надѣваетъ черный желѣзный доспѣхъ. Послѣ этого они ѣдятъ вкусную пищу и пьютъ крѣпкое вино. Потомъ племянникъ Ута-Саганъ-батаръ съ завистливымъ дядей Хара-Сотономъ выходятъ на улицу, садятся на своихъ коней и ѣдутъ прямо на восточную сторону.

Ута-Сагань-батарь на своемъ бѣлоротомъ быстромъ бѣломъ конѣ поѣхалъ рысю, а завистливый дядя Хара-Сотонь на своемъ желтогнѣдомъ жеребчикѣ поѣхалъ во весь махъ и не можетъ догнать. Бѣлоротый быстрый бѣлый конь бѣжитъ рысю, а изъ его носа выходитъ дымъ; между ушами его козель и барань, бодаясь, играютъ; на шеѣ хорекъ и горностаи, бѣги бѣгая, играють; на шеѣ передъ сѣдломъ разведенъ костерь; на костреѣ повѣшенъ котелокъ, въ котелкѣ кипитъ вода; на крестцѣ растетъ большой кедръ, на кедрѣ гнѣздятся семьдесятъ разныхъ птицъ; птицы поютъ и играютъ; на хвостѣ левъ и медвѣдь борются, играютъ; съ колѣнъ заднихъ ногъ огненная лава течетъ и съ колѣнъ переднихъ ногъ ключи текутъ, въ которыхъ рыбы харкузы играютъ. Ута-Сагань-батарь, сидя на конѣ, удитъ жирныхъ харкузей; варитъ въ котлѣ и ѣсть. Сзади ѣдущій завистливый дядя Хара-Сотонь, видя все это, думаетъ: „Если у человѣка родится сынъ, то такому молодцу родиться хорошо; если у кобылы родится жеребенокъ, то такому коню родиться хорошо“. Онъ никакъ не могъ догнать племянника и отсталъ далеко. Ута-Сагань-батарь, такъ рыся, поѣхалъ далѣе. Пока завистливый дядя Хара-Сотонь не проѣхалъ половину пути, Ута-Сагань-батарь уже пріѣхалъ къ бѣлосеребряному дворцу доброжелательнаго дяди Сарагаль-ноена; пріѣхавши, остановился у серебряной коновязи, привязалъ къ ней своего коня красивымъ красно-шелковымъ поводомъ, а самъ входитъ во дворецъ, здороваётся царскимъ привѣтствіемъ *) и кланяется, какъ царица, потомъ садится на правую сторону. Тогда доброжелательный дядя Сарагаль-ноень, сидя, не помнитъ, что сидѣлъ, вставая не помнитъ, что онъ всталъ. Въ это время у доброжелательнаго дяди Сарагаль-ноена сѣренное

*) Въ подлинникѣ „здороньемъ“. *Ред.*

сердце бьется и коротенькое ребро гнется отъ боязни. Доброжелательный дядя Сарагаль-ноенъ подаетъ своему племяннику побѣлится *), а потомъ говорить: „Путнику, проѣхавшему дальній путь, хочется пить“! Съ этими словами онъ подаетъ своему племяннику въ чашкѣ приготовленную отраву вмѣсто питья. Ута-Саганъ-батаръ, взявши эту отраву, узнаетъ, что его хотятъ отравить. Онъ эту отраву льетъ на черный камень, камень раскололся на двѣ части; льетъ на рыжій камень, камень раздробился на мелкіе куски. Тогда Ута-Саганъ-батаръ сильно разсердился и эту отраву выбросилъ на улицу, схватилъ доброжелательнаго Сарагаль-ноена за сѣдые волосы и началъ бить. Доброжелательный Сарагаль-ноенъ, рыдая, плачетъ, какъ козель и какъ козуленокъ. Въ это время говоритъ: „Ай, собака, что дѣлаешь! думаешь ли, единственнаго на землѣ племянника отравлю отравою? Я хотѣлъ испробовать тебя! Прямо съ сѣверной стороны, съ дальней, дальней мѣстности пятнадцати-головый мангатхай Ашурашара съ недавняго времени началъ угонять моего скота; я хотѣлъ тебя послать туда; если узнаешь, что въ чашкѣ отравы, то можешь ѣхать; если не узнаешь, то не можешь. Я не далъ бы пить отраву, а сказалъ бы, я пригласилъ тебя, чтобы послать къ пятнадцатиголовому мангатхаю Ашурашара“. Такъ говорилъ доброжелательный дядя Сарагаль-ноенъ своему племяннику Ута-Саганъ-батару, и тотъ пересталъ тогда бить своего дядю.

Послѣ этого Ута-Саганъ-батаръ соглашается ѣхать и говорить: „Если доброжелательный дядя Сарагаль-ноенъ посылаетъ меня къ пятнадцатиголовому мангатхаю Ашурашара, то мнѣ, племяннику нечего сидѣть, потому что я не пріѣхалъ со свадьбою спокойно гулять и не пріѣхалъ на ве-

*) Т. е. угощаетъ чаемъ съ молокомъ.

черку весело гулять"! Съ этими словами онъ выходитъ изъ дворца, садится на своего бѣлоротаго быстрого бѣлаго бѣгунца и ѣдетъ прямо на сѣверную сторону, гдѣ живетъ пятнадцатиголовый мангатхай Ашура-шара. Ута-Саганъ-батаръ ѣхаль и ѣхаль, и пріѣхаль къ одному непроходимому болоту, на которомъ росла такая густая чаща, что тоненькая змѣя не могла вползти въ нее. Ута-Саганъ-батаръ никакъ не можетъ проѣхать. Онъ и назадъ и впередъ ѣхаль и ѣхаль, не можетъ найти дорогу и наконецъ спрашиваетъ своего коня: какъ проѣхать это болото? Тогда бѣлоротый быстрый бѣлый конь говоритъ: „Проѣхать это болото никакъ нельзя. Ты ищи въ моихъ гривахъ одинъ волосъ золотисто желтаго цвѣта и этимъ волосомъ три раза махни на это болото; тогда сдѣлается дорога“. Ута-Саганъ-батаръ едва, едва нашель въ гривѣ своего коня одинъ волосъ золотисто-желтаго цвѣта; этимъ волосомъ три раза махнулъ надъ этимъ болотомъ, тогда вдругъ черезъ это болото сдѣлалась торная дорога, по которой онъ проѣхаль рысью. Ута-Саганъ-батаръ ѣдетъ далѣе и пріѣхаль къ одной очень крутой и высокой горѣ, на которую никакъ не можетъ взѣхать. Онъ искалъ тропинки, но не нашель; рысить туда и сюда, нигдѣ нѣтъ проѣзда. Онъ спрашиваетъ своего коня: какъ проѣдемъ эту гору? Тогда бѣлоротый быстрый бѣлый конь говоритъ: „Возвратись назадъ на однодневное разстояніе, я съ-бѣга вскачу на эту высокую гору, а ты только знай удержаться на мнѣ"! Ута-Саганъ-батаръ возвратился на однодневное разстояніе, бѣлоротый быстрый бѣлый конь побѣжалъ и со всего размаха вскочилъ на самую вершину горы и говоритъ своему хозяину: „Поѣздка наша будетъ благополучной; побѣдимъ пятнадцатиголоваго мангатхая Ашура-Шара"! Послѣ этого Ута-Саганъ-батаръ спустился съ этой горы на ту сторону, поѣхаль далѣе и пріѣхаль къ желтому морю, на берегу ко-

торого стоит высокое дерево. На этомъ деревѣ сидятъ девять сыновей птицы Хань-Хэрэгдэ-шубунъ; нѣкоторые изъ нихъ играютъ, одинъ поетъ пѣсню, другой говоритъ сказку, третій плачетъ. Ута-Саганъ-батаръ подъѣзжаетъ къ девяти сыновьямъ птицы Хань-Хэрэгдэ-шубунъ и спрашиваетъ ихъ: отчего они такъ сидятъ, одинъ плачетъ, другой говоритъ сказку, третій поетъ пѣсню и другіе играютъ? Тогда девять сыновей Хань-Хэрэгдэ-шубуна говорятъ ему: „Скоро изъ желтаго моря выйдетъ большой змѣй; на передней сторонѣ онъ имѣетъ золотую звѣзду. Этотъ большой змѣй сегодня съѣстъ того, который плачетъ, а того, который говоритъ сказку, съѣстъ завтра, а того, который поетъ пѣсню, послѣ-завтра, а тѣхъ изъ насъ, которые играютъ, съѣстъ послѣ, по одному каждый день. Когда эта змѣя выходитъ изъ желтаго моря, то высунетъ изъ воды одну голову и, разинувъ пасть, скажетъ: входи въ пасть! тогда тотъ, который плачетъ, входитъ въ пасть изъ боязни; большой змѣй, проглотивъ его, уходитъ въ море обратно“. Тогда Ута-Саганъ-батаръ говоритъ имъ: „Нельзя ли змѣю убить“? Девять сыновей птицы Хань-Хэрэгдэ-шубуна говорятъ ему: „Побѣдить ее очень трудно! Она непобѣдима, потому что очень ядовита. Если ты убьешь ее, то самъ умрешь отъ яда, потому что тогда сдѣлается желтый ядовитый туманъ“. Тогда Ута-Саганъ-батаръ говоритъ: „Можно попробовать. Кость хорошаго коня на задней сторонѣ, а кость хорошаго молодца на передней сторонѣ!“ Послѣ того Ута-Саганъ-батаръ выкопалъ подъ деревомъ глубокую яму и спрятался въ нее съ конемъ; потомъ говоритъ девяти сыновьямъ птицы Хань-Хэрэгдэ-шубуна: „Когда большой змѣй высунетъ изъ воды голову и скажетъ: входи въ пасть! тогда отвѣчайте: если хочешь съѣсть, то приди и съѣшь!“ Ута-Саганъ-батаръ, спрятавшись въ ямѣ, лежитъ, ожидая, когда выйдетъ изъ воды большой змѣй.

Черезъ нѣкоторое время желтое море начинаетъ колыхаться, а потомъ кипѣть; изъ воды высунулась голова большого змѣя, который, разинувъ пасть, говоритъ: входи въ мою пасть! Тогда девять сыновей Хань-Хэрэгдэ-шубуна говорятъ ему: „Если хочешь съѣсть, то приходи, ѣшь!“ Большой змѣй говоритъ: „Если не хочешь входить въ мою пасть, то я васъ всѣхъ сразу проглочу!“ Такъ говоря, этотъ большой змѣй выползаетъ изъ воды; на передней сторонѣ его видна золотая звѣзда. Лежащій въ ямѣ Ута-Сагань-батаръ беретъ лукъ и стрѣлу, прикладываетъ стрѣлу къ тетивѣ лука и натягиваетъ; въ это время говоритъ: „Если я присужденъ умереть, то иди безъ вѣсти, а если присужденъ побѣдить, то попади въ золотую звѣзду на передней сторонѣ змѣя и сквозь вылети!“ Такъ сказавъ, выстрѣлилъ. Стрѣла попала въ золотую звѣзду на передней сторонѣ змѣя; большой змѣй упалъ мертвый. Въ это время сдѣлался желтый ядовитый туманъ. Тогда девять сыновей птицы Хань-Хэрэгдэ-шубуна соскочили съ дерева внизъ въ яму и накрыли Ута-Сагань-батара вмѣстѣ съ конемъ, чтобъ они отъ этого желтаго ядовитаго тумана не умерли. Когда желтый ядовитый туманъ разсѣялся, девять сыновей Хань-Хэрэгдэ-шубуна выпустили Ута-Сагань-батара изъ ямы и съ конемъ, и сказали ему: „Ты избавилъ насъ отъ непобѣдимаго врага и спасъ намъ жизнь! Теперь подожди нашихъ родителей, которые скоро прилетятъ“. Ута-Сагань-батаръ говоритъ: „Я ѣду въ дальній путь; мнѣ нѣкогда ждать. Вы, сидящіе люди, будьте счастливы, сидя, а я, ѣдущій человекъ, да буду счастливъ, ѣдя“. Тогда девять сыновей птицы Хань-Хэрэгдэ-шубунъ желаютъ ему добра и говорятъ: „Побѣждай своихъ враговъ въ ѣздѣ и годового жеребенка коня въ ѣздѣ! Счастливо возвращайся обратно!“

Ута-Сагань-батаръ поѣхалъ далѣе. Ѣдетъ впередъ; видитъ, высоко сверху пролетѣли двѣ птицы Хань-Хэрэгдэ-шубунъ

по направленію къ желтому морю. Ута-Саганъ-батаръ поѣхалъ далѣе. Высоко летѣвшія двѣ птицы Ханъ-Хэрэгдэ-шубунъ прилетѣли къ желтому морю къ своимъ сыновьямъ, нашли ихъ всехъ живыми и играющими; тогда птицы Ханъ-Хэрэгдэ-шубунъ спрашиваютъ своихъ сыновей: „Какъ одного изъ васъ не съѣла большая змѣя, живущая въ желтомъ морѣ“? Девять сыновей говорятъ: „Большого желтаго змѣя убилъ нѣкто Ута-Саганъ-батаръ, который прятался въ этой ямѣ“. Тогда двѣ птицы Ханъ-Хэрэгдэ-шубунъ сильно обрадовались, что ихъ непобѣдимый врагъ побѣдедекъ. Они спрашиваютъ своихъ девять сыновей, куда уѣхалъ Ута-Саганъ-батаръ; девять сыновей показали, куда онъ уѣхалъ. Тогда двѣ птицы Ханъ-Хэрэгдэ-шубуны полетѣли догонять Ута-Саганъ-батара и догнали его; догнавши, говорятъ ему: „Ты побѣдилъ непобѣдимаго врага нашего и спасъ жизнь девяти сыновей нашихъ. Мы каждый годъ приносимъ девять яицъ, изъ которыхъ выходитъ девять сыновей, но ихъ каждый годъ съѣдалъ этотъ большой змѣй; гдѣ бы мы ни прятали своихъ сыновей, онъ вездѣ ихъ находитъ и съѣдаетъ. Мы никакъ не могли побѣдить его, а ты побѣдилъ нашего врага“. Потомъ двѣ птицы Ханъ-Хэрэгдэ-шубуны даютъ Ута-Саганъ-батару золотой и серебряный кнуты и говорятъ: „Возьми этотъ золотой кнутъ; когда тебѣ захочется ѣсть и пить, то махни этимъ золотымъ кнутомъ, тогда у тебя будетъ всякая пища и всякіе напитки; ты ѣшь и пей. Возьми также этотъ серебряный кнутъ; когда захочешь кого-нибудь поймать, махни имъ и скажи: поймай и вяжи! тогда тотъ будетъ пойманъ и привязанъ“. Ута-Саганъ-батаръ взялъ отъ птицъ Ханъ-Хэрэгдэ-шубунъ золотой и серебряный кнуты и поѣхалъ далѣе. Двѣ птицы Ханъ-Хэрэгдэ-шубуны пожелали Ута-Саганъ-батару, чтобы онъ во время ѣзды побѣждалъ своихъ враговъ и колотъ годовалаго жеребенка. По-

томъ онѣ прилетѣли обратно къ желтому морю, къ своимъ девяти сыновьямъ.

Ута-Саганъ-батаръ ѣхалъ и ѣхалъ далѣе и пріѣхалъ къ пятнадцатиголовому мангатхаю Ашура-Шара, который живетъ въ черномъ желѣзномъ домѣ. Онъ остановился около желѣзнаго дома и кричить: „Выходи пятнадцатиголовый мангатхай Ашура-Шара!“ Тогда пятнадцатиголовый мангатхай Ашура-Шара выходитъ изъ дома и говоритъ: „Изъ какой пади, изъ какой земли пріѣхалъ, молодецъ, и куда ѣдешь?“ Ута-Саганъ-батаръ говоритъ: „Прямо изъ западной стороны, изъ далеко-дальней мѣстности. Меня зовутъ Ута-Саганъ-батаръ и я пріѣхалъ воевать съ пятнадцатиголовымъ мангатхаемъ Ашура-Шара“. Тогда пятнадцатиголовый мангатхай Ашура-Шара говоритъ, стоя: „Молодецъ, молодецъ! мясо твое мягко и кости твои еще хрящи! поѣзжай обратно домой!“ Ута-Саганъ-батаръ говоритъ: „Мужчина-человѣкъ отъ своего желанія не отказывается; волкъ и собака, укусивши, не отпускаютъ и пробуютъ силы“. Тогда пятнадцатиголовый мангатхай Ашура-Шара соглашается пробовать силы. Ута-Саганъ-батаръ слѣзаетъ съ своего коня, красивые красношелковые поводья бросаетъ на сѣдло. Двѣ красивыя полы концами затыкаетъ за поясъ и два красивыя рукава засучилъ по локоть. Потомъ съ пятнадцатиголовымъ мангатхаемъ Ашура-Шара борется. Они боролись въ продолженіе трехъ сутокъ, не могутъ другъ друга поборотъ. Тогда они остановились; пятнадцатиголовый мангатхай Ашура-Шара говоритъ: „Мы будемъ бѣгать въ бѣгъ; кто первый выѣдетъ на масляный бугоръ, тотъ побѣдитъ, а кто отстанетъ, тотъ выѣдетъ на кровяной бугоръ и будетъ побѣжденъ“. Такъ они условились. Пятнадцатиголовый мангатхай Ашура-Шара ловитъ своего бѣлокраснаго порося, садится на него и ѣдетъ съ Ута-Саганъ-батаромъ. Они стали бѣги бѣгать. Ута-Саганъ-батаръ бѣ-

жить впереди и показывает свои волшебныя силы—изъ ноздрей бѣлоротаго быстрого бѣлаго коня дымъ валить, между ушами козелъ и баранъ, боаясь, играютъ... (и такъ далѣе, какъ ранѣе было описано). Пятнадцатиголовый мангатхай Ашура-Шара, увидя это, также дѣлаетъ волшебства; желѣзныя бочки катятся впереди и позади бѣлокраснаго пороза. Ута-Саганъ-батаръ первый прискакалъ на масляный бугоръ, а пятнадцатиголовый мангатхай Ашура-Шара отсталъ и вышелъ на кровавый бугоръ. Стоя каждый на своемъ бугрѣ, они условились стрѣлять другъ въ друга; первому стрѣлять приходилось Ута-Саганъ-батару. Онъ беретъ свой лукъ, кладетъ стрѣлу на тетиву лука, натягиваетъ лукъ и говоритъ стрѣлѣ: „Если мнѣ суждено умереть, то иди безъ вѣсти, а если мнѣ суждено побѣдить, то попади пятнадцатиголовому мангатхаю Ашура-Шара въ широкую грудь и вылети насквозь“! Такъ наказывая стрѣлѣ, онъ выстрѣлилъ. Стрѣла, выходя изъ рукъ, визжитъ, выходя изъ лука гудить. Такъ летя, прилетѣла стрѣла, попала въ грудь пятнадцатиголовому мангатхаю Ашура-Шара и вылетѣла насквозь. Тогда пятнадцатиголовый мангатхай Ашура-Шара, растянувшись, упалъ на спину; голова его лежала на подошвѣ одной горы, а ноги на подошвѣ другой. Потомъ онъ встаетъ съ помощью своихъ волшебныхъ силъ, смѣется и говоритъ: „Думаешь, у человѣка-мужчины нѣтъ столько волшебной силы? Теперь очередь моя“! Послѣ этого пятнадцатиголовый мангатхай Ашура-Шара беретъ свой топоръ, вѣсомъ въ восемьдесятъ пудовъ, и говоритъ этому топору: „Если мнѣ суждено умереть, то иди безъ вѣсти, а если суждено побѣдить, то отсѣки Ута-Саганъ-батару голову“! Такъ сказавъ, онъ бросилъ свой топоръ; выйдя изъ рукъ, топоръ сильно крутится и, гудя, летитъ къ Ута-Саганъ-батару. Ута-Саганъ-батаръ держалъ въ это время передъ собою черный камень

величиною съ быка; топоръ прилетѣлъ и разсѣкъ черный камень величиною съ быка на двѣ части. Ута-Саганъ-батаръ поймалъ топоръ за топорѣще, ударилъ имъ въ сѣдло и стоитъ. За топоромъ на бѣлокрасномъ порозѣ скачетъ пятнадцатиголовый мангатхай Ашура-Шара. Когда онъ подѣхалъ, Ута-Саганъ-батаръ говоритъ ему: „Бросая топоръ, не могъ попасть въ человѣка, а попалъ въ сѣдло!“ Тогда пятнадцатиголовый мангатхай Ашура-Шара говоритъ: „Имѣющими острія мы не можемъ побѣдить другъ друга. Теперь будемъ воевать силою плеча!“ Тогда Ута-Саганъ-батаръ слѣзъ съ своего коня, красивый красношелковый поводъ бросилъ на сѣдло; концы обѣихъ красивыхъ полъ заткнулъ за поясъ, два красивыхъ рукава засучилъ по локоть. Пятнадцатиголовый мангатхай Ашура-Шара тоже слѣзъ съ своего пороза и поводъ бросилъ на спину его, концы полъ заткнулъ за поясъ и оба рукава засучилъ по локоть. Потомъ оба они начали воевать силою плеча т. е. бороться. Они упираются впередъ и дѣлаютъ красную гору; упираются назадъ и дѣлаютъ сѣрую гору. Тонко-красная пыль по низменности разстилается; на землѣ сдѣлалось пыльно и туманно. Они воевали такъ въ продолженіе трехъ сутокъ и не могли побѣдить другъ друга; потому воевали еще въ продолженіи девяти сутокъ, не могли побѣдить другъ друга; потому продолжали воевать въ теченіе трехъ мѣсяцевъ; тоже не могли побѣдить другъ друга; потому продолжали воевать девять мѣсяцевъ, и наконецъ они воюютъ въ теченіе трехъ годовъ, никакъ не могутъ побѣдить другъ друга. Въ это время они воевали, если коню бросить—дѣйствительно равно воевали, если бросить верблюду, то равнымъ равно воевали. Къ концу третьяго года они перестали воевать и говорятъ другъ другу: „Силами плеча мы не можемъ побѣдить другъ друга, а потому нужно искать другъ у друга душу. Кто впередъ

чью душу убьетъ, тотъ умретъ". Послѣ этого пятнадцатиголовый мангатхай Ашура-Шара подаетъ Ута-Саганъ-батару свою книгу Творца „шара-хударъ“; тотъ беретъ и даетъ свою книгу Творца „шара хударъ“ пятнадцатиголовому мангатхаю Ашура-Шара; и этотъ беретъ поданную ему книгу. Ута-Саганъ-батаръ прочиталъ въ творческой книгѣ „шара хударъ“ пятнадцатиголоваго мангатхая Ашура-Шара, что у мангатхая Ашура-Шара три души. Одна его душа находится прямо на восточной сторонѣ на желтой степи; это золотогрудая сорока, которая на разстояніи сорокадневнаго пространства проглатываетъ всѣхъ; вторая его душа находится прямо на югозападной сторонѣ; тамъ на сѣренкомъ бугрѣ болдоктынъ стоитъ небольшой храмъ, въ немъ сидятъ тринадцать птицъ бѣдѣнъ *); а третья душа его находится на сѣверной сторонѣ; на днѣ желтаго озера лежитъ, какъ жиръ, бѣлый камень; въ этомъ камнѣ сидитъ серебряный заяцъ. Пятнадцатиголовый мангатахай Ашура-Шара, взявши творцову книгу (шара худар) Ута-Саганъ-батара, читаетъ въ ней, что Ута-Саганъ-батаръ имѣетъ три души; онѣ находятся прямо на западной сторонѣ; далеко въ дальнемъ мѣстѣ стоитъ бѣлосеребряный храмъ, въ сѣверо-восточномъ углу его находится глубокая яма хуръ-тама глубиною 80 сажень; на днѣ этой хуръ-тама стоитъ озеро живой воды, которая гладко чернѣется; въ этомъ озерѣ живой воды играютъ три большихъ тальменя. Въ югозападномъ углу храма стоитъ бѣлокостяной столъ; на немъ лежитъ бѣлокостяная собака, которая днемъ три раза лаетъ и ночью три раза лаетъ. Въ югозападномъ углу бѣлосеребряный зайчикъ день и ночь играетъ, все узнавая. Когда они прочитали и узнали, гдѣ находятся ихъ души, они пе-

*) Бѣдѣнъ — перелетъ.

редали другъ другу свои творческія книги. Послѣ этого пятнадцатиголовый мангатхай Ашура-Шара съ Ута-Саганъ-батаромъ пріѣхаль домой; когда они вошли въ домъ, увидѣли, тамъ стоитъ необыкновенно красивая дѣвица, отъ правой щеки свѣтилась правая стѣна, отъ лѣвой щеки свѣтилась лѣвая стѣна. Эта красивая дѣвица была дочь пятнадцатиголоваго мангатхая Ашура-Шара. Она тихо, плавно ходила—выростала тонкая трава, тихо нагибаясь ходила—овцы и ягнята кричали. Такъ ходя, она поставила передъ Ута-Саганъ-батаромъ золотой столъ, на столъ поставила вкусныя кушанья; поставила серебряный столъ, на немъ поставила дѣйствительно вкусныя кушанья. Ута-Саганъ-батаръ ѣлъ ихъ; онъ глоталъ ихъ, какъ волкъ и какъ птица, клевалъ; наѣлся досыта и сидитъ. Стало поздно и онъ остался ночевать у пятнадцатиголоваго мангатхая Ашура-Шара.

Ута-Саганъ-батаръ влюбился въ необыкновенно красивую дочь пятнадцати головаго мангатхая Ашура-Шара, а потому провелъ здѣсь нѣсколько дней. Однажды она говоритъ: „Ты съ моимъ отцомъ воевалъ. Вы не могли побѣдить другъ друга, а потому рѣшили искать другъ у друга души, чтобы убить душу, умертвить противника. Но тебѣ очень трудно будетъ подѣлжаться къ золотогрудой сорокѣ, которая съ сорокадневнаго разстоянія все проглатываетъ. Какъ ты подойдешь? Я дамъ тебѣ золотое кольцо, которое ты покажешь золотогрудой сорокѣ, тогда она тебя не проглотитъ“. Ута-Саганъ-батаръ выходитъ на улицу и спрашиваетъ своего коня: „Необыкновенно красивая дочь пятнадцатиголоваго мангатхая Ашура-Шара даетъ мнѣ золотое кольцо; если его показать золотогрудой сорокѣ, то она не будетъ насъ проглатывать. Братъ ли это золотое кольцо или нѣтъ? Тогда бѣлоротый бѣлый быстрый конь говоритъ своему хозяину: „Не бери это золотое кольцо. Она обманываетъ тебя. Надѣйся на меня“.

Послѣ этого Ута-Саганъ-батаръ поѣхалъ въ восточную сторону къ золотогрудой сорокѣ. Онъ ѣхалъ и ѣхалъ и наконецъ пріѣхалъ къ золотогрудой сорокѣ, которая дѣйствительно съ сорокадневнаго расстоянія всѣхъ проглатываетъ. Бѣлоротый быстрый бѣлый конь заднимъ проходомъ *) начинаетъ играть и пѣть, восхваляя золотогрудую сороку, а та слушая игру и пѣсни, перестала проглатывать съ сорокадневнаго расстоянія. Тогда бѣлоротый быстрый бѣлый конь начинаетъ ходить вокругъ золотогрудой сороки; каждый разъ подходитъ все ближе и ближе и все продолжаетъ играть и пѣть, восхваляя золотогрудую сороку такими словами: „Какая большая и красивая птица! такая красивая птица гдѣ ходила? я прежде не видалъ ее!“ Золотогрудая сорока, слушая, начала дремать. Бѣлоротый быстрый бѣлый бѣгунецъ началъ играть и пѣть пуше прежняго; тогда золотогрудая сорока заснула. Въ это время Ута-Саганъ-батаръ побѣжалъ на конѣ къ золотогрудой сорокѣ, отрубилъ ей голову, а тѣло разрубилъ на двѣ части. Тогда изнутри золотогрудой сороки вышло множество людей, разнаго скота, звѣрей и птицъ; всѣ они вышли съ крикомъ, шумомъ, благословляя Ута-Саганъ-батара и говоря: „На будущее время всегда побѣждай своихъ враговъ и коли годовалыхъ жеребятъ и насъ, простыхъ людей, спасай!“ Всѣ люди, вышедшіе изъ золотогрудой сороки, разѣхались въ разныя стороны, говоря: „Я такого-то царя подданный!“ „Я этого царя подданный!“ Разныя звѣри разбѣжались по лѣсамъ, а скотъ разбрелся по степямъ; птицы полетѣли въ разныя стороны. Ута-Саганъ-батаръ разрубленную золотогрудую сороку сожегъ на кострѣ, оставшійся пепель березовою лопатою разбросалъ на сѣверную сторону, осиновою лопатою разбросалъ на южную сторону.

*) Anus.

Послѣ этого Ута-Саганъ-батаръ поѣхалъ на южную сторону за тринадцатую птицами бѣдѣю. Онъ ѣхалъ и ѣхалъ и пріѣхалъ на сѣренъій бугоръ болдокто къ храму, въ которомъ живутъ тринадцать птицъ бѣдѣю, но онѣ изъ храма вылетѣли. Тогда Ута-Саганъ-батаръ съ помощью своихъ волшебныхъ силъ сдѣлалъ такъ, что пошелъ сильный дождь; потомъ градъ и наконецъ снѣгъ; послѣ этого сдѣлалъ такой сильный морозъ, что рога быка лопались отъ холода, а на ладони своей сдѣлалъ солнышко, которое свѣтитъ и распространяетъ лучи, Немного погода всѣ тринадцать птичекъ бѣдѣю прилетѣли сверху, спустились внизъ и сѣли на ладонь Ута-Саганъ-батара, чтобы согрѣться около солнышка; сѣли и дрожать отъ холода. Въ это время Ута-Саганъ-батаръ поймалъ всѣхъ тринадцать птичекъ бѣдѣю; десять изъ нихъ раздавилъ, а три оставилъ и положилъ въ карманъ. Послѣ этого Ута-Саганъ-батаръ поѣхалъ на сѣверную сторону къ желтому озеру. Онъ ѣхалъ и ѣхалъ и пріѣхалъ къ желтому озеру, но никакъ не можетъ достать изъ него какъ жиръ, бѣлый камень. Съ помощью своихъ волшебныхъ силъ онъ сдѣлалъ такой сильный жаръ, что конское кало начало кипѣть и вода въ желтомъ озерѣ тоже начала кипѣть. Въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ вода желтаго озера вся выкипѣла и дно озера высохло; тогда онъ разыскалъ, какъ жиръ, бѣлый камень. Никакъ не можетъ разбить этотъ камень; всѣ свои орудія сломалъ объ него. Тогда Ута-Саганъ-батаръ спрашиваетъ у своего коня, какъ разбить этотъ, какъ жиръ, бѣлый камень. Бѣлоротый быстрый бѣлый конь говоритъ: „Этотъ камень никакъ не разобьешь! А нужно его положить на семь дней въ вонючее черное озеро. Я буду день и ночь караулить этотъ камень“. Тогда Ута-Саганъ-батаръ увезъ этотъ камень къ вонючему черному озеру и положилъ его въ озеро на семь дней, а конь его день и ночь караулилъ.

По прошествіи семи дней Ута-Саганъ-батаръ досталъ этотъ камень изъ вонючаго чернаго озера, едва, едва раздавилъ его и вынулъ серебрянаго зайца. Приѣзжаетъ Ута-Саганъ-батаръ къ пятнадцатиголовому мангатхаю Ашура-Шара и кричитъ: „Выходи поскорѣе на улицу“! Пятнадцатиголовый мангатхай Ашура-Шара выходитъ на улицу съ повязанною головой и говоритъ, что у него заболѣла голова, никакъ не могъ ѣхать. Ута-Саганъ-батаръ показываетъ пятнадцатиголовому мангатхаю Ашура-Шара его души, трехъ птичекъ бѣдѣнѣ и серебрянаго зайчика. Пятнадцатиголовый мангатхай Ашура-Шара проситъ Ута-Саганъ-батара не убивать его. Тогда выходитъ необыкновенно красивая дочь пятнадцатиголоваго мангатхая Ашура-Шара и говоритъ: „Не убивай моего отца, если любишь меня“. Тогда Ута-Саганъ-батаръ три птички бѣдѣнѣ отдаетъ пятнадцатиголовому мангатхаю Ашура-Шара, а серебрянаго зайца раздавилъ. Тогда пятнадцатиголовый мангатхай Ашура-Шара сдѣлался безъ волшебныхъ силъ, сталъ безсильнымъ, какъ простой человѣкъ. Ута-Саганъ-батаръ слѣзъ съ коня и отпустилъ его, а самъ пошелъ въ домъ. Онъ прожилъ тутъ нѣсколько дней, по прошествіи которыхъ пятнадцатиголовый мангатхай Ашура-Шара говоритъ ему; „Ты поѣзжай къ птицѣ Ханъ-Хэрэгдэ-шубунъ, вырви одно перо изъ ея праваго крыла и привези мнѣ. Мои глаза стали очень слабы. Хочу писать перомъ птицы Ханъ-Хэрэгдэ-шубунъ“. Ута-Саганъ-батаръ поймалъ коня, осѣдлалъ его и поѣхалъ къ Ханъ-Хэрэгдэ-шубуну, приѣхалъ и говоритъ: „Я приѣхалъ за перомъ изъ твоего праваго крыла; я хочу его увезти для пятнадцатиголоваго мангатхая Ашура-Шара; онъ имъ хочетъ писать, такъ какъ его глаза стали слабы“. Птица Ханъ-Хэрэгдэ-шубунъ говоритъ: „Пятнадцатиголовый мангатхай Ашура-Шара нарочно послалъ тебя ко мнѣ, чтобы я тебя съѣлъ. Другого я и съѣлъ бы,

а тебя нельзя, потому что ты побѣдилъ моего непобѣдимаго врага желтаго змѣя Абарга“. Съ этими словами птица Хань-Хэрэгдэ-шубунъ вырываетъ одно перо изъ своего праваго крыла, отдаетъ Ута-Саганъ-батару и говоритъ: „Ты это перо держи на чистомъ мѣстѣ“. Ута-Саганъ-батаръ, получивъ перо, пріѣхалъ къ пятнадцатиголовому мангатхаю Ашүра-Шара и подаетъ перо Хань-Хэрэгдэ-шубуна. Мангатхай сильно испугался и говоритъ: „Унеси ты его и брось; теперь мнѣ не нужно“. Ута-Саганъ-батаръ отвезъ это перо обратно къ птицѣ Хань-Хэрэгдэ-шубуну; та взяла перо, вставила въ старое мѣсто и говоритъ Ута-Саганъ-батару: „Ты скорѣе уѣзжай домой! Они тебя убьютъ обманомъ“. Ута-Саганъ-батаръ опять пріѣхалъ къ пятнадцатиголовому мангатхаю Ашүра-Шара и живеть у него.

Нѣсколько времени спустя пятнадцатиголовый мангатхай Ашүра-Шара говоритъ ему; „Поѣзжай отсюда къ востоку. Тамъ въ тайгѣ ходитъ большой левъ; поймай его и приведи ко мнѣ! Я буду держать его вмѣсто собаки“. Ута-Саганъ-батаръ поѣхалъ на восточную сторону въ тайгу, гдѣ издалека увидѣлъ большого страшно сильнаго льва. Бѣлоротый быстрый бѣлый конь говоритъ своему хозяину: „Ты не поймаешь этого большого льва; онъ очень сильный, съѣстъ тебя. Если нужно поймать, то это мы можемъ сдѣлать только обманомъ. Иначе онъ насъ обоихъ съѣстъ“. Сказавъ это, бѣлоротый быстрый бѣлый конь начинаетъ заднимъ проходомъ играть и пѣть, расхваливая этого льва, а левъ слушаетъ эту игру и пѣсню. Бѣлоротый быстрый бѣлый конь играетъ и поетъ пуще прежняго, ходитъ вокругъ льва, каждый разъ все ближе и ближе подѣзжаетъ. Этотъ большой левъ, слушая игру и пѣсню, начинаетъ дремать; тогда бѣлоротый быстрый бѣлый конь еще пуще прежняго начинаетъ играть и пѣть; большой левъ, слушая эту игру и пѣсню, заснулъ. Въ

это время Ута-Сагань-батаръ осторожно подходитъ къ спящему льву, надѣваетъ на его ноги желѣзную цѣпь, на шею тоже надѣваетъ желѣзную цѣпь и пасть этого льва замыкаетъ большимъ желѣзнымъ замкомъ. Потомъ онъ разбудилъ этого льва и повелъ за конемъ. Когда онъ пріѣхалъ къ пятнадцатиголовому мангатхаю Ашура-Шара, то льва привязалъ къ коновязи, а самъ вошелъ въ домъ и говоритъ: „Возьми большого льва, котораго я привелъ“! Пятнадцатиголовый мангатхай Ашура-Шара выходитъ на улицу; увидѣвъ привязаннаго большого льва, онъ сильно испугался и чуть, чуть не упалъ, а, входя обратно въ домъ, говоритъ Ута-Сагань-батару: „Уведи этого льва и отпусти въ тайгѣ. Я тебѣ не этого льва велѣлъ привести, а другого“. Ута-Сагань-батаръ побоялся увести льва обратно и отпустить; отпущенный, онъ можетъ съѣсть его самого, а потому оставилъ его привязаннымъ.

Черезъ нѣкоторое время бѣлоротый быстрый бѣлый конь ржетъ-говоритъ: „Хозяинъ мой, выходи скорѣе“! Ута-Сагань-батаръ выходитъ на улицу и видитъ, что бѣлоротый быстрый бѣлый конь отъ постоянной ѣзды едва стоитъ на ногахъ, шатается во все стороны; четыре копыта его едва держатся на ногахъ, оба глаза его едва держатся въ ямахъ. Конь говоритъ: „Скорѣе снимай съ меня сѣдло и узду! Я какъ нибудь пойду домой, чтобы тамъ, на родинѣ, сложить свои кости“. Тогда у Ута-Сагань-батара изъ гладко-черныхъ глазъ потекли слезы, изъ золотисто-черныхъ глазъ закапали слезы. Обнявши голову своей лошади, рыдая, онъ заплакалъ, отчего высокое небо гудѣло, широкая земля тряслась. Онъ говоритъ: „Съ твоею помощью я побѣждалъ своихъ враговъ; я совѣтовался съ тобою; теперъ кто мнѣ дастъ совѣтъ“? Бѣлоротый быстрый бѣлый конь говоритъ: „Хозяинъ мой, не плачь! Отъ кобылы родится жеребенокъ. Скорѣе отпусти

меня! я пойду на родину". Тогда Ута-Саганъ-батаръ снялъ сѣдло и узду съ своего коня и отпустилъ его; конь пошелъ прямо на западную сторону, пошелъ спотыкаясь и шатаясь на всѣ стороны, на пути на тотъ кустъ ткнется, это дерево задѣнетъ. Такъ поплелся бѣлоротый быстрый бѣлый конь. Ута-Саганъ-батаръ долго смотрѣлъ во слѣдъ коню. Въ это время въ грудь его входятъ отвердѣвшія думы, въ умъ его входятъ болѣзненные думы. Войдя въ домъ, онъ сѣлъ и повѣсилъ голову; пригорюнившись сидитъ. Необыкновенно красивая дочь пятнадцатиголоваго мангатхая Ашура-Шара говоритъ ему: „Отчего у тебя въ рѣсеницахъ будто слезы, въ груди твоей какъ будто есть думы? Ты скажи моему отцу: Чужой человѣкъ на чужбинѣ не уживается, сохатиная лытка въ котлѣ не помѣщается. Поѣду домой! И проси у моего отца коня золотистосоловаго цвѣта и меня возьми съ собой". На другой день Ута-Саганъ-батаръ говоритъ пятнадцатиголовому мангатхаю Ашура-Шара: „Я поѣду домой! Чужой человѣкъ на чужбинѣ не уживается, сохатиная лытка въ котлѣ не помѣщается. Дай мнѣ коня золотисто-соловаго цвѣта. Иначе тебя убью и все увезу съ собой". Пятнадцатиголовый мангатхай Ашура-Шара отдалъ Ута-Саганъ-батару коня золотисто-соловаго цвѣта. Необыкновенно красивая дочь пятнадцатиголоваго мангатхая Ашура-Шара тоже начала приготовляться ѣхать къ Ута-Саганъ-батару. Пятнадцатиголовый мангатхай Ашура-Шара спрашиваетъ у дочери: „Что съ собою возьмешь? половину золота, серебра и разнаго скота"? Дочь отвѣчаетъ ему: „Мнѣ не нужно ни золота, ни серебра, ни разнаго скота; они будутъ только мѣшать въ дорогѣ. А дай мнѣ изъ золота и серебра одну денежку, изъ табуна одного жеребенка, изъ коровъ теленка, изъ овецъ ягненка и изъ козъ козленка". Пятнадцатиголовый мангатхай Ашура-Шара согласился и отдалъ, что она просила. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого

Ута-Сагань-батарь приготовилъ все къ отъѣзду, онъ поѣхалъ домой вмѣстѣ съ необыкновенно красивой дочерью пятнадцатиголоваго мангатхая Ашура-Шара. Она взяла съ собою полученныя отъ отца изъ денегъ денежку, изъ табуновъ жеребенка, изъ коровъ теленка, изъ овецъ ягненка, изъ козъ козленка; золото и серебро пошли за денежкой, всѣ табуны лошадей пошли за жеребенкомъ, всѣ коровы и быки пошли за теленкомъ, всѣ овцы пошли за ягненкомъ и всѣ козлы и козы пошли за козленкомъ. У пятнадцатиголоваго мангатхая Ашура-Шара остался одинъ только бѣлокрасный порозъ. Тогда онъ сѣлъ на пороза и поѣхалъ догонять Ута-Сагань-батара и свою дочь; догнавши, онъ молитъ ихъ дать ему изъ золота, серебра и разнаго скота столько, чтобъ ему хватило ѣсть до смерти; дочь дала ему часть золота, серебра и разнаго скота, сколько нужно, чтобъ ему хватило до смерти. Получивъ отъ дочери часть золота, серебра и разнаго скота, пятнадцатиголовый мангатхай Ашура-Шара отправился обратно домой, а Ута-Сагань-батарь съ дочерью пятнадцатиголоваго мангатхая продолжаютъ ѣхать впередъ; разнаго скота гонять, едва помѣщая его въ пади*), едва напавшая въ ручьяхъ. Когда приѣхали къ высокой горѣ, Ута-Сагань-батарь нашель тутъ своего бѣлоротаго быстрого бѣлаго коня; ослѣпнувъ, онъ ходилъ тутъ взадъ и впередъ около горы; не находилъ прохода, объ этотъ каменный утесъ стучался головою, объ тотъ камень спотыкаясь, падалъ. Тогда Ута-Сагань-батарь говорить: „Мой бѣлоротый быстрый бѣлый конь ходить здѣсь, ослѣпшій“. Необыкновенно красивая дочь пятнадцатиголоваго мангатхая Ашура-Шара даетъ Ута-Сагань-батару ножницы-рыбу**) и говорить: „Распори брюхо этой

*) Пады—сибирскій провинціализмъ, значить „горная долина“.

**) Побурятскіи хаши загахан.

ножницы-рыбѣ, вынь изъ нея икру и вымажь ею глаза и ноги бѣлоротаго быстрого бѣлаго коня; тогда онъ выздоровѣетъ и станетъ лучше прежняго. Ута-Саганъ-батаръ взявъ ножницы-рыбу, распоролъ ей брюхо, вынулъ изъ нея икру и этою икрою помазалъ глаза и ноги бѣлоротаго быстрого бѣлаго коня; конь выздоровѣлъ и сталъ красивѣе и лучше прежняго. Ута-Саганъ-батаръ сильно обрадовался, что у него бѣлоротый быстрый бѣлый конь выздоровѣлъ; золотистосолового коня онъ отпустилъ въ табуны. Послѣ этого Ута-Саганъ-батаръ со всѣмъ скотомъ проѣхалъ черезъ гору и говорить необыкновенно красивой дочери пятнадцатоголоваго мангатхая Ашура-Шара: „Поѣзжайте по сдѣланной чертѣ, а гдѣ будетъ сдѣланъ кружокъ, тамъ ночуйте“. Давъ такое распоряженіе, Ута-Саганъ-батаръ поѣхалъ впередъ.

Когда Ута-Саганъ-батаръ поѣхалъ воевать съ пятнадцатоголовымъ мангатхаемъ Ашура-Шара и въ то время, какъ онъ жилъ у него, завистливый дядя Хара-Сотонъ пріѣхалъ въ его отсутствіе къ Ута-Саганъ-батаровой женѣ Урма-Гохонъ-хатанъ и побоями и угрозами заставилъ ее выходить за него замужъ. Онъ говорилъ ей, что Ута-Саганъ-батаръ убить на войнѣ пятнадцатоголовымъ мангатхаемъ Ашура-Шара. Завистливый дядя Хара-Сотонъ, женившись на женщинѣ Урма-Гохонъ-хатанъ, жилъ во дворцѣ своего племянника Ута-Саганъ-батара и управлялъ его царствомъ, какъ царь. Каждый день онъ катался въ черной желѣзной коляскѣ, въ которую запрягалось четыре карихъ иноходца. Онъ катался по черному желѣзному мосту.

Ута-Саганъ-батаръ, пріѣхавъ домой, превратился въ нищаго въ разорванной одеждѣ; шляпа на его головѣ была дырявая, на ногахъ были волосяные чарки*) безъ подошвы; онъ

*) Чарки—обувь сибирскихъ крестьянъ.

всталъ на концѣ желѣзнаго моста и просить подаванія. Въ это время пріѣхалъ завистливый дядя Хара-Сотонъ, кагавшійся по черному желѣзному мосту въ черной желѣзной коляскѣ, запряженной четырьмя карими иноходцами. Когда завистливый дядя Хара-Сотонъ поравнялся со стоящимъ нищимъ, онъ бросилъ ему въ подаваніе одну копейку; на обратномъ пути онъ бросилъ этому нищему двѣ копейки; проѣзжая въ третій разъ, онъ бросилъ ему три копейки. Тогда этотъ нищій превратился снова въ Ута-Саганъ-батара; подойдя къ черной желѣзной коляскѣ, Ута-Саганъ-батаръ поймалъ завистливаго дядю Хара-Сотона за сѣдые волосы, выдернулъ изъ повозки и началъ бить. Завистливый дядя Хара-Сотонъ плачетъ и рыдаетъ, какъ козель и какъ козуленокъ. Ута-Саганъ-батаръ говоритъ: „Зачѣмъ ты меня мучилъ столько времени? Сколько я страдалъ отъ трудной войны!“ Послѣ этого онъ приколотилъ завистливаго дядю Хара-Сотона желѣзными гвоздями къ деревянному столбу на разстани трехъ дорогъ; подъ нимъ поставилъ деревянную бочку, а на деревянномъ столбѣ написалъ, что каждый ѣдущій мимо долженъ отъ тѣла завистливаго дяди Хара-Сотона отрѣзать кусокъ мяса и положить въ бочку. Если кто не исполнитъ это, тотъ не долго будетъ жить или будетъ несчастливъ въ долгой жизни. Каждый проѣзжающій отрѣзывалъ отъ тѣла завистливаго дяди Хара-Сотона кусокъ мяса и клалъ въ бочку. Потомъ Ута-Саганъ-батаръ подходитъ къ своему дворцу и входитъ въ него. Урма-Гохонъ-абаха, увидѣвъ своего мужа Ута-Саганъ-батара, сильно обрадовалась. Они цѣлуются, обнявшись. Потомъ Урма-Гохонъ-абаха спрашиваетъ своего мужа: „Гдѣ ты былъ такъ долго? Я думала, что ты побѣжденъ врагами“. Тогда Ута-Саганъ-батаръ разсказалъ обо всѣхъ своихъ походахъ. Урма-Гохонъ-абаха тихо-плавно ходила, выростала тонкая трава, тихо нагибаясь ходила, овцы и яг-

нята кричали. Такъ расхаживая, она поставила передъ своимъ мужемъ золотой столъ; на столъ поставила вкусныя яства; поставила передъ мужемъ серебряный столъ, на него поставила дѣйствительно вкусныя яства. Ута-Саганъ-батаръ ѣлъ ихъ, какъ волкъ, глоталъ, какъ птица, клевалъ, и запивалъ крѣпкимъ виномъ. Когда Ута-Саганъ-батаръ наѣлся до сыта, то выходитъ на улицу и отпускаетъ бѣлородаго быстрого бѣлаго коня, и конь уходитъ пастись на сѣверную сторону Алтая и на южную сторону Хѣхѣя. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого пріѣхала необыкновенно красивая дочь пятнадцатиголоваго мангатхая Ашура-Шара и Ута-Саганъ-батаръ женился на ней; она сдѣлалась младшей женой; Ута-Саганъ-батаръ съ помощью своихъ волшебныхъ силъ построилъ для нея бѣлосеребряный дворецъ, въ которомъ она и стала жить. Такимъ образомъ Ута-Саганъ-батаръ жилъ по прежнему счастливо съ двумя прекрасными женами.

Однажды старшая жена Урма-Гохонъ-абаха заболѣла и легла на высокія подушки и на широкую постель. Она говоритъ своему мужу Ута-Саганъ-батару: „Во время твоей поѣздки къ пятнадцатиголовому мангатхаю Ашура-Шара у меня родился сынъ, котораго я, боясь, что завистливый дядя Хара-Сотонъ убьетъ его, спрятала въ очагѣ, вырвавъ яму глубиною въ 80 сажень; завистливый дядя Хара-Сотонъ не знаетъ этого. Ты не вырывай этого нашего сына до сорока трехъ лѣтъ; если ему суждено быть человѣкомъ, онъ самъ выйдетъ. Ты объ немъ никому не говори“. Сказавъ эти слова, Урма-Гохонъ-хатанъ умерла. Ута-Саганъ-батаръ, обнявши голову своей жены, плачетъ и рыдаетъ; отъ этого плача и рыданія высокое небо гудитъ и широкая земля трясется. Ута-Саганъ-батаръ говоритъ: „Подружившаяся со мной съ темнаго дѣтства подруга моя умерла! какъ теперь буду жить!“ Такъ плача и рыдая, сидѣлъ онъ въ продолженіи девяти дней и

ночей; по прошествіи ихъ остановился и говоритъ: „Если умершаго долго жалѣть, то говорятъ: вблизи несчастье и въ далекомъ грѣхъ“. Такъ сказавъ, Ута-Саганъ-батаръ всталъ, свою умершую жену положилъ на спину, переднюю сторону тѣла высеребрилъ; сдѣлалъ золотой гробъ и положилъ въ него тѣло жены Урма-Гохонъ-хатанъ; сверхъ золотого гроба сдѣлалъ серебряный гробъ, а сверхъ серебрянаго сдѣлалъ деревянный гробъ. Потомъ въ табунѣ поймалъ большую бѣлую кобылу; взявши гробъ Урма-Гохонъ-хатаны и ведя за собою большую бѣлую кобылу, онъ пошелъ къ горѣ Анга-Уланъ*); когда пришелъ къ подошвѣ горы Анга-Уланъ, бѣлою кобылою сдѣлалъ талганъ**) и молится горѣ Анга-Уланъ: „Гора моя, Анга-Уланъ! откройся! хочу положить кости жены своей, чтобы въ лѣтніе жары не потѣла, въ зимніе холода не мерзла!“ Тогда гора Анга-Уланъ открылась. Ута-Саганъ-батаръ положилъ внутрь горы Анга-Уланъ тѣло своей жены.

Потомъ Ута-Саганъ-батаръ приходитъ домой и живетъ счастливо съ младшею женою. Черезъ нѣсколько времени у младшей жены родился сынъ съ десятью головами. Ута-Саганъ-батаръ большимъ удивленіемъ удивился, что у него отъ младшей жены родился десятиголовый мангатхай Ангирь-Шара. Этотъ родившійся десятиголовый сынъ постепенно растетъ все больше и больше. Сынъ жены Урма-Гохонъ-абаха по прошествіи сорока трехъ лѣтъ выходитъ изъ-подъ очага и, превратившись въ трехлѣтняго мальчика, сидитъ на вершинѣ серебряной коновязи и играетъ. Ута-Саганъ-батаръ, выйдя на улицу, видитъ этого мальчика, узнаетъ, что этотъ мальчикъ сынъ его, родившійся отъ Урма-Гохонъ-абаха, снимаетъ его съ вершины серебряной коновязи и уноситъ во дворецъ.

*) Анга-Уланъ, по мѣтвію буряты, гора, въ которой хоронятъ покойниковъ.

**) Талганъ—поминки съ закланіемъ жертвеннаго животнаго.

Два сына Ута-Саганъ-батара постоянно ссорятся между собою. Старший сынъ отъ Урма-Гохонъ-абаха живетъ съ отцомъ, а младшій десятиголовый сынъ съ матерью. Когда эти два сына Ута-Саганъ-батара выросли большими, то воевали между собою; старшій сынъ Ута-Саганъ-батара едва, едва побѣдилъ своего младшаго брата десятиголового мангатхая Ангиръ-Шара. Тогда Ута-Саганъ-батаръ свою младшую жену, необыкновенно красивую дочь пятнадцатиголового мангатхая Ашура-Шара прогналъ домой. Необыкновенно красивая дочь пятнадцатиголового мангатхая Ашура-Шара уѣхала домой беременною отъ Ута-Саганъ-батара; по прїѣздѣ домой черезъ нѣкоторое время она родила сына. Ута-Саганъ-батаръ жилъ съ своимъ сыномъ *). Однажды сынъ его говоритъ: „Печень мою подергиваетъ **); увижу родное!“ Онъ выходитъ на улицу и видитъ на крышѣ бѣлосеребрянаго своего дворца сидящаго мальчика, который играетъ самъ съ собою. Тогда онъ входитъ во дворецъ и говоритъ своему отцу Ута-Саганъ-батару, что на крышѣ ихъ дворца сидитъ и играетъ маленький мальчикъ. Тогда Ута-Саганъ-батаръ большимъ узнаніемъ узналъ и большимъ умомъ уразумѣлъ, что это его сынъ отъ младшей жены; вышелъ на улицу, залѣзъ на крышу, хочетъ поймать этого мальчика, но никакъ не можетъ поймать. Онъ гонялся за этимъ мальчикомъ по крышѣ въ продолженіи трехъ сутокъ, въ концѣ третьихъ сутокъ едва, едва согналъ его съ крыши на вершину серебряной коновязи, гдѣ и поймалъ его; поймавъ, входитъ съ нимъ во дворецъ. Тогда этотъ мальчикъ говоритъ: „Чужой человекъ на чужбинѣ не уживается, сохатиная лытка въ котлѣ не помѣщается. Думая что въ странѣ мангатхаевъ не уживусь, я пришелъ къ отцу. Кто былъ мой отецъ, я едва, едва допытался у матери, которая

*) Рассказчица забыла имя этого сына Ута-Саганъ-батара

**) По бурятски: алгин минн татана

послѣ долгаго заперательства мнѣ рассказала“. Послѣ этого Ута-Саганъ-батаръ жилъ съ двумя своими сыновьями.

Однажды Ута-Саганъ-батаръ, сдѣлавъ три стрѣлы, далъ ихъ своему старшему сыну и сказалъ: „Пусти эти три стрѣлы на всѣ три стороны, потомъ иди за этими стрѣлами; одна изъ нихъ попадетъ въ твою суженую, на которой ты женишься“. Старшій сынъ, взявъ эти стрѣлы, выстрѣлилъ на всѣ три стороны; потомъ идетъ на западную сторону, находитъ выстрѣленную стрѣлу; она лежитъ на пустомъ мѣстѣ; взявъ эту стрѣлу, онъ идетъ на южную сторону и тамъ ищетъ свою стрѣлу; онъ находитъ ее недалеко отъ одной нищей женщины; стрѣла его немного не долетѣла до этой нищей женщины. Старшій сынъ Ута-Саганъ-батара беретъ свою стрѣлу и идетъ на восточную сторону; тамъ ищетъ свою стрѣлу, но никакъ не можетъ найти, и наконецъ въ одномъ болотѣ около озера находитъ свою стрѣлу; она лежитъ на большой лягушкѣ. Старшій сынъ Ута-Саганъ-батара сильно удивляется и говоритъ: „Я, человекъ и сынъ Ута-Саганъ-батара, буду жениться на лягушкѣ? Лягушка будетъ моею женою? Всѣ люди будутъ смѣяться надо мною. Лучше не жениться, чѣмъ жениться на лягушкѣ“. Такъ сказавъ, онъ взялъ свою стрѣлу и идетъ обратно домой. Тогда эта лягушка говоритъ: „Ты мой суженый женихъ; ты долженъ на мнѣ жениться“. Говоря это, она за нимъ скачетъ. Сынъ Ута-Саганъ-батара, разсердившись, возвратился къ лягушкѣ и отбросилъ ее ногою въ сторону; но лягушка не отстаетъ отъ него, все твердитъ: „Ты мой суженый женихъ и долженъ на мнѣ жениться“. Наконецъ онъ идетъ домой, а за нимъ скачетъ его невѣста лягушка. Когда онъ пришелъ домой съ лягушкою, которая скакала сзади, Ута-Саганъ-батаръ сильно удивился, что у его сына суженая невѣста лягушка; стыдась этого, онъ устроилъ имъ отдѣльный дворецъ, въ ко-

торомъ и поселилъ ихъ. Сталь жить въ этомъ дворцѣ старшій сынъ Ута-Саганъ-батара со своею женою лягушкою, у которой были черная собака и бѣлая съ чернымъ пятномъ на лопаткѣ корова. Жена его лягушка, переѣхавъ во дворецъ, устроила себѣ гнѣздо въ лукошкѣ и лежитъ въ немъ день и ночь.

Когда выросъ младшій сынъ, Ута-Саганъ-батаръ тоже дѣлаетъ три стрѣлы, даетъ ихъ младшему сыну, чтобы онъ пустилъ ихъ на всѣ три стороны, а потомъ пошелъ бы искать ихъ; на какую дѣвицу упадетъ которая нибудь изъ трехъ стрѣлъ, на той долженъ жениться его младшій сынъ. Взявши всѣ три стрѣлы, младшій сынъ Ута-Саганъ-батара выстрѣлилъ на всѣ три стороны и поѣхалъ разыскивать свои стрѣлы. Стрѣлы, пущенныя къ востоку и западу оказались пустыми; тогда младшій сынъ Ута-Саганъ-батара ѣдетъ на южную сторону, ищетъ тамъ свою стрѣлу и наконецъ находитъ ее; она прицѣпилась къ подолу средней дочери царя Шажинъ-Номонъ-хана. Тогда онъ беретъ свою стрѣлу и ѣдетъ во дворецъ царя Шажинъ-Номонъ-хана; приѣхавши ко дворцу, останавливается у серебряной коновязи, привязываетъ къ ней красивый красношелковый поводъ, а самъ входитъ во дворецъ, царскимъ здоровьемъ здороваается, и какъ царица, кланяется царю Шажинъ-Номонъ-хану, который сидитъ на золотомъ тронѣ. Царь Шажинъ-Номонъ-ханъ приглашаетъ его садиться на правой сторонѣ и спрашиваетъ: „Съ которой стороны, съ какой земли, чей сынъ и какъ тебя зовутъ“? Младшій сынъ Ута-Саганъ-батара садится на правой сторонѣ и говоритъ: „Я съ сѣверной стороны, младшій сынъ Ута-Саганъ-батара. Тѣло мое приѣхало по слѣду зятя, а кушакъ мой по слѣду свата“. Царь Шажинъ-Номонъ говоритъ: „Прежде—прежде, когда я былъ молодымъ, то слыхивалъ, что Ута-Саганъ-батара называли быстрымъ и мѣт-

кимъ молодцомъ, а младшаго сына Ута-Саганъ-батара какимъ называть? Сказанное вѣрно и дума—правдоподобна“. Послѣ этого поставили золотой столъ, вкусною пищею угощали, серебряный столъ поставили, дѣйствительно вкусною пищею угощали и подавали крѣпкое вино. Послѣ этого царь Шажинъ-Номонъ-ханъ призвалъ своихъ трехъ прекрасныхъ дочерей и указывая на нихъ, говоритъ: „Которую изъ нихъ желаешь“? Младшій сынъ Ута-Саганъ-батара указываетъ на среднюю дочь Шара-Сэсэкъ („желтый цвѣтокъ“). Черезъ три дня царь Шажинъ-Номонъ-ханъ велѣлъ бить въ золотой барабанъ, собрать сѣверныхъ своихъ подданныхъ, бить въ серебряный барабанъ, собрать южныхъ своихъ подданныхъ; какъ бугоръ, величиною мяса отпустилъ, и какъ озеро, вина отпустилъ; въ продолженіе девяти сутокъ пировали, на десятыя сутки едва разѣхались. Младшій сынъ Ута-Саганъ-хана живетъ у своего тестя царя Шажинъ-Номонъ-хана. Однажды онъ говоритъ тестю: „Чужой человекъ на чужбинѣ не уживается, сохатина лытка въ котлѣ не помѣщается. Нужно ѣхать домой“. Тогда царь Шажинъ-Номонъ-ханъ даетъ своей дочери Шара-Сэсэкъ въ приданое половину своего скота, половину подданныхъ и половину золота и серебра. Младшій сынъ Ута-Саганъ-батара все это взявъ, ѣдетъ домой со своею женою Шара-Сэсэкъ; разнаго скота гонять по пади, едва въ ней помѣщая, а подданные ѣдутъ спереди и сзади и едва напаяваютъ скотъ въ ручьяхъ. Съ шумомъ и гамомъ пріѣхали. Когда младшій сынъ, женившись на дочери царя Шажинъ-Номона, пріѣхалъ, Ута-Саганъ-батаръ сильно обрадовался и слѣлалъ большое гулянье въ продолженіе девяти сутокъ, на девятыя сутки едва разѣхались. Ута-Саганъ-батаръ младшему сыну выстроилъ отдѣльный дворецъ; младшій сынъ со своею женою Шара-Сэсэкъ поселились въ немъ. Такъ они жили счастливо и хорошо.

Однажды Ута-Саганъ-батаръ призываетъ своихъ сыновей. Они пришли къ отцу и спрашиваютъ: „Зачѣмъ насъ звалъ отецъ“? Тогда Ута-Саганъ-батаръ даетъ двумъ сыновьямъ по куску шелку и велитъ сшить рубашки для него. Оба сына, взявши по куску шелку, идутъ по домамъ. Старшій сынъ очень печалится, думая, что его жена лягушка не сумѣетъ сшить изъ этого шелка рубашки его отцу. Онъ пришелъ домой печальный. Жена его лягушка спрашиваетъ, отчего онъ такой печальный. Онъ говоритъ своей женѣ: „Отецъ мнѣ и брату далъ по куску шелку и велѣлъ изъ нихъ сшить ему рубашки“. Тогда лягушка, жена его, говоритъ: „Отдай мнѣ шелкъ и будетъ готово!“ Онъ отдалъ шелкъ своей женѣ лягушкѣ. Младшій его братъ тоже пришелъ домой, отдалъ кусокъ шелка своей женѣ Шара-Сэсэкъ и говоритъ: „Отецъ велѣлъ изъ этого шелка сшить ему рубашки. Сошей поскорѣе!“ Жена младшаго брата Шара-Сэсэкъ приходитъ ко дворцу старшаго брата и украдкой смотритъ, какъ будетъ шить рубашки старшая невѣстка лягушка, а та, узнавъ, что невѣстка подсматриваетъ, беретъ кусокъ шелка и рѣжетъ его ножницами на куски; изрѣзала весь шелкъ на куски и выбросила ихъ въ дверь на улицу. Младшая невѣстка Шара-Сэсэкъ пришла домой, изрѣзала шелкъ на куски, собрала эти куски и выбросила ихъ на улицу, какъ это сдѣлала старшая невѣстка лягушка. У старшей невѣстки лягушки всѣ нарѣзанные и выброшенные на улицу куски собрала черная собака и отнесла къ бѣлой съ чернымъ пятномъ на лопаткѣ коровѣ; эта корова всѣ куски собрала и съѣла. На другой день у старшей невѣстки лягушки бѣлая корова съ чернымъ пятномъ на лопаткѣ испражняется рубашками, сшитыми безъ шва; эти рубашки подобрала черная собака и отнесла къ своей хозяйкѣ, лягушкѣ; та взяла рубашки, посмотрѣла, сказала: хорошо сшиты! и положила. У младшей невѣстки из-

рѣзанные куски шелка валяются по двору и уносятся вѣтромъ; младшая невѣстка не знаетъ, что дѣлать; поѣхала въ городъ, едва, едва купила подходящаго шелку, привезла домой, кое-какъ сшила рубашки и отдала мужу отнести отцу Ута-Саганъ-батару. Два сына Ута-Саганъ-батара приходятъ къ отцу и отдаютъ ему рубашки, сшитыя невѣстками. Ута-Саганъ-батаръ беретъ рубашки отъ старшаго сына, сшитыя старшей невѣсткой лягушкой, смотритъ на нихъ и говоритъ: „Хорошо шито. Если шить, такъ шить хорошо“. И положилъ въ ящикъ. Потомъ Ута-Саганъ-батаръ беретъ рубашки отъ младшаго сына, сшитыя младшею невѣсткой Шара-Сэсэкъ, смотритъ и говоритъ: „Мнѣ, царю человѣку не пригодно носить такія рубашки!“ и отдалъ ихъ дворовымъ людямъ. Младшему сыну стало очень стыдно, а старшій сынъ пришелъ домой обрадованный. Черезъ нѣсколько времени Ута-Саганъ-батаръ призываетъ своихъ двухъ сыновей и говоритъ имъ: „Дней много и годъ длиненъ. Хочу сдѣлать большой пиръ; пріѣзжайте на этотъ пиръ сами и привезите моихъ невѣстокъ“. Съ этими словами онъ отпустилъ двухъ сыновей. Старшій сынъ дорогой думаетъ и печалится: „Какъ я поѣду на пиръ со своею женою лягушкой? Всѣ надо мною будутъ смѣяться“. Такъ думая, приходитъ домой. Его жена лягушка спрашиваетъ, отчего онъ пришелъ такой печальный. Тогда онъ говоритъ своей женѣ лягушкѣ: „Отецъ нашъ дѣлаетъ большой пиръ, на который пригласилъ меня и младшаго брата пріѣхать съ женами. Братъ пріѣдетъ съ своею женою Шара-Сэсэкъ, а я какъ поѣду съ тобою? всѣ надъ нами будутъ смѣяться“. Лягушка жена говоритъ своему мужу: „Не печалься! Какъ нибудь поѣдемъ. Никто надъ нами не будетъ смѣяться“. Ута-Саганъ-батаръ началъ приготовляться къ большому пиру; какъ бугоръ, величиною мяса приготовляетъ и какъ озеро, вина приготовляетъ; послѣ этого велитъ

ударить въ золотой барабанъ, собрать сѣверныхъ подданныхъ, и велить ударить въ серебряный барабанъ, собрать южныхъ подданныхъ. Сѣверные и южные подданные собрались къ своему царю Ута-Саганъ-батару; пріѣхалъ къ нему на пиръ младшій сынъ со своею женою Шара-Сэсэкъ въ черной желѣзной коляскѣ, запряженной четырьмя карими иноходцами. Ихъ встрѣтили все подданные и самъ Ута-Саганъ-батаръ. На этотъ большой пиръ собирается и старшій сынъ Ута-Саганъ-батара. Лягушка жена говорить своему мужу: „Ты поѣзжай теперь одинъ, а я пріѣду за тобою. Когда ты пріѣдешь и все будутъ въ полномъ сборѣ, тогда земля будетъ трястись и коляска моя будетъ гудѣть, какъ громъ. Тогда твой отецъ соскочитъ съ трона и будетъ говорить: откуда и какая война приближается? Ты скажи ему, что это ѣдетъ твоя жена“. Послѣ этого старшій сынъ Ута-Саганъ-батара ѣзжаетъ къ отцу на пиръ одинъ. Черезъ нѣсколько времени послѣ того, какъ онъ пріѣхалъ, земля трясется и гудитъ гулъ, какъ громъ. Ута-Саганъ-батаръ соскакиваетъ съ трона и говоритъ: „Откуда и какая война приближается?“ Старшій сынъ говорить отцу: „Это ѣдетъ моя жена“. Ута-Саганъ-батаръ сѣлъ на старое мѣсто. Немного погодя ѣдетъ бѣлосеребряная коляска, запряженная четырьмя бѣлыми иноходцами; спереди и сзади ѣдутъ тѣлохранители; такъ ѣдетъ старшая невѣстка Ута-Саганъ-батара, который со всеми своими подданными выходитъ встрѣтить свою старшую невѣстку. Она подѣхала ко дворцу; изъ бѣлосеребряной коляски выходитъ необыкновенно красивая дѣвица; Ута-Саганъ-батаръ ведетъ ее во дворецъ. Старшій сынъ Ута-Саганъ-батара большимъ удивленіемъ удивляется, что у него такая красивая изъ красивыхъ жена. Старшая невѣстка входитъ во дворецъ и садится рядомъ съ младшею невѣсткой Шара-Сэсэкъ. Все собравшіеся подданные смотрятъ и не посмотрятъ на стар-

шую невѣстку своего царя. Она была такая красивая, что отъ красоты правой щеки освѣщалась правая стѣна, отъ красоты лѣвой щеки освѣщалась лѣвая стѣна. Ута-Саганъ-батаръ угощаетъ своихъ невѣстокъ и всѣхъ собравшихся на пирь гостей. Младшая невѣстка Шара-Сэсэкъ украдкою смотритъ на старшую невѣстку, которая всѣ кости отъ съѣденнаго мяса потихоньку кладетъ въ правый рукавъ, а молочную пищу украдкою кладетъ въ лѣвый рукавъ. Младшая невѣстка, подражая старшей, тоже всѣ кости отъ съѣденнаго мяса украдкою кладетъ въ правый рукавъ, а молочную пищу украдкою кладетъ въ лѣвый рукавъ. Ута-Саганъ-батаръ говоритъ двумъ своимъ невѣсткамъ: „Пляшите! я посмотрю вашу пляску“. Первою встаетъ старшая невѣстка; она пляшетъ такъ, что на плоскомъ камнѣ вырастаетъ трава, и на черной водѣ дѣлается пѣнка. Во время пляски она машетъ правою рукою; тогда передъ присутствующими ставится золотой столъ съ вкусными блюдами; всѣ ихъ ѣдятъ и крѣпкимъ виномъ запиваютъ; такъ угощая, она пляшетъ. Она машетъ лѣвою рукою; тогда передъ присутствующими золотые столы замѣняются серебряными столами съ дѣйствительно вкусными яствами; гости ѣдятъ ихъ и крѣпкимъ виномъ запиваютъ. Потомъ старшая невѣстка перестаетъ плясать, кланяется и говоритъ: „Царь батюшка, мое умѣнье такое“. Тогда Ута-Саганъ-батаръ благодаритъ свою старшую невѣстку и говоритъ: „Если имѣть невѣстку, то хорошо имѣть вотъ такую“. Потомъ настала очередь младшей невѣстки; она встала и пляшетъ; когда она пляшетъ, то на плоскомъ камнѣ вырастаетъ трава и на черной водѣ дѣлается пѣнка; во время пляски она машетъ правою рукою, изъ праваго рукава вылетѣли положенныя въ него кости, которые попали кому въ глаза, кому въ ротъ; тѣ отъ боли схватились кто за глаза, кто за ротъ; младшая невѣстка, такъ поплясывая, машетъ лѣвою

рукой; изъ рукава лѣвой руки вылетаетъ положенная молочная пища и попадаетъ кому въ лицо, кому на платье; всѣ сидяще, кто утираетъ лицо, кто чиститъ платье. Младшая невѣстка Ута-Саганъ-батара сильно сконфуженная садится на старое мѣсто. Пиръ Ута-Саганъ-батара продолжался девять сутокъ, на десятый день едва, едва развѣхались. Младшій сынъ съ женою пріѣхали домой сильно сконфуженные. Старшій сынъ Ута-Саганъ-батара украдкой до окончанія пира уѣхалъ домой, вошелъ во дворецъ, нашелъ лукошко, въ которомъ постоянно лежала его жена лягушка, спряталъ лукошко, спрятался и самъ и ждетъ свою жену. Пріѣзжаетъ его жена въ бѣлосеребряной коляскѣ, запряженной четырьмя бѣлыми иноходцами; и спереди и сзади ѣдутъ тѣлохранители. Пріѣхавъ домой, выходя изъ бѣлосеребряной коляски, она достала изъ кармана черношелковый платокъ; махнула имъ три раза противъ солнца; тогда вдругъ бѣлосеребряная коляска съ четырьмя бѣлыми иноходцами и съ тѣлохранителями исчезла. Послѣ этого она входитъ во дворецъ, раздѣвшись и снова превратясь въ лягушку, она ищетъ свое лукошко и, не найдя его, говоритъ: „Ай, собака! только три дня осталось, чтобъ стать человѣкомъ; ранѣе этого спряталъ“ (лукошко). Сказавъ эти слова, она вознеслась вверхъ. Старшій сынъ Ута-Саганъ-батара погнался за своею женою, но никакъ не могъ догнать ее и потерялъ изъ виду. Тогда онъ началъ искать свою жену лягушку. Послѣ трудныхъ и мучительныхъ поисковъ однажды подходитъ онъ къ одному шалашу, въ которомъ живетъ нищяя женщина; онъ спрашиваетъ ее, не видала ли она его жену. Нищяя женщина говоритъ ему: „Зачѣмъ ты спряталъ лукошко, въ которомъ она лежала; ей оставалось только три дня, чтобы сдѣлаться человѣкомъ. Ты не могъ подождать три дня. Она сильно разгнѣвалась на тебя. Ты едва ли найдешь и поймаешь ее,

потому что она знает множество превращеній и имѣеть множество волшебныхъ силъ. Сегодня вечеромъ она будетъ кататься по черному морю. Ты обратись въ нищаго и проси подаваніе; когда она будетъ давать тебѣ подаваніе, тогда ты ее лови и старайся удержать ее. Только обманомъ можешь поймать ее, иначе не поймаешь“. Тогда старшій сынъ Ута-Саганъ-батара приходитъ къ черному морю; превратившись въ нищаго съ дырявою шляпою, въ волосяныхъ чаркахъ безъ подошвъ, ходитъ онъ по берегу моря взадъ и впередъ въ ожиданіи своей жены. Вечеромъ передъ закатомъ солнца его жена начала кататься по черному морю въ бѣлосеребряной коляскѣ, запряженной четырьмя бѣлыми иноходцами; сзади и спереди у ней ѣхали тѣлохранители. Они не подпускали его близко; онъ никакъ не могъ приблизиться къ ней; она узнала своего мужа и скрылась. Безполезно походивъ по берегу чернаго моря, на другое утро онъ опять приходитъ къ нищей старухѣ и говоритъ ей, что онъ никакъ не могъ поймать свою жену, что она, узнавши его, скрылась. Эта нищая женщина говоритъ ему: „Ее обмануть очень трудно, потому что она все узнаетъ“. Потомъ эта нищая женщина говоритъ: „Сегодня твоя жена будетъ у меня въ гостяхъ; ты незамѣтно спрячься здѣсь; когда она войдетъ и сядетъ и будетъ со мною разговаривать, тогда поймай ее и старайся удержать“. Онъ спрятался подъ сидѣнье и лежитъ тамъ. Спустя нѣкоторое время въ этотъ шалашъ входитъ его жена, садится, начинаетъ разговаривать съ нищею женщиной и говоритъ ей, что она поднимется на небо и будетъ тамъ жить. Въ это время ея мужъ выскочилъ изъ-подъ сидѣнья, схватился за ея руку и держитъ. Она начинаетъ отбиваться отъ него; онъ уговариваетъ ее, чтобы она простила его, что онъ поступилъ по незнанію, что ея лукошко только спрятано. Она долго отбивалась; наконецъ

едва, едва онъ уговорилъ ее; она простила ему. Послѣ этого старшій сынъ Ута-Саганъ-батара приѣзжаетъ домой со своею красавицей женой и живетъ счастливо. Жена его говоритъ, что она незаконная дочь царя, который зналъ очень много превращеній и имѣлъ много волшебныхъ силъ, что этотъ царь жилъ съ ея матерью и потомъ уѣхалъ, а мать ея отъ него сдѣлалась беременною, что одна нога ея задухла; когда разрѣзали эту опухоль, оттуда вышла лягушка. Эта лягушка и есть она, жена старшаго сына Ута-Саганъ-батара. Эту лягушку не могли убить и бросили въ болото около озера. „Я, говоритъ лягушка, жила въ этомъ болотѣ и выросла; тутъ ты меня и нашелъ“. Такъ она говорила своему мужу. Послѣ этого Ута-Саганъ-батаръ сталъ жить очень счастливо съ своими двумя сыновьями и прекрасными невѣстками. И они живутъ спокойно и мирно, и имѣютъ множество потомковъ. Ан хуба ашта бурханда тушеба.

Записано отъ бурятки Сээк.

Эрэ-Тохоло-мѳргѳнъ.

Прежде, прежде, въ прежнее счастливое и богатое время жилъ имѣющій высокое небо отцомъ и широкую землю матерью, родившійся благодаря своей добротѣ Эрэ-Тохоло-мѳргѳнъ. Онъ жилъ на сѣверномъ берегу синяго моря, на подошвѣ горы Мѳнгѳтѳ-ула. Онъ имѣлъ бѣлосеребряный дворецъ съ многочисленными окнами и дверями. Пороги дверей были изъ серебра „боржи“, а двери были перламутрово-серебряныя; крыльцо было съ серебряными ступеньками; кобыла съ жеребенкомъ могли въ бѣгъ бѣгать и кобыла съ лончакомъ *) могли пройти, переступая со ступеньки на сту-

*) Лончакъ — въ прошломъ году родившійся жеребенокъ.

пеньку. Снаружи дворецъ былъ бѣлѣ снѣга и высеребрень, внутри онъ былъ вызолочень и высеребрень; полъ былъ сплошной серебряный. Въ углахъ были изображенія боговъ, на стѣнахъ изображенія царей. Въ югозападномъ углу дворца стоялъ загнутый серебряный тронъ съ двадцатью тремя ногами; въ юговосточномъ углу дворца стоялъ чистосеребряный тронъ съ тринадцатью ногами. Вокругъ этого дворца были три стѣны; самая наружная стѣна была изъ чернаго камня и чернымъ камнемъ запиралась; при ней были караульные собаки Хахаръ и Бахаръ; средняя стѣна была изъ краснорыжкаго камня съ сплошными серебряными воротами, которыя караулили человѣческій сынъ; самая внутренняя стѣна была сдѣлана изъ костей разнаго скота, и распещрена вставленными рыбьими костями; золотосеребряныя ворота караулили медвѣдь и левъ. Подъ этими стѣнами черная крыса рыть не могла, изъ-подъ земли черная вода просачиваться не могла, и поверхъ этихъ стѣнъ птицы съ плохими крыльями не могли залетать, махая крыльями. У Эрэ-Тохоло-мѳргѳна былъ сивый конь, на которомъ онъ ѣздилъ. Эрэ-Тохоло-мѳргѳнъ имѣлъ множество подданныхъ, живущихъ на южной и сѣверной сторонахъ, а также имѣлъ множество разнаго скота, который пасся на южной и сѣверной сторонахъ.

Однажды Эрэ-Тохоло-мѳргѳнъ говоритъ: „Одинъ человѣкъ человѣкомъ не дѣлается; одна головня огнемъ не дѣлается!“ Съ утренняго краснаго солнца начиная, материнское большое священное писаніе онъ разстилаетъ до дверей, старое желтое священное писаніе онъ разстилаетъ отъ дверей до противоположной стѣны (хойморъ). Такъ разостлавъ, онъ читаетъ. Тогда ему вычитывается, что прямо на югозападной сторонѣ на разстояніи столѣтней ѣзды, на берегу чернаго моря, на подошвѣ отвѣсной каменной горы Хашилакъ-ула живетъ царь Наринъ-Шара, у котораго есть

дочь Шара-Сэсэжъ; это его суженая. После этого онъ складываетъ священное писаніе и кладетъ на прежнее мѣсто. Въ одно утро при восхожденіи краснаго солнца онъ разбужается, встаетъ, приводитъ волосы въ порядокъ, умываетъ лицо и руки; взявъ золотую трубу, бѣгомъ выходитъ на серебряное крыльцо. Въ золотую трубу, крича, зоветъ сиваго коня, пасущагося на сѣверной сторонѣ Алтая и на южной сторонѣ Хѳхѳя вмѣстѣ съ тринадцатью самками-изюбрями *), въ дружествѣ и пріятельствѣ съ ними. Загудя пошелъ голосъ изъ золотой трубы черезъ тринадцать падей и сивому коню попалъ этотъ голосъ въ правое красивое ухо, а въ лѣвое красивое ухо вышелъ. Сивый конь говоритъ: „Это голосъ моего хозяина!“ Большую, какъ корзина, гриву по обѣимъ сторонамъ спины бросая, большой и толстый, въ обхватъ, хвостъ на бедра бросая, побѣжалъ конь, скача, немного ниже синѣющаго неба, немного выше синѣющихъ облаковъ; въ это время думая, говоритъ: „Дальніе непріатели или ближніе непріатели пріѣхали воевать?“ Такъ бѣжа, бѣжитъ. Изъ четырехъ черныхъ копытъ огонь летитъ, изъ сорока бѣлыхъ зубовъ пламя выходитъ. Прибѣжавъ домой, перескочилъ черезъ три стѣны внутрь двора, остановился у серебряной коновязи и какъ спящій заяцъ, дремля, спокойно стоитъ. Эрэ-Тохоло-мѳргѳнъ бѣгомъ выходитъ, вывѣнченный серебряный недоуздокъ надеваетъ на голову сиваго коня, вылитую серебряною уздою обуздывая, ловитъ его. Десятилѣтнюю шерсть выгнуто-серебряною скребницею дочиста выскребъ, двадцатилѣтнюю шерсть зубчато-серебряною скребницею дочиста выскребъ; горстью травы кормилъ, чашкою воды поилъ; такъ выдержавъ сиваго коня, говоритъ: „выдержка коня окончилась!“

*) Изюбрь „озель“.

Собака.

1) Если у собаки конецъ носа красный, это худо для скота; буряты избѣгаютъ имѣть такую собаку, считаютъ имѣть ее за грѣхъ; у кого есть такая собака, скотъ будетъ пропадать или не будетъ плодиться.

2) Буряты считаютъ за большой грѣхъ держать собаку съ стоящими, какъ у волка, ушами (побурятски хуба шихэтэ). Кто будетъ держать такую собаку, у того постоянно кто-нибудь въ семьѣ будетъ болѣть и даже умереть.

3) Собаку, которая лежитъ поперекъ двери, считаютъ хорошою, потому что черезъ нее не можетъ войти въ домъ нечистый или злой духъ. Собаку, которая лежитъ на спинѣ вверхъ брюхомъ тоже считаютъ хорошою, потому что она во время сна проситъ у Бурхана *) счастья для своихъ хозяевъ.

4) Если собака вбѣжить въ домъ или юрту и помочится, это считается хорошою примѣтою; въ семьѣ родится сынъ или будетъ прибыль. Если собака помочится на дверь внутри дома или юрты, это хорошо; но если она помочится изнутри дома или юрты на улицу—это не хорошо, будетъ убыль. Если собака помочится на сидящаго или стоящаго человѣка, для него будетъ очень хорошо; у того человѣка родится сынъ.

5) Собаку, выгоняя на улицу, у дверей бить грѣхъ; бить вѣшникомъ также грѣхъ; выгоняя изъ юрты прижать собаку дверью грѣхъ.

6) Боханскіе буряты вѣрятъ, что совѣшь черная собака съ чернымъ небомъ во рту не впускаетъ въ домъ хозяина нечистаго или злого духа; онъ боится такой собаки.

7) По повѣрью молькинскихъ бурятъ есть такъ называемыя шаманъ-собаки (побурятски бб-нохо), которыя все знаютъ о

*) Бурхаанъ—Богъ

своихъ хозяевахъ, и что случится съ ними въ будущемъ, какъ шаманъ знаетъ о людяхъ. Если къ дому хозяина приходятъ злые люди, то шаманъ-собака лаетъ и не пускаетъ ихъ. Есть также ворожея собака (побурятски узэлтэ нохо); такая собака также знаетъ будущее своихъ хозяевъ, какъ ворожея знаетъ о людяхъ. Ворожея собака также лаетъ на злыхъ духовъ и не пускаетъ ихъ въ домъ; она знаетъ о прѣздѣ гостей и лаетъ въ ту сторону, откуда они ѣдутъ. Есть собаки, которыя только видятъ злыхъ духовъ и лаемъ не пускаютъ ихъ въ домъ; другія собаки вовсе не видятъ духовъ. Есть худыя собаки, которыя постояннымъ лаемъ приглашаютъ злыхъ духовъ; особенно та собака худая, которая лаетъ и воетъ поволчьи, смотря на сѣверовостокъ; она призываетъ оттуда злыхъ духовъ; буряты убиваютъ такихъ собакъ; если же убить считаютъ грѣхомъ, то отдаютъ русскимъ или нанимаютъ кого-нибудь убить. Вообще убить собаку большой грѣхъ; кто убьетъ собаку, тотъ при совершеніи религіозныхъ обрядовъ не долженъ держать „сасали“, т. е. онъ считается нечистымъ.

Хүнъ-гөрөхөнъ.

Хүнъ-гөрөхөнъ живетъ въ лѣсахъ, совершенно похожъ на человѣка и говоритъ почеловѣчески. Одинъ охотникъ охотился въ лѣсу и убилъ козулю; увидавъ въ лѣсу нѣсколько хүнъ-гөрөхөновъ, онъ оставилъ убитую козулю, а самъ спрятался за дерево и лежитъ. Хүнъ-гөрөхөны пришли и начали ѣсть убитую козулю; одинъ изъ нихъ съѣлъ мясо съ лопатки, смотритъ на нее, начинаетъ плакать и говорить: „Я сейчасъ умру!“ Тогда охотникъ выстрѣлилъ въ него и убилъ. Хүнъ-гөрөхөнъ хорошо ворожить на лопаткѣ. Нынѣшніе буряты хүнъ-гөрөхөномъ называютъ обезьяну.

Крылатый конь.

Дальта моринъ.

По словамъ унтинскихъ бурятъ въ прежнее время были крылатые кони; имѣли крылья, невидимыя для человѣка; они видны были только въ то время, когда конь спалъ; тогда эти крылья растопыривались, какъ будто конь хотѣлъ летѣть; только въ это время и могъ ихъ видѣть человѣкъ. Когда человѣкъ увидалъ крылья, конь пропадалъ. Крылатый конь на бѣгу былъ очень быстрый и могъ далеко бѣжать.

Перелетъ птицъ.

Когда птицы прилетаютъ къ намъ весною жирными и летятъ низко, буряты говорятъ, что будетъ хорошій урожай травы и хлѣба, и что птицы принесли съ собою счастье. Когда же прилетятъ птицы сухими и летятъ высоко, то говорятъ, что птицы изъ другихъ краевъ принесли несчастье и голодъ. Если осенью птицы отъ насъ улетаютъ сухими и летятъ высоко, то говорятъ, что птицы счастье оставили здѣсь, будетъ хорошій годъ, а несчастье и голодъ унесли съ собою. Если же птицы отъ насъ улетаютъ жирными и летятъ высоко, то говорятъ, что птицы счастье унесли съ собою въ другія земли, а несчастье и голодъ оставили намъ, будетъ худой и голодный годъ.

Му-шубунъ *).

1) Въ прежнее время жилъ одинъ молодой человѣкъ, который влюбился въ одну молодую дѣвицу; впоследствии они ушли въ лѣсъ и жили тамъ; потомъ молодой человѣкъ умеръ. Дѣвица долго плакала надъ тѣломъ своего возлюб-

*) Му—худая; шубунъ—птица.

леннаго; подумавъ, что она перестанетъ тосковать по умершемъ, если она съѣстъ его печень, она распорола брюхо умершаго, вынула печень и съѣла ее. Вскорѣ послѣ этого она умерла; душа ея, вслѣдствіе того, что она при жизни съѣла печень человѣка, превратилась въ му-шубунъ.

Му-шубуны обращаются въ разныхъ птицъ, а также принимаютъ видъ женщинъ; только красивыя губы, длинныя какъ клювъ птицы, не мѣняются и остаются однѣ и тѣже, какой бы видъ му-шубунъ не приняла. Если кто-нибудь ночуетъ въ лѣсу одинъ, му-шубунъ приходитъ къ нему, обратившись въ молодую и красивую дѣвицу или женщину, и начинаетъ разговаривать и шутить съ нимъ, а губы при этомъ держитъ въ рукавѣ. Она старается обратиться въ ту дѣвицу или женщину, которую любить этотъ человѣкъ. Если му-шубуну удастся обмануть человѣка, она бьетъ его по головѣ своимъ клювомъ и убиваетъ, распарываетъ его брюхо и съѣдаетъ его печень, почки и головной мозгъ.

2) Одинъ человѣкъ охотился въ лѣсу, опоздалъ и остался ночевать въ лѣсу. Онъ развелъ огонь и сидитъ около него; къ нему подходитъ красивая и молодая замужняя женщина, начинаетъ съ нимъ разговаривать и шутить, а рукава держитъ у рта. Охотникъ догадался, что это му-шубунъ и былъ съ нею остороженъ. Онъ послалъ ее за дровами, а когда она ушла, онъ положилъ около огня дерево, покрылъ его своею шубою, а самъ, взявъ ружье, спрятался за древеснымъ стволомъ. Му-шубунъ пришла и видитъ, что охотникъ уже спитъ подъ шубой; она осторожно подходитъ къ дереву, закрытому шубой, вынимаетъ изъ рукава свои красивыя губы, длинныя какъ клювъ птицы и бьетъ ими по дереву; отъ губъ ея посыпались искры. Тогда охотникъ выстрѣлилъ изъ ружья и убилъ му-шубуну; она обратилась въ голую тазовую кость; охотникъ сожегъ эту кость на огнѣ.

3) Въ мѣстности Хаха (нынѣ Хохинскій родъ Бильширскаго вѣдомства) прежде водились му-шубуны, которыя ѣли людей. Одинъ тунгусъ (побурятски хамнаган) расколелъ ель и въ щель забилъ клинъ и около этой ели остался ночевать; къ нему приходитъ му-шубунъ, обратившись въ красивую дѣвицу. Тунгусъ говоритъ ей: Будемъ спать вмѣстѣ! положи свою руку въ эту щель. Та положила свою руку въ щель ели, тунгусъ выдернулъ клинъ, ель сжала руку му-шубуна и она такъ тутъ и осталась, а тунгусъ ушелъ. Му-шубунъ послѣ этого дала клятву не ходить около ели и не подходить къ тунгусу.

4) (Со словъ Василья Иванова, бурята Бильширскаго вѣдомства Хохинскаго рода). Му-шубуны прежде водились въ лѣсахъ около Хохинскаго рода. Одинъ сильный человекъ Хадала поѣхалъ въ лѣсъ и остался тамъ ночевать; ночью пришла му-шубунъ и напала на него; Хадала началъ бороться съ нею и во время борьбы вырвалъ изъ подъ ея лѣвой подмышки огниво; тогда му-шубунъ начала подаваться, вырвалась и скрылась. На другое утро Хадала пошелъ по слѣду искать му-шубуна, съ которой боролся ночью; слѣдъ привелъ его къ ямѣ; въ ней лежитъ му-шубунъ женщина, тутъ же находится и мужъ ея. Му-шубунъ мужчина упросилъ Хадалу не трогать ихъ; оба эти му-шубуна дали клятву не ѣсть людей и не наладать на нихъ. При этомъ му-шубунъ мужчина объяснилъ Хадалѣ, что на людей нападаютъ только ихъ дѣвицы и женщины, а му-шубуны мужчины этого не дѣлаютъ; съ этихъ словъ буряты Хохинскаго рода увѣряютъ, что му-шубуны мужчины ихъ не трогаютъ, а нападаютъ на людей только дѣвицы и женщины.

Если му-шубуны женщины или дѣвицы начинаютъ нападать на людей, то нужно произнести слѣдующія слова:

Хадалан долон Хадалаевы семеро,
Хамнагахи найман. Хамнагановы восьмеро.

Тогда му-шубуны перестают нападать на людей.

5) У му-шубуна подъ обѣими подмышками находится по огниву, подъ правую красное и блестящее; это огниво содер-
жить въ себѣ жизнь живого человѣка; человѣкъ, борящійся
съ му-шубуномъ, не долженъ трогать этого праваго огнива;
если онъ оторветъ его, оторветъ свою собственную жизнь и
му-шубунъ одолѣетъ его. Подъ лѣвою подмышкою находится
другое огниво, сплошь покрытое слянями и гноемъ; чело-
вѣкъ, который во время борьбы съ му-шубуномъ, оторветъ
это лѣвое огниво, долженъ побѣдить му-шубуна. Когда пы-
таются оторвать лѣвое огниво, му-шубунъ сердится и го-
ворить: „не тронь! это худое и не красивое“. Въ этомъ лѣ-
вомъ огнивѣ жизнь самого му-шубуна и потому онъ ста-
рается, чтобъ борящійся человѣкъ оторвалъ у него правое,
а не лѣвое огниво.

Филинъ.

По преданію унгинскихъ бурятъ у одного бурята умирали
дѣти; онъ поймалъ маленькаго филина и выростилъ его боль-
шимъ; впослѣдствіи у него родился сынъ, около котораго
постоянно сидѣлъ филинъ. Жена этого бурята по вечерамъ
приготовляла дрова и щелки, а филинъ носомъ бросалъ ихъ
въ огонь очага и, махая крыльями, разводилъ огонь; спеле-
навши сына въ люлькѣ, она уходила доить коровъ, а филинъ
сидѣлъ около ребенка. Однажды вечеромъ, выдоивъ коровъ,
приходить она въ юрту и видитъ, что филинъ сидитъ весь
въ крови; она подумала, что онъ съѣлъ ребенка и замарался
въ крови, схватила полѣно, начала бить филина и убила его;
посмотрѣла на ребенка, онъ спитъ спокойно невредимый въ
люлькѣ. Оказалось, что въ юртѣ этого бурята былъ худой

духъ „ада“, который прежде съѣдалъ его дѣтей. Когда ада вошелъ, чтобы съѣсть ребенка, филинъ не далъ ему, а вмѣсто того съѣлъ самого ада, отчего тѣло его и было въ крови. Узнавъ, какъ было дѣло, бурятка принялась плакать о филинѣ. Съ этой поры у бурята перестали умирать дѣти, потому что филинъ съѣлъ ада, который поѣдалъ ихъ.

Воронъ.

1. По повѣрью унгинскихъ бурятъ, воронъ, когда несетъ яйца въ гнѣздо, свитое на деревѣ, то кладетъ въ гнѣздо такую траву, отъ которой не видно ни яицъ въ гнѣздѣ, ни птенцовъ, когда они вылупятся изъ яицъ; видно одно только гнѣздо. Чтобы найти эту траву невидимку, нужно взять воронье гнѣздо, брать изъ него по одной травинкѣ и класть отдѣльно; какъ только возьмешь въ руки эту траву-невидимку, тотчасъ яйца ворона будутъ видны. Найдя эту траву-невидимку, нужно дать клятву, что взявъ ее, будешь жить только съ помощью ея и что тебѣ не нужны ни жена, ни дѣти, ни хозяйство и пр., что ты отрекаешься отъ всего этого навсегда.

2. По словамъ капсальскихъ бурятъ воронъ несетъ яйца зимою; чтобы яйца не замерзли, воронъ разыскиваетъ жаркій камень (халун шулу) и кладетъ его въ гнѣздо; отъ этого камня яйца ворона не мерзнутъ. Воронъ несется только одинъ разъ въ жизни и приноситъ только два яйца. Живетъ воронъ очень долго, до 360 лѣтъ.

3. Когда воронъ кричитъ, буряты говорятъ, будетъ ненастье.

4. Если къ кому на домъ садится воронъ и кричитъ, это къ худу. Хозяинъ долженъ пригласить шамана и брызгать виномъ и тарасуномъ, потому что воронъ считается посланникомъ большихъ черныхъ зайновъ.

Черная галка.

Унгинскіе буряты говорятъ, если кричитъ черная галка (хара тун), то будетъ дождь.

Сорока.

Если сорока у кого-нибудь на дворѣ щекочетъ утромъ, это предвѣщаетъ несчастье; въ этотъ день у хозяевъ этого двора случится несчастье или они услышатъ въ этотъ день что-нибудь худое. Если сорока кричитъ вечеромъ, это хорошо; хозяева въ этотъ день услышатъ радостную вѣсть или будетъ какое нибудь счастье. Если сорока устраиваетъ гнѣздо въ чьемъ-нибудь дворѣ, это худо; нужно гнѣздо разбросать.

Коршунъ.

Когда кричитъ коршунъ, буряты обыкновенно говорятъ, что будетъ дождь и продолжительное ненастье.

Удодъ.

Повѣрье унгинскихъ бурятъ: Если птица удодъ (побурятски обблжин) начинаетъ летать къ кому-нибудь на домъ, это считается нехорошимъ признакомъ. Если удодъ въ чьемъ-нибудь домѣ сдѣлаетъ гнѣздо, снесетъ яйца и начнетъ высиживать птенцовъ, тогда буряты хозяинъ караулить птицу, старается застать ее, когда она сидитъ на яйцахъ, ловитъ ее, и вмѣстѣ съ гнѣздомъ и яйцами относитъ на степь на разстаніи трехъ дорогъ; здѣсь выкапываютъ яму, зарываютъ въ нее птицу удода съ яйцами и гнѣздомъ, засыпаютъ землей и поверхность выравниваютъ.

Турпань.

1) По словамъ буряты турпань худая птица; если турпань сдѣлаеть гнѣздо на чьемъ-нибудь домѣ и выведетъ птенцовъ это очень худая примѣта для хозяина дома.

2) Турпань ѣсть своихъ дѣтей.

Птица утаргалжинь.

Унгинскіе буряты для отстаиванія смѣтаны берутъ клювъ птицы „утаргалжинь“, которая ежегодно теряетъ свой старый клювъ и выращиваетъ новый. Кто найдетъ этотъ потерянный клювъ, беретъ его и макаетъ въ молоко; отъ этого въ деревянныхъ крынкахъ настаивается толстый слой смѣтаны; клятвеннаго обѣщанія, какое даютъ буха-шубуну *), при этомъ не дается. Клювъ утаргалжина попадаетъ въ руки людей рѣдко.

Ласточка.

1) Повѣрье унгинскихъ буряты: Если ласточка слѣпитъ гнѣздо въ юртѣ человѣка, наносить въ него много конскихъ волосъ и они густо висятъ внизъ, это хорошая примѣта; у этого человѣка будетъ плодиться скоть. Если она лѣпитъ въ юртѣ гнѣздо на сторонѣ двери, это не особенно хорошо, если же лѣпитъ за очагомъ, это хорошо.

2) Когда прилетитъ ласточка, говорятъ унгинскіе буряты, у буряты постоянно бываетъ хурунга; только у сильно бѣдныхъ ее не бываетъ. Раззорять гнѣзда ласточекъ грѣхъ, потому что онѣ въ такомъ случаѣ ругаютъ такъ:

*) См. ниже.

Харасаган ерхэдэ	Когда прилетитъ ласточка,
Хахирмак угэй ба	Безъ хахирмака живи,
Хөхбсхөн ерхэдэ	Когда прилетитъ плиска,
Хүрэнгэ угэй ба	Безъ хурунги живи.

3) Если ласточка будетъ разбрасывать кало птенцовъ по юртѣ на разныхъ мѣстахъ, у хозяина юрты скотъ будетъ пропадать.

Журавль.

Есть черные журавли (хара тухурюн), которые имѣютъ своихъ духовъ покровителей. Если кто убьетъ чернаго журавля, то его духъ покровитель будетъ преслѣдовать того человѣка.

Лебедь и гусь.

Если вереница лебедей или гусей, летящая подъ небомъ, пролетая надъ чьимъ-нибудь домомъ, спутается, придетъ въ беспорядокъ безъ особыхъ причинъ къ тому, это считается за худой знакъ. Хозяева этого дома будутъ жить несчастливо. Если это случится надъ цѣлымъ улусомъ, въ этомъ улусѣ появится какая-нибудь заразительная болѣзнь и посторонніе люди не будутъ ходить въ этотъ улусъ.

Птица буха-шубунъ.

По словамъ бильширскихъ бурятъ въ большихъ озерахъ въ тростникахъ живетъ птица буха-шубунъ*), которая обыкновенно кричитъ по вечерамъ. Клювъ буха-шубуна нѣкоторые буряты берутъ съ клятвою, если не боятся грѣха;

*) Выль?

это дѣлается слѣдующимъ образомъ. Передъ выстрѣломъ по буха-шубуну стрѣляющей произносится клятвенное обѣщаніе: гажа шини хушер, шини тухар ябахаб (по русски „одною твоею силою и твоею помощью буду жить“); потомъ онъ стрѣляетъ по птицѣ и беретъ одинъ только ея клювъ. Когда надоенное молоко разливають по деревяннымъ крынкамъ (торсок) для отстоя смѣтаны, клювъ буха-шубуна макають въ молоко; отъ этого въ крынкахъ отстаивается толстый слой смѣтаны; если клювъ макать до половины молока, то до половины крынки отстоится смѣтана, а если до дна, то и смѣтана будетъ до дна; такимъ образомъ отъ двухъ или отъ трехъ коровъ съ помощью клюва буха-шубуна можно получить столько же смѣтаны, какъ отъ двадцати или тридцати коровъ. Только по мнѣнію бурятъ брать клювъ буха-шубуна очень грѣшно.

Змѣи.

1. Если кто ѣдетъ или идетъ и въ это время змѣя пересѣчетъ ему путь, это не хорошо; желаніе человѣка не исполнится. Этотъ человѣкъ долженъ убить змѣю или пересѣчь ей путь; а если не можетъ или змѣя уйдетъ въ нору, то онъ долженъ выдернуть зеленую траву, сдѣлать на ней три узла и бросить. Когда змѣя пересѣчетъ путь человѣку и уйдетъ отъ него не убитою, она говоритъ, что она убила человѣка. Если же человѣкъ сдѣлалъ три узла на зеленой травѣ и бросилъ ее, то змѣя не можетъ уже говорить, что она убила человѣка, и отъ пересѣченія дороги змѣей худа не будетъ.

2. Осенью змѣи уходятъ въ норы или выбираютъ изъ лѣса до паденія листьевъ съ деревьевъ; они боятся падающихъ листьевъ, они говорятъ: „если упадутъ на меня листья, они сломаютъ мнѣ спину“.

3. Повѣрье унгинскихъ бурятъ: Если кто увидить двухъ змѣй, скрутившихся, какъ веревка и катающихся и бросить на нихъ свой поясъ, и если при этомъ змѣи раскрутятся и разойдутся въ разныя стороны, то этотъ поясъ будетъ имѣть благотворное вліяніе на родильницъ. Если замедлятся роды у родильницы и она страдаетъ, на нее бросаютъ этотъ поясъ, и тогда она рождаетъ скоро и безъ особыхъ страданій. Такіе пояса имѣютъ разную силу. Если скрутившіяся змѣи тотчасъ же раскручиваются и расходятся, какъ только брошенъ на нихъ поясъ, то поясъ будетъ имѣть сильное дѣйствіе на родильницъ; если же змѣи медлятъ и расходятся только спустя нѣкоторое время, то поясъ будетъ оказывать слабое вліяніе на родильницъ; если же змѣи не разойдутся и не раскрутятся, хотя и брошенъ на нихъ поясъ, такой поясъ никакого дѣйствія на родильницъ не произведетъ. По повѣрью бурятъ скрутившіяся змѣи сильно страдаютъ и иногда пропадаютъ; если отъ брошеннаго на нихъ пояса они раскрутятся, то они сильно радуются; змѣи имѣютъ въ себѣ чудотворную силу, которую и передаютъ поясу.

4. Змѣи линяютъ; сброшенную кожу (зулмаджан) буряты берутъ, потому что приписываютъ ей лѣкарственную силу отъ укушенія змѣй и отъ болѣзни змѣинаго нарыва (могон хабадар).

5. Бильширскіе буряты говорятъ, что тому, кто имѣетъ тяжёбныя дѣла, хорошо имѣть при себѣ змѣиный языкъ; имѣющій его, всегда выиграетъ тяжбу.

6. Если кто убьётъ змѣю и изъ нея выйдетъ красная кровь, тотъ человѣкъ будетъ худо жить.

7. Кто часто убиваетъ змѣй, думаютъ унгинскіе буряты, тому онѣ часто попадаются. Одинъ бурятъ много убивалъ змѣй, гдѣ бы только не встрѣтилъ ихъ, и онѣ постоянно ему попадались. Однажды онъ увидѣлъ змѣй, выходящихъ

изъ одной норы; онъ началъ убивать ихъ и убилъ уже девяносто девять; вышла сотая змѣя маленькая, длиною около четверти; онъ началъ бить ее; послѣ каждаго удара она дѣлалась все болѣе и болѣе и наконецъ стала очень большою; буряты сѣлъ на коня и поскакалъ; змѣя погналась за нимъ. Буряты прискакали къ одной юртѣ, вошли въ нее и рассказали ея хозяину, что за нимъ гонится змѣя; хозяинъ юрты спряталъ бѣглеца подъ котломъ. Отворилась дверь, въ юрту вползла громадной величины змѣя и легла кольцомъ вокругъ котла, подъ которымъ были спрятаны бѣжавшій отъ нея человѣкъ. Немного полежавъ, змѣя выползла изъ юрты и ушла. Хозяинъ юрты посмотрѣлъ подъ котломъ, отъ спрятавшагося подъ нимъ человѣка остались однѣ бѣлыя кости.

8. По повѣрью унгинскихъ буряты у змѣи есть ноги, но люди ихъ не видятъ; если человѣкъ увидитъ ноги у змѣи, ему будетъ худо; обыкновенно змѣиныя ноги видятъ только несчастливые люди. Ихъ можно видѣть слѣдующимъ образомъ: нужно снять листовничную кору съ дерева и на нее бросить змѣю; она по скользкой поверхности коры ползать не можетъ и покажетъ свои ноги. Змѣиныя ноги красныя.

9. Унгинскіе буряты говорятъ, что встрѣчаются бѣлыя змѣи (саганъ могой), но очень рѣдко. Видѣть бѣлую змѣю могутъ только счастливые люди. Увидѣвшій бѣлую змѣю долженъ убить ее, снять съ нее кожу, высушить и потомъ постоянно носить при себѣ. Мясо бѣлой змѣи также совѣтуютъ высушить и хранить, потому что оно считается цѣлебнымъ отъ разныхъ болѣзней.

10. Унгинскіе буряты вѣрятъ, что есть крылатая змѣя (дальта мого), которая летаетъ по воздуху, какъ птица.

11. Огненная змѣя (галта мого) летаетъ въ тяжелые годы; тогда люди сильно мрутъ. Огненная змѣя можетъ сжечь строеніе, если упадетъ на него во время полета.

12. Если кто увидитъ бѣлую змѣю, убьетъ ее, сварить ея мясо и съѣсть, тотъ будетъ знать семьдесятъ языковъ (со словъ бурята Бильширскаго вѣдомства Хахинскаго рода Василя Иванова).

13. Если змѣя войдетъ къ кому-нибудь въ домъ и родитъ дѣтей, худая примѣта (со словъ того же Василя Иванова).

Лягушка.

1. У кого родители живы, тотъ не долженъ убивать лягушекъ; это грѣхъ.

2. Если человѣкъ найдетъ мертвую обыкновенную озерную лягушку, въ которой завелись черви, это хорошо. Такая лягушка имѣетъ лѣкарственное свойство отъ многихъ болѣзней. Такую лягушку рѣдко находятъ, только счастливые люди. Иногда встрѣчаются живыя лягушки съ червями (бѣтъ); это очень къ добру. Такую лягушку берутъ и хранятъ; человѣкъ, нашедшій ее, будетъ жить богато и счастливо.

Рыба.

Когда много ловятъ рыбы, тогда скотъ пропадаетъ часто.

Человѣкъ—рыба.

(хун загазан)

Въ морѣ (газада дала) есть человѣкъ-рыба, у которой передняя половина тѣла рыба, задняя половина человѣчья. Эту рыбу называютъ хун-загазан (человѣкъ рыба). Увидѣвъ человѣка, эта рыба высовываетъ изъ воды голову и кричитъ по человѣчески, а потомъ опять уходитъ въ воду.

Черви.

Если у кого-нибудь въ очагѣ огня завелось много червей (бѣтън), это считается хорошимъ признакомъ; у него будетъ много разнаго скота.

Пчела.

Хорошимъ признакомъ считается, если пчелы заведутъ свой улей въ зданіи или въ одеждахъ человѣка.

Муравей.

Бильширскіе буряты считаютъ за добрый знакъ, если въ постройку дома попадетъ дерево, въ которомъ гнѣздились муравьи; такое дерево считается счастливымъ. Нѣкоторые буряты нарочно ищутъ такое дерево и рубятъ его на постройку. Приступая къ постройкѣ, бильширскіе буряты вожжатъ такимъ образомъ: на намѣченное мѣсто кладутъ камень или дерево; если подъ нимъ стануть гнѣздиться муравьи, то на этомъ мѣстѣ можно строиться, это мѣсто счастливое; если же муравьи не будутъ гнѣздиться, мѣсто считается несчастливымъ.

Травы.

1. Унгинскіе буряты думаютъ, что сжигать зеленую траву грѣхъ.

2. Прежде буряты, будто бы, знали много лѣкарственныхъ травъ, но перезабыли. По мнѣнію бурятъ, когда берешь лѣкарственную траву, необходимо дать клятву, что будешь жить съ помощью этой травы, и что кромѣ нея тебѣ не нужно ни хозяйства, ни жены, ни дѣтей. Давать такую

клятву буряты считают за грѣхъ, вслѣдствіе этого они не старались узнавать лѣкарственные травы и потому, какія знали, позабыли. Буряты, знающіе эти травы, отъ тѣхъ, которые просятъ показать ихъ, требуютъ принести выше описанную клятву. Кромѣ того узнавающій о цѣлебномъ свойствѣ травы долженъ имѣть на то наслѣдственное право (утха); иначе онъ скоро умретъ. По мнѣнію буряты тотъ, кто знаетъ какую-нибудь лѣкарственную траву, долженъ показать ее передъ своею смертію другому человѣку, но подъ условіемъ той клятвы, если найдется къ тому охотникъ. Безъ клятвы же передавать это знаніе по обычаю нельзя.

Боярышникъ.

Если у человѣка будетъ кашель съ колотьемъ въ груди, то буряты берутъ иглы боярышника (посибирски боярки) числомъ девять или трижды девять т. е. двадцать семь иглъ, кипятятъ ихъ въ водѣ, настаиваютъ, какъ чай, и пьютъ больного.

Шаманъ-дерево.

Одинъ человѣкъ во время сильнаго вѣтра остановился въ лѣсу ночевать подъ однимъ толстымъ деревомъ. Человѣкъ этотъ зналъ всѣ языки и видѣлъ духовъ. Ночью приходитъ посланникъ-дерево и говоритъ этому толстому дереву: „Шаманъ отецъ! за вами пришелъ! меня послалъ нашъ высокій и бѣлый старшій братъ просить васъ, чтобы вы пришли къ нему; онъ сильно качается“. Толстое дерево т. е. шаманъ-дерево говоритъ посланному: „Я теперь не могу идти къ нему. У меня спитъ гость“. Посланное дерево ушло. Черезъ нѣкоторое время опять приходитъ тотъ же посланникъ и

говорить: „Просить скорѣе притти. Онъ уже нагнулся“. Шаманъ-дерево говоритъ: „Не могу итти; какъ оставлю гостя“? Посланникъ ушелъ. Немного погодя опять приходитъ и говоритъ: „Непремѣнно просить притти. Оно уже падаетъ, не можетъ стоять“. Шаманъ-дерево говоритъ: „Ни какъ не могу; у меня гость; какъ гостя оставлю одного? теперъ не могу помочь, если онъ падаетъ“. На другое утро человѣкъ, слышавшій эти разговоры, пошелъ и увидѣлъ одно высокое и бѣлое дерево, которое свалилось отъ вѣтра.

Дерево съ огнемъ и холодное дерево.

Есть дерево съ огнемъ (галта модон); если это дерево попадетъ въ постройку, то домъ будетъ очень теплый. Есть дерево холодное (хѣтун модон); если это дерево попадетъ въ постройку, домъ будетъ холодный; какъ ни топи, все будетъ холодно.

Табакъ.

У одного человѣка заболѣла жена. Передъ смертью она сказала своему мужу: „Когда я умру, похоронишь меня; на моей могилѣ выростетъ трава съ большими листьями; если ты будешь печалиться обо мнѣ, возьми съ этой травы листья, высуши и кури“. Этотъ человѣкъ, послѣ того, какъ умерла жена, сталъ сильно тосковать о ней; тогда онъ пошелъ на могилу жены, увидѣлъ выросшую на ней траву, собралъ ея широкіе листья, высушилъ и началъ курить; съ этого времени онъ пересталъ сильно печалиться. Это растеніе было табакъ; оно выросло изъ тазовой кости умершей жены.

Билмишрскій бурятъ Халбай Хамаевъ.

Летающіе орѣхи и хлѣбныя зерна.

Встрѣчаются на кедрахъ орѣховыя шишки, сидяція по три вмѣстѣ на концѣ вѣтви. О такихъ тройныхъ шишкахъ говорятъ, что они улетають въ другую тайгу; лѣтомъ замѣчаютъ на кедрахъ множество такихъ тройчатокъ, а осенью ни на кедрахъ, ни на землѣ шишекъ не находятъ; тогда думаютъ, что шишки улетѣли въ другую тайгу и тамъ упали на землю. Лѣтомъ 1895 г. недалеко отъ Хахинскаго рода видѣли на кедрахъ много орѣховыхъ шишекъ, по три шишки изъ одного основанія, а осенью буряты никакихъ шишекъ не нашли.

Хлѣбныя зерна также улетають куда-нибудь, какъ и кедровыя шишки. Осенью, когда жнутъ, колосъ бываетъ съ хорошими зернами, а зимою во время молотбы зеренъ совсѣмъ мало, не оправдываетъ ожиданій. Это объясняютъ тѣмъ, будто бы зерна изъ кладей куда-то таинственно улетають. Бываетъ и наоборотъ; когда жнутъ хлѣбъ, зерно совсѣмъ плохое, а начнутъ зимою молотить, примолотъ хорошій; это значитъ, что зерна откуда-то прилетѣли (со словъ бурята Бильширскаго вѣдомства Василія Иванова).

О домѣ и домашнихъ предметахъ.

1. Человѣку, особенно маленькимъ дѣтямъ спать въ домѣ прямо противъ двери считается грѣхомъ; грѣхъ также спать около двери поперекъ; головою къ двери тоже грѣхъ.

2. Если кто выстроитъ домъ и сдѣлаетъ дверь въ восточной стѣнѣ, въ домъ будутъ входить всякіе нечистые духи и будутъ вредить хозяевамъ.

3. Есть дома, въ которыхъ всегда спокойно, хорошо и долго спится; въ такихъ домахъ хозяева будутъ жить счаст-

ливо. Въ другихъ домахъ плохо спится, хотя и хочется спать, чувствуется какъ будто неловко; такіе дома считаются худыми или несчастливыми.

4. Въ домѣ, въ которомъ всѣ хозяева вымерли, никто не будетъ жить; буряты ни за что не купятъ такой домъ. А если еще пойдетъ говоръ, что въ этомъ домѣ поселился худой духъ, то всѣ буряты будутъ избѣгать его. Если кто такой домъ купитъ, онъ долженъ разобрать его и перевезти на другое мѣсто; при этомъ нужно сварить саламатъ и мясо и все это зарыть подъ поломъ, и только послѣ этого начать перевозить домъ, нижнія же бревна т. е. прикладъ слѣдуетъ оставить на старомъ мѣстѣ; тогда нечистый духъ останется около саламата и мяса.

5. Шубу, халатъ и одѣяло грѣхъ класть воротникомъ къ двери; иначе въ семьѣ будетъ покойникъ.

6. Если кто найдетъ на дорогѣ кѣмъ-то потерянную рукавицу и если она лежитъ ладонью вверхъ, ее можно взять, но грѣхъ взять, если она лежитъ ладонью внизъ.

7. Грѣхъ качать пустую лопьку, безъ ребенка. А если ребенокъ самъ качаетъ, хорошо; у него скоро будетъ братъ или сестра.

8. Унгинскіе буряты вѣрятъ, что у лодки есть ноги, которыя люди могутъ увидѣть во время лученія; кто ихъ увидитъ, тотъ будетъ несчастливъ.

Хуръ.

Въ прежнее время Бурханъ сдѣлалъ себѣ музыкальный инструментъ „хур“; натянулъ на него волосы изъ конскаго хвоста и сдѣлалъ смычекъ, но никакъ не можетъ играть. Хуръ не издаетъ звука. А четхыръ (чертъ) выстроилъ себѣ мельницу, но никакъ не можетъ пустить ее въ

ходъ; она неидетъ. Бурханъ говоритъ четхыру: „Давай по-мѣняемся! Ты возьми мой музыкальный инструментъ хуръ, а мнѣ отдай свою мельницу!“ Четхыръ согласился; они по-мѣнялись. Бурханъ взялъ мельницу, сдѣлалъ въ ней шестерню и мельница пошла въ ходъ, а четхыръ взялъ хуръ съ волосяными струнами, натеръ смычекъ смолой и хуръ сталъ играть хорошо.

Буряты музыкальный инструментъ хуръ долго въ домѣ не держатъ, считая это неудобнымъ, потому что у хура заводится хозяинъ (эжин), который по ночамъ играетъ на немъ, а на эти звуки собираются другіе духи. Если у бурята окажется хуръ, который будто бы играетъ ночью т. е. издаетъ звуки, такой хуръ буряты изломаютъ и бросить.

Унты и рукавицы изъ человѣческой кожи.

Молькинскіе буряты говорятъ, что унты *) и рукавицы, сшитыя изъ человѣческой кожи, никогда не изнашиваются, если только ихъ будутъ носить днемъ, а ночью носить не будутъ. Человѣкъ днемъ ходитъ и работаетъ, а ночью спитъ и отдыхаетъ; такъ и унты и рукавицы изъ человѣческой кожи днемъ изнашиваются, а ночью отдыхаютъ, т. е. дѣлаются по прежнему. Одинъ человѣкъ нанялся къ другому человѣку; за опредѣленную плату онъ долженъ былъ работать, пока не износить одной пары унтовъ и рукавицъ, которыя ему далъ хозяинъ. Работникъ служилъ у хозяина нѣсколько годовъ, не можетъ износить унты и рукавицы. Тогда этотъ работникъ обратился къ одному старику и говоритъ: „Я ни какъ не могу износить унты и рукавицы, полученные отъ хозяина“. Старикъ сказалъ ему: „Эти унты и рукавицы

*) Унты обувь изъ шкуры шерстью вверхъ.

сшиты изъ человѣческой кожи. Ты во всю жизнь не износишь ихъ, если будешь носить ихъ только днемъ, а ночью будешь отдыхать. А ты днемъ отдыхай и спи, а ночью работай; тогда унты и рукавицы скоро изнасятся". Работникъ сталъ днемъ отдыхать и спать, а ночью работать, тогда эти унты и рукавицы скоро изнасились.

Со словъ бурята молькинскаго вѣдомства Луки Аршинова.

Домашній скотъ.

1. Когда рогатая скотина чешется объ уголь юрты или дома, это хорошій признакъ; эту скотину стараются не продавать.

2. Если овцы и другой скотъ часто и безъ причины пугаются, находясь въ своемъ дворѣ, это худая примѣта; у хозяина будетъ больной въ семьѣ; овцы или скотъ пугаются отъ того, что духи ловятъ души тѣхъ скотинъ, которыхъ хозяинъ заколетъ въ жертву духамъ, чтобы умилостивить ихъ и спасти жизнь больного. Или буряты говорятъ: скотъ пугается, значить духи ловятъ души скота и нужно, слѣдовательно, ждать, что въ этомъ дворѣ скотъ начнетъ пропадать. Чтобы духи не пугали скотъ, хозяинъ брызгаетъ въ овчарнѣ тарасуномъ.

3. Если корова кричитъ по порозиному—худая примѣта; такую корову нужно поскорѣе продать, а колоть на мясо для себя грѣхъ.

4. Если корова родить двойниковъ,—плохая примѣта. Если двойники телята оба будутъ быки или телки и останутся живыми, это не особенно худо; если изъ двойниковъ одинъ теленокъ бычекъ, а другой телка и оба пропадутъ, это совсѣмъ худо. Рожденіе двойниковъ считается не особенно худой примѣтой потому, что корова имѣетъ раздвоенное копыто.

5. Когда буряты продаютъ рогатую скотину, то отрѣзываютъ волосы съ кончика хвоста, чтобы счастье осталось дома. Иногда выдергиваютъ нѣсколько щипковъ шерсти.

6. Если рогатый скотъ, принадлежащій одному хозяину, начнетъ бодаться между собою, это дурной знакъ.

7. Если корова отелится и послѣдъ (намтахан) упадетъ скоро, то, говорятъ унгинскіе буряты, снѣгъ растаетъ скоро. Если послѣдъ не скоро падаетъ, то снѣгъ не скоро растаетъ и весна будетъ холодная.

8. Если кобыла родитъ двойниковъ жеребятъ, дурная примѣта для хозяина.

9. Если коза родитъ тройниковъ, то третьяго козленка отдаютъ постороннему лицу; съ этою цѣлью собираютъ въ томъ улусѣ маленькихъ дѣтей ровесниковъ и заставляютъ ихъ бѣжать въ бѣгъ; кто изъ нихъ выбѣжитъ противъ прочихъ, тому отдаютъ третьяго козленка.

10. Если у кого родится слѣпой теленокъ или жеребенокъ, или ягненокъ и т. п., это считается знакомъ того, что хозяинъ будетъ жить богато. Этого слѣпого теленка и проколятъ и мясо его ѣдятъ только одни хозяева; постороннимъ не даютъ.

11. Грѣхъ давать изъ дому поздно вечеромъ молочную пищу постороннему человѣку; иначе скотъ будетъ пропадать.

12. Унгинскіе буряты считаютъ большимъ грѣхомъ, если ктонибудь, отдавая молоко комунибудь для маленькаго ребенка, подольетъ въ молоко воды, или вообще пожалѣетъ молока для ребенка.

13. По мнѣнію тѣхъ же бурятъ молоко или чтонибудь молочное пролить или бросить въ воду грѣшно. Даже считается грѣхомъ черпать воду изъ рѣчки молочною посудой, потому что молоко можетъ попасть въ воду.

14. По словамъ бильширскихъ бурятъ будто воры, которые крадутъ чужой скоть и колятъ, чтобы скрыть слѣды преступленія, поступаютъ такъ: отрѣзываютъ у краденой скотины кончикъ языка и кончики ушей и зарываютъ въ землю кончиками внизъ, причемъ произносятъ: шихэтэ юмада дулдахабэ, амата юмада мэдэгдэхэбэ, по русски: „имѣющіе уши не услышали бы, имѣющіе рты не узнали бы“. Тогда воровство ихъ не обнаружится.

15. Однажды въ прежнее время былъ сильный валежъ на скота (отъ чумы). Одинъ бурятъ угналъ свой скоть въ лѣсъ; дорогой ему встрѣтился неизвѣстный человѣкъ, ѣдущій на конѣ и спросилъ его: „Куда ты гонишь скоть“? Тотъ отвѣтилъ: „Я гоню скоть отдать его чумѣ“ (по бурятски „мила“). Встрѣтившійся человѣкъ сказалъ: „Твой скоть не будетъ валиться!“ И дѣйствительно у этого человѣка скоть не валился и остался цѣлъ. Встрѣтившійся буряту человѣкъ былъ „хозяинъ чумы“ (по бурятски милан эжин).

16. Отдѣлившійся отъ отца сынъ, получивъ по раздѣлу скоть, долженъ по обычаю перепятнать его; при этомъ онъ долженъ къ отцовскому пятну прибавить еще пятно. Если же отъ отцовскаго пятна убавить, то скоть не будетъ размножаться.

17. Если молоко, налитое въ крынки для отстоя смѣтана, было надоено дѣвочкой, которая родилась весной, то смѣтана отстоится въ маломъ количествѣ, въ видѣ тонкаго слоя. Про такую дѣвочку говорятъ: ху угэй гарта (по русски „не съ молочной рукой“). У дѣвочки, которая родилась лѣтомъ или осенью смѣтана всегда отстаивается обильно и толстымъ слоемъ. Про такую говорятъ: „съ молочной рукой“.

18. По повѣрью молькинскихъ и боханскихъ бурятъ есть кони, такъ называемые хулэкъ, которые въ переднихъ подмышкахъ имѣютъ подъ кожей дыру съ обѣихъ сторонъ;

въ эту дыру входитъ палець. Такіе кони хорошо бѣгають и не задыхаются, не смотря на дальнее разстояніе.

19. Боханскіе буряты считаютъ за счастье для хозяина имѣть скотину съ бѣлымъ пятномъ на лбу; такую скотину не продають.

20. По повѣрью молькинскихъ бурятъ совершенно бѣлый лгненокъ, котораго называютъ „тэже хурьган“, лѣтомъ послѣ грома худѣетъ и пропадаетъ.

Вино.

По словамъ нѣкоторыхъ унгинскихъ бурятъ „архи“, вино впервые сдѣлали восточные тэнгерины на зло людямъ, чтобъ они, напившись архи, дѣлались бы пьяными, убивали бы другъ друга, ссорились между собою и вообще чтобъ были несчастными.

О человѣкѣ.

1. Прежде люди все о себѣ знали, будутъ ли они счастливы или несчастливы и когда умрутъ; вслѣдствіе этого знанія люди перестали работать, начали сильно гулять и проматывать имущество. Тогда Бурханъ сдѣлалъ такъ, что люди не стали знать о себѣ, будутъ ли они счастливы и когда умрутъ. Послѣ этого люди стали работать, стали стараться пріобрѣсти богатство.

2. Человѣкъ также линяетъ, какъ змѣя, т. е. кожа цѣликомъ съ него спадаетъ; отлинявшую кожу (хүни зулмадхан) человѣкъ теряетъ, но самъ этого не замѣчаетъ; если же змѣя находитъ потерянную отлинявшую кожу человѣка, то радуется и беретъ ее.

3. По повѣрью унгинскихъ бурятъ, отецъ новорожденнаго ребенка, уѣзжавшій куда нибудь изъ дома, возвращаясь

домой, не долженъ безъ пути бить коня или махать бичемъ; если онъ будетъ это дѣлать, то новорожденный его ребенокъ будетъ плакать; когда отецъ бьетъ коня или машетъ бичемъ, онъ какъ будто бьетъ ребенка; каждый ударъ отцовскаго бича по коню ребенокъ чувствуетъ на своемъ тѣлѣ, отчего и плачетъ; тогда буряты говорятъ объ немъ: минар-хажи орлѣ (по русски „плачетъ отъ бича“). Нѣкоторые младенцы этого не чувствуютъ.

4. Унгинскіе буряты считаютъ грѣхомъ бросать воду на человѣка.

5. Если больной человѣкъ чихаетъ, къ выздоровленію. Если онъ чихаетъ утромъ, это значить что онъ выздоровѣетъ, только медленно; если вечеромъ, то выздоровѣетъ скоро и быстро.

6. Стоя ѣсть пищу нельзя; коровы будутъ телиться стоя.

7. Буряты считаютъ за грѣхъ женить сына или выдать дочь замужъ въ мартѣ мѣсяцѣ (по бурятски уланъ-зуданъ); кто женится въ этотъ мѣсяцъ или выйдетъ замужъ, будетъ жить несчастливо.

8. Если у человѣка вдругъ явится отвращеніе отъ мяса или просто нежеланіе его ѣсть, онъ скоро умретъ.

9. Если у больного человѣка явится желаніе постоянно ѣсть молочную пищу, больной медленно будетъ поправляться.

10. Если у старика или просто у пожилого человѣка усы и борода посѣдѣютъ прежде, чѣмъ волосы на головѣ, подъ старость онъ будетъ жить худо; если волосы сѣдѣютъ съ затылка, это тоже худо. Если волосы сѣдѣютъ спереди на обоихъ вискахъ, тотъ человѣкъ будетъ долго жить и счастливо; если у старика до глубокой старости не сѣдѣютъ, худо для его потомства. Тотъ, у кого волосы на головѣ сѣдѣютъ совершенно бѣло, на старости лѣтъ будетъ жить бѣдно или несчастливо и его дѣти будутъ бѣдны и несча-

стливы; у кого посѣдѣвшіе волосы имѣютъ желтоватый или синеватый отливъ, тотъ въ старости будетъ жить хорошо, а также хорошо и счастливо будутъ жить и его дѣти.

11. Если у человѣка до старости не выпадутъ зубы и будутъ остры, а самъ старикъ или сама старуха будутъ въ ѣдѣ жадны и ненасытны, у тѣхъ дѣти будутъ жить бѣдно и несчастливо. Если у человѣка въ старости зубы будутъ тупы, выпадутъ, самъ человѣкъ будетъ въ ѣдѣ не жаденъ, будетъ мало ѣсть, у того дѣти и потомки будутъ жить богато и счастливо.

12. Буряты, обрѣзая съ пальцевъ ногти, обрѣзки собираютъ и бросаютъ, при чемъ на эти обрѣзки плюютъ и фыркаютъ. Если духи увидятъ обрѣзки ногтей, то спрашиваютъ ихъ, кто ихъ хозяинъ и гдѣ его душа. Если на обрѣзки ногтей было поплевано и пофыркано, то они отвѣчаютъ: „Нашъ хозяинъ слюна и фырканье; не знаемъ, гдѣ душа хозяина“. Если не принять этой предосторожности, то обрѣзки ногтя укажутъ душу хозяина духамъ.

13. Когда человѣкъ умираетъ, то ногти радуются. Они говорятъ: „Теперь нашъ хозяинъ не будетъ насъ обрѣзывать; будемъ расти свободно“. А волосы человѣка сильно печалются и говорятъ: „Теперь нашъ хозяинъ не будетъ насъ гладить и чесать“?

14. Религіозный, соблюдающій народные обычаи буряты ни за что не будетъ обрѣзывать ногти и стричь волосы во время полнолунія. Стриженные волосы не бросаютъ на землю, а затыкаютъ гдѣ-нибудь выше.

15. Взрослая дѣвица, которая уже носить косу, не должна ее подрѣзывать. Если подрѣжетъ, это считается грѣхомъ, потому что въ такомъ случаѣ ея братьямъ и сестрамъ будетъ нечастье. Если она сердита на своихъ братьевъ и сестеръ, то она подрѣзываетъ конецъ своей косы и тогда кто-нибудь изъ ея братьевъ или сестеръ умретъ.

16. Бурятскія женщины носятъ двѣ косы, на каждой сторонѣ по одной. Эти косы у бурятъ называются „болто“. Если замужняя женщина отрѣжетъ косы, то мужъ ея умретъ; если жена сердита на мужа и захочетъ, чтобъ мужъ ея умеръ, ей стоитъ только отрѣзать свою косу и она избавится отъ нелюбимаго мужа.

О дѣтяхъ.

1. Если у новорожденного ребенка впередъ выростутъ нижніе зубы, это хорошо, а если верхніе, худо; родители будутъ жить несчастливо и ребенокъ будетъ несчастливый.

2. Если ребенокъ родится съ зубами, это очень худо; когда этотъ ребенокъ выростетъ большой и сдѣлается чернымъ шаманомъ, онъ будетъ съѣдать людей.

3. Унгинскіе буряты говорятъ, что новорожденный ребенокъ однимъ годомъ младше Бурхана и однимъ годомъ старше царя.

4. Когда ребенокъ спитъ и во снѣ смѣется, это объясняютъ тѣмъ, что онъ будто бы разговариваетъ со своимъ зайши'емъ, иные говорятъ съ Бурханомъ и радуется; если же ребенокъ плачетъ, это значитъ, что зайши или Бурханъ, разговаривая съ нимъ, дразнитъ его, пугая, что возьметъ у него отца или мать.

5. Новорожденный ребенокъ все знаетъ, о чемъ онъ говорить самъ съ собою; это знаютъ также и тѣ люди, которые понимаютъ дѣтскій говоръ. Если у бурята маленькій ребенокъ сильно лепечетъ, тогда приглашаютъ такого бурята, который извѣстенъ за человѣка, понимающаго дѣтскій языкъ. При этомъ стараются это сдѣлать такъ, чтобъ ребенокъ не зналъ; если онъ узнаетъ, то не будетъ говорить; тогда нужно его обмануть; приглашенный человѣкъ, знающій дѣтскій го-

воръ, долженъ притвориться спящимъ или нужно сдѣлать видъ, будто онъ уѣхалъ.

6. Если маленькій ребенокъ смотритъ на ладони своихъ рукъ и играетъ, это значитъ, онъ выростетъ благополучно; если онъ смотритъ на свои руки не со стороны ладони, а съ оборотной стороны—онъ будетъ болѣзненный и будетъ часто болѣть.

7. Нѣкоторые буряты вѣрятъ, что когда у кого-нибудь дѣти родятся и потомъ умираютъ, чтобы предотвратить смерть слѣдующаго ребенка, то нужно его послѣдъ бросить собакѣ; если собака съѣстъ послѣдъ, родившійся ребенокъ будетъ жить; если не съѣстъ, дурная примѣта: ребенокъ умретъ.

8. Если въ семьѣ дѣти постоянно умираютъ, то вновь родившемуся ребенку хорошо давать сосать собаку. У одного буряты дѣти постоянно умирали; однажды у этого человѣка одновременно разрѣшилась отъ бремени жена и оценилась сука; ребенку дали сосать сосцы суки; онъ не умеръ, какъ другіе, а выросъ большимъ, очень сильнымъ и красивымъ.

9. Если во время беременности женщины отца нѣтъ дома, то ребенокъ не спѣшитъ родиться, а ждетъ возвращенія отца. Если отецъ замедлится въ пути, замедляются и роды и мать мучается; тогда бьютъ мать штанами, чтобы ребенокъ скорѣе родился. Это повѣрье бильширскихъ бурятъ.

10. Если у человѣка родятся двойники, унгинскіе буряты считаютъ изъ нихъ того старшимъ, который родился послѣ, потому что старшій приказываетъ младшему родиться впередъ, а самъ выходитъ на свѣтъ послѣ него.

11. Когда маленькія дѣти играютъ землею, будто косятъ сѣно, ставятъ копны и зароды изъ земли, въ этотъ годъ будетъ урожай хлѣбовъ и травъ; а если дѣти играютъ камнями, будетъ неурожайный годъ, тяжелый для дѣтей и скота.

12. Если новорожденный ребенокъ до года начнетъ ходить, это считается не особенно хорошимъ. Тогда въ ребенка бросаютъ шапкою три раза такъ, чтобъ каждый разъ ребенокъ упалъ; это дѣлается, чтобъ ребенокъ не ходилъ ранѣе года.

Душа человѣка.

1. Человѣкъ имѣетъ двѣ души. Одна хорошая душа; во время сна она выходитъ изъ тѣла и ходить по разнымъ мѣстамъ, отчего у человѣка бываютъ сновидѣнія. Эту хорошую душу человѣка ловятъ духи. Другая душа худая; она постоянно находится въ тѣлѣ человѣка и никогда его не оставляетъ. Послѣ смерти человѣка худая душа тоже находится около тѣла.

2. Когда человѣкъ спитъ, душа выходитъ изъ тѣла и иногда летаетъ. Этой способностью обладаютъ души рѣдкихъ людей. Летящую душу никто не можетъ поймать. Она летаетъ высоко и далеко.

3. Вышедшую изъ тѣла во время сна человѣческую душу преслѣдуютъ духи и стараются поймать ее; она обращается въ мышь, убѣгаетъ отъ нихъ, прячется въ нору или куда нибудь около дома.

4. Кошмаръ буряты объясняютъ тѣмъ, что худая душа давить человѣка. Когда съ кѣмъ изъ бурятъ случится кошмаръ, онъ дѣлаетъ на поясѣ три узла и кладетъ его на себя или у изголовья; тогда кошмара не будетъ, т. е. худая душа не будетъ давить человѣка. Нѣкоторые буряты, чтобъ не было кошмара, кладутъ возлѣ себя ножикъ или топоръ, или огниво; духъ боится этихъ вещей и не давить спящаго подъ ихъ охраной человѣка.

Заяши.

Унгинскіе буряты вѣрятъ, что каждый человѣкъ имѣеть своего собственнаго „заяши“, который заботится о немъ. У богатыхъ людей заяши бываетъ тоже богатый. Онъ ѣздитъ на хорошемъ конѣ, въ хорошемъ одѣяніи и въ рукѣ держитъ арканъ (бугуля)*), присматриваетъ за табунами и за рогатымъ скотомъ, чтобы они не терялись и чтобы ихъ не давилъ звѣрь. Заяши заботится о своемъ человѣкѣ; онъ будитъ его рано поутру, чтобы онъ бодрствовалъ и работалъ. У трудолюбиваго и прилежнаго человѣка и заяши бываетъ трудолюбивый и прилежный. У бѣднаго человѣка заяши тоже бѣдный, ѣздитъ на худомъ конѣ, въ худомъ одѣяніи. Если бѣдный человѣкъ не имѣеть коня и ходитъ пѣшкомъ, то и его заяши ходитъ пѣшкомъ. У лѣниваго человѣка заяши тоже лѣнится и сердится на своего человѣка, что онъ лѣнится и не работаетъ; иногда даже такого лѣниваго человѣка заяши оставляетъ и перестаетъ заботиться о немъ. У прилежнаго человѣка заяши радуется, что его человѣкъ работаетъ.

Когда человѣкъ родится, то у него бываетъ три души (хүн гурбан хунгэтэ, порусски „человѣкъ съ тремя душами“). Первая хорошая душа (хайн хунгэн)—это есть заяши. Вторая средняя душа (дунда хунгэн)—это та душа, которая во время сна человѣка оставляетъ тѣло и странствуетъ повсюду; эту вторую душу ловятъ духи, и если поймаютъ и посадятъ въ темницу, то человѣкъ умираетъ; когда духи гоняются за

*) „Бугуля“ буряты дѣлаютъ такъ: берутъ тонкій березовый шестъ или жердню длиною болѣе 2 сажень, очищаютъ его отъ коры и сучьевъ и гладко строгать; на тонкомъ концѣ (вершинѣ) привязываютъ конецъ длиннаго ремня, другой конецъ котораго привязываютъ къ тому же шесту въ разстояніи аршина отъ перваго уала; тогда получается бугуля, которой ловятъ жеребятъ и большихъ кобылъ.

душой и ловятъ ее, она плачетъ; другіе люди слышать этотъ плачь и говорятъ тогда: „духи изловили чью-то душу“. Когда же человѣкъ, душа котораго поймана духами, умретъ, то душа его дѣлается духомъ и странствуетъ повсюду на томъ самомъ конѣ, на которомъ похороненъ покойникъ и въ томъ самомъ одѣяніи, въ которомъ его похоронили.

Вторая душа богатаго человѣка ѣздитъ поэтому на томъ хорошемъ конѣ, на которомъ его похоронили, на немъ то самое нарядное одѣяніе, при немъ тѣ же орудія, она ѣстъ тѣ самыя кушанья, пьетъ то самое вино, которые дали покойнику при его похоронахъ. У бѣднаго покойника и вторая душа его будетъ послѣ его смерти жить въ бѣдной обстановкѣ.

Третья худая душа (му зунжэн) постоянно бываетъ въ тѣлѣ и никогда отъ него не отлучается. Эта душа никакого добра не дѣлаетъ, а дѣлаетъ скорѣе вредъ; по понятію бурятъ кошмаръ бываетъ у людей отъ этой худой души; когда человѣкъ спитъ, эта худая душа выходитъ изъ тѣла и давить его. Послѣ смерти человѣка худая душа остается около тѣла, караулитъ его и нигде нейдетъ. Вотъ почему, по мнѣнію бурятъ, на могилахъ покойниковъ строить домъ невзначай худо; худая душа покойника будетъ показываться и вредить хозяину дома.

Послѣ смерти человѣка хорошая душа т. е. заяши поднимается на небо, вторая средняя душа дѣлается духомъ и странствуетъ по землѣ, третья худая остается около тѣла, а когда тѣло покойника сгниетъ, кости разрушатся и ничего не останется, она дѣлается вихремъ (хи-хуй). Въ этомъ вихрѣ въ самой серединѣ его вертится духъ т. е. худая душа человѣка въ видѣ моркови; верхняя часть этого духа толстая; на самой верхушкѣ головы только одинъ глазъ; книзу духъ дѣлается все тоньше и тоньше, и кончается

острымъ концомъ; эту форму онъ получаетъ по тому, что, вертясь въ вихрѣ, истирается и становится тоньше; подь конецъ онъ совсѣмъ истирается и исчезаетъ.

Когда буряты видятъ вихорь, то говорятъ:

Дологонор хатхул

Быть уколоту боярышникомъ,

Долон жумар харбул

Быть застрѣлену семью стрѣлами.

Если эти слова произнести, то будто бы вихорь прекратится.

Въ прежнее время жилъ одинъ бѣдный человѣкъ, который нуждался во всемъ. Однажды этотъ бѣднякъ пошелъ искать своего заяши. Идя по дорогѣ, онъ встрѣтилъ такого же бѣднаго человѣка, какъ самъ онъ, шедшаго, какъ и самъ онъ, тоже пѣшкомъ. Куда идешь? спросилъ онъ этого человѣка; а тотъ въ свою очередь спросилъ его: „Ты куда идешь“? Тогда тотъ бѣдный человѣкъ говоритъ: „Я, бѣдный человѣкъ; пошелъ искать своего заяши“. Встрѣтившійся говоритъ: „Я твой заяши. Что тебѣ нужно“? Бѣднякъ отвѣчаетъ: „Я очень бѣденъ. Какъ мнѣ разбогатѣть? научи“! Заяши говоритъ: „Одинъ богатый человѣкъ будетъ колоть верблюда; иди къ нему, помоги ему заколоть, а шкуруними цѣликомъ; когда снимешь, набей ее травой и неси на себѣ; я буду въ это время на небѣ у Бурхана, и когда ты понесешь шкуру, набитую травой, я скажу Бурхану: „Посмотрите, какой сильный человѣкъ! На себѣ несетъ верблюда“! Тогда Бурханъ посмотритъ на тебя и ты будешь богатъ“. Послѣ этого бѣднякъ пошелъ къ богатому человѣку, помогъ ему заколоть верблюда, снялъ шкуру цѣликомъ, набилъ ее травой и несетъ на себѣ. Въ это время его заяши поднялся на небо и былъ у Бурхана. „Посмотрите, сказала онъ Бурхану, на землѣ какой-то сильный человѣкъ на себѣ несетъ верблюда“. Бурханъ посмотрѣлъ внизъ и увидѣлъ этого

человѣка. Съ того момента бѣднякъ сталъ поправляться и сдѣлался богатымъ человѣкомъ. Но когда скотъ его размножился, ему не стало ни покоя, ни времени; онъ постоянно долженъ былъ смотрѣть за своимъ скотомъ и беспокоиться о его цѣлости. Наконецъ ему стало лѣнь ходить за скотомъ и онъ подумалъ, жить бѣдному лучше и спокойнѣе, чѣмъ богатому. И онъ поѣхалъ искать своего заяши; онъ встрѣтилъ его ѣдущимъ на хорошемъ конѣ, въ хорошемъ одѣяніи и въ рукѣ у него арканъ. Заяши спросилъ его: куда ты ѣдешь? „Я ищу своего заяши“, отвѣчаетъ тотъ. Заяши спрашиваетъ: „Зачѣмъ ты ищешь меня? что тебѣ нужно?“—Богатому жить трудно, отвѣчаетъ человѣкъ. День и ночь не знаю покоя. Сдѣлай меня опять по прежнему бѣднымъ.—Тогда заяши научилъ его, что сдѣлать. „Когда пріѣдешь домой, сказалъ ему заяши, то всю посуду положи отверстиемъ къ двери, корзины (тѣши) приставь наклонно къ стѣнѣ тоже отверстиями къ двери, и такъ ночуй! На другое утро, когда будешь выгонять овецъ, то возьми простоквашу съ вьюкомъ (аша) и, когда овцы будутъ выходить изъ двора, макай вьюкъ въ простоквашу и бей каждую овцу по задницѣ. Тогда опять сдѣлаешься по прежнему бѣднымъ“. Заяши уѣхалъ, а человѣкъ пріѣхалъ домой, всю посуду положилъ отверстиями къ двери, корзины приставилъ къ стѣнѣ наклонно также отверстиями къ двери; на другое утро, когда сталъ выгонять овецъ, то взялъ вьюкъ, началъ макать его въ простоквашу и бить каждую овцу по задницѣ. Тогда всѣ овцы обратились въ козуль (гөрөхөн), почему у козуль подъ хвостомъ бѣлое пятно. Остальной скотъ у него пропалъ. Тогда онъ сдѣлался по прежнему бѣднымъ. Нѣкоторое время спустя этотъ бѣдный человѣкъ опять пошелъ искать своего заяши и нашелъ его; на этотъ разъ заяши шелъ пѣшкомъ и былъ въ бѣдномъ одѣяніи. Человѣкъ говоритъ ему: „Худо

жить бѣдному; лучше жить богатымъ, хоть и не зная покоя ни днемъ, ни ночью. Сдѣлай меня опять богатымъ“! Но заяши отвѣтили: „Бурханъ по желанію людей богатство не даетъ. Ты прикончилъ свое счастье и болѣе меня не ищи“! Сказавши это, заяши ушелъ, а бѣдный человѣкъ остался бѣднымъ.

Въ другомъ варіантѣ этого разсказа начало совершенно то же самое. Бѣднякъ, разыскавшій своего заяши, просить сдѣлать его богатымъ; заяши наставляеть бѣдняка набить верблюжью шкуру травой, и нести ее мимо горы, на которой будутъ сидѣть всѣ заяши и Бурханъ. Бѣднякъ исполнилъ приказаніе. Когда онъ проносилъ шкуру мимо горы, заяши сказали: „Посмотрите, какой сильный человѣкъ! Онъ несетъ на себѣ верблюда“! Всѣ заяши и Бурханъ посмотрѣли на этого бѣднаго чѣловѣка и человѣкъ сдѣлался богатымъ.

Буряты вѣрятъ, если Бурханъ на кого посмотритъ, тотъ долженъ сдѣлаться богатымъ и жить счастливо; они обыкновенно говорятъ о томъ, кто живетъ богато: „Бурхан харѣ (по русски „Бурханъ увидалъ“). Также есть повѣрье, если человѣкъ набьетъ верблюжью шкуру травой, понесетъ на себѣ и побываетъ съ нею въ трехъ разныхъ и отдѣльных мѣстностяхъ, то будетъ богатъ, потому что его увидитъ Бурханъ.

Доля.

Каждому человѣку назначена своя доля. Если человѣку суждено жить богато и счастливо, то онъ и будетъ жить счастливо, а если суждено жить бѣдно и страдать, то онъ будетъ всю жизнь страдать и никакъ не разбогатѣетъ.

Одинъ человѣкъ ѣхалъ ночью, заблудился и случайно остался ночевать среди могилъ покойниковъ; онъ слышитъ

разговоръ духовъ т. е. разговоръ, который вели между собою души похороненныхъ тутъ покойниковъ. Они говорили между собой, что у нихъ ночуетъ гость, не позволяли постороннимъ духамъ обидить этого человѣка и говорили имъ: не троньте нашего гостя! Къ утру пришли другіе духи и рассказываютъ, что въ ближайшемъ улусѣ у одного человѣка родился ребенокъ. Одинъ духъ спрашиваетъ, кто родился. Другой духъ отвѣчаетъ: „Дѣвочка, которая имѣетъ долю (хуба, буквально по русски „пай“) выйти замужъ за вашего гостя“.

Утромъ этотъ человѣкъ поѣхалъ въ ближайшій улусъ. Входитъ въ одну юрту; лежитъ новорожденная дѣвочка. Онъ разсердился, что ему суждено жениться на такой маленькой и только что родившейся дѣвочкѣ, выхватилъ изъ ноженъ ножикъ и бросилъ въ дѣвочку, а самъ выбѣжалъ изъ юрты и уѣхалъ. Впослѣдствіи этотъ человѣкъ женился на молодой дѣвицѣ и однажды на ея ногѣ выше колѣна нащупалъ шрамъ. Спрашиваетъ у жены: „Отчего у тебя на ногѣ шрамъ“? Она говоритъ: „Когда я только родилась, какой-то неизвѣстный человѣкъ бросилъ на меня ножикъ и попалъ въ ногу“. Тогда этотъ человѣкъ вспомнилъ разговоръ духовъ на могилахъ и о томъ, какъ онъ бросилъ ножъ на дѣвочку. Каждый человѣкъ долженъ жениться на суженой (хубитай) по долѣ, а не на другой; каждой дѣвицѣ отъ рожденія уже предрѣшено, за кого выйти замужъ. Если мужчина по ошибкѣ женится не на той, которая ему суждена, онъ будетъ несчастенъ, мужъ и жена будутъ жить не дружно, будутъ часто ссориться, у нихъ не будетъ дѣтей, а если и будутъ, то будутъ умирать. да и сами не будутъ долго жить, одинъ изъ нихъ скоро умретъ. А потому буряты, когда женятъ сыновей или отдають замужъ дочерей, чтобы узнать ихній „хубитай“, прибѣгаютъ къ ворожбѣ ворожей.

Нѣкоторые люди со дня рожденія несчастны; всю жизнь страдаютъ; такая ихъ уже доля (буряты говорятъ „хубин тимэ“). У нѣкоторыхъ людей бываетъ красное родимое пятно (улан мѳнгѳк); это печать несчастной доли; у кого такое пятно есть, осужденъ всю жизнь быть несчастнымъ. Если это мужчина, то у него жена скоро умретъ, если женщина, то мужъ скоро умретъ.

О покойникахъ.

1. Если покойникъ лежитъ на столѣ не плотно, подъ спиною образуется пустое мѣсто, можно туда просунуть руку, это значить, что изъ семьи еще кто-нибудь умретъ. Если тѣло покойника лежитъ плотно, руки просунуть нельзя, это хорошая примѣта. Худую примѣтою считается, если тѣло покойника не коченѣетъ, а остается гибкимъ, какъ у живого, сгибается свободно; тоже будетъ другой покойникъ въ семьѣ, и притомъ скоро. Если тѣло окоченѣло, хорошая примѣта. Буряты обыкновенно имѣютъ привычку спрашивать родственниковъ или знакомыхъ покойника, окоченѣлъ покойникъ или нѣтъ. Если у покойника глаза останутся открытыми, это тоже худо; будетъ другой покойникъ. Если у покойника ротъ останется открытымъ, — скоть будетъ пропадать.

2. Оплакивать покойника сильно по мнѣнiю унгинскихъ бурятъ не хорошо; покойнику это въ тягость. Одна бурятка по смерти мужа сильно плакала о покойномъ мужѣ, который оставилъ ее съ малолѣтними дѣтьми. Однажды она увидѣла своего мужа во снѣ; оба переднiе подола его шубы были мокры; душа покойника едва ходила подъ тяжестью мокрыхъ подоловъ. Покойный мужъ сердито запретилъ женѣ плакать, потому что отъ ея слезъ подоль шубы становится тяжелымъ.

„Если ты еще будешь плакать, сказалъ онъ ей, возьму тебя къ себѣ“. Съ этого времени эта бурятка перестала плакать о покойномъ мужѣ, боясь умереть.

Смерть.

Унгинскіе буряты думаютъ, что человѣкъ умираетъ три раза; когда человѣкъ умретъ въ первый разъ, душа его дѣлается бохолдоемъ т. е. духомъ; когда умретъ во второй разъ, т. е. когда умретъ бохолдой, то душа его дѣлается вихремъ; внутри вихря вертится духъ вихря въ видѣ моркови, вверху толстый, книзу тоньше и тоньше и кончается остріемъ; на самомъ верху одинъ глазъ. По повѣрью буряты, если бросать чѣмъ-нибудь въ идущій вихрь, то духъ его сердится и дѣлается болѣе и болѣе. Если вихрь входитъ къ кому-нибудь въ домъ или въ юрту, это считается дурною примѣтою; значить, нечистый духъ вошелъ въ домъ. Когда душа человѣка умретъ въ третій разъ, то совсѣмъ исчезаетъ; существованіе ея прекращается.

Сновидѣнія.

Унгинскіе буряты вѣрятъ, что если кто-нибудь увидитъ во снѣ, что къ сосѣду пріѣхала свадьба и кто-нибудь въ сосѣдскомъ домѣ женится, то въ этомъ семействѣ умретъ мужчина.

Если видятъ во снѣ, что куда-нибудь выѣзжаетъ свадьба и будто какую-нибудь дѣвицу выдаютъ замужъ, то говорятъ, что въ этомъ семействѣ или улусѣ умретъ дѣвица или замужняя женщина.

Если кто-нибудь увидитъ во снѣ, что у кого-нибудь явился выстроенный новый домъ или вновь строящійся домъ, въ

томъ семействѣ кто-нибудь умретъ. Если домъ только еще строится, то покойникъ будетъ еще не скоро; если же при-
снится уже выстроенный, то кто-то скоро умретъ. Если домъ
строится изъ старыхъ деревьевъ, то умретъ старикъ или
старуха; если строится совершенно новый домъ, то говорятъ,
умретъ молодой человѣкъ. Если домъ строится небольшой и
некрасивый, то умретъ бѣднякъ; а если большой, красивый,
покрытый тесомъ, со многими красивыми окнами, то умретъ
богатый человѣкъ, имѣющій хорошее состояніе, знатнаго
происхожденія, въ числѣ предковъ котораго были или родо-
начальники или знатные бѣлые или черные шаманы.

О МОГИЛАХЪ.

Могилы покойниковъ на томъ свѣтѣ т. е. въ странѣ ду-
ховъ дѣлаются цѣлыми улусами *); каждая могила или гробъ
превращается въ домъ, въ которомъ живетъ душа покой-
ника. У кого гробъ сдѣланъ хорошо, у того домъ на томъ
• свѣтѣ хорошій, а у кого гробъ худой, у того на томъ свѣтѣ
домъ съ дырами и щелями.

У бурятъ считается грѣхомъ похоронить покойника на
свѣжемъ мѣстѣ, потому что покойникъ не любитъ лежать
одинъ; онъ непременно въ такомъ случаѣ возьметъ съ собой
(въ могилу) живыхъ людей; то есть живые должны умереть
и быть похоронены тамъ, гдѣ онъ похороненъ. Поэтому бу-
риаты не хоронятъ тамъ, гдѣ ранѣе никого не хоронили.
Когда къ существующимъ уже могиламъ присоединяется
новая, покойники радуются, что ихъ улусъ увеличивается.

Когда покойника похоронять, то заровняютъ землю или
лишнюю землю соберутъ кучкой, лопаты и другія вещи рас-

*) Улусъ „селеніе“.

колять и бросать на могильный холмъ; это называется „сдѣлали крышу“ т. е. домъ покойника покрыли тесомъ или драньемъ. Если земля на могилѣ осядетъ и образуется яма, —будетъ еще покойникъ; если не осядетъ, хорошій признакъ. Если могилу покойника разроетъ рогатый скотъ по привычкѣ, это считается хорошею примѣтою.

О духахъ.

Унгинскіе буряты вѣрятъ, что души покойниковъ въ странѣ духовъ живутъ, какъ живые люди на этомъ свѣтѣ; онѣ ходятъ тамъ въ томъ самомъ одѣяніи, въ которомъ были похоронены покойники, ѣздятъ на томъ самомъ конѣ и съ той самой сбруей. Духи ведутъ вполне праздную жизнь; они не работаютъ, какъ живые люди. Они устраиваютъ свои вечерки и гулянья, во время которыхъ пляшутъ бурятскую пляску „хатарха“ и пьютъ вино и тарасунъ. Все это духи дѣлаютъ ночью, а къ утру перестаютъ. Во время вечерокъ они разводятъ свой огонь, который живые люди видятъ; огонь духовъ блѣдносиній. Вечерки свои духи дѣлаютъ на степи, на открытыхъ мѣстахъ или на горахъ, въ падахъ, въ лѣсахъ и на болотахъ, гдѣ имъ вѣдуается; иногда въ пустыхъ зданіяхъ, въ которыхъ никто не живетъ. Огонь духовъ можно украсть живымъ людямъ, но исполнить это очень трудно и опасно; если же кто украдетъ его, тотъ разбогатѣетъ. Въ прежнее время жилъ одинъ буряты, у котораго были два бѣгунца; одинъ изъ нихъ очень хорошій бѣгунецъ, а другой похуже. У буряты былъ одинъ сынъ и умеръ; отецъ похоронилъ сына на хорошемъ бѣгунцѣ. Потомъ этотъ буряты вздумалъ украсть у духовъ огонь, чтобы сдѣлаться богатымъ; онъ увидѣлъ, что духи сдѣлали вечерку и развели огонь. Буряты

осѣдлалъ своего коня, но особеннымъ образомъ; онъ положилъ сѣдло на коня переднею лукою назадъ къ хвосту и самъ сѣлъ на коня, лицомъ обратясь къ его хвосту; къ концу тоненькой и длинной тычинки привязалъ труть и потихоньку подѣхалъ къ вечеркѣ духовъ. Духи, видя чловѣка спиной къ нимъ, подумали, что онъ ѣдетъ не къ нимъ, а отъ нихъ. Когда буряты подѣхалъ къ духамъ близко, онъ сунулъ конецъ тычинки съ трутомъ въ огонь и труть загорѣлся. Сдѣлавъ это, онъ помчался въ махъ отъ духовъ; духи погнались за нимъ, но все отстали отъ него, не могли догнать, только одинъ не отставалъ отъ него и наконецъ догналъ. Это былъ его умершій сынъ на конѣ, на которомъ онъ былъ похороненъ. Буряты отецъ слѣзъ съ коня, легъ на землю внизъ лицомъ и скрытъ подъ собой украденный у духовъ огонь. Сынъ узналъ своего отца, сказалъ ему: „болѣе не дѣлай кражу нашего огня!“ и уѣхалъ обратно; буряты пріѣхалъ домой и впоследствии сдѣлался богатымъ.

Молькинскіе буряты вѣрятъ, что если чловѣкъ захочетъ удавиться, то духи радуются, называютъ того чловѣка славнымъ, хвалятъ его намѣреніе и торопятся помогать ему удавиться, чтобъ онъ не раздумалъ и не снялъ съ себя веревки. Одинъ буряты имѣлъ раздражительный характеръ; разсердившись на жену, всякій разъ убѣгалъ отъ нея и говорилъ, что удавится; жена гналась за нимъ и уговаривала его не давиться. Разъ, разсердившись на жену, онъ убѣжалъ давиться, надѣлъ на себя петлю, и сидитъ, ждетъ жену. Прибѣжали духи и говорятъ: „Какой славный чловѣкъ! какое хорошее намѣреніе имѣешь!“ и начали его давить. Буряты испугался, снялъ съ себя петлю и убѣжалъ домой и съ тѣхъ поръ пересталъ пугать жену (со словъ бурята Луки Аршинова).

Въ тайгѣ на вершинѣ пади Хаза недалеко отъ Хахинскаго рода есть духъ, который по ночамъ кричитъ: гдѣ вы? Этотъ крикъ живые люди слышатъ. Въ этой тайгѣ въ прежнее время заблудился одинъ человѣкъ и умеръ; душа этого человѣка, сдѣлавшись духомъ, бродитъ теперь по тайгѣ и кричитъ: гдѣ вы?

Иногда человѣку чудится будто кто-то зоветъ его по имени, а никого не видно поблизости; по мнѣнiю бурятъ это духи зовутъ того человѣка и если тотъ откликнется на зовъ, то умретъ. Въ такихъ случаяхъ не нужно откликаться или обращаться назадъ, а нужно идти впередъ. Если это случится ночью, то нужно лечь внизъ лицомъ, не откликаться и не выходить на улицу. Иные говорятъ при этомъ: „Лежу, какъ черный камень, звѣня; лежу, какъ рыжiй камень, гудя!“

Простые духи т. е. души простыхъ покойниковъ ѣздятъ ночью; если они на пути встрѣтятъ живыхъ людей, то они ихъ также боятся, какъ живые люди боятся духовъ. Если простой духъ впередъ увидитъ ѣдущаго живого человѣка, а живой человѣкъ не видитъ духа, послѣднiй иногда пугаетъ коня, на которомъ тотъ ѣдетъ. Иногда живой человѣкъ впередъ увидитъ простого духа, простой духъ не видитъ человѣка, боится его и тогда коня, на которомъ ѣдетъ духъ, пугается.

Однажды простой духъ встрѣтилъ на пути живого человѣка, а живой человѣкъ увидѣлъ духа напередъ; простой духъ испугался, а конь его бросился въ сторону. Отъ этого испуга духъ сильно заболѣлъ, призвалъ духа-шамана; тотъ поворожилъ и сказалъ ему, что онъ встрѣтилъ „ябадала“ и что нужно побрызгать этому ябадалу тарасуномъ. Духъ-шаманъ побрызгалъ отъ имени больного духа тарасуномъ встрѣтившемуся живому человѣку и больной духъ выздоровѣлъ.

Духи ловятъ души людей и коней, но они не могутъ поймать ихъ безъ помощи живого человѣка. Въ каждомъ родѣ или улусѣ духи имѣютъ живыхъ людей, которые помогаютъ имъ ловить души. Буряты не любятъ человѣка, про котораго распространится молва, что онъ помогаетъ духамъ въ ихъ ловлѣ душъ, и во время гулянокъ пьяные буряты иногда задаютъ трепку такому человѣку, чтобъ онъ не занимался такимъ худымъ дѣломъ. Свое содѣйствіе духамъ такой человѣкъ оказываетъ во время сна; когда онъ спитъ, его душа выходитъ изъ тѣла и отправляется вмѣстѣ съ духами на ловлю душъ. Во Второмъ Олзоевскомъ родѣ въ Мельхотуйскомъ улусѣ былъ бурятъ, который занимался этимъ дѣломъ. Когда онъ хотѣлъ отправиться на охоту за душою, онъ ночью сѣдлалъ коня, на сѣдло вѣшалъ колчанъ со стрѣлами и лукъ въ футлярѣ, а самъ ложился спать. Во время сна душа его выходила изъ тѣла и садилась на душу осѣдланнаго коня и отправлялась вмѣстѣ съ духами ловить душу или человѣка, или коня. Этотъ бурятъ иногда предупреждалъ сосѣдей, что въ эту ночь будутъ ловить душу такого-то человѣка или такого-то коня и люди принимали въ такихъ случаяхъ предосторожности, иные всю ночь не ложились спать.

Ада.

Ада прежде была дѣвица, которая сдѣлалась адою послѣ смерти. Ада имѣетъ одинъ глазъ на лбу и на каждой рукѣ по три пальца. Она ѣстъ только новорожденныхъ дѣтей; какъ только ребенокъ подростетъ и будетъ въ состояніи поднять ножикъ, ада болѣе къ нему не подойдетъ; она боится и уже не можетъ его съѣсть. Ада не любитъ т. е. боится входить въ домъ, гдѣ есть сердитый и взычливый человѣкъ, который входя и выходя изъ дома, запираетъ

дверь, сильно хлопая; ада боится входить вмѣстѣ съ нимъ, думая, что такой горячій человѣкъ можетъ прищемить ее въ дверяхъ; она входить въ домъ только съ медленнымъ и вялымъ человѣкомъ.

Ада ростомъ не болѣе собаки; брюхо совершенно голое, безъ шерсти, а другіе говорятъ, что ада похожа на кошку. Одинъ буряты видѣлъ спящую ада, съ голымъ брюхомъ; сама она похожа на собаку. Ада очень скупа; если хозяинъ, въ домѣ котораго поселилась ада, даетъ кому-нибудь что-нибудь съѣстное, ада пожалѣветъ и пойдетъ за отданной пищей, а потому буряты избѣгаютъ брать съѣдобное изъ того дома, въ которомъ есть ада, изъ боязни, чтобъ ада не пришла и въ ихъ домъ (со словъ буряты Бильширскаго вѣдомства Василья Иванова).

Людѣды.

Въ прежнее время, какъ вѣрятъ унгинскіе буряты, жили людѣды; они были совершенно похожи на людей, говорили человѣческимъ языкомъ, но только ѣли человѣческое мясо. Поймавъ человѣка, они сначала откармливали его, чтобъ онъ сдѣлался жирнымъ; для этого они давали ему ѣсть печень убитаго человѣка; когда человѣкъ съѣстъ человѣческую печень, то начнетъ жирѣть и до того ожирѣетъ, что не можетъ ходить. Откормивъ человѣка, людѣды колятъ его, и сперва ѣдятъ печень, потому что она у человѣка очень вкусна, а потомъ ѣдятъ мясо.

О кладахъ.

По мнѣнію буряты въ ихъ землѣ въ разныхъ мѣстахъ есть клады золота и серебра, которые зарыты китайцами. Въ прежнее время въ Балаганскомъ уѣздѣ жили китайцы; сами жили на горахъ, а скотъ запирали во дворахъ, обве-

денныхъ вокругъ вырытыми канавами; для входа оставляли нерытое мѣсто. Слѣды такихъ дворовъ указываются въ разныхъ мѣстахъ уѣзда; буряты называютъ ихъ „китайскими дворами“ (китази хѳр). Китайцы ушли съ этихъ мѣсть по случаю войны; въ Китаѣ была большая и продолжительная война; китайскій ханъ послалъ въ бурятскую землю своего чиновника, котораго буряты называютъ Зугэ-ноёнъ; онъ-то и угналъ китайцевъ въ Китай. Оставляя край, китайцы все свое золото и серебро зарыли въ землю, надѣясь вновь вернуться въ эту землю, но не вернулись и остались въ Китаѣ навсегда, а зарытое золото и серебро осталось въ бурятской странѣ, и изрѣдка попадаетъ теперь счастливому человѣку.

По бурятскому повѣрью это золото и серебро обращаются въ разныхъ животныхъ и бѣгаютъ. Серебро обращается въ зайца, въ бѣлаго барана, въ бѣлаго ямана или козла и бѣгаетъ по степи; золото въ солового жеребенка, въ желтаго ямана, въ желтую собаку и тоже бѣгаетъ. Если кто увидитъ и узнаетъ, что это кладъ, нужно подойти близко и бросить что-нибудь въ бѣгущее животное; если попадешь, животное превращается либо въ золото, либо въ серебро.

Зарываніе послѣда.

1. Когда родится ребенокъ, унгинскіе буряты имѣютъ обычай послѣдъ (охон хани) зарывать въ землю въ какой-нибудь посудѣ, чаще всего въ берестяномъ лукошкѣ; вмѣстѣ съ послѣдомъ въ лукошко кладутъ уголь, зерновой хлѣбъ, три черные камня, изрѣдка серебряную монету и березовыя лучинки; послѣдніе кладутъ крестообразно внизу и сверху; иногда на послѣдъ выливаютъ вино или тарасунъ. Бильширскіе буряты вмѣстѣ съ послѣдомъ зарываютъ боярышникъ и шиповникъ, такъ какъ злые духи боятся этихъ

растений. Некоторые буряты обертывают послѣдъ отцовскими штанами. Уголь кладутъ съ послѣдомъ, воображая, будто кладутъ огонь; раскалившись, уголь будетъ бросать искры; злые духи боятся искръ, и потому они будутъ бояться подойти близко къ ребенку и откажутся отъ намѣренія ловить его душу. Зерновой хлѣбъ кладутъ, чтобъ родившійся ребенокъ расплодился и размножился, какъ хлѣбъ; кромѣ того у бурятъ существуетъ повѣрье, что если душа человѣка, преслѣдуемая злыми духами, спрячется въ хлѣбъ, то духи не могутъ найти и поймать ее. Кладя зерновой хлѣбъ съ послѣдомъ, говорятъ: тарян бѣтѣ тара будан бѣбѣ будара (по русски: „какъ хлѣбъ распространись, какъ просо брызжи“). Три черныхъ камня кладутъ съ словами: хара шулун бѣтѣ ханхинажи ба, хурэ шулун бѣтѣ хунхинэжи ба (по русски: какъ черный камень, звеня, стой! какъ рыжій камень, гудя, стой!); этия хотятъ сказать, что послѣдъ или, какъ подразумѣваютъ, душа родившагося ребенка должна быть крѣпка и тверда, какъ камень въ отношеніи злыхъ духовъ. Иные, кладя камни, говорятъ: хара шулун халга хурэ шулунъ хурэ (по русски: черный камень ворота или дверь, рыжій камень каменный дворъ). Серебряную монету кладутъ, чтобъ родившійся ребенокъ былъ долговѣченъ, какъ серебряныя деньги; при этомъ говорятъ: мѣнгѣни дэли мѣнхѣ нахато боло (по русски: будь долговѣченъ лѣтами, какъ деньги). Березовыя лучинки кладутъ, чтобъ ребенокъ росъ и развѣтвлялся т. е. размножался, какъ березовое дерево; при этомъ говорятъ: хужан модони адали намшилажи намалажи ба (по русски: какъ березовое дерево съ листьями и вѣтвями стой!); крестообразное расположеніе лучинокъ вѣроятно вызвано представленіемъ, заимствованнымъ отъ русскихъ, будто злые духи боятся креста; съ той же цѣлью отпугать злыхъ духовъ кладутся боярышникъ и шиповникъ.

Вино и тарасунъ должны укрѣпить тѣло и душу ребенка; душа чтобъ ничего не боялась, тѣло чтобы не знало болѣзней; вино и тарасунъ у бурятъ почитаются твердымъ кушаньемъ, по бурятски хату иден. Для чего обертываютъ отцовскими штанами, буряты объяснить мнѣ не могли.

2. Обыкновенно буряты зарываютъ послѣдъ въ землю въ избѣ или юртѣ, въ первой, если ребенокъ родится въ зимникахъ, во второй если въ лѣтникахъ. Въ юртѣ зарываютъ его за очагомъ (хойморто). На улицѣ зарывать считаютъ грѣхомъ.

Судъ старухъ.

По словамъ унгинскихъ бурятъ бывалъ въ старину такъ называемый „судъ старухъ“; онъ устраивался въ томъ случаѣ, если у какого-нибудь бурята послѣ женитьбы не родятся дѣти; тогда у этого бездѣтнаго бурята собирались всѣ старухи изъ окрестности и варили саламатъ. Сваривъ саламатъ, клали его въ чашки и ставили вокругъ очага съ огнемъ, бездѣтнаго бурята сажали около очага и масло съ саламата и часть самаго саламата клали въ огонь очага. Послѣ этого самая старшая старуха снимала съ себя штаны и была бездѣтнаго бурята, приговаривая: „Спи съ своей женой... чтобъ родились дѣти! докуда будешь бездѣтнымъ“? Затѣмъ и всѣ остальные присутствующія старухи бьютъ его каждая своими штанами и приговариваютъ тѣ же слова. Потомъ всѣ старухи ѣдятъ сваренный саламатъ. На этомъ судѣ по обряду должны участвовать семь старухъ. Молодые женщины, дѣвицы и мужчины не участвуютъ.

Если черезъ годъ или болѣе послѣ этого обряда у бездѣтнаго бурята родился сынъ или дочь, и если у него было состояніе, то устраивали праздникъ, такъ называемый „ми-

лага". Это былъ вполнѣ женскій праздникъ. Бездѣтный бурятъ былъ наказанъ за свою бездѣтность старушечьимъ судомъ; теперь онъ исправилъ свое поведеніе, жилъ съ женой, какъ слѣдуетъ, удостоился сдѣлаться отцомъ, и въ благодарность за покровительство старухъ передъ зайнами онъ долженъ былъ устроить въ честь старухъ обрядъ „милага“.

Когда у бывшаго бездѣтнымъ бурята родится ребенокъ, на третій день послѣ его рожденія собираются всѣ сосѣди и родственники, въ особенности женщины всѣхъ возрастовъ; женщины являются здѣсь главными распорядителями праздника; мужчины принимаютъ участіе также не различая возраста.

Осчастливленный новорожденнымъ домохозяинъ готовится къ празднику; заготавливаетъ вино и тарасунъ, пригоняетъ табунъ лошадей и загоняетъ ихъ во дворъ. Собравшіяся женщины идутъ во дворъ, выбираютъ въ табунѣ по своему усмотрѣнію самую жирную кобылу и ловятъ ее арканомъ. Поймать кобылу должна непременно женщина; мужчины не принимаютъ участія въ ея ловлѣ. Одна изъ женщинъ беретъ арканъ, набрасываетъ на голову выбранной кобылы и тянетъ, а другія женщины помогаютъ ей, удерживаютъ ее, подводятъ къ дому и колятъ. Заколотъ кобылу должна по обряду женщина; она беретъ топоръ и бьетъ прямо въ лобъ кобылы; затѣмъ женщины снимаютъ шкуру, въ чемъ иногда помогаютъ имъ мужчины, а женщины чистятъ и моютъ внутренности, очищаютъ кишки отъ кала и тонкія кишки начиняютъ кровью; все мясо варятъ въ котлахъ; въ то же время въ куртѣ въ котлѣ варятъ саламатъ, съ котораго масло берутъ въ особую посуду.

Къ обряду „милага“ присоединяется еще другой обрядъ „ѳлгѳѳ урулха“ (целенаніе ребенка; ѳлгѳ „люлька“, урулха

„вводить“, слѣдовательно „вводить ребенка въ люльку“; т. е. ребенокъ входитъ въ свой домъ; блгѣдѣхѣ—пеленать ребенка въ люлкѣ). Для этого обряда колятъ барана или годового или двухгодового бычка, который спеціально назначается для „блгѣдѣ урулха“ (иногда говорятъ „торолхо“). Во время этого обряда новорожденного ребенка въ первый разъ пеленаютъ въ люлкѣ*). Всѣ собравшіеся дарятъ новорожденного ребенка, кто сколько можетъ; женщины приносятъ изъ своихъ домовъ въ подарокъ разные предметы для пеленанія: шкурки саксургъ молодыхъ козлятъ, козулю шкуру для пеленанія въ холодное время года, пеленки, спитыя изъ матеріи, рубашки для ребенка и пр.; нѣкоторыя молодыя женщины и дѣвицы дарятъ деньги. Если новорожденный мальчикъ, то старики приносятъ стрѣлы, на выемкахъ которыхъ привязаны бѣлыя миткалевая ленты и дарятъ ими въ знакъ того, что новорожденный вырастетъ большимъ и будетъ носить колчанъ со стрѣлами. Молодые мужчины дарятъ деньгами по состоянію. Родители новорожденного то же отдариваютъ гостей по состоянію; нѣкоторымъ надѣваютъ новыя рубашки, другимъ шелковые или простые платки, а женщинамъ на шею привязываютъ золотыя и серебряныя монеты и т. д. Въ прежнее время, когда обрядъ „торолго“ окончится, когда все, что приготовлено для него, съѣдятъ и выпьютъ, начинался веселый и бурный праздникъ „милага“.

Саламатъ и мясо колотой кобылы, сваренныя заранѣе, клали въ корзины и чашки и ставили около очага; тутъ же ставили посуду съ виномъ и тарасуномъ. Въ это время главными распорядителями бывали женщины. Онѣ капали вино и тарасунъ въ огонь, отъ мяса отрѣзывали нѣсколько кус-

*) Подробности напечатаны въ „Этногр. Обзорѣвѣ“, изд. Имп. Общества любит. естествозн., австр. и этногр., за 1891 г. № 3, стр. 151.

ковъ и тоже бросали въ огонь; клали въ него саламатъ и выливали на него масло. По совершеніи этого обряда начинали пить вино и тарасунъ и ѣсть мясо и саламатъ. Всѣ присутствующія женщины, какъ распорядительницы обряда „милага“, держали „харха“ или „хаба“*) и подавали гостямъ вино и тарасунъ; мужчины на этомъ праздникѣ являлись какъ бы гостями. Когда ѣда и питье приближались къ концу, подъ вліяніемъ выпитыхъ напитковъ общество становилось оживленнымъ, говоръ и шутки становились непринужденными. Въ это время женщины ставили около двери караулъ изъ старухъ и пожилыхъ женщинъ, которыя должны были не выпускать никого изъ юрты. Молодые мужчины, хорошо зная, что имъ угрожаетъ, старались выбраться изъ юрты заблаговременно, пока еще не поставленъ женскій караулъ.

Кто прозѣвалъ моментъ, того уже не выпустятъ и надъ нимъ свершится грозный судъ старухъ. Когда караулъ поставленъ, женщины распорядительницы брали особую посуду, клали туда масло и сажу съ котла и мѣшали; получалась черная мазь. Когда мазь готова, молодые женщины и дѣвицы выходили изъ юрты, а старухи и пожилыя женщины брали приготовленную мазь и сначала мазали ею лицо самой старой старухи; это дѣлалось, чтобъ показать, что судъ не лицепріятенъ, никому не дѣлаетъ пощады. Потомъ онѣ макали въ эту мазь свои руки, бросались на отца новорожденного и мазали ему лицо и тѣло; если онъ сопротивлялся, то женщины такъ расходились, что раздѣвали его и вымазывали ему все тѣло; когда его оставляли, вымазанный сплошь, онъ одѣвался. Потомъ женщины приступали къ другимъ мужчинамъ и мазали всѣхъ безъ разбора. Благоразумные мужчины не оказывали сопротивленія, сидѣли смирно и тогда женщины огра-

*) Хаба — сосуль.

ничивались только тѣмъ, что мазали одно лицо. Ни мольбы, ни просьбы не помогали; женщины не унимались, пока не вымажутъ всѣхъ мужчинъ отъ стараго до малаго. Мазали женщины и другъ друга, но только ради шутки, мужчинамъ же доставалось въ этотъ день больше всѣхъ, особенно молодымъ, которые были женаты, но еще не имѣли дѣтей.

Послѣ этого доѣдали мясо и саламатъ и допивали вино и тарасунъ; при этомъ весело шутили и пѣли пѣсни, а потомъ постепенно расходились по домамъ. Какое значеніе имѣло это мазанье черной мазью, я не могъ узнать; никто не могъ мнѣ этого объяснить. На этотъ праздникъ собиралось иногда множество гостей, такъ что доѣдали все мясо, и этимъ кончался праздникъ „милага“, который устраивали только богатые буряты, потому что онъ былъ сопряженъ съ большими расходами. Нынѣ буряты ограничиваются обыкновенно однимъ „торолго“.

Похороны скупого хозяина.

Когда въ семьѣ умретъ отецъ, который при жизни отличался скупостью, исполняютъ слѣдующій обрядъ. Когда покойникъ совсѣмъ одѣтъ и лежитъ на столѣ или въ юртѣ, то на полу направо отъ очага ставятъ маленькое ведро и кладутъ въ него молочную пищу и стрѣлу, къ которой привязана бѣлая миткалевая лента. Потомъ исполняютъ обрядъ „хурулха“, послѣ котораго ведро съ молочной пищей и стрѣлою привязываютъ на столбъ (хоймор тэнги) внутри юрты за очагомъ, а покойника выносятъ и хоронятъ. По повѣрью бурятъ хозяинъ покойникъ, отличавшійся при жизни скупостью, послѣ смерти возьметъ свой скотъ съ собою; это проявится тѣмъ, что скотъ начнетъ пропадать; если же исполнять обрядъ хурулха, то скотъ не будетъ пропадать, т. е.

покойникъ оставить свой скоть дѣтямъ. Когда послѣ обряда пройдетъ три дня, ведро отвязываютъ отъ столба юрты (тэнги), молочную пищу выливаютъ въ чашку или корзину, дѣлаютъ обрядъ „дэши барьха“, небольшую часть пищи бросаютъ въ огонь очага, остальное съѣдаютъ члены семьи, а постороннимъ не даютъ. Этимъ обрядъ кончается.

Дѣтскія игры.

1. *Волкъ и табуны.* Бурятскія дѣти не рѣдко играютъ въ игру волки и табуны лошадей. Игра ведется такъ. Одинъ изъ играющихъ дѣлается волкомъ, иногда двое; всѣ остальные мальчики и дѣвочки представляютъ табуны лошадей; изъ нихъ одинъ или два представляютъ жеребцовъ. Въ двухъ разныхъ мѣстахъ дѣлаютъ дворы, то есть на землѣ чертятъ два четверугольника въ разстоянii одинъ другого около 15 саж., болѣе или менѣе размѣрами смотря по желанiю играющихъ. Дѣти, изображающiя лошадей, стоятъ внутри дворовъ или очерченныхъ четверугольниковъ, а волки ходятъ между дворами и караулятъ ихъ. Табунъ выходитъ изъ двора и бѣжитъ къ другому двору; волкъ догоняетъ его и ловитъ лошадей; если онъ поймалъ мальчика или дѣвочку, значитъ онъ съѣлъ или задавилъ лошадь. Входить во дворъ и во дворѣ ловить волкъ не можетъ, онъ долженъ ловить только между дворами. Жеребецъ показываетъ, какъ будто онъ защищаетъ табунъ. Волкъ долженъ переловить всѣхъ лошадей въ обоихъ табунахъ; пойманныя имъ лошади становятся дѣтьми волка и помогаютъ ему ловить остальныхъ.

2. *Въ турпаны.* Буряты вѣрятъ, что птица турпанъ ѣсть своихъ дѣтей. Бурятскія дѣти, когда купаются въ рѣкѣ, играютъ въ турпаны. Одинъ или два изъ играющихъ представляютъ турпановъ, самца и самку; остальные—дѣтенышей

турпановъ. Турпаны гоняются за дѣтьми, стараются поймать ихъ т. е. хотять съѣсть; изображающіе дѣтенышей стараются уйти; они плаваютъ и ныряютъ. Когда большіе турпаны переловятъ всѣхъ дѣтенышей, игра прекращается.

Годъ.

У бурятъ каждый годъ имѣетъ свое названіе по имени животнаго; такихъ названій двѣнадцать: 1, мышь, хулагана; 2, быкъ, ухэр; 3, левъ, бар; 4, заяцъ, шандаган; 5, драконъ, лу; 6, змѣй, мого; 7, конь, морин; 8, овца, ховин; 9, Плеяды, Мишид; 10, курица, тахя, 11, собака, нохой; 12, свинья, гахай. Послѣ года свиньи слѣдующій годъ опять получаетъ названіе мыши и т. д. У унгинскихъ бурятъ новый годъ бываетъ осенью. Лѣтомъ Плеяды скрываются на нѣкоторое время; когда онѣ снова покажутся, у бурятъ начинается новый годъ.

Каждый бурятъ знаетъ хорошо свой годъ, т. е. годъ, въ который онъ родился, въ годъ ли Плеядъ или въ годъ быка или льва. По мнѣнію бурятъ каждый человѣкъ имѣетъ характеръ, подходящий къ тому животному, въ годъ котораго онъ родился. Напримѣръ, если онъ родился въ годъ быка, то онъ вялый, сонливый, выносливый, упрямый и т. д.; если онъ родился въ годъ мыши, онъ добродѣтельный, запасливый, благоразумный и пр.; родившіеся въ годъ льва бываютъ сердиты, вспыльчивы, смѣлы и т. д.; въ годъ змѣи злы, скрытны, хитры, и т. п.

Бурятъ въ годъ своего рожденія велеть себя осторожно, не выѣзжаетъ далеко изъ дома, обращается къ ворожеямъ и шаманамъ, чтобъ они предсказали ему, благополучно ли онъ проведетъ годъ своего животнаго. Кромѣ того онъ старается брызгать вино и тарасунъ мѣстнымъ горнымъ

старцамъ и пр., чтобъ они покровительствовали ему и защищали бы отъ злыхъ духовъ. По мнѣнію бурятъ человѣкъ въ годъ животнаго, въ которомъ родился, бываетъ очень хрупокъ, можетъ легко заболѣть и умереть. Злые духи ждутъ годъ рожденія человѣка и тогда особенно нападаютъ, потому что въ такой годъ легче ему повредить. Въ годъ своего животнаго мужчинамъ нельзя жениться, а дѣвицамъ выходить замужъ. Бурятъ, родившійся въ годъ быка ни за что не будетъ колоть быка или корову, хотя мясо не запрещается ѣсть; родившійся въ годъ коня во всю жизнь не будетъ колоть коня; а если придется, то поручаетъ сдѣлать это другому буряту, который родился не въ годъ коня.

Буряты считаютъ за грѣхъ женить сына или выдать дочь замужъ въ мартѣ мѣсяцѣ (по бурятски улан зудан). Если кто въ этотъ мѣсяцъ женится или выйдетъ замужъ, будетъ жить несчастливо.

Примѣчанія.

Два отрывка изъ повѣсти о Гэсэрѣ, которые здѣсь помѣщаются, даютъ мнѣ поводъ дополнить свои указанія на параллельныя мѣста этой повѣсти съ славянской повѣстью о Вавилонскомъ царствѣ. Они сдѣланы были мной въ книгѣ „Восточные мотивы въ средневѣков. европейскомъ эпосѣ“ (Спб., 1899 г.), на стр. 695 и слѣд. Навуходносоръ строить городъ; Гэсэръ строить домъ въ родѣ храма; въ обоихъ случаяхъ упоминается обложной змѣй, лежащій кольцомъ, голова вмѣстѣ съ хвостомъ; роль змѣя различна; въ славянской повѣсти городская стѣна построена въ видѣ змѣя; въ монгольской Гэсэръ принимаетъ видъ змѣя, чтобы окружить шедшій мимо караванъ и заставить людей каравана и его животныхъ принять участіе въ постройкѣ. Навуходносоръ заложилъ въ стѣну мечъ съ заклятіемъ ни подѣ какимъ предлогомъ не вынимать его; если онъ будетъ вынутъ, то всѣ изваянные и нарисованные въ городѣ змѣи оживутъ и истребятъ людей; это сходно съ тюрко-монгольскимъ разсказомъ о посохѣ Ерлика, воткнутомъ въ землю; когда онъ вынутъ изъ земли, изъ отверстія пошли гады и гнусы, которые мучатъ теперь людей. Параллельное представленіе, но съ такимъ же эсхатологичеткимъ значеніемъ, какъ мечъ Навуходносора, въ ордѣ связывается съ камнемъ, которымъ заткнуто отверстіе въ землѣ; если камень будетъ снятъ съ отверстія, изъ него польются воды и потомятъ землю. Такое представленіе въ тибетскомъ преданіи связано съ разсказомъ о построеніи храма или дворца. Въ разсказѣ о домѣ, который строитъ Гэсэръ также надъ водной поверхностью, какъ былъ построенъ надъ водой и тибетскій храмъ, упоминается объ отверстіи въ самомъ домѣ, которое было заткнуто камнемъ и изъ котораго могли изливаться воды.

О наводненіи тутъ не говорится, но, мнѣ кажется, это недомолвка *).

Если съ этимъ камнемъ дѣйствительно была связана эсхатологическая идея, то въ немъ можно видѣть эквивалентъ къ мечу Навуходносора. Когда царь Василій извлекъ мечъ Навуходносора изъ стѣны и выѣхалъ съ нимъ на войну, мечъ вырвался изъ его рукъ и началъ самъ рубить головы людямъ; сабля Гэсэра сама выскакиваетъ изъ ноженъ во время войны; ей не приписано способности самой рубить, но это тоже по моему недомолвка. Въ мечѣ Навуходносора слились какъ будто два образа: и камень, извлеченіе котораго изъ отверстія сулитъ гибель людямъ, и сабля Гэсэра, которая сама выскакиваетъ изъ ноженъ.

Ожившія змѣи истребили всѣхъ людей въ Вавилонѣ и съ тѣхъ поръ городъ представляетъ запустѣлое мѣсто. Въ немъ находится сердоликовая крабца; три отрока спятъ въ гробницахъ. Три посла царя Алевуя идутъ въ городъ добывать сердоликовую крабцу; отроки повидимому сторожатъ эту крабцу; они дадутъ наставленіе посламъ, гдѣ ее найти. Въ повѣсти о Гэсэрѣ также есть омертвѣлое царство; это царство Гумень-хана; въ немъ прекратилась жизнь; чтобы вывести царство изъ этого застывшаго состоянія Гэсэръ отправляется на небо добывать эрдени; на мѣстѣ трехъ отроковъ въ монгольской повѣсти бабушка Мандзанъ-Гөрмѣ-Ѡтѣдѣ; она хранительница эрдени. Три посла царя Алевуя приставляютъ лѣстницу къ городской стѣнѣ и лѣзутъ по ней; Гэсэръ также приставляетъ лѣстницу къ небу и по ней поднимается къ обители бабушки Мандзанъ-Гөрмѣ. Въ повѣсти о Вавилонскомъ царствѣ хранителемъ сердоликовой крабцы является также змѣй, который лежитъ вокругъ города; сердоликовая крабца уносится въ то время, когда

*) Въ преданіяхъ о построеніи зданія архитекторъ иногда предвидитъ возможность, что онъ не будетъ вознагражденъ за трудъ по договору и принимаетъ мѣры для отпущенія. Не имѣлъ ли этотъ камень въ эпіодѣ Гэсэра нѣкое значеніе предосторожности въ такихъ же личныхъ цѣляхъ, какъ камень въ одномъ изъ ласскихъ преданій о храмѣ, подложенный подъ центральную колонну такъ, что въ случаѣ чего его можно было выдернуть и постройка рушилась бы (Танг.-тиб. окр. Китая, II, 249); можетъ быть строители дома для Гэсэра положили камень на отверстие въ расчетѣ, если Гэсэръ окажется недобросовѣстнымъ, вынуть камень и тогда вода зальетъ постройку. Въ ласской легендѣ два наводненія; одно дѣйствительное; вода залила долину, но брошенный камень попадаетъ въ отверстие, изливающее воду и наводненіе прекращается. Другое призрачное; тибетскій царь подходитъ къ построенному дворцу и не смѣетъ двинуться далѣе; вода покрываетъ землю, царица бросаетъ перстень, оказывается, это не вода, а хрусталь. Можетъ быть это трансформация предвѣдушнаго мотива.

змѣй спитъ. Въ монгольской повѣсти Гэсэръ похищаетъ эрдени въ то время, когда хранительница ихъ Мандзанъ-Гѳрмѳ спитъ; этотъ сонъ навелъ на нее самъ Гэсэръ; онъ поднесъ ей вино въ семи чашахъ, Мандзанъ-Гѳрмѳ опьянѣла и заснула; въ славянской повѣсти возлѣ трехъ спящихъ въ гробницахъ отроковъ стоитъ рогъ съ мирромъ и лаваномъ; послы Алевуя вышли изъ него, стали веселы и уснули. Появленіе вина въ славянской повѣсти безцѣльно; въ монгольской оно разумнѣе. Когда послы Алевуя стали возвращаться изъ Вавилона и перелазили черезъ городскую стѣну, змѣй проснулся и свистнулъ; отъ этого свиста послы попадали съ лѣстницы въ обморокъ. Когда хранительница эрдени проснулась и замѣтила похищеніе, она тряхнула лѣстницу, по которой спускался Гэсэръ, и онъ былъ отброшенъ въ страну альбиновъ (или альвиновъ).

Можно указать еще на одну сходную черту въ дѣтствѣ Гэсэра и Навуходносора: послѣдній младенцемъ былъ брошенъ въ степи и найденъ; Гэсэръ былъ также въ дѣтствѣ брошенъ въ степи и найденъ.

Къ этимъ параллелямъ, которыя были уже указаны мною въ другихъ мѣстахъ, слѣдуетъ прибавить слѣдующія. Навуходносоръ заставляетъ поклоняться себѣ, какъ богу и за это обращенъ въ быка, питающагося травой. Въ напечатанномъ здѣсь эпизодѣ изъ повѣсти о Гэсэрѣ Лобсоголдой садится на тронъ, принимаетъ видъ бога и требуетъ отъ Гэсэра, чтобы онъ поклонился ему какъ богу; Гэсэръ поклоняется, подходитъ подъ благословеніе, и прикосновеніе Лобсоголдой превращаетъ его въ осла, котораго кормятъ травой. Въ разсказѣ о Навуходносорѣ три отрока, отказавшихся отъ поклоненія ему, ввержены въ пещь огненную, но не сгорѣли и поютъ въ огнѣ. Въ монгольскомъ эпизодѣ о Галь-Дѳлмѳ мальчикъ посаженъ въ желѣзный амбаръ, обложенъ горящимъ костромъ, но не сгораетъ, остается невредимымъ и поетъ. Въ монгольской повѣсти инциденты разобщены; лжебогъ является въ эпизодѣ о Лобсоголдоѣ, несгорающій отрокъ въ эпизодѣ о Галь-Дѳлмѳ; эти эпизоды представляются отдѣльными сказками, которыя объединены только именемъ Гэсэра. Въ повѣсти о Гэсэрѣ только одинъ несгорающій отрокъ, въ разсказѣ о Навуходносорѣ три, но не было ли трехъ отроковъ и въ монгольской повѣсти? Несгорающій отрокъ монгольской повѣсти былъ вырѣзанъ изъ утробы жены Галь-Дѳлмѳ; онъ имѣлъ золотую грудь. Подобные золоторукіе, золотоногіе или золотокудрые младенцы и

отроки известны преимущественно из сказок о гонимой царицѣ. Царица родитъ или трехъ такихъ мальчиковъ, по одному заразъ, или трехъ за одинъ разъ, или три раза родитъ, каждый разъ по три; враждебная женщина подмѣняетъ необыкновенныхъ дѣтей щенками и котятами и въ послѣдній разъ подкидываетъ чужого мальчика; впоследствии этотъ подкидышъ находитъ золоторукихъ братьевъ и возвращаетъ мать во дворецъ. Въ русско́й сказкѣ, записанной въ бѣйскомъ уѣздѣ, подкидышъ Короста находитъ золоторукихъ братьевъ въ теремѣ, вокругъ котораго, какъ вокругъ Вавилона, лежитъ змѣй кольцомъ и никого въ теремъ не пускаетъ*). Въ бѣйской сказкѣ не три отрока, а только два, но по сравненію съ другими вариантами, это недосмотръ редакціи; вѣроятно и здѣсь ихъ было три**). Инцидентъ съ золоторудымъ мальчикомъ не является неизбѣжнымъ звѣномъ въ эпизодѣ о Галь-Дѣлмѣ; сказка могла бы обойтись безъ него; инцидентъ приставленъ къ концу сказки безъ всякой нужды. Это заставляетъ думать, что о матери золоторудаго мальчика т. е. о женѣ Галь-Дѣлмѣ на была отдѣльная сказка, въ которой связь золоторудаго мальчика съ организмомъ сказки была прочнѣе. Не было ли такой сказки, въ которой мать золоторудаго мальчика представлялась въ положеніи, подобномъ тому, въ какомъ изображалась жена Аролбая въ сойотской сказкѣ или дочь Алтынбѣля въ киргизской? Въ первой сказкѣ младшая жена Аролбая родила мальчика, но старшая жена бросила его въ озеро, а вмѣсто него подложила щенка; сама мать тоже была брошена въ пустынь, но потомъ она находитъ своего сына и тотъ реабилитируетъ мать***); въ киргизской дочь Алтынбѣля оберегается отцомъ отъ сношеній съ людьми, посажена въ башню, въ которую входъ запрещенъ, но она зачинаетъ отъ солнечнаго луча; Алтынбѣль запираетъ ее въ ящикъ и ящикъ бросаетъ въ море †). Могъ существовать такой вариантъ, въ которомъ отецъ, заподозривъ дочь въ связи съ мужчиной, разсѣкаетъ ея утробу, чтобы уничтожить ребенка и находитъ тамъ мальчика, необыкновенное происхождение

*) Записки Красноярск. Подъотдѣла Имп. Русск. Географ. Общества, по этнографіи, т. I, вып. I, Красноярскъ, 1902, стр. 64.

***) См. тамъ же, стр. 8.

***) Потанинъ, Очерки с.-а. Монголіи, IV, 601—602.

†) Radloff, Proben, III, 82.

котораго отмѣчено неестественными особенностями тѣла. Дочь Алтынъ-бѣля родить Шингыса т. е. Чингиса, о которомъ существуетъ другой рассказъ, что онъ былъ ребенкомъ найденъ въ степи подъ деревомъ, которое давало ему сосать свою вѣтвь, и что потомъ онъ былъ сдѣланъ ханомъ, что надъ нимъ летала какая-то птица, которая кричала: чингисъ! чингисъ! почему ему и дано было имя Чингисъ; повидимому о Чингисѣ было преданіе въ родѣ того рассказа о Навуходносорѣ, который вставленъ въ славянскую повѣсть и который передаетъ, будто Навуходносоръ во время младенчества былъ брошенъ въ степи, будто его нашли подъ деревомъ, будто коза кормила его своимъ молокомъ, и будто когда Навуходносоръ входилъ въ ворота столицы, надъ нимъ закипѣлъ рогъ съ измирномъ, поставленный на городскихъ воротахъ и по этому Навуходносоръ былъ избранъ царемъ.

Мальчикъ, найденный въ степи, могъ быть выброшенъ въ степь или лицомъ, враждебно относившимся къ матери ребенка, какъ напримѣръ въ сойотской сказкѣ сынъ Аролбайхана Хэрэкъ-Кирвэсъ былъ брошенъ въ озеро, а мать его оставлена въ безлюдной степи. Или онъ могъ быть брошенъ самою матерью; въ этомъ случаѣ онъ могъ быть подброшенъ матерью къ отцу ребенка, какъ это сдѣлала со своимъ сыномъ мать Булагата въ бурятскомъ преданіи *), мать Идыге въ тюркской сказкѣ **), мать Цороса, подбросившая своего сына къ его незаконному отцу Бо-ноену въ калмыцкомъ преданіи ***), мать Навуходносора, подкинувшая своего сына Соломону въ славянской повѣсти †). Такъ какъ въ Чингисѣ можно видѣть тожественный персонажъ съ Цоросомъ (какъ Цоросъ считается предкомъ калмыцкихъ князей, такъ Чингисъ считается предкомъ монгольскихъ князей; оба они найдены въ степи въ тожественной обстановкѣ), то можно допустить, что о Чингисѣ рассказывалось все, что теперь извѣстно только о Цоросѣ, а именно, что онъ родился не отъ законнаго мужа, и что мать, боясь, чтобъ ея мужъ не убилъ ребенка, подбросила его дѣйствительному

*) Записки Вост.—сиб. Отдѣла И. Русск. Геогр. Общества по этн., т. 1, в. 2, Иркутскъ, 1890, стр. 96, 98, 99, 147.

**) Radloff, Proben, IV, 85, 164 и 241; Живая Старина, 1897, вып. IV, стр. 296, 301 и др.

***) Pallas, Sammlungen, I, 32.

†) А Н Веселовскій, Сказанія о Вавилонѣ, скинии и св. Грамѣ. Сб. 1896. Стр. 26 (Отд. оттискъ изъ Извѣстій Отдѣленія русск. яз. и словесности Имп. Акад. Наукъ, т. I, кн 4).

отцу. Гэсэръ также былъ брошенъ своей матерью въ степи, но ей не приписывается намѣренія подбросить его къ отцу.

Младенецъ съ золотыми руками, вырѣзываемый изъ утробы матери, въ русскомъ преданіи, кажется можетъ быть указанъ только въ былинѣ о богатырѣ Дунаѣ*).

Мальчикъ, вырѣзанный изъ утробы, точащей стрѣлу и трудно уязвимый есть и въ тибетской Гэсэриадѣ, но такъ какъ въ ней нѣтъ эпизода о Галь-Дѳлмѳнѣ, то инцидентъ нашель себѣ мѣсто въ другомъ эпизодѣ, именно мальчикъ этотъ есть сынъ жены Гэсэра, которая была увезена трѣмя хорскими царями**). Въ монгольской Гэсэриадѣ, переведенной Шмидтомъ на нѣмецкій языкъ, эпизода о Галь-Дѳлмѳнѣ также нѣтъ; но инцидентъ о сжигаемомъ заточникѣ есть; онъ перенесенъ въ эпизодъ, соотвѣтствующій бурятскому отрывку о Лобсогоддоѣ. Въ монгольской верси бурятскому Лобсогоддою соотвѣтствуетъ великанъ волшебникъ, принявшій видъ ламы; онъ требуетъ отъ Гэсэра поклоненія и обращаетъ его въ осла; потомъ, когда Гэсэръ стараніями своей другой жены снова приведенъ въ прежнее состояніе, Гэсэръ устраиваетъ ауто д'афе, строитъ домъ и въ немъ сжигаетъ лже-ламу***).

Число параллелей между славянской и монгольской повѣстью умножится, если мы къ сравненію привлечемъ тюркскую сказку объ Ирѣ-Тушлюкѣ и русскую о Баряѣ. Въ тюркской сказкѣ змѣй окружаетъ кольцомъ свадебный поѣздъ и соглашается дать ему пропускъ только подъ условіемъ, если Ирѣ-Тушлюкъ приметъ на себя трудъ освободить змѣйное царство отъ насилій Барса-Кильмеса подобно тому, какъ Ганга-Бэрэдъ проситъ Гэсэра защитить его отъ нападеній Галь-Дѳлмѳна. Ирѣ-Тушлюкъ ѣдетъ съ товарищами противъ Барса-Кильмеса подобно Гэсэру, который съ товарищами наѣхалъ на Галь-Дѳлмѳна. У Барса-Кильмеса есть топоръ; онъ вырвался изъ рукъ и отрубилъ голову самому Барса-Кильмесу, т. е. своему владѣльцу†). Этотъ топоръ ближе къ мечу На-

*) Къ имени Дунаѣ привязаны темы: 1) отравы (см. Живая Старина, годъ XI (1901), стр. 126) и 2) вырѣзываніе золоторукаго младенца изъ утробы матери; съ монгольскимъ Гэсэромъ также соединены двѣ темы: 1) отравы и 2) вырѣзываніе золоторукаго младенца изъ утробы матери (Потанинъ, Тангуты-татарск. окраина Китая, II, 113).

**) Въ тибетской редакціи повѣсти о Гэсэрѣ образъ человека, дѣлающаго стрѣлу, перенесенъ на Кала-мѳмбыра брата Гэсэра, сидящаго также въ желѣзномъ домѣ, но не обложенномъ горящими костромъ (Танг.—тиб. окр. Китая, II, 20).

***) Die Thaten Bogda-Gesser-chan's, S. Petersb., 1839, S. 281—282.

†) Radloff, Proben, IV, 443.

вуходоносора, чѣмъ Гэсэрова сабля; топоръ отрубаетъ голову своему обладателю въ родѣ того, какъ мечъ Навуходоносора, вырвавшись изъ рукъ царя Василья, отрубаетъ голову самому царю.

Русскія сказки о Бармѣ двухъ типовъ. Въ сказкѣ одного типа, варианты которой записаны только въ Великороссіи, Барма добываетъ изъ змѣинаго города корону, скипетръ и порфиру для русскаго царя; покойный Ждановъ сдѣлалъ подробное сближеніе этой сказки съ повѣстью о Вавилонскомъ царствѣ; эта работа покойнаго профессора даетъ право смотрѣть на сказку о Бармѣ, какъ на вариантъ славянской повѣсти; поэтому мы вправѣ искать въ ней параллелей къ Гэсэриадѣ и дѣйствительно мы находимъ одно мѣсто, котораго нѣтъ въ славянской повѣсти, но которому найдется соответствующій эпизодъ въ Гэсэриадѣ. Барма, спасшись бѣгствомъ изъ змѣинаго города, попадаетъ къ какой-то женщинѣ, которая вступаетъ съ нимъ въ супружескія отношенія, насильно удерживаетъ его, а когда онъ бѣжалъ отъ нея, она гонится за нимъ, но не имѣя возможности догнать, разрываетъ пополамъ прижитаго ребенка, и одну половину бросаетъ вслѣдъ за переплывающимъ рѣку въ лодкѣ Бармой.

Въ бурятской редакціи Гэсэриады Гэсэръ живетъ съ женщиной Алма-мѳргѳнъ-хатаной; женщина окормила его одуряющей пищей и онъ забылъ о своемъ домѣ и о другихъ своихъ женахъ; у женщины родился отъ него сынъ*). Въ другомъ мѣстѣ вставленъ разсказъ, какъ Гэсэръ уѣзжаетъ изъ дома Алма-мѳргѳнъ-хатаны. Она выходитъ изъ дому, повидимому хотѣла бы остановить Гэсэра, но не успѣла; въ досадѣ она разрываетъ прижитаго съ нимъ сына пополамъ**).

Въ тибетскомъ вариантѣ изъ Ладака еще ближе къ русскому сказкѣ. Женщина Dzemo дала Гэсэру забыдущее кушанье и забыдущій напитокъ и Гэсэръ забылъ свою вотчину gLing, свою жену 'aVrugto и играетъ съ Dzemo въ кости, развлекается состязаніемъ съ ней въ стрѣльбѣ изъ лука. Но память о родинѣ и женѣ возвращается къ Гэсэру и онъ убѣгаетъ отъ Dzemo; когда онъ переплывалъ черезъ рѣку на своемъ конѣ, Dzemo съ берега крикнула ему: „Такъ какъ ты, отецъ, благородной породы, то ѣшь верхнюю половину своего дитяти, а я, низкаго происхожденія, съѣмъ нижнюю половину“! Она раздѣлила своего ребенка на двѣ части и,

*) Танг.-тиб. окраина Китая, II, 76.

**) Ibid., II, 102.

ся на берегу, жуеть нижнюю часть своего ребенка, а Гэсэръ верхнюю половину, вѣроятно переброшенную ему черезъ рѣку, сожегъ (на погребальномъ кострѣ?) и надъ костями соорудилъ мавзолей (чортэнъ, mchod rten, по монгольски субурганъ)*).

Этого инцидента нѣтъ въ славянской повѣсти; появленіе его въ русской сказкѣ показываетъ, что русской землѣ была извѣстна болѣе полная редакція, чѣмъ славянская повѣсть; эта болѣе полная редакція ближе, чѣмъ славянская повѣсть, подходила къ монгольской повѣсти о Гэсэрѣ; она заключала въ себѣ такіе инциденты, которыхъ не было въ славянской повѣсти, но которые были въ монгольской.

Кромѣ сказки о змѣиномъ городѣ Барма является главнымъ лицомъ въ сказкѣ о хитромъ ворѣ. Два варианта этой сказки записаны въ Сибири, въ уѣздахъ бійскомъ и курганскомъ, одинъ напечатанъ у Афанасьева**). Сказка часто начинается съ того, что отецъ поочередно испытываетъ доброту мыслей своихъ трехъ сыновей; онъ возитъ по окрестности сначала старшаго сына, потомъ средняго, потомъ младшаго; старшіе братья мечтаютъ, какъ они будутъ заниматься хозяйствомъ; третій говоритъ, какъ было бы хорошо своровать***); въ вариантахъ у Афанасьева отецъ прогоняетъ младшаго сына, какъ человѣка, негоднаго для хозяйства; прогнанный сынъ ищетъ своего дядю, и вмѣстѣ съ нимъ занимается воровствомъ. Въ курганскомъ вариантѣ не отецъ, а дядя испытываетъ своихъ трехъ племянниковъ, годятся ли они въ воры; два старшіе оказались не приспособленными къ этому ремеслу, а третій какъ бы созданнымъ для него. Первый опытъ молодого вора былъ произведенъ имъ надъ самимъ дядей; воръ обрѣзываетъ подошвы отъ сапоговъ дяди или совсѣмъ оставляетъ его безъ сапогъ. Второй воровской подвигъ Бармы покража быка; Барма придумываетъ хитрость, крадетъ быка, но предупреждаетъ дядю, что поѣсть щей съ мясомъ краденаго быка ему, дядѣ, не удастся и дѣйствительно ухитрился такъ, что самъ наѣлся досыта, а дядю заставилъ голодать. На этомъ инцидентѣ курганскій

*) A. H. Francke, Der Frühlings- und Wintermythus der Kesarssage. Beiträge zur Kenntniss der vorbuddhistischen Religion Tibets und Ladakhs (Mémoires de la société finno-ougrienne. XV). Helsingfors, 1902, S. 48, 49.

**) Записки красноярск. Подотдѣла Географ. Общ. по згн., т. I, в. I (Красн., 1902), стр. 120. Афанас., № 219 (изд. 1897 г.), т. II, стр. 347.

***) Афан., № 219, подстрочное прибавленіе къ варианту b (воръ не названъ по имени; запис. въ воронежск. губ.); вар. g (воръ названъ Ванькой); подстрочное прибавленіе къ этому варианту (воръ названъ Барма Кутерьма).

вариантъ обрывается; варианты Афанасьева съ именемъ Бармы еще короче, но бійскій вариантъ продолжается параллельно сказкѣ о Сенькѣ Маломъ у Афанасьева и сказкѣ о Рампси-нитовомъ сокровищѣ у Геродота. Дядя съ племянникомъ обворовываютъ царское казначейство; царь принимаетъ мѣры, чтобы поймать вора, но это ему не удается; наконецъ онъ устраиваетъ въ своемъ дворцѣ пиры, жертвуетъ невинностью своей дочери, которая должна наложить примѣту на вора въ то время, какъ онъ придетъ къ ней на ложе. Двѣ ночи воръ искусно вывертывается, но послѣ третьей попадаетъся.

Если мы эти два рассказа о Бармѣ, рассказъ о Бармѣ ворѣ и рассказъ о Бармѣ, послѣ въ змѣиный городъ, соединимъ вмѣстѣ такимъ родомъ, что рассказъ о ворѣ поставимъ впереди, а рассказъ о змѣиномъ городѣ примемъ за продолженіе, то мы получимъ комбинацію съ чередованіемъ мотивовъ, сходнымъ съ Гэсэриадой, еслибъ мы изъ послѣдней взяли только двѣ главы, вопервыхъ рассказъ о молодыхъ годахъ Гэсэра, когда онъ назывался Джоро, вовторыхъ рассказъ о Гумень-ханѣ, царство котораго замерло. Гэсэръ въ молодые годы если не изображается воромъ, то описывается все таки озорникомъ; онъ издѣвается надъ невинностью своей будущей жены; у него, какъ и у Бармы, есть дядя, котораго онъ часто ставитъ въ смѣшное положеніе и также, какъ Барма, заставляетъ его иногда голодать. Сходныхъ инцидентовъ въ двухъ сказкахъ нѣтъ, но есть родственное въ характерахъ обоихъ героевъ, у Бармы и Гэсэра. Та сказка о Бармѣ, которую мы называемъ сказкою о ворѣ Бармѣ, имѣетъ сходство съ великорусскими сказками о хитромъ ворѣ въ родѣ сказки о Сенькѣ Маломъ, о Климкѣ и т. п., не только по характеру героя, но и по содержанію инцидентовъ. Въ свою очередь и повѣсть о Гэсэрѣ, собственно эпизодъ о молодыхъ годахъ его, сродни сказкамъ о Балынъ-Сэнгэ, монгольскомъ хитромъ ворѣ. Въ другихъ мѣстахъ*) я проводилъ догадку, что эпизодъ о молодыхъ годахъ Гэсэра, когда онъ носилъ имя Джоро, происходитъ отъ сказки въ родѣ сказки о хитрецѣ Балынъ-Сэнгэ; правда, и здѣсь сходство между Балыномъ и молодымъ Гэсэромъ только въ общихъ чертахъ характера и сходныхъ инцидентовъ указать нельзя, но за то сходные мотивы оказываются въ другихъ частяхъ повѣсти. Я въ одномъ мѣстѣ**) сопоставлялъ одинъ

*) Этногр. Обзор., XXI, 60.

**) Восточн. Мотивы, 684.

эпизодъ изъ сказки о Балынѣ съ послѣдней главой монгольскаго сборника Шиддикѹръ въ переводѣ Гомбоева; эта глава кончается указаніемъ, что отъ мужчины и женщины, исторія которыхъ разсказана въ этой главѣ, родился Гэсэръ. Исторія же такая: мужчина живетъ съ женщиной; волосы женщины попали во дворець и царь увозитъ женщину, но прежній другъ женщины приходитъ въ резиденцію царя переодрѣтый и убиваетъ царя—словомъ исторія самаго Гэсэра, который имѣлъ жену Рогмо-гоа; волосы ея были унесены на царскій дворъ; жена Гэсэра увезена царемъ, Гэсэръ отправляется возвращать ее и убиваетъ царя.

Сказка о ворѣ Бармѣ начинается разсказомъ о томъ, какъ дядя испытываетъ наклонности или способности своихъ трехъ племянниковъ (въ вариантахъ отецъ трехъ сыновей). Повѣсть о Гэсэрѣ также начинается разсказомъ о небесномъ отцѣ, испытывающемъ своихъ трехъ сыновей, только здѣсь цѣль испытанія болѣе благородная и болѣе серьезная; дѣло идетъ о выборѣ лица, которое бы оградило людей отъ бѣдствій. Способнымъ, какъ и въ русской сказкѣ, оказывается младшій*). Это будущій Джоро или Гэсэръ. Такимъ же испытаніемъ трехъ сыновей начинается и смоленская сказка объ Игрѣ, которая построена на сходной схемѣ**)

Къ послѣднему инциденту сказки о ворѣ Бармѣ, къ разсказу о ночныхъ посѣщеніяхъ Бармою царской дочери, параллели находятся въ сказкахъ о Балдакѣ Борисевичѣ***) и о ворѣ Аполлонѣ†). Балдакъ Борисевичъ по порученію князя Владимира въ тридцати товарищахъ ѣдетъ къ турецкому султану, уводитъ у него коня златогриваго, убиваетъ кота бахаря, самому султану въ глаза плюетъ. Царская дочь берется открыть, который изъ тридцати пріѣхавшихъ молодыхъ все это сдѣлалъ, и во время ночнаго посѣщенія ея Балдакомъ, дѣлаетъ на его тѣлѣ знакъ; но утромъ Балдакъ тотъ же знакъ дѣлаетъ на всѣхъ остальныхъ товарищахъ. Только на третью ночь Балдакъ Борисевичъ узнавъ. Его готовятся казнить; Балдакъ выпросилъ разрѣшеніе поиграть

*) Thaten Bogda Gesser-chan's, übers. v. Schmidt, S. 4; Francke, Kesarssage S. 2; Потанинъ, Танг-тиб. окраина Китая, II, 4, 5, 47—49

**) Добровольскій, Смоленскій сборникъ. т. I, Слб., 1891, стр. 501. Игрѣ ѣдетъ въ Царь-градъ, перескакиваетъ на конѣ черезъ городскую стѣну, въ городѣ находитъ спящую дѣвицу Ирину, вновь перескакиваетъ черезъ стѣну, задѣваетъ за нее; Ирина гонится за нимъ; отъ взмаха полотенца появляется рѣка.

***) Афан., (изд. 1897), № 180 (т. II, стр. 265).

†) Худяковъ, Великоорусск. сказки, в. I, № 35, стр. 124.

на рожкѣ; играетъ, его товарищи нападаютъ на толпу, рубятъ ее, освобождаютъ Балдака и вѣшаютъ самого салтана. То же самое въ другой сказкѣ: воръ Аполлонъ въ двадцати товарищахъ у чужого царя воруетъ коня, а потомъ поочередно посѣщаетъ ночью трехъ царскихъ дочерей, которыя дѣлаютъ на его тѣлѣ знаки; воръ Аполлонъ избѣгаетъ опасности посредствомъ той же хитрости, какъ и Балдакъ Борисевичъ, но на третью ночь онъ узнанъ. Затѣмъ слѣдуютъ висѣлица, рожокъ, освобожденіе и казнь царя*). Академикъ А. Н. Веселовскій указалъ на слѣды существованія повѣсти о Вавилонскомъ царствѣ въ средневѣковой западно-европейской литературѣ; лицо, которое совершаетъ опасную поѣздку, въ западноевропейскомъ памятникѣ называлось Аполлоніемъ. Слѣдовательно съ именемъ Аполлонъ—Аполлоній, какъ и съ именемъ Барма, связывались два сюжета: одинъ въ родѣ сказки о ворѣ Бармѣ (и о молодыхъ годахъ Гесера), другой въ родѣ сказки о Бармѣ и змѣиномъ городѣ (и о Гэсэрѣ, поднимающемся на небо за эрдени).

Въ монгольскомъ фольклорѣ инцидентъ съ ночными посѣщеніями мы находимъ въ кругу преданій о Чингисъ-ханѣ. По одному изъ нихъ сынъ Чингисъ-хана посѣтилъ ночью свою мать; она провела по его спинѣ рукой, окрашенной сажей и на другое утро личность кровосмѣсителя была узнана; преступникъ удалился изъ царства Чингисъ-хана, при чемъ укралъ у отца кумысную мутовку, съ которой было связано благосостояніе монгольскаго народа, т. е. съ которой была соединена такая же идея, какъ съ эрдени въ повѣсти о Гэсэрѣ. Въ своихъ „Восточныхъ мотивахъ“*) я поставилъ этотъ рассказъ въ связь съ преданіемъ о Бохакѣ, посѣщающемъ ночью или дочь монгольскаго хана или его младшую жену; въ одномъ изъ вариантовъ, чтобы скрыть слѣды этихъ посѣщеній, Бохака носить на себѣ слуга, но однажды слуга уронилъ свою ношу и по отпечатку павшаго тѣла преступникъ былъ открытъ. Не представляютъ ли эти монгольскія преданія отрывки изъ болѣе длинной сказки, полная редакція которой приближалась, можетъ быть, къ русскимъ сказкамъ о Балдакѣ Борисевичѣ и ворѣ Аполлонѣ? Тамъ же я сдѣлалъ догадку, что въ русской былинѣ ночныя посѣщенія Чу-

*) Рожокъ и такую же сцену у висѣлицы мы знаемъ и изъ саги о Соломонѣ; не значитъ ли это, что в та часть разсказа о Соломонѣ, которая предшествуетъ висѣлицѣ, была похожа на сказки о Балдакѣ Борисевичѣ и ворѣ Аполлонѣ?

**) Вост. Мотивы въ средневѣк. европ. эпохѣ, 336.

рилой Бермяновой жены были раскрыты при сходныхъ обстоятельствахъ. Не была ли иногда былина о Чурилѣ и Бермяновой женѣ построена на манеръ сказки о ворѣ Бармѣ *)?

Въ бійскомъ вариантѣ Барма ходитъ по ночамъ къ царевнѣ, нося на себѣ Богъ знаетъ зачѣмъ-то человѣка. Сторожъ спрашиваетъ, кто идетъ; Барма отвѣчаетъ: „Чертъ пона несетъ“. Сторожъ съ испугу убѣгаетъ и даетъ Бармѣ дорогу къ царевнѣ. Едва ли этотъ обмѣнъ словами достаточно оправдываетъ введеніе въ разсказъ такого инцидента. Вѣроятно это ношеніе человѣка было мотивировано иначе, въ родѣ на примѣръ преданія о Боханѣ; въ этомъ преданіи дворецъ царевны былъ осыпанъ пескомъ въ расчетѣ по слѣдамъ на песокъ поймать посѣтителя; можетъ быть и въ русскихъ говорилось о подобныхъ мѣрахъ и русскіе ночные посѣтители Барма, Балдакъ и Аполлонъ можетъ быть тоже были выданы слѣдами на землѣ или на снѣгу **).

Лобсогоддой ѣздитъ на конѣ Лобъ-хара; изъ имени коня можно заключить, что имя Лобсогоддой распадается на два члена; Лобъ и Согоддой. Что такое *лобъ*? Не будетъ ли это искаженное тюркское *олыгъ* или *оланъ*, „великанъ“?

Указаніе на школу Ханъ-Тюрмаса, въ которой Лобсогоддой въ теченіи девяти лѣтъ изучалъ номъ трехъ бурхановъ Шибэгэни и въ которой повидимому ученики выучивались превращаться въ бурхана Шибэгэни служить дополненіемъ къ немногочисленнымъ извѣстіямъ изъ сѣверовосточной Сибири о мѣстномъ повѣрьи, что существуетъ гдѣ-то школа, въ которой обучаются шаманы. См. объ этомъ въ моихъ „Восточн. мотивахъ“, стр. 582: по якутскому повѣрью это школа Улутуена, въ которой девять гнѣздъ, одно надъ другимъ, или девять суковъ; обучающійся постепенно восходитъ изъ нижняго гнѣзда или сука въ верхній ***).

*) У мусульманскихъ тюрковъ хитрый воръ извѣстенъ подъ именемъ Насръ Эдлина-Ходжи. Арабское имя Насръ (у казанскихъ татаръ Насыръ) не явилось ли тутъ по созвучію на мѣстѣ другого болѣе древняго имени? Въ грузинскомъ романѣ объ Амиранѣ съ именемъ Носаръ соединены мотивы, напоминающіе монгольскаго Гасэра (Вост. мот., стр. 425).

**) Это мѣсто въ бійскомъ вариантѣ повидимому испорчено; Барма по три ночи ходитъ къ царевнѣ во дворецъ, но не пойманъ; царевну помѣщаютъ зачѣмъ-то въ монастырь и Барма опять по три ночи ходитъ къ ней; ненужное повтореніе.

**) См. Этн. Обзор, кн. LVІ, стр. 20.

Гэсэръ охотится на сѣверной сторонѣ Алтая и на возвышенныхъ мѣстахъ Хѳхѳя; его конь пасется на сѣверной сторонѣ Алтая и на южной сторонѣ Хѳхѳя. Алтай известная горная система, которая отъ вершинъ р. Бухтармы на южной границѣ бійскаго уѣзда тянется на юговостокъ по Монголіи до меридіана Минусинска; Хѳхѳой вѣроятно Ханъ-Хухый. хребетъ къ сѣверу отъ киргизъ-норской впадины; эта впадина лежитъ между сѣверной подошвой Алтая и южной Ханъ-Хухыя, поэтому герои этихъ сказокъ совершаютъ свои дѣйствія какъ будто на киргизъ-норской плоскости.

Гэсэръ, прежде, чѣмъ вступить въ поединокъ съ Лобсогoldemъ, создаетъ каменнаго воина; Лобсогoldemъ нападаетъ на камень и только когда онъ утомился, Гэсэръ вступаетъ съ нимъ въ бой. Я думаю, что монгольскія преданія*), въ которыхъ одинъ изъ противниковъ самъ обращается въ камень, первоначальнѣе.

Лобсогoldemъ заваленъ тремя горами; два батара съ желѣзными молотами приставлены къ нему; они бьютъ его молотами одинъ по головѣ, другой по ногамъ, чтобы онъ не всталъ; они бьютъ его и утромъ, и въ полдень, и вечеромъ и такъ должны бить до скончанія вѣка. Это напоминаетъ русскія повѣрья о св. Касьянѣ, котораго черти или ангелы бьютъ молотами, чтобы онъ не вышелъ изъ подъ земли, и кавказскія объ Амиранѣ. О богатыряхъ, заваленныхъ горой въ среднеазиатскихъ преданіяхъ см. въ Вост. мотивахъ. 206, 397; Танг.—тиб. окраина Китая, II, 345.

По тибетскому повѣрью гора, подъ которой заваленъ Ландарма, разъ въ году начинаетъ двигаться по направленію къ городу Лассѣ; тогда въ гору стрѣляютъ и она останавливается. Вѣроятно и съ Лобсогoldemъ и съ Ландармой связывалась эсхатологическая идея.

Въ сказкѣ минусинскихъ татаръ (Radloff Proben, II, 385) Солбанъ-мэргэнъ прибилъ сына Акъ-хана гвоздями къ землѣ при подножій столба; семь человекъ должны были бить его булавой въ семь пудовъ вѣсомъ**).

*) Преданія о шаманѣ Таинъ-Терхе и о Буханонѣ (Вост. мотивы, см. по индексу: „скаментіе“; Танг.—тиб. окраина Китая, II, 255, 283.

**) См. Этвогр. Обзор, XLVI, 52, 53.

Одновременность двух настроений (стр. 3: Лобсогоддой смотреть вверх, смѣется, смотреть вниз плачетъ; то же самое на стр. 15 съ Сарагаль-ноеномъ), кажется, распространенное представлѣніе въ монгольскихъ сказкахъ*). Она встрѣчается и въ западныхъ памятникахъ**). Въ одномъ изъ эпизодовъ лѣтописнаго разсказа о жизни Чингисъ-хана такое двойное настроеніе приписано Лаху-Баяну***); не значить ли это, что весь эпизодъ о Лаху-Баянѣ и его сынѣ Богордзи взятъ біографомъ Чингисъ-хана изъ народной сказки?

Въ отрывкѣ о Галь-Дѳлмѳ этому чудовищу приписывается тѣло, покрытое множествомъ звѣздъ; въ серединѣ ихъ бѣлый, какъ звѣзда, глазъ, въ который и попадаетъ стрѣла, убившая его; это было повидимому единственное уязвимое мѣсто на его тѣлѣ (стр. 20, 37). Въ сказкѣ объ Ута-Саганѣ змѣя Абарга имѣетъ на передней сторонѣ тѣла золотую *звѣзду*, въ которую богатырь и направляетъ свою смертельную стрѣлу. Змѣя Абарга лежитъ въ морѣ подобно чудовищу Галь-Дѳлмѳ, и высовываетъ голову, чтобъ поѣдать птенцовъ птицы Ханъ-Хэрэгдѣ, которая тутъ на мѣстѣ Ганга-Бэрѣда. Если гнѣздо съ птенцами этой птицы, какъ можно догадываться, представляетъ созвѣздіе Плеяды†), то бѣлый, какъ *звѣзда*, глазъ въ серединѣ другихъ многочисленныхъ глазъ на тѣлѣ чудовища Галь-Дѳлмѳ и золотая *звѣзда* на тѣлѣ змѣи Абарга не придется ли приурочить къ Полярной звѣздѣ?

Въ напечатанныхъ отрывкахъ изъ повѣсти о Гэсэрѣ въ двухъ мѣстахъ мы находимъ троекратное превращеніе въ теченіе дня. Женщина Енхэбэ утромъ принимаетъ видъ ребенка, потомъ видъ взрослой женщины, а вечеромъ видъ старухи (стр. 11); подобныя превращенія совершаются съ двумя батарами, приставленными къ тѣлу Лобсогоддой, чтобы бить его молотами (стр. 19). Троекратныя превращенія въ Алтанъ-

*) Очерки с. з. Монг., IV, 397.

**) А. Н. Веселовскій, Разысканія, VI, 34; его же, Новая книга по народн. словесности въ Журн. Мин. Нар. Просв., 1886, февраль, стр. 210.

***) Алтанъ-Тобчи, 13.

†) Народное повѣрье видѣло въ созвѣздіи Плеядъ птичку гнѣздо; отсюда такія народныя названія его; Утиное гнѣздо, Птичьѣ, Куриное, Осиное Гнѣздо „табувъ утокъ“, „рой пчелъ“, и т. п. (Очерки с. з. Монг., IV, 730, 942; Танг. тиб. окраина, II, 324).

Тобчи*) приписываются Шидургу; утромъ онъ принималъ видъ ядовитаго *маленькаго* желтопестраго змѣя, въ полдень превращался въ рыже-пестраго барса, вечеромъ—въ прекраснаго юношу и въ это время игралъ съ женою. Ближе къ предыдущимъ версиямъ превращенія юнаго Христа въ апокрифическомъ Евангеліи Дѣтства Христа (въ младенца, взрослого и старца)**).

Въ двухъ мѣстахъ Гэсэру (стр. 21 и 26) приписывается установленіе „свадебнаго обряда“ или „бѣлой свадьбы“. Другое бурятское преданіе установленіе брака приписываетъ Заря-Азарга (заря—по бурятски ѣжъ).

Сказка Ута-Саганъ-моргонъ распадается на три эпизода: 1) Поѣздка богатыря къ пятнадцатиголовому Ашура-шарамангатхаю, 2) увозъ жены Ута-Сагана, совершенный Хара-Сотонюмъ и 3) лягушка, невѣстка Ута-Сагана.

Сказка эта заключаетъ въ себѣ большія заимствованія изъ повѣсти о Гэсэрѣ; это какъ будто тотъ же Гэсэръ, только подъ другимъ именемъ. Старшая жена Ута-Сагана, которая появляется съ первыхъ строкъ сказки, носитъ имя Урма-гохонъ т. е. то же самое имя, которымъ называется средняя жена Гэсэръ-хана въ бурятской версіи. У Ута-Сагана два дяди: доброжелательный Сарагаль-ноёнъ и завистливый Хара-Сотонъ. Эти оба имени также взяты изъ бурятской Гэсэриады. Сарагаль-ноёнъ это то лицо, которое нашло Гэсэра, брошеннаго въ степи и въ домъ котораго Гэсэръ выросъ***). Завистливый дядя Хара-Сотонъ извѣстенъ не изъ одной только бурятской Гэсэриады; подъ видомъ Хара-Зото онъ является и въ монгольской версіи, подъ видомъ Ака-Чотонъ въ тангутской, и съ тѣмъ же завистливымъ и трусливымъ характеромъ. Первый и третій эпизоды сказки объ Ута-Саганѣ самостоятельны, но средній имѣетъ прямое отношеніе къ повѣсти о Гэсэрѣ и служитъ подтвержденіемъ моей догадки о составѣ этой повѣсти, высказанной въ „Восточн. мотивахъ“ †). Въ повѣсти жену Гэсэра увозятъ три царя, а Зотоноёнъ или Ака-Чотонъ только сочувствуетъ этому, но когда

*) Стр. 26.

***) Не этотъ ли мотивъ отразился въ буддійской иконографіи изображеніемъ Будды въ трехъ видахъ: младенцемъ, взрослымъ и въ нирванѣ?

***) Танг.-гибъ окраина Китая, II, 67.

†) Стр. 674.

Гэсэръ отыскиваетъ свою жену, онъ находитъ свои стада отогнанными Ака-Чотономъ, своихъ пастуховъ находитъ превращенными въ пастуховъ Чотона, своихъ родителей обращенными въ бѣдныхъ пастуховъ, живущихъ вблизи отъ ставки Чотона; затѣмъ Гэсэръ прѣзжаетъ въ ставку Чотона и расплачивается съ нимъ за присвоеніе скота и униженіе родителей. Увезенной женщины при Чотонѣ въ повѣсти нѣтъ, но я заподозрилъ, что составитель повѣсти слѣпилъ эпизодъ объ увозѣ изъ двухъ редакцій, изъ которыхъ въ одной увозилъ жену Гэсэра Ака-Чотонъ или Зото-ноёнъ, въ другой увозили ее три царя. Составитель повѣсти сохранилъ изъ обѣихъ редакцій расплату съ насильниками; онъ сохранилъ и казнь Чотона и казнь трехъ царей, но жизнь женщины въ плѣну взялъ изъ редакціи съ тремя царями, а не изъ рассказа о Чотонѣ; угнанный же скотъ и угнетенныхъ родителей удержалъ изъ редакціи съ Чотономъ; такимъ образомъ вышло, что Гэсэръ своей жены въ ставкѣ Чотона не находитъ; по моей же догадкѣ была сказка, въ которой Чотонъ увозилъ чужую жену. Сказка объ Ута-Саганѣ оправдываетъ мое предположеніе; это и есть та сказка, въ которой Зото-ноёну или Ака-Чотону приписывается увозъ чужой женщины, носящей при томъ имя средней жены Гэсэра, что даетъ поводъ отождествить Ута-Саганъ-мѳргѳна съ Гэсэромъ. Этотъ фактъ говоритъ не за тибетское происхождение повѣсти о Гэсэрѣ, а за монгольское.

Смерть завистливаго дяди Хара-Сотона въ сказкѣ описана иначе, чѣмъ въ повѣсти; здѣсь онъ прибитъ къ деревянному столбу на разстаняхъ трехъ дорогъ, въ повѣсти спущенъ въ глубокой колодезь и заваленъ камнемъ.

Въ эпизодѣ объ Ашюра-шара-мангатхаѣ я остановлюсь на слѣдующихъ мотивахъ.

По дорогѣ къ этому чудовищу Ута-Саганъ встрѣчаетъ дерево, на которомъ гнѣздо съ девятью птенцами птицы Ханъ-Хэрагдэ; нѣкоторые играютъ, одинъ поетъ пѣсню, другой сказываетъ сказку, третій плачетъ; въ другихъ случаяхъ подобное разнообразіе настроеній приписывается девяти головамъ многоголоваго чудовища, одна голова поетъ, другая плачетъ и т. п.; см. Radloff, Proben I, тюрк. текстъ стр. 275, нѣмецкій переводъ 298.

Въ звѣздномъ мірѣ гнѣздо съ птенцами народное повѣрье иногда видитъ въ Плеядахъ. Въ алтайской сказкѣ богатырь Иринъ-Шайнъ по порученію хана привозитъ женщину шаманку Канкере, но ханъ испугался вида птицы и проситъ

ее увести обратно *) подобно тому, какъ князь Владимиръ перепугался, когда Илья Муромецъ привезъ Соловья разбойника. Въ другихъ случаяхъ въ алтайскихъ преданіяхъ имя Канкере, Канкыри прилагается къ какой-то мифической птицѣ (монг. Ханъ-Гариде **).

Образъ птицы, гнѣздящейся на придорожномъ деревѣ, повидимому архаическій и русское представление о Соловьѣ Разбойникѣ едва ли можетъ быть объяснено одними мѣстными русскими бытовыми чертами. Илья отнесся къ Соловью враждебно; Ута-Саганъ наоборотъ, спасъ дѣтей птицы отъ змѣя ***).

У Ашура-шара-мангатхая три души; одна въ золотогрудой сорокѣ, которая убиваетъ приближающихся къ ней съ сорокадневнаго разстоянія; другая въ тринадцати перепелахъ, живущихъ въ храмѣ на сѣромъ бугрѣ; третья въ зайцѣ, который заключенъ въ бѣломъ камнѣ, лежащемъ на днѣ желтаго моря. Перепелы вылетѣли изъ храма; Ута-Саганъ сдѣлалъ морозъ и градъ, и только на своей рукѣ устроилъ солнышко, куда птицы и слетѣлись. Это тотъ же способъ, къ которому прибѣгаетъ въ дюрбютской сказкѣ Иринь-Сайнь, чтобы изловить двѣнадцать пташекъ, въ которыхъ заключалась жизнь Хара-Мангыса (см. Очерки с.-з. Монголіи, IV, 461). Чтобы добыть бѣлый камень со дна желтаго моря, Ута-Саганъ навелъ на природу такой жаръ, что море выкипѣло и бѣлый камень обнажился; этотъ мотивъ напоминаетъ алтайскаго богатыря Тюрюнъ-Музыкая, который выпилъ море, чтобы обнажить тѣло чудовища Анъ-Долмана, и искусника въ русской сказкѣ, который сложилъ море въ копны, чтобы обнажить лежащій на днѣ его перстень †).

Когда Ута-Саганъ отправился домой, весь скотъ, все золото и серебро Ашура-шара-мангатхая пошли вслѣдъ за нимъ, потому что дочь мангатхая, на которой богатырь женился, отъ приданнаго отказалась, а отъ всякаго добра взяла только по одной особи—одну золотую монету, одну серебряную, одного жеребенка, теленка и пр. Такимъ же родомъ въ сойотской сказкѣ уходитъ весь скотъ Бурканъ-Халамыза Эртене-мэргэномъ, потому что онъ выпросилъ себѣ у Халамы Колду-бурхана †*), въ сказкѣ сибирскихъ татаръ объ Ирѣ-

*) Оч. с. з. Монг., IV, 428.

**) Ibid., 870.

***) Объ общихъ мотивахъ при Ханъ-Гаридѣ и Цолмонѣ см. Вост. мон. 226.

†) Записки Красноярск. Подъотдѣла Геогр. Общ. по этн., т. I, вып. I, стр. 59.

†*) Очерки сз. Монг., IV, 416.

Тушлюкѣ весь скотъ одного князя уходитъ вслѣдъ за удодимымъ конемъ Цзаль-куйрукомъ *).

Жена Ута-Сагана исцѣляетъ ослѣпшаго коня рыбой икрой; о цѣлебномъ свойствѣ рыбы желчи или рыбихъ внутренностей см. Вост. мотивы, 103.

Сказка объ Эрэ-Тохоло-мѳргѳнѣ интересна своимъ отношеніемъ къ русской объ Ерусланѣ Лазаревичѣ. Эрэ-Тохоло наѣзжаетъ на спящаго богатыря Хѳхѳсѳ мѳргѳна; этотъ эпизодъ сходенъ съ однимъ изъ эпизодовъ русской сказки; Ерусланъ Лазаревичъ наѣзжаетъ на разбитый въ степи шатеръ, возлѣ котораго привязанъ конь. Ерусланъ привязываетъ своего коня рядомъ; кони начинаютъ драться и Еруслановъ конь отгоняетъ туземца отъ бѣлояровой пшеницы; Ерусланъ не можетъ разбудить спящаго въ шатрѣ богатыря, ложится рядомъ и засыпаетъ. Богатырь князь Иванъ, которому принадлежитъ шатеръ, просыпается и вступаетъ въ бой съ Ерусланомъ, но бой кончается мировою, послѣ чего Ерусланъ помогаетъ князю Ивану поехать царя еодула змѣя, съ которымъ онъ ранѣе безплодно боролся, и взять за себя замужъ его дочь Нондурію. Тутъ не совпадаетъ съ бурятской сказкой только поведеніе коней; они дерутся; въ бурятской же они обнаруживаютъ дружеское отношеніе другъ къ другу; они обнюхались и начали щипать другъ друга, т. е. ставши рядомъ, хвостами въ рознь, стали одинъ у другого скрести зубами зудящееся мѣсто; Ута-Саганъ, видя это взаимное оказываніе услугъ, удивляется и спрашиваетъ себя объ нихъ: „гдѣ они прежде другъ друга видѣли?“ Кромѣ того въ бурятской сказкѣ Ута-Саганъ и Хѳхѳсѳ оказываются братьями; этого въ русской нѣтъ; только послѣ поединка они становятся „названными“ братьями. Въ сказкѣ „Царь Каприкъ“ изъ каргопольскаго уѣзда—такой же инцидентъ (спящій богатырь, бой и содѣйствіе въ женитьбѣ) произошелъ съ богатырями Иваномъ царевичемъ (на мѣстѣ Еруслана) и его двумя старшими братьями (на мѣстѣ князя Ивана); здѣсь дерущіеся богатыри оказываются братьями **).

Хѳхѳсѳ-мѳргѳнъ это тотъ стрѣлокъ изъ лука, которому бурятское преданіе приписываетъ стрѣланіе по тремъ самкамъ оленей, народнымъ повѣрьемъ усматриваемымъ въ трехъ звѣз-

*) Radloff, Proben, IV, 443.

**) Сборн. Акад. Наукъ по отд. русск. яз., т. XVII, стр. 205.

дахъ Ориона*). Въ тюркскихъ преданіяхъ это имя является въ формѣ Ерь-Гокчу или Ирѣ-Гокче; въ другихъ бурятскихъ вариантахъ Хохоце, Кокочу. Въ сѣверной Монголіи этотъ стрѣлокъ называется иногда Кугутей или Когутей; конечно эта самая форма подъ видомъ Хухудой является въ бурятской сказкѣ о Ханѣ-Гужирѣ, въ инцидентѣ, напоминающемъ одно мѣсто русской сказки объ Ерусланѣ; Хухудой стоитъ на мѣстѣ Расланея русской сказки**). Если воздѣйствіе русской сказки объ Ерусланѣ на бурятскую объ Эрѣ-Тохоло и можно еще поддерживать предположеніемъ, что въ иркутскую губернію была занесена сказка въ родѣ архангелогородской о Бурѣѣ Воловичѣ***), то съ такимъ предположеніемъ трудно примирить такіе факты, какъ находженіе въ еруслановскихъ инцидентахъ въ одномъ случаѣ стрѣлка Хѣхѣсѣ, принадлежащаго къ звѣздному міру, въ другомъ стрѣлка Хухудой изъ того же звѣзднаго міра. Появленіе этого персонажа въ двухъ разныхъ сказкахъ при двухъ различныхъ инцидентахъ, которые однако оба повторяются въ русской сказкѣ объ Ерусланѣ, какъ будто указываетъ на какую-то связь этой сказки съ повѣртіями и преданіями средней Азіи объ Орионѣ.

Въ звѣздномъ эпосѣ Хѣхѣсѣ стрѣляетъ по тремъ оленямъ; въ сказкѣ онъ воюетъ съ тремя мангатхаями. Не значить ли это, что подъ тремя мангатхаями скрываются три звѣзды Ориона?

Въ сказкѣ объ Эрѣ-Тохоло-моргонѣ опять является завистливый дядя Хара-Сотонъ и при томъ рядомъ съ намекомъ на мотивъ изъ повѣсти о Гасэрѣ. Эрѣ-Тохоло-моргонъ кладетъ на костеръ тѣло опьянѣвшаго Хара-Сотона и поджигаетъ: въ повѣсти переставлено; Гасэръ кладетъ на костеръ и поджигаетъ своего отца, въ бурятской версіи Сарагальнойона, притворившагося мертвымъ, †).

Рогатый Обѣрто-шара-мангатхай своей наружностью напоминаетъ Галь-Дѣлмѣ'на; тѣло его покрыто такимъ же множествомъ глазъ и средней бѣлый глазъ мѣсто смерти. Ниже въ сказкѣ о Баянѣ-Хара повидимому то же имя, но приведено г. Хангаловымъ только въ переводѣ: Съ рогами желтый мангатхай. Ср. въ сойотской сказкѣ Убиртыхъ Хормоздъ

*) Танг.-тиб. окраина Китая, II, 120.

***) Восточн. мотивы, 307.

***) См. мою статью: „Отголоски сказки объ Ерусланѣ“ въ Этногр. Осозрѣніи, XLVI, стр. 15—17.

†) Die Thaten, 34. Танг.-тиб. окр. Китая, II, 69.

трехголовое чудовище*); Убиртыхъ это то же, что бурятское обёрто, „рогатый“. Хормоздъ, вѣрнѣе Хормозда вѣроятно слѣдуетъ исправить и расчлениить такъ: Хор-моос-да или Хор-муус-да; *моосъ*, *муусъ* въ сказкахъ сибирскихъ тюрковъ есть не что иное, какъ монгольское мангысь, многоголовое чудовище, соответствующее русскому змѣю.

У Обёрто-шара-мангатхая два сына Элтэсэ и Хултаса и жена Эмэ-хара. Послѣдняя описывается безобразной старухой; груди у ней висятъ до брюха, что дѣлаетъ ее похожей на кавказскихъ „эмэгэнъ“. У ней повислыя вѣки, и когда она хочетъ смотрѣть, то поднимаетъ и подпираетъ ихъ деревянными столбами; подобное представленіе встрѣчается въ повѣсти о Гэсарѣ**), а также въ русскомъ повѣрѣѣ о св. Касьянѣ.

Элтэсэ ср. съ тюркскимъ илтысь, „звѣзда“. Тюркскимъ же кажется терминъ Аксагалда, который примѣняется къ пастуху не только въ этой сказкѣ о Эрэ-Тохоло, но также и въ дорбютской объ Иринь-Сайнѣ***). Акъ-сакаль по тюркски „старшина“, буквально „бѣлая борода“.

Стрѣлу Ханга (стр. 102) ср. съ стрѣлой *анка*, которой стрѣлялъ братъ Чингисъ-хана Хасаръ (Юань-чао-ми-ши, 107).

Въ сказкѣ „Баянъ-хара“ мангатхай гонится за сыномъ царя Баянъ-хара; убѣгающій царевичъ обращается въ соловья, мангатхай, гоняясь за нимъ, принимаетъ поочередно видъ семи бабъ хакша-хамаганъ, семи ястребовъ, семи рыбъ. Въ монгольскомъ Шиддикурѣ царевичъ спасается отъ семи волхвовъ въ видѣ рыбки и голубя; онъ прячется въ пещерѣ отшельника Нагадзаны (Этн. Сборникъ, VI, Спб., 1864 г.; Этногр. Обзор., кн. LIV стр. 15). Ср. также въ Thaten Bogda Gesser-chan's, S. 280.

Выборъ изъ трехъ дѣвицъ, которымъ начинается сказка о Бадма-ханѣ, находится въ монголотибетской сказкѣ объ Эр-

*) Очерки с. з. Монг., IV, 612—613.

**) Танг.-тиб. окраина Китая, II, 37.

***) Въ дорбютской сказкѣ объ Иринь Сайнѣ царскій пастухъ Ахъ-Сахаль-адучи (Очерки с. з. Монг., IV, 438); въ халхасской о Дзалута-мергенѣ пастухъ Акскылды (ibid., 507). Кроме того въ сойотской сказкѣ братъ богатыря Ергене-мергена называется Атучи-Аксага-ашякъ, вариантъ Аксакаль-ашякъ (ibid 416). Въ калмыцкой повѣсти о Джангарѣ (Вѣстникъ Имп. Русск. Геогр. Общества, 1854, кн. 12. Джангаріада, перев. Бобровникова) ханскій пастухъ Аксагаль-Бадай.

дени-Хараликѣ и въ сойотской объ Эр-Сару*), но тутъ нѣтъ привоза диковинокъ; диковинки есть въ сказкѣ о Хэрэкѣ-Кирвэсѣ-Хэмэра-мергенѣ**), но въ этой опять нѣтъ выбора изъ трехъ невѣстъ, хотя мать Хэрэка брошена въ степь, какъ и мать Ер-Сару. Бурятская сказка отличается отъ русскихъ (По локоть руки въ золотѣ, по колѣно ноги въ серебрѣ) тѣмъ, что реабилитаторомъ матери является не подкидышь, мальчикъ съ улицы, подброшенный коварною женщиной, а собственный сынъ гонимой женщины, котораго она догадалась заблаговременно припрятать.

Бадма бурятской сказки соответствуетъ царю Беде монголотибетской и Аралбай Эго-хану сойотской; женщина Намту-Харакшинъ***)—матери Эрдени-Харалика монголотибетской сказки и матери Ер-Сару сойотской.

Сынъ женщины Намту-харакшинъ добываетъ вѣчно-зеленую березу, на которой семьдесятъ разныхъ поющихъ птицъ, 2) свинью Хадарганъ, которая сама пашетъ и сѣетъ хлѣбъ; люди хлѣбъ собираютъ и мелютъ на муку и 3) двухъ мальчиковъ, возлѣ которыхъ черная собака бѣгаетъ вокругъ на цѣпи. Эти диковины очень похожи на тѣ, которыя называются въ русскихъ сказкахъ, а потому, пока не исчерпаны монголистами, собирателями фольклора, монгольскіе сюжеты, трудно отрицать русское вліяніе на эту сказку.

Въ русскихъ сказкахъ перечисляются такія диковинки: 1) мельница сама мелетъ, сама вѣетъ, на сто верстѣ пыль мечетъ; 2) золотой столбъ, на немъ виситъ золотая клѣтка, по столбу ходитъ ученый котъ; 3) золотая сосна, на которой поютъ райскія птицы †); въ другой: 1) золотой вѣникъ и 2) коровка, золотые рожки; въ третьей: 1) боровъ, изъ котораго сыплется бѣлояровая пшеница, двѣнадцать мельниковъ ее мелютъ, 2) котъ, который ходитъ вверхъ и внизъ по пню; въ четвертой: ворота, на которыхъ райскія птицы и быкъ, въ боку котораго ножъ †*); въ пятой: 1) кувшинъ о семи рожкахъ, изъ котораго пища не убываетъ, 2) зеленый садъ съ райскими птицами и 3) зеркальце, въ которое можно видѣть все, что гдѣ дѣлается †**).

*) Очерки съ Монголіи, IV, 341.

***) Ibidem, 600

****) Алтайское *харалчикъ*, „красавица“.

†) Афан., изд. 1897 г., № 159, вар. d (т. II, стр. 194).

†*) Записки Красн. Подъ-отдѣла Геогр. Общ. по этногр., т. I в. 1, стр. 26, 63 и 104.

†**) Афан. въ примѣч. къ № 160, стр. 200.

Въ бурятской сказкѣ выброшенные дѣти женщины Намтухаракшинъ живутъ нагѣ въ желѣзномъ домѣ и выходятъ изъ него играть; они поднимаются на вершины двухъ отдѣльныхъ горъ и перебрасываются горами, какъ мячикомъ. Въ русскихъ сказкахъ они живутъ или на дубѣ въ дуплѣ, или въ полѣ подъ видомъ волковъ, и прибѣгаютъ къ дереву съ душлищемъ поиграть, или въ медвѣжьей норѣ, или въ теремѣ, вокругъ котораго лежитъ змѣй кольцомъ. Выше было уже сказано, что такимъ же змѣемъ былъ окруженъ Вавилонъ, въ которомъ послы царя Алевуя нашли трехъ спящихъ отроковъ, и возлѣ нихъ рогъ съ лаваномъ, изъ котораго послы отпили. У Афанасьева (№ 155, вар. d) подкидышъ, живущій съ изгнанной царицей, находитъ домъ на полянѣ, входитъ въ него и видитъ накрытый столъ, на столѣ просфоры и три бутылки вина; онъ отпилъ отъ нихъ и самъ спрятался (т. II, стр. 195). Эпическая потребность въ этомъ инцидентѣ состоитъ въ томъ, чтобы дать дѣтямъ возможность догадаться, что кто-то зашелъ въ домъ.

Во всѣхъ этихъ сказкахъ встрѣчается материнское молоко, какъ средство установить родство между матерью и разлученными дѣтьми; въ бурятской сказкѣ третій сынъ царицы приноситъ въ желѣзный домъ, гдѣ живутъ его братья, два калача изъ тѣста на материнскомъ молокѣ; въ пермской сказкѣ мать даетъ подкидышу три колобка, замѣшанныхъ на ея молокѣ*); въ енисейской и въ курганской сказкахъ три колобочка на материнскомъ молокѣ**). Въ романѣ Генриха Нейштадтскаго, въ которомъ А. Н. Веселовскій нашелъ слѣды славянской повѣсти о Вавилонскомъ царствѣ, Аполлоній, отправляясь въ Вавилонъ, отъ какого-то Milgot'a получаетъ какой-то питательный корень, роль котораго не ясна. Не отголосокъ ли это колобковъ на материнскомъ молокѣ?

Рядомъ съ этими сказками стоитъ другая группа сказокъ о матери, разлученной со своими дѣтьми, но отличающихся тѣмъ, что утраченный матерью сынъ совершаетъ рядъ превращеній; его убиваютъ, но онъ послѣдовательно превращается въ яблонь, дающую золотыя листья, въ ягненка съ золотою шерстью, въ кровать и пр. Афанасьевъ въ своихъ примѣчаніяхъ разсматриваетъ эти двѣ группы совмѣстно; обѣ

*) Афан. въ примѣч. къ № 160, (т. II, стр. 200).

***) Зап. Красноярск. Подъотдѣла Геогр. Общества по этн., т. I, в. I, стр. 26, 64 и 119.

группы начинаются сходно выборомъ изъ трехъ невѣсть, обѣщаніемъ одной изъ нихъ родить необыкновеннаго съ золотыми членами мальчика, подмѣной новорожденнаго и т. д. Мать заточена или въ часовню или въ каменный столбъ, а сынъ ея спущенъ въ коробкѣ въ море, но случайно спасается; коварная женщина, погубившая его мать, старается погубить и его, но не можетъ; онъ возрождается подъ разными видами. Въ монгольскомъ преданіи это Эрдени-Хараликъ, о которомъ въ самой редакціи сказано, что это воплощеніе бога Арья Бало.

Въ бійскомъ вариантѣ дѣти живутъ въ норѣ медвѣдя; когда подкидышъ уводитъ ихъ, медвѣдь за ними гонится. У Афанасьева дочь бабы-яги, на которой женился царевичъ, бросившій свою прежнюю жену въ море, выслушавъ рассказъ нищихъ странниковъ о видѣнныхъ ими диковинкахъ, всякій разъ говорить, что у ея матери т. е. у бабы-яги есть диковинки почуднѣ этихъ. Изъ этого варианта можно заключить, что подкидышъ и въ другихъ вариантахъ добывалъ диковинки изъ того же самаго дома или терема, гдѣ подъ конецъ онъ нашелъ своихъ трехъ братьевъ отроковъ, что это было жилище бабы-яги, что медвѣдь въ бійской сказкѣ подставился на мѣсто бабы-яги; въ остальныхъ вариантахъ повидимому баба-яга забыта; можетъ быть рассказъ былъ еще полнѣе; уводъ трехъ отроковъ не совершался такъ легко, какъ теперь рассказывается, и баба-яга гналась за подкидышемъ, на что намекаетъ рассказъ въ бійской сказкѣ о томъ, что медвѣдь гнался за дѣтьми.

Г. Потанинъ.

Указатель собственных именъ.

Сокращенія: бг. богатырь; бож. божество, г. гора, гор. городъ, дѣв. дѣвица, ж. жена, зв. звѣзда, зк. змѣя, кн. князь, м. мѣстность, пред. предокъ, пл. птица, св. святой, соб. собака, созв. созвѣздіе, ст. степь, стр. стрѣла, стр. л. стрѣлбный лукъ, ц. царь, ц.—ца царица, чуд. чудовище.

- Абай** Гасарь-Богдо-ханъ, бг. 1—10, 14
21, 25—40, 42, 256, 257, 260—264,
267, 269, 270.
- Абарга**, зм. 61, 268.
- Абарга**—мого, зм. 149, 184, 189.
- Агу**, ц. 123, 126, 127.
- Аксагалда-Хара-Кятадъ**, А.-Х.-Китаха, та-
бушицк. 110, 274.
- Азарга** см. Заря.
- Ана-Чогонтъ**, дядя Гасэра 269, 270.
- Аксакаль-ашякъ**, бг. 274.
- Аксылды**, пастухъ 274.
- Ангъ-ханъ**, ц. 267.
- Алевуи**, ц. 256, 257, 276.
- Алма-морговъ-хатанъ**, жена Гасэра, 9—12,
14—20, 40, 41, 261.
- Алтай**, г. 5, 6, 16, 42, 46, 67, 81, 107, 123,
132, 137, 142, 152—156, 267.
- Алтанъ-Жоло-моргонъ**, бг. 133—143, 151.
- Алтанъ-Шагай-морговъ**, бг. 147—151.
- Алтынъ-бэля**, п. 258.
- Альбины** (альвины) 257.
- Амранъ**, бг. 266, 267.
- Ами-Сакидакъ**, старшій братъ Гасэра,
36—38.
- Анга-Уланъ**, г. 68.
- Ангахай-моргонъ**, бг. 167—174.
- Ангиръ-Шара**, чуд. 68.
- Анзанъ** см. Эрзэ-А.
- Ангъ-Долманъ**, чуд. 271.
- Аракъ-Саганъ-тэнгери** 40, 41.
- Аполлоній** 265, 276.
- Аполлонъ**, воръ 265.
- Ардантъ-зонъ**, царь эврей 184, 185,
189.
- Аролбай Эго-ханъ** ц. 258, 259.
- Ары-Бало**, бож. 277.
- Ата-Уланъ-тэнгери**, духъ 40.
- Ата-ванлавъ-модонъ**, дерево 189.
- Атъ-Сахалъ-адучи**, пастухъ 274.
- Ашура-Шара-мангатай**, чуд. 48, 49, 53—57,
60—65, 259—271.
- Балма**, ц. 152—159, 161—163, 165, 166.
- Балдакъ-Борисъевичъ** 264.
- Балмызъ-Саягъ**, воръ 263.
- Барма** 261—264, 266.
- Барма-Кутерья** 262.
- Барса-Кильмэсъ**, п. 260.
- Баханъ-ханъ**, ц. лягушекъ 175.
- Бахаръ**, соб. 80.
- Бахаръ**, котъ 264.
- Баянъ-Хара**, ц. 129—132, 141—143, 151.
- Беле**, ц. 275.
- Бермякъ**, бг. 266
- Божбохій**, отецъ богатыря, 8, 28, 38.
- Бо-ноень**, пред. 259.
- Бордо**, Бордокта, сабля 82, 92
- Боржинъ-Шумаръ**, бг. 31, 32.
- Бохакъ**, 265.
- Буда**, козлякъ 82, 88.
- Буда-Уланъ батаръ** бг. 8, 28, 38.
- Булдгаты**, пред. 259.
- Бурза Воловичъ**, бг. 273.
- Буркакъ-Халама** 271.
- Бурьтакъ-Бала-тэнгери**, духъ 40.
- Буха-ноень**, пред. 267.
- Бухаръ**, стр. л. 32, 82, 85, 88, 102, 117,
125, 129.
- Бэрэдъ** см. Ганга-Б.
- Вавилонъ**, гор. 257, 261, 265, 276.
- Василій**, ц. 256, 261.
- Владимиръ**, кн. 264, 271.
- Галь-Дблмъ-ханъ**, чуд. 30, 24—38, 40,
257, 258, 260, 268, 273.
- Ганга-Бэрэдъ-ханъ**, ц. 20—22, 24, 25, 268.
- Гокче** см. Ирзъ-Г.
- Гокчу** см. Ерзъ-Г.
- Гөрмъ** см. Мавзанъ-Г.
- Гунъ-Сава** (Сава Рагузинскій), русскій са-
новникъ 186.
- Гурбаъ-Монгото-ула**, г. 136; см. Монгото.
- Гурбаъ-Хонгоръ-хобудъ** 40, 41.
- Гасаръ**, см. Абай-Г.

Дабаргарь-шара-мангатхай, чуд. 91, 93, 94.
 Дарда-Шара-мангатхай, чуд. 128—130.
 Джоро (Гэсэрь) 263.
 Дземо, жена Гэсэра 261.
 Долмаць см. Ать-Д.
 Долмо см. Галь-Д.
 Дунай, бг. 260.

Енхэба, сестра Лобсогодоя 1—4, 11—14,
 17, 18, 268.
 Ерлинг, ц. ада 255.
 Ерусланъ Лазаревичъ бг. 172.
 Ерь Гокчу, пред. 273.

Жаргаланъ см. Томонъ-Ж.
 Желтый-мангатхай см. Съ-рогмай-ж.-м.
 Жилбэнь-тэнгэри, духъ 40.
 Жоло-жоргонъ см. Алтанъ-ж.-м.

Заяданъ см. Аха-а, Заханъ-а.
 Заря-Азирга (ежь) 188, 269.
 Заса-Шахуръ, дядя Гэсэра 27, 28.
 Заханъ заяданъ-жодонъ, дерево 189, 190.
 Залай-шара-хуроръ, книга 89.
 Зото-ноень, дядя Гэсэра 269, 270.
 Зэрэнь, г. 37.

Иванъ, кн.-бг. 272.
 Иванъ царевичъ 272.
 Илья Муромецъ, бг. 271.
 Ирга, бг. 13, 14.
 Ирзаа, дѣв. 264.
 Ирианъ-Сайвъ, бг. 271, 274.
 Ирианъ-Шайвъ, бг. 270.
 Иръ-Гокче, пред. 273.
 Иръ-Тулжукъ, бг. 260, 271, 272.

Каньере, пл. 270, 271.
 Каньери, пл. 271.
 Капранъ, ц. 272.
 Касьянъ, св. 267, 274.
 Кирзэс см. Харакъ.
 Киталъ, Китаха см. Аксагалда-Х.-К.
 Кляма, воръ 273.
 Когутей, бг. 273.
 Кокочу, бг. 273.
 Ковдурянъ, бож. 271.
 Ковдурян, дѣв. 272.
 Короста 258.
 Кугутей, бг. 273.
 Кутерма см. Барна.

Ландарма, ц. 267.
 Лабу-Баия 268.
 Лхосогоддой-шара-мангатхай, чуд. 1—13,
 15, 18—20, 257, 260, 266—268.
 Лобъ-хара, конь 1, 3, 7, 18, 266.
 Лохоръ-Тайжи-мангатхай, 94—98.
 Лотаръ см. Таншилъ.

Маланъ см. Эсэгэ-М.
 Мязанъ, море 122, 126.
 Манзанъ, стр. л. 23.
 Манзанъ-Гормо, бабушка Гэсэра, живущая
 на небѣ. 3, 9, 23, 36, 41, 135, 256, 257.
 Маса-Богдо-ханъ, ц. 189
 Мешить, соав. 116.
 Мишидь, соав. 253.
 Млечный путь. 4.
 Могонъ-ханъ, ц. змѣй 174.
 Монгонъ-Шагай-моргонъ, бг. 149, 150.
 Монго-ула, г. 79, 84, 89, 91, 115, 116, 122,
 126, 134, 139, 146, 186; см. Гурбанъ-М.-у.
 Моргонъ-Тоголгоръ, 41, 42.
 Моронъ, г. 37.
 Моръ-моргонъ, бг. 85—87.
 Музыкмай см. Тюронъ.

Навуходоносоръ, ц. 256, 257, 259.
 Нагадаана, отшельникъ 274.
 Найживъ, падь 2, 3, 21—23, 29.
 Намту-харакшивъ, ц.—ца 152—158, 160—
 166, 275, 276.
 Наравъ-Гералтэ-ханъ, ц. 42.
 Наринъ-Зала-абахай, дѣв. 139, 141, 142,
 144, 145, 147, 148.
 Наринъ-Шара, Наринъ-Шаратъ, ц. 80, 84,
 105, 106.
 Нархаши-бохо, бг. 168, 171, 174.
 Нэсэръ-Эдлия-ходжа, 266.
 Никола-бурханъ св. 186, 187.
 Носаръ, бг. 266.

Обоговъ, 185, 186.
 Обога-ханъ, ц. 193.
 Оборотъ-шара-мангатхай, чуд. 118—120,
 273, 274.
 Ойгой, сынъ Обогона 185.
 Ойхотой, сынъ Обогона 185.
 Оронъ, соав. 273.
 Орорши-моргонъ, бг. 181, 182.
 Оро-Хэнэ, богатырь 113—122.
 Охинъ-Сатаръ, бг. 193.
 Охинъ-тэнгэри, дѣв. 192, 193.
 Охинъ-ханъ, ц. 193.

Плеяди, соав. 116, 135, 253, 268, 270.
 Полярная зв. 268.
 Пягій лончанъ, царь домашнихъ живот-
 ныхъ 189.

Рампсинитово соювище 263.
 Рабланей, бг. 273.
 Рогмо-гоа, ж. Гэсэра 264.

Сарагалъ-нобъ, дядя Гэсэра, 14, 15,
 268, 273.
 Сарагалъ-нобъ, дядя Ута-Саганъ-батаръ,
 43—45, 47, 48, 269.
 Сару см. Эр-С.

Сазалъ см. Агъ-С.
 Сахиданъ-саганъ-ула, г. 18.
 Саяна Малый, воръ 268.
 Солбанъ-марганъ, бг. 267.
 Соловей Разбойникъ 271.
 Соломонъ ц. 259.
 Соржи-лама, бож. 189, 146, 147.
 Сотонъ см. Хара-Сотонъ.
 Съ-рогамъ-Желтый-мангатхай, чуд. 214—151.
 Сембэръ-ула, г. 189.
 Сасанъ-Уганъ, монгольскій сановникъ 186.

Талинъ-Теръхе, шаманъ 267.
 Тамшалаги, м. 120
 Такшиякъ-Лохоръ-мангатхай, чуд. 120, 121.
 Тамшинъ ст. 91.
 Тамшинъ-Шара, ст. 108.
 Таряши-бурханъ, бож. 116.
 Тоглонъ, дѣдъ Обогона 185.
 Тогошиевъ царь 21.
 Томонъ-Жаргаланъ, ж. Абай-Гэсэра, 8.
 Томо-Уланъ, ц. 147, 159, 160, 162.
 Тудлюкъ см. Ир-Т.
 Тюрмасъ-тэнгэри см. Ханъ-Т.-г.
 Тюрюнь-Муашкай, бг. 271.

Убиртыкъ-Хормоздъ, чуд. 278.
 Угитэ саганъ-обохонъ, трава 189.
 Ула, г. 84.
 Уланъ см. Буда-У.
 Улу-тоанъ, бож. 266.
 Урма-Гохонъ-хатанъ, ж. Гэсэра 2—8, 12, 15, 20, 25.
 Урма-Гохонъ хатанъ, ж. Ута-Саганъ-батара 42, 46, 66—68.
 Урма-Гохонъ, ж. царя Баянъ-хара 123, 126, 127, 132—134, 138, 142, 151, 269.
 Ута-Саганъ-батара, бг. 42—77, 79, 268, 270.
 Ухэръ-Воксо, ц. 181.

Хадара-Гохонъ-абаха, дѣв. 42.
 Хадарганъ, свинья 161—163, 166, 274.
 Хакша-тамаганъ, женщ. 99, 100.
 Халама см. Бурманъ-Х.
 Ханга, стр. 192, 274.
 Ханъ-Боргодъ-тэнгэри 42.
 Ханъ-Гариле, шт. 271.
 Ханъ-Гужаръ, бг. 278.
 Ханъ-Гурма-хатанъ, женщ. 42.
 Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри, бож. 4, 8—10, —38, 40, 42, 135, 266.
 Ханъ-Хухай, г. 267.
 Ханъ-Хухай, г. 42.
 Ханъ-Хэрэгдэ-шубувъ, пл. 50—52, 60, 61, 190, 268, 270.
 Хара-Зото, лядя Гэсэра 269.
 Хара-Китадъ см. Аксагалда-Х. К.
 Хара-Китаха см. Аксагалда-Х. К.
 Хара-Мангысь, чуд. 271.

Хара-Сотонъ, лядя Ута-Саганъ-батара 43—47, 65—67, 95—98, 269, 278.
 Хасаръ, братъ Чингисъ-хана 274.
 Хатанъ, падь 2, 3, 7, 9, 13, 14, 21—25, 29.
 Хахаръ, соб. 80.
 Хашпикъ-ула (Хашпикъ-ула) г. 80, 84.
 Хлѣбный бурханъ, бож. 116.
 Хогой, сытъ Обогона 185.
 Хонинъ-хотонъ. жѣст. 1, 8, 11, 18, 20, 21, 24.
 Хонъ, воронъ 13, 14.
 Хормоздъ см. Убиртыкъ.
 Хорго-шара-мангатхай, чуд. 91, 93, 94.
 Хохо, три сестры Гэсэра 9, 10, 36.
 Хохо, Хогой, г. 5, 6, 42, 46, 67, 81, 107, 123, 132, 137, 142, 152—156, 267.
 Хохо-Монголъ, небо 89.
 Хохосо-моргонъ, бг. 89, 91—95, 97, 99—102, 106—109, 113, 118—120, 122, 272, 273.
 Хохоце, бг. 273.
 Хулгаса, чуд. 107—109, 111—114, 118, 274.
 Хухудой, бг. 273.
 Хүхэлэхэнъ, имя вътра 191.
 Хэмэрэ см. Хэринъ.
 Хэвэе см. Оро-Х.
 Хэрэгдэ см. Ханъ-Х.
 Хэрэки-Кирвэсь-Хэмэрэ мергенъ, бг. 259, 275.
 Хэрэгуй, падь 11, 13, 14, 17.

Цазалъ-куйрукъ, конь 272.
 Цолмонъ, зв. 271.
 Цоросъ, пред. 259.
Чингисъ-ханъ, ц. 181, 182, 183—185, 259, 265.
 Чотонъ см. Ака-Ч.
 Чурило, бг. 266.

Шагай см. Алтанъ-III. и Монголъ-III.
 Шажагагынъ, м. 1.
 Шажинъ-Номонъ-ханъ, ц. 71, 72, 89—91, 94, 95, 98, 99.
 Шава, м. 122.
 Шарабали гурбанъ хобудъ, 41.
 Шара дала, море 175.
 Шаралду-Гохонъ-абаха, дочь царя 89, 91, 99, 101, 102, 106, 107, 110, 114.
 Шаранъ-гурбанъ-тэнгэри 40, 41.
 Шара-Сасакъ, дѣв. 72—76, 81, 84, 105—107, 110, 113, 114.
 Шибэгэни, Шибэгэни-бурханъ, бож. 4—7, 15, 266.
 Шадургу, ц. 269.
 Шивигисъ (Чингисъ) 259.
 Шихуръ см. Заса-III.
 Ширга, бг. 13, 14.
 Шодоро-моргонъ-батара, бг. 21—25.
 Шонхоши бохо, бг. 167—171, 174.
 Шумаръ см. Боржиянъ-III., Эржиянъ-III.

- Э**го см. Аролбай.
 Элтэсэ, чуд. 107—109, 111—114, 118, 274.
 Эми-хара, женщ. 113, 114, 117, 118, 131,
 139—141, 274.
 Эрденн-Харалык, бг. 274, 275, 277.
 Эржинь-Шумарь-батырь, бг. 8, 28, 31—34.
 Эрленг-хань, ц. жертвыхъ 198.
 Эрхэ-Анзанг-батырь, бг. 23, 24.
 Эрь-Сару, бг. 275.
 Эрь-Тохоло моргонъ, бг. 79—109, 113,
 118—120, 122, 272.
- Эсэгэ-маланг-төнгөри, бож. 115, 116.
 Эхэ юранг-төнгөри, бож. жаяск. п., 115.
- Ю**ранг см. Эхэ-ю.
- Ө**водуль, зигий 272.
- 'а**Вигшо, ж. Гесэра 261.
- D**зешо, ж. Гесэра 261.
- M**ilgot 276.

Предметный указатель.

- А**
 Ада, духъ 201, 208, 243.
 Ада-хулгана, мышь 201.
 Алтаргана, птичка 41.
 Амбаръ 39; желѣзный 151, 257.
 Аргатъ (князь), въ который обращается человекъ 116.
 Алтанъ гургалдай (соловей) 125.
 Арса-хорас, вино 98.
 Арканъ (бугуля) 231.
 Атаха-хулгана, мышь 201.

Б
 Баба 131, 134, 140.
 Бабка, въ которую обращенъ конь 96.
 Барабанъ 21, 72, 75, 95, 127, 132.
 Баранъ 47, 183.
 Барсъ 269.
 Береза 146, 197; вѣчновелѣющая 159—161, 163, 166, 275.
 Березовая лопата 13, 38, 58, 94, 113, 118, 121, 130, 141, 151, 173; б. лучинка 246.
 Береста 141, 151.
 Близнаецъ 99, 144, 145.
 Боги небесные 158.
 Бодоко, перепелъ 56.
 Болдокто, болдоктынь, бугоръ 56, 59.
 Болото 70; непроходимое 49, 99.
 Боржи, серебро 79; боржи—серебряный порогъ 25.
 Борода 171.
 Боходой 238.
 Бочка 44, 45, 66, 95, 96, 98, 185; желѣзная 54; б. желѣзная, брошенная въ море 153.
 Боярышникъ 217, 233, 245.
 Бугуля (арканъ) 231.
 Бумага (письмо) 142.
 Бугоръ 52, 54, 56, 59, 271.
 Булава 267.
 Бурханъ 4, 15.
 Бурый см. темноб.
 Буха-шубуль, птица 211.
 Быкъ 253, 257.
 Бычья кожа 158.
 Бѣлка 188.
 Бѣлокостяная собака 43, 56; б. столъ 43, 56.
 Бѣлокрылый порогъ 64.
 Бѣлоротый конь 42, 46, 47, 53, 62—65.
- Бѣлосеребряная повозка (коляска) 14, 75, 78, 95, 98; бѣлосеребряный дворецъ 23, 47, 67, 69, 79, 90, 97, 107; б. зайчики 43, 56; храмъ 42, 56.
 Бѣлосоловой конь 27.
 Бѣлая змѣя 214; корова 71; свадьба 26; средняя голова 94.
 Бѣлое просо 141; пятно на лбу 225.
 Бѣлый глазъ 20, 21, 24, 25, 37, 119; зальць 245; вхоходець 14, 75, 127; камень 56, 59, 174, 271; конь 42, 46, 47, 59, 60—65, 96; свѣтъ 190; тэнгаринъ 135; ягненокъ 225.

В
 Верблюды 147, 233.
 Вино 27, 182, 183, 185, 225, 257, 247.
 Вихрь 232, 236; вихрь отъ тѣды 117.
 Вода 192, 226, 255; живая 43, 56.
 Волкъ 199, 200, 276, 253.
 Волось 223, 226—228, 264; волось волшабный 49.
 Волшебство 59.
 Вонючее сѣро 59.
 Ворона 166, 176, 177.
 Воронъ 176, 208; черный 13, 119, 142.
 Ворота 29, 80, 131, 134, 141, 259, 275.
 Воротникъ 220.
 Вортъ 183, 224, 262, 263, 264.
 Восемь варихъ вхоходець 95, 98, 106; мѣсяцевъ 26; ногъ у коня 194; частей, на которыя разрублено тѣло 34, 35.
 Восемьдесятъ пудовъ 54; сажень 56, (яма) 67.
 Восемьдесятъ восемь конь 139.
 Воскресеніе 113.
 Восточное небо 121.
 Восточные тэнгаринъ 121, 225.
 Втягивающій ротъ чудовища 17, 20, 113, 118, 150.
 Вѣки висящія 131, 140, 274.
 Вѣнникъ золотой 275.
 Вѣтеръ 98, 99, 191.

Г
 Галка черная 209.
 Глазъ 118, 232; единственный 243; на тѣмени 20, 21, 24, 25, 37, 60; средний бѣлый 119, 263, 273.
 Гнѣдой (темно-г.) 16.

Гибдод ласточки 210; удола 209; птицы Хань-Харэгдэ 50, 270.

Голь 253.

Голоса богатства, вадъята на копье 32; амъя 50; средняя 129.

Гора 24, 37, 54, 68, 79, 80, 84, 87, 91, 115, 122, 126, 128, 134, 139, 146, 186, 189, 267; восточная 8; высокая 13, 28, 29, 30, 104, 105; западная 8; красная, срая 55, 92, 129, 140; изреджадная 49; серебряная 23; с. винтообразная 15; игра горами в. мяча 164; три горы 19.

Горностае 29, 47, 148, 188.

Гость 197, 217, 236.

Градъ 59.

Грѣбъ деревянный 68, золотой 68, серебряный 68.

Громъ 191.

Грудь висящая 274.

Грудь золотая 99, 158—157.

Гусь 211.

Два батара Гэсера 28—30, б. Долмохана 80; блявнца 99—101, 144, 145; ворова 13; калача 164; вагахъ калычика 163—165.

Двадцать пять головъ 91.

Двадцать семь иглъ боярышника 217.

Двадцать три батара 83, 87; волшебства 96; ноги у трона 80; превращения 114, 121, 122.

Дверь 25, 219; неба 190.

Двойника 222, 229.

Дворецъ 42, 105, 148, 158, 166; бѣлосеребряный 69, 79, 90, 97, 105, 107; бѣлый 122, 152; желтый 1, 13, 163, 164; мѣдный 139, 140; серебряный 88.

Дѣтъ головы 91; собаки 131, 134, 141.

Дѣвѣнадцать плашекъ 271; эрдени 182.

Девяносто девять подставокъ лука 23, 24, 125.

Девяносто три 39.

Девять гибдодъ 266; годовъ 4; головъ 270; дней 119, 132; дочерей 188; западныхъ хатовъ 188; иглъ боярышника 217; ключей 141, 151; лѣтъ 266; мѣсяцевъ 35, 55, 108, 112, 119, 129; огньковъ 188; суковъ 266; сутокъ 34, 35, 55, 72, 92, 93, 95, 109, 127, 129, 140; сыновой 188, сыновой птицы Хань-Харэгдэ 50, 52, 270; таегъ 141, 151; тэнгаринковъ 40; яицъ 52.

Дерево 50, 171, 175, 189, 217, 218, 259, 271, 276.

Деревянный амбаръ 39.

Десять головъ 68; (визыкъ) подваловъ 27.

Дно неба 8.

Дождь 59.

Доля (важный камень) 142.

Доля 235, 236.

Домъ 219, 220, 239, 255; желтый 53, 260, 276.

Драконъ 253.

Доспѣхъ 46.

Дубъ 276.

Дупло 276.

Духария (сосудъ?) 27.

Духъ 197, 203, 208, 220—222, 230—232, 238, 240, 244—248, 245, 246.

Душа 56, 89, 230—232, 238, 246.

Дымъ изъ воюрей 47, 54; изъ стрѣлы 86.

Дѣвѣца 57.

Дѣвѣцье царство 192, 193.

Дѣти 228, 229.

Ежъ 188, 269.

Жмать 172, 173.

Желтогнѣдой жеребчикъ 44, 45, 47.

Желтая кайта 89; лясца 142; оса 11, 139; собака 245; степь 56, 108.

Желтый волосъ 49; амъя 61; клыкъ 20; конь 128; лукъ 23, 31, 32, 85, 86, 83, 102, 117, 125, 129, 136; туманъ 50, 176; шенокъ 159, 160—163.

Желтое море 50, 51, 91, 103, 104, 175, 176; озеро 56, 59; писаніе 5, 15, 36, 123.

Желчь 100, 112, 113.

Желтановороной конь 123, 127, 134.

Желтыйя бочка 54, 158; колыска 75; лѣстница 121, 122; цѣль 62, 122.

Желтый амбаръ 39, 151, 257; дворець 1, 13, 151, 163, 164; домъ 53, 260, 276; доспѣхъ 46; молотъ 1, 19; молотъ 43, негодуюкъ 7; тренога 7.

Жеребенокъ 177.

Жеребець темнобурый 144.

Жеребчикъ 44.

Живая вода 43, 56.

Жизнь между лопатками (увявимое мѣсто) 181.

Жилецъ, вытканый безъ шва, становится темнѣе, когда гроветъ опасность 28.

Жимѣги, дерево 82.

Журавль 211.

Зайчикъ 43, 56.

Заяцъ 56, 60, 148, 188, 253, 271.

Заяши 228, 231, 233—235.

Звѣзда 268; золотая 50, 51, 268.

Зеркалице 275.

Зерна хлѣбныя 219.

Змѣя 50—52, 148, 149, 174, 253, 255, 257, 258, 260, 276; желтый 61; желтопестрый 269.

Змѣя 172, 212—215; бѣлая 214, 215; крылатая 214; ослѣпная 214.

Золъ 38.

Золотисто желтый волосъ 49.

Золотисто соловой конь 63, 136, 137.

Золото 64, 245.
 Золотогрудая сокола 56—58, 271.
 Золотогрудый мальчик 253, 260.
 Золоторукий мальчик 258, 260.
 Золотосеребряная коновязь 25, 29.
 Золотая бабка 96; верхняя половина тела 182; грудь 99, 153—157, 257; зятада 50, 51; клятва 275; осва 275; труба 81.
 Золотое кольцо 57, 90; норо 147, 149, 250.
 Золотой барабанъ 21, 72, 75, 95, 127; вѣникъ 275; гробъ 68; кнутъ 52; крестъ 175; серпъ 187; столбъ 275; троякъ 30, 46, 71; ящикъ 41.
 Золотые рожки 275.
 Зубъ 227, 228.
 Зумалханъ, кожа, сброшенная во время линьки 213, 225.
Ивюбрь 83, 88; ивюбря шкура 140.
 Икра рыбы 65.
 Иноконецъ 7, 11, 65, 66, 75, 95, 98, 106, 127.
 Искра 197, 205, 246; изъ стрѣлы 86.
Калачъ на материнскомъ молокѣ 164.
 Каменный человекъ 18, 19, 267.
 Камень 42, 48, 54, 56, 59, 80, 99; и. бѣлый 174, 271; жаркій 208; черный 245, 246; подставной въ очагъ 142; удерживающій воды 255; полноженный подъ колошну 256, величиною съ быка 171.
 Карій инноконецъ 65, 66, 95, 98, 106.
 Бедръ, растущій на крестцѣ коня 47.
 Китайцы 245.
 Кладъ 244, 245.
 Клыкъ 20, 21, 24, 25.
 Клювъ 210, 211.
 Ключи, текущіе по ногѣ коня 47.
 Клятва 217.
 Книга 89; книга Творца 56.
 Кнутъ 52.
 Кобылка бѣлая 68, 115; содовая 166.
 Кожа бычья 158, 186; сброшенная вѣтъ 213; человеческая 221, 225.
 Кова 228, 259.
 Козель 47.
 Козулянокъ 188. Козуля 234.
 Колодезь 270.
 Колчанъ, 82, 88, 98, 105, 126.
 Кольцо 57, 90; кольцою облегающая вѣтъ 214.
 Коля желѣзныя на телѣ 120, 121.
 Колска 65, 66, 75, 78, 95, 98, 106, 127.
 Коновязь 5, 6, 10, 25, 29, 45—47, 63, 71, 81, 83, 97, 99, 105, 124, 126, 137, 152, 165.
 Козь 1, 6, 10, 57, 58, 63, 80, 88, 177, 266. 271; бѣлосоловой 27; бѣлый 42, 46, 47, 49, 58, 59, 61-65; восьминой 194, 196; желтый 128; желѣзноворовой 123, 126, 127, 131; златогравы 264; золо-

тистосоловой 136; крылатый 204; рыжі 10, 16; синий 81, 96, 97, 101, 104, 153; темлогѣдой 16; чалый 98, 99; чубарый 21, 22, 23, 113, 120; хулакъ 224; спущенный съ неба 116, 117, 136.
 Копыто 183.
 Копье 113, черное 17, 18, 32, 150.
 Корзина, спущенная въ рѣку съ младенцемъ 131.
 Корова 70, 222, 226.
 Коршунъ 209.
 Корыто 148.
 Костеръ 83, 83; костеръ, на которомъ сжигается тѣло 38, 39, 58, 94, 96, 113, 118, 119, 121, 130, 141, 151, 173, 257, 250; разложенный на шеѣ коня 47.
 Кости 18, 3, 58, 94, 113, 118, 121, 130, 151, 173; кости людей и лошадей 104, 113.
 Кость рыба 80.
 Котель 183, 184, 214.
 Коть 275; котъ базаръ 264.
 Кошмаръ 230, 232.
 Крабца 256.
 Красная гора 56; лиственница 166.
 Красный порозъ 143, 144, 150; савтъ 190.
 Крестъ 175, 176, 246.
 Кровь волка 199.
 Кровавой бугоръ 53, 54.
 Кружокъ 107.
 Кружокъ, какъ знакъ для вочлега 127, 132.
 Кузницъ 275.
 Кузнецъ 39; небесный 116.
 Курица 253.
 Кустарникъ 172, 173.
Лава огненная, текущая по ногѣ коня 47.
 Ласточка, птица 210.
 Лебедь 211.
 Левъ 47, 61, 62, 80, 253.
 Лягушья кожа 213, 225.
 Лясица 142, 143, 198.
 Лиственница 166, 167.
 Листья древесныя 191, 212.
 Лодка 192.
 Лопчакъ 189.
 Лопата 18, 83, 58, 94, 113, 118, 121, 130, 141, 151, 173.
 Лопатка (ворожба на лопаткѣ) 203.
 Лукошко 71, 77.
 Лукъ стрѣлбный 18, 23, 31, 32, 85, 86, 88, 102, 105, 117, 125, 129, 136.
 Луна 153, 187, 188.
 Лусудукъ 6.
 Лучъ солнечный 181, 258.
 Лѣстница на небо 121, 256, 257.
 Лѣзь непроходимый 102.
 Лѣлодь 244.
 Лялька дѣтская 220.
 Лягушка 70, 73, 77, 215.

Мальчикъ 163—165.
Мангатхай (чудовище) 1, 48, 53, 68, 90—92, 94, 108, 111—113, 118—121, 128, 143, 172, 178, 274.
Мангатхайка (чудовище женск. пола) 113, 114, 140.
Масло 247.
Масляный бугоръ 53, 54.
Материнское молоко 164, 165.
Медвѣдь 47, 80, 148, 197, 198.
Мельница 220, 275.
Мерцаніе воды 188.
Мечъ 255, 256, 261.
Мизгирь (паукъ) 148.
Мизивецъ 37.
Младенецъ съ золотыми руками 260.
Могила 239.
Мозгъ 183, 184.
Молоко 110, 114, 145, 177, 210, 212, 223, 224, 226; материнское 164, 165.
Мощь 128, 267; желѣзный 1, 19, 121.
Монета золотая, въ которую обращенъ конь 139; серебряная 246.
Море 42, 50, 51, 78, 79, 84, 91, 103, 104, 122, 126, 146, 258; желтое 175, 176, 271; синее 148, 149; черное 125, 158, 161, 163—165; южное 159.
Моровъ 59.
Мостъ 48; черный желѣзный 65.
Муравей 216.
Мутовка кумысная 265.
Муха 159—161, 163, 172.
Му-шубунъ, птица 204—207.
Мышь 160, 177, 200, 201, 253; бѣлая 201.
Мѣдный дворецъ 139, 140.
Мясо 226; бѣлой амѣи 215; восьминогаго коня 196.
Наконечникъ стрѣлы 83, 89.
Небо 4, 8, 187, 188, 190; восточное 121; западное 8, 9, 28.
Ноги амѣи 214; я. лодка 220.
Ногти 226.
Ножницы 183, 184.
Ножницы—рмба 64, 65.
Ножъ 183, 230, 286, 243.
Нора медвѣжья 276.
Облава 200.
Обрядъ свадебный 21.
Овна 258.
Огниво 206, 207, 280.
Огонь 172, 183, 192, 196, 247, 249, 252; огонь изъ полъ копытъ 81; огонь покойниковъ 240, 241, 246; хозяинъ огня (духъ) 180.
Озеро 43, 56, 59, 253, 259.
Опухоль, изъ которой родится лягушка 79.
Орѣхи 219.
Оса желтая 11, 139.

Осель 7, 13, 257.
Основная лопата 18, 38, 58, 94, 113, 118, 121, 130, 142, 151, 178.
Островъ 158, 163.
Отрава 44, 48, 98.
Охотникъ 174.
Очагъ 67, 68, 142, 146, 147, 196, 198, 216.
Палецъ большой 37; указательный 37.
Парь 183.
Пастъ разнугач 150.
Пахота 8, 9.
Паукъ (мизгирь) 148.
Пеленка 249.
Пень 275.
Пенель 18, 38, 58, 94, 173, 196, 197.
Перепелъ 56, 271.
Перо золотое 147, 149, 150; перо птицы Хань-Харегда 60, 61.
Печень 244.
Печь огненная 257.
Писаніе желтое священное 5, 15, 86, 80, 107, 123, 158.
Письмо (бумага) 142, 149.
Пламя изъ зубовъ коня 81.
Платокъ 77.
Пляска 76.
Подземный мѣръ (нижняя обитаемая земля) 148, 172.
Покойникъ 236, 237, 239, 240.
Порокъ 64; красный 143, 144, 146, 150.
Послѣдъ 228, 229, 245, 247.
Посохъ 255.
Поясъ 218.
Птица 204, 259, 271; пт. му-шубунъ 204—207; птичка 182.
Пчела 216.
Пырей черный 123, 142.
Пѣгій лончакъ 189.
Пятно (тавро) 224.
Пятно роковое 237.
Пять вѣтрей 188.
Пятьдесятъ пять тенгэриковъ 4, 36, 115—155.
Просо 141.
Цѣна въ морѣ 149.
Рассвѣтъ 191.
Разстанъ трехъ дорогъ 66, 209.
Рассвѣченіе пополамъ 181.
Ребенокъ 226, 228, 229, 246, 249.
Рога 118, 143, 151; луны 191.
Рогъ (посуда) 257, 259.
Рожокъ муамса тѣлый 265.
Ротъ чудовища, втягивающій въ себя животныхъ 17, 20.
Рукавица 220, 221.
Рукавъ соболій 145.
Румянецъ щеки 183, 184.
Ручей 172, 178.

- Рыба 64, 65, 215.
 Рыжий камень 42, 48, 117; (красно-) р. камень 99; р. конь, 10, 16.
 Рэна 261.
- С**
 Сабля 34, 38, 92, 256, 261; серебряная 17, 119.
 Саль, 275.
 Саламатъ 247
 Свадебный обрядъ 21, 192.
 Свадьба 26, 288.
 Сваяня, 161—163, 166, 253, 275.
 Семь сабъ хакша 146, 274; волхвовъ 274; дней 59, 178; пудовъ булава 267; рожковъ у кувшина 275; рыбъ 274; смышовой 185; тальмешей 146; чашъ 257; челоуикъ, бьопнихъ булавой 267; ястребовъ 146, 274.
 Семьдесятъ десятиць 9; кобыль солоуикъ 166; листовниць красныхъ 166; наконецикомъ стрѣль 124, 138; птацъ 47, 160, 161, 275; рыбокъ 146; сутокъ ненастья 138; языковъ 176, 178, 215; морней ядовитыхъ 95.
 Семьдесятъ пять головъ 91, 128.
 Семьдесятъ три 39
 Сердоликовая крапца 256.
 Сердце 17.
 Серебро 64, 245; расплавленное бѣлое 146.
 Серебряная гора 15; задница 153—155; коновязъ 5, 6, 10, 16, 29, 46, 47, 68, 71, 82, 88, 97, 99, 105, 137, 152, 165; колеска 106, 127; лодка 192; монета 14; повозка 14; сабля 17; нижняя часть тѣла 132.
 Серебряный барабанъ 21, 72, 75, 95, 127, 132; дворець 88; ваяль 56, 60; кнутъ 52; крестъ 176; тронъ 80, 126.
 Серъ 187.
 Сивосѣрый конь 88, 103—105.
 Сивый конь 80, 81, 88, 96, 97, 101, 158.
 Сивое море 79, 84, 91.
 Сивіе сѣверное 191.
 Скотъ 222, 228.
 Сквизна (хуръ) 220.
 Слѣдъ 148, 188; сл. къ ямѣ 171.
 Слѣпота 64, 65.
 Слѣпой 182, 189; сл. скотъ 223.
 Слюна 183.
 Смерть 288.
 Сибѣтана 216, 212.
 Сибѣхъ ребенка во сибѣ 228.
 Сновидѣніе 238.
 Сибѣгъ 59.
 Собака 43, 56, 71, 80, 131, 134, 179, 183, 202, 229, 253, с. черная 163—166, 202, 274, с. Ерликъ-хаза 198, собачье парство 193—195.
 Соколя 131, 134.
 Солнечный лучъ 181, 258.
- Солнце 187, 188.
 Соловей 125, 139, 146, 147, 274.
 Соловая кобыла 166.
 Соловой жеребеночъ 177, 245, конь 136.
 Сорока 56—58, 86, 87, 119, 125, 139, 166, 176, 177, 209, 271.
 Сорокодневное разстоіаніе 56, 58, 271.
 Сорокъ десятиць 9, пудовъ 1, 19, 128.
 Сорокъ пять пудовъ 121.
 Сорокъ три года 67
 Сорокъ четыре тэагарива 121.
 Сосна 167, 275.
 Средняя бѣлая голова (уязвямая) 94.
 Старикъ 132, старикъ ростомъ съ четверть 168—170, 171.
 Старуха 247, 250.
 Степь 56, 91, 92, 108.
 Столбъ деревянный, къ которому пригвожденъ челоуикъ 66, 270, золотой 274; каменный 277, подпирajúщій вѣки 131, 140, столбъ изъ юртъ 252.
 Сто тысячъ глазъ 20, 21, 24, 25, 37.
 Стрѣла 18, 37, 38, 51, 54, 85, 86, 102, 125, 129, 182, 249, 251, 260, 274, нечистая 41, черная 28, 31, 32, 85, чугуносеребряная 128.
 Ступка 180.
 Сугланъ боловъ 158.
 Судъ 247.
 Сурокъ 199.
 Сѣверное сіяніе 191.
 Сѣверозападное дно неба 9.
 Сѣверозападный камень въ очагѣ 142, с. з. уголь дюрца 140.
 Сѣдина 226.
 Сѣрая гора 55.
 Сѣрый бугоръ 56, 59.
- Т**
 Табакъ 218.
 Табушникъ 110, 147, 159, 160—163.
 Табуаъ 252.
 Тавро см. пятно.
 Талганъ (жертва) 115, 180.
 Тальмешъ 48, 56, 146.
 Тарасуаъ 44, 95, 96, 98, 178, 245, 247.
 Таримъ-лаха, обрядъ 197.
 Темнобурый жеребець 144.
 Топоръ 54, 55, 230, 260.
 Трава 183, 189, 212, 216, тр. невидимка 208.
 Треножникъ (треуголь) 183, 184.
 Трехгодовалый верблюдъ 147.
 Трехголовое чудовище 274.
 Трехлѣтній мальчикъ 68.
 Трехмѣсячный мальчикъ 38.
 Три береаы черныя 146, бочки тарасуаа 44, 45, 95, 98, брата 61, 92, бурхана 4, 15, 266; бутылки вина 276, версты 102; замаха волшебнаго волоса 49, замаха платка 77; года 85, 55, 92, 93, 112,

119, 129, 139, 140, 147, 198; горы 19, 122, 126, 134, 267; гроба 68; дворца 23; мѣдныхъ двора 139; дня 15, 77, 248, 251; дочери царя 72, 265; дороги 66, 209, 270; души 56, 271; жены Гасъра 28; ж. мангатай 173, ж. царя Балма 152; знамена войска 26—28, илы болгарщина 217; входца бѣлыхъ 127, и черныхъ 7, 11; камня черныхъ 245, 246, колобка 276; коновязи серебряныя 42, корабля 91; копейки 66, круга по солныу и противъ 192, лампы (Соржи) 139, 146—148, мальчика 165, 258, мангатай 91, 92, 273; моря 122, 126, мѣсяца 35, 56, 109, 125, 129, 140, ночи 15, обѣта вокругъ земли 117, 137, облета вокругъ земли 146; отрока 256, 257, пальца 243, перепела 59, 60; перешагиванія черезъ тѣло 178; посла 91, 256 раза (лай) 43, 56, раза обвившися 190, самки олея 272, сестры Ендѣба 2, сестры Хохо 9, 10, 36, слоя земли 96, стѣны (ограды) вокругъ дворца 80, 81, 152, стрѣлы 70, 71; (трое) сугокъ 38, 35, 53, 55 69, 129, 140; сына 166, 185, 262, 264, сына тангари 40, 41, табуна 107, табунщика 159—163, тальмея 48, 56, удара шалкой 230, узла 212: уала на посьѣ 230, утра 44, царя 21, 41, 260, 269; 270: часа 36.

Тридцать молодцовъ 264.

Тридцать три батара (богатыря) 25—27, 34, 37.

Тринадцать волшебствъ 36, 114, 121, 122; мышей черныхъ 160, ногъ у трона 80; перепеловъ 56, 59, 271, превращеній 96; царей 83, 87.

Троекратное превращеніе 268.

Тройники 223.

Тронъ 30, 46, 71, 80, 126.

Труба золотая 81.

Туманъ 92, 94, 192, желтый ядовитый 50, 51, 176; свѣій ядовитый 175, отъ конь сагао фыркавья 137, отъ битвы 140.

Турпанъ (красная утка) 210, 252.

Тысяча глазъ 118; тангариновъ бѣлыхъ 135.

Тысяча три волшебства 36.

Тангаринъ (небожитель) 4, 9, 36, 40, 41.

Тангаринъ восточные 121, 190, 225; западные 115, 135, 190.

Уголь 196, 197, 245, 246.

Улодь 209.

Унты 221.

Ургуй (*Pulsatilla patens*) 186.

Ургенши-хулгана, мышь 201.

Угаргалжиянъ, птица 210.

Ухо (кочанья уха) 224.

Училацо 4.

Филинь 207.

Ханша (баба) 146.

Хангай, стрѣла 86.

Харювъ, рыба 47.

Хвостъ 223, хв. коня 18.

Хлѣбныя зерна 219.

Хлѣбъ 161, 186, 191, зерновой 245, 246.

Хозяинъ (духъ) огня 180, хура (скрипка) 221.

Холодь 172, 173.

Хорекъ 29, 47, 148, 188.

Храмъ 42, 56, 59, 271.

Худэки (быстрогой конь) 224.

Хуъ-горохонъ, скакочное животное 203.

Хурый, обрядовая часть тѣла животного 200.

Хураха, обрядъ 200.

Хурулха, обрядъ 194.

Хуръ (скрипка) 220.

Хуръ-тама, яма 43, 56.

Хэдэргэ (мялка) 131, 140.

Хараса-хулгана, мышь 201.

Царство дѣвиль 192, 193; и. собачье 192, 194, 195.

Царь деревень 189; австрій 184, 185, 189; земли 189, змѣнный 175, 178, 184, 189, 190, лягушечій 175; и. мертвыхъ 198, птвичъ 190, собачій 194, 195; травъ 189.

Цѣткокъ, причинившій зачатіе 186.

Цѣнь 62, 122, собака на цѣни 163, 164.

Чалый конь 98, 99.

Чама 257.

Челюсть 17, 18, 113, 118, 150.

Червь, червякъ 148, 215, 216.

Черная баба 131, берега 146, галка 209; муха 159, 160, 161, 163, мышь 160; собака 71, 163—166, 202, стрѣла 23, 31, 32, 85.

Черное копыте 17, 32, море 42, 78, 84, 161, 164, 165, озеро 59, просо 141.

Черный воронъ 13, дворецъ желѣзныи 151; домъ 53, досюкъ 46, иноходецъ 7, 11; камень 42, 48, 54, 80, 117; коляска 65, 75, кость 65, пырей 123, 142, шенокъ 154.

Черта (слѣдъ въ видѣ черты) 107, 127, 132.

Четхыръ (чертъ) 220.

Четыре бѣлыхъ иноходца 75, 78, жарихъ 65, 66, 75, ч. паря земля 189.

Чиханъ 226.

Чуберный конь 21—23, 113, 120.

Чума 224.

Шаманъ 266, ш. дерево 217, ш. собака 202.

Шара-хуларъ, книга 56.

Шиповникъ 245.

Шкура верблюжья 234, 235.

Штавы 246, 247.

Шуба 98, 99, 153, 190.

Шелокъ 258, желтый 159—163, черный
154—157.

Эрменъ (драгоценность) 182, 256, 257.

Эго 188.

Югозападный уголь дворца 126, 149.

Ядовитый туманъ 175, 176.

Ядъ 98, 99.

Языкъ амьинья 213, кончикъ языка 224.

Языкъ (рѣчь) 215, дѣтскій 228.

Яйцо ворона 208.

Яма 43, 50, 56, 66, 148, 171, 175, 176:

амьинья 174, 175.

Ястребъ 131, 134, 146.

Ящникъ золотой 41.